

0278
Метрелишвили Иван Иванович
сын Василия с Верфранком
под Вудом, проездом (со своим
делом и караваном) проездом на 10.30
Индустриаль. Красит. Косов, за подполковником

А.Г. ЛАТЫШЕВ

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ ЛЕНИН

ЛЮДИ И ВЛАСТЬ

А.Г. ЛАТЫШЕВ

**РАССЕКРЕЧЕННЫЙ
ЛЕНИН**

Издательство МАРТ
Москва 1996 г.

Латышев А.Г.

Рассекреченный Ленин — М.: Издательство Март, 1996.
— 336 с. илл. ISBN 5-88505-011-2

Книга основана на материалах, собранных автором во время работы в ленинском фонде Центрального Партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС. Очерки, составляющие книгу, проясняют отдельные черты облика вождя, показывают различные аспекты его жизни и политической деятельности.

ISBN 5-88505-011-2

© Издательство Март, 1996.

© 1996 А.Г. Латышев (автор)

Подписано в печать 03.04.96. Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная. Бумага газетная.

Усл. печ. л. 18,06. Усл. кр.-отт. 18,06.

Тираж 11000 (допечатка). Тип. заказ № 1731

ТОО Издательство Март

117454 Москва а/я 2.

Издательская лицензия № 063501 от 06.07.1994.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473 Москва, Краснопролетарская ул., 16.

ПРОЛОГ

В “СВЯТАЯ СВЯТЫХ” ЛЕНИНИЗМА

Его Величество Случай, госпожа Удача — не знаю, как точнее определить те возможности доступа к никогда не публиковавшимся трудам В.И.Ленина, которые открылись передо мной в середине сентября 1991 года после утверждения “членом временной депутатской комиссии парламентского расследования причин и обстоятельств государственного переворота в СССР”.

В подписанном Р. Хасбулатовым удостоверении указывалось: “Согласно Постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР от 06 сентября 1991 года № 1642-1 руководству государственных учреждений и общественных организаций, расположенных на территории РСФСР, предоставлять созданной депутатской комиссии необходимую для рассмотрения документацию и информацию”.

Временную депутатскую комиссию возглавили руководители общественно-политического движения “Демократическая Россия” Лев Пономарев и Глеб Якунин. Свое приглашение в состав комиссии я связываю с тем, что именно этим движением поддерживался в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР весной 1990 года. На тех выборах в обстановке “демократического романтизма” (по многим округам “Демократическая Россия” поддерживала одновременно нескольких конкурирующих между собой кандидатов) в Свердловском территориальном округе г.Москвы во втором туре победил также поддерживаемый “Демократической Россией” правозащитник, ныне — один из

руководителей “Демократического выбора России” Борис Золотухин. А первую школу политической борьбы я прошел в качестве доверенного лица Николая Травкина весной 1989 года.

В ответ на ряд обвинений в последнее время — например, в брошюре ульяновского лениноведа Жореса Трофимова “Волгогоновский Ленин” (“Латышев — опытный историк, в свое время состоявший членом научного совета Центрального музея В.И.Ленина. Но после августовского “путча” 1991 года он превратился в “демократа”, сочинителя небылиц про “аморального” Ленина”) — хотел бы возразить.

Уже в июле 1991 года, выйдя предварительно из КПСС, я состоял членом Демократической партии России, на момент приглашения в депутатскую комиссию работал политическим обозревателем печатного органа ДПР — “Демократической газеты”. В ответ на обвинения наиболее неистовых оппонентов в том, что я неожиданно “перевернулся” — считаю бесполезным коротко рассказать о своей предшествующей переходу на позиции демократов работе.

Родился в 1934 году в небольшом поселке Донецкой (бывшей Сталинской) области, среднее образование получил в городе Запорожье. Отец до ухода на пенсию работал служащим в строительных организациях, специального образования не имел. Родители мои в коммунистической партии никогда не состояли. Политические проблемы в семье не обсуждались, хотя отношение к Сталину всегда у отца было резко негативным. Да и я в 1947 году, проживая в рабочем поселке, видел умиравших от голода людей — как безобразно опухших, так и дистрофически высохших. И вспоминается фраза, часто звучавшая в нашей семье: “Эх, если бы Ленин прожил еще десяток лет, как бы сегодня у нас все было хорошо!”

Ни малейшего интереса ни к гуманитарным, общественным наукам, ни к искусству я не проявлял. И хотя медаль давала в те годы достаточно широкий выбор будущей профессии, сомнений не испытывал, поступая в Днепропетровский металлургический институт имени И.В.Сталина, который и окончил в 1956 году по специальности “инженер-механик”. Пять лет в институте были годами погружения в

технические науки. Сегодня стыдно признаться — ни разу не брал в те годы в руки газету. Хотя я и избирался членом факультетского бюро, затем комитета комсомола — но неизменно отвечал за работу студенческого научного общества. Храню несколько грамот за научные исследования, моя работа “Сравнительная кинематика пространственных четырехзвенников” заняла 2-е место на Всесоюзном конкурсе студенческих работ.

Затем несколько лет в научно-исследовательском институте — инженер-конструктор, инженер-исследователь, младший научный сотрудник. Перепрофилировался из механиков в технологи. И вдруг в самом начале 1960 года — избирают меня вторым секретарем Днепропетровского горкома комсомола. Видит Бог — не хотел “бросать специальность”, предстояла сдача кандидатских минимумов. Но к этому времени был уже кандидатом в члены КПСС, и после XX съезда партии я не был уже столь аполитичным. Тем более, что в ответ на мои возражения в партийных органах обещали “отпустить” через пару лет заниматься научной работой, и даже в порядке исключения разрешили работать в институте на полставки старшим научным сотрудником.

За три с половиной года “хрущевской оттепели” побывал и первым секретарем горкома, и вторым обкома комсомола. Напомню, что в те годы действовала установка — “первыми лицами” в областные, городские и районные комитеты комсомола отбирались инженеры или агрономы. Молодые учителя, историки могли заниматься воспитанием молодежи лишь на вторых ролях. Смею утверждать — в начале 60-х годов моральная атмосфера в комсомольских верхах городского и областного масштабов ничем не напоминала то разложение, которое нашло столь яркое отражение в повести и кинофильме “ЧП районного масштаба”. Наоборот — царил искренний энтузиазм в преодолении “последствий культа личности”. В возрасте 29 лет я оказался “неперспективным” — шел процесс резкого омоложения комсомольских кадров. К этому времени начал углубленно изучать экономические науки, принял предложение поехать в Москву на учебу, в Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Надолго остался в памяти последний год учебы — какие бурные дискуссии о “сталинизме” и вообще о судьбах социа-

лизма после снятия Хрущева проходили в аудиториях ВПШ. Но религия оставалась религией — не могу вспомнить случая, чтобы когда-нибудь услышал малейшее сомнение в святости Ленина и его идей. Так же, видимо, как в духовной семинарии не может быть споров о существовании Господа.

Более четверти века проработал я затем на кафедре Высшей партийной школы в Москве. За эти годы она претерпела ряд реорганизаций — именовалась то Московской, то Центральной, а в последние месяцы существования — даже Российским социально-политическим институтом ЦК партии. Вторую половину этого срока я работал руководителем кафедры, которая тоже многократно меняла свое название — международного коммунистического движения, международного рабочего и национально-освободительного движения, внешней политики СССР, международных отношений. Тот факт, что меня направили на кафедру, специализирующуюся по истории международных отношений, а не экономического профиля, могу объяснить лишь своим пристрастием в те годы к иностранным языкам — за годы учебы сдал “минимумы” по немецкому, английскому, французскому. С момента защиты в 1968 году кандидатской диссертации по современной Швейцарии мой личный листок по учету кадров выглядел довольно забавно: “специальность — инженер-механик”, “ученая степень — кандидат исторических наук”.

Долгие годы искренне считал — ключ к постижению и преодолению тех трудностей, которые испытывала моя страна и весь социалистический лагерь в годы “застоя”, лежит в более глубоком изучении трудов Ленина. Опубликовал по ленинской тематике не один десяток статей, пару брошюр, с соавтором — несколько книг. Никогда не тяготел к философским обобщениям, всегда предпочитал поиск неизвестных фактов, архивных источников. Поэтому мои публикации в своем подавляющем большинстве были в те годы посвящены контактам Ленина с зарубежными революционерами, в том числе молодежью — Швейцарии, Германии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Скандинавских стран и т.д.

С самого конца 70-х годов выбрал новую тему — судьба зарубежных интернационалистов, в той или иной мере пострадавших от сталинских репрессий. Отдельные публикации посвятил болгарам Роману Аврамову и Борису Стомонякову,

швейцарцу Фрицу Платтену и немцу Отто Унгеру, венгру Бела Куну и итальянцу Франческо Мизиано. В ходе журналистского поиска встречался со многими их родственниками. Публикации эти до середины 80-х годов шли с большим трудом, все газеты отказывались обнародовать причину гибели того или другого иностранца. Сегодня об этом смешно вспомнить — но считал большим успехом, когда незадолго до посвященной 70-летию октябрьской революции речи М.С.Горбачева удалось опубликовать статью, рассказывающую об уничтожении в 30-х годах органами НКВД основателей Коммунистической партии Финляндии, а вскоре после этого доклада — статью о Н.И.Бухарине. Используя в основном зарубежные источники, к началу 1988 года я подготовил для Агентства Печати Новости две статьи — “Трагедия Коминтерна” и “История могла бы быть иной” — о массовом уничтожении в 30-е годы приехавших в СССР сочувствующих советской власти иностранцев. Статьи эти были опубликованы в более чем 100 советских областных и районных газетах, в некоторых столь модных тогда сборниках статей, а также в ряде зарубежных изданий. Часть моих публикаций конца 80-х годов была посвящена секретным протоколам пакта Риббентропа — Молотова, сталинским преступлениям по отношению к югославам, к польским коммунистам, Катынской трагедии и другим проблемам, документы по которым продолжали на тот период скрываться в советских архивах за семью печатями. Наших историков, да и вообще всех советских людей, продолжали держать за дураков. Порой иронизируют — мол, в эти годы “разрешили” открыто ругать Сталина — и этим незамедлительно воспользовались конъюнктурщики. Скажу только о себе — у меня никогда не было и нет намерений “ругать” “вождя всех народов”, несмотря на неизменно негативную оценку его роли в мировой истории. Но лишь к этому времени мне удалось выявить и затем впервые опубликовать десяток сталинских речей и писем. Некоторые из них были взяты не из архивов, а у маститого историка, разбиравшего и перевозившего с ближней дачи архив Сталина после его смерти. Он свидетельствовал, что многие сталинские документы уничтожались.

И, например, на момент издания этой книги некоторые работники бывшего Центрального партийного архива Ин-

ститута марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в своих работах проверяют подлинность опубликованного мной шесть лет назад доклада И.В.Сталина “Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко “Украина в огне”. Не было, мол, такого сталинского доклада. Но ведь у меня на руках стенограмма этого документа с сопроводительной запиской, не допускающей и мысли о возможности какой-либо фальсификации. На рубеже 80-90-х годов я опубликовал также несколько статей на тему “Сталин и советский кинематограф”, в которых, в частности, обобщил факты репрессий по отношению к деятелям кино в 30-40-е годы.

Работая политическим обозревателем в разных газетах, я за последние пять лет опубликовал десятки статей, посвященных современным политическим событиям в нашей стране. Но наибольший интерес продолжала вызывать фигура Ленина.

Нелегко давалось прозрение. И дело не просто в том, что недоступными оставались какие-то архивные документы — необходимо было преодолеть укоренившиеся за долгие десятилетия штампы и стереотипы, сбросить шоры марксизма-ленинизма. Может быть, к подобным мне, годами сомневающимся, комплексующим и рефлексирующим, обращался Александр Галич:

*“Я выбираю Свободу, —
Пускай груба и ряба,
А вы, валяйте, по капле
“Выдавливайте раба!”*

Первая моя статья “Так от какого же наследства мы отказываемся?”, в которой содержалась критика ленинизма, была опубликована в газете “Каретный ряд” лишь в начале 1990 года. Но к резко негативному отношению к вождю я пришел несколько иным путем, чем, скажем, Дмитрий Антонович Волкогон, который указывал на первых страницах своего двухтомника “Ленин”: “Конечно, наши взгляды на Ленина меняются не только потому, что мы узнали НЕЧТО иное, нежели нам внушали долгие десятилетия. Мы засомневались в безгрешности вождя прежде всего потому, что “дело”, которое он начал и которое оплачено десятками миллионов жизней (!), ог-

рюмной кровью, страданиями и лишениями великого народа, потерпело крупное историческое поражение. Об этом очень горько говорить и писать”.

И сегодня не считаю, что дело Ленина окончательно потерпело крах, допускаю возможность временного реванша, реставрации в России большевистских порядков, хотя и в модифицированной форме. Не беру на вооружение девизы дедских предков — что “победителей не судят” и “горе побежденным”. Чем больше читал труды философов, писателей, мыслителей прошлого, диссидентскую литературу — тем отчетливее понимал: нельзя признать гуманистическими устремления вождя, который с такой безграничной жестокостью относился к своим соотечественникам. Даже если бы “дело” его не потерпело поражения. В отличие от некоторых критиков Ленина, считающих сегодня, что главной целью деятельности Ленина был захват и удержание власти, уверовал, что стремлением всей его жизни было — осчастливить часть населения планеты (рабочих, бедных крестьян), уничтожив для этой цели другую часть (“богачей”, священнослужителей, свободомыслящую интеллигенцию и т.д.). А подобный “стратацид” ничем не лучше нацистского геноцида. За 1991-1995 годы я опубликовал в газетах и журналах более 70 статей по ленинской тематике, в которых “рассекретил” более 100 никогда не публиковавшихся ранее работ Ленина, включая сюда и “купюры” из его трудов. Но большинство “засекреченных” работ не вошло в книгу первую “Рассекреченного Ленина”. Они войдут в книгу вторую — в частности, на основе уже опубликованных мною статей по проблемам “Ленин и Сталин”, “Ленин и Горький”, “Ленин и провокатор Малиновский”, “Ленин и евреи”, “Ленин и ВЧК”, “Ленин и научно-техническая интеллигенция”, “Ленин и частная собственность” и другие.

Еще не опубликованы мной интереснейшие документы по темам “Ленин и внешний долг царской России”, “Ленин и Гохран”, “Ленин и расстрельщик царской семьи Я.Юровский”, “Ленин и латышские стрелки”, “Ленин и Финляндия”, “Ленин и Польша”, “Ленин и Монголия” и ряд других. Надеюсь, что обе мои книги позволят в дальнейшем более углубленно подойти к анализу деятельности вождя, изучению ленинизма.

Глава 1

ЛЕНИН: “ГВОЗДИ (ПРОТИВ КАВАЛЕРИИ)... ОСЫПАЯ ВОЙСКО КАМНЯМИ, ОБЛИВАЯ КИПЯТКОМ И Т. Д... ПОДЫСКАНИЕ... КВАРТИР... ДЛЯ СКЛАДОВ... КИСЛОТЫ ДЛЯ ОБЛИВАНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ И Т. Д., И Т. Д...”

Из четырех членов депутатской комиссии, пришедших в конце сентября 1991 года в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), не только я работал полтора месяца в свободное от основной работы в газете время с ленинскими документами, будучи, однако, уверен, что эти документы будут в ближайшие недели опубликованы архивом. Один из моих коллег из состава комиссии тоже провел немало часов, знакомясь с ленинским фондом, но опубликовать “засекреченного Ленина” он не собирался ни при каких обстоятельствах, ибо служил в государственном аппарате и подобного задания не получал. Насколько я знаю, архив этот, расположенный против здания тогдашнего Моссовета, именно в тот период претерпевал ряд реорганизаций и выходил из подчинения институту. В настоящее время это Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Не буду скрывать — по поводу возможностей первых своих публикаций “засекреченного Ленина” в начале ноября 1991 года у меня возникал ряд сомнений. Ведь десятилетиями первое обнародование работ вождей проводилось под редакцией занимавших высокие партийные посты главных идеологов КПСС. После смерти Сталина таким “монополистом” был

вначале П. П. Поспелов, затем Б. Н. Пономарев. Наследие подобной практики чувствуется и сегодня. Одна самая демократическая газета выступила по поводу моих первых публикаций со статьей “Архивное пиратство”, в которой четко указала, что публиковать архивные материалы должны лишь те, кому это “положено”. Спустя ряд лет вопрос стоял уже иначе — архивные документы, мол, являются собственностью коллектива того или иного архивного учреждения и, соответственно, распродаются по наиболее выгодной для архива цене. Я, конечно, приветствую тот факт, что публикаторами отдельных документов являются ныне рядовые архивные работники, получающие на это от начальства “лицензии”, подобные тем, которые выдаются на отстрел медведя или лося. Но архивный фонд, подобный ленинскому, является важнейшим оружием политической борьбы, и недаром публикации неизвестных ранее ленинских документов вызывают зубовный скрежет у современных коммунистических лидеров. На публикатора документа (даже без комментариев) походя навешивается ярлык “клеветника” или, того глупее — следует заявление типа “не дадим вычеркнуть Ленина из истории”.

Пример того, как унтер-офицерская вдова “Советская Россия” сама себя высекла — помещение карикатуры, на которой Д. Волкогонов с наведенным на Ленина пистолетом отцесняет стреляющую Фанни Каплан со словами: “Каплан, подвиньтесь, вы уже отстрелялись... Теперь моя очередь”. Но показательно, что на карикатуре Волкогонов окружен ворохом бумаг с надписями “Архив”, “Дело”, “Справка”, “Секретно”, и у карикатуриста все-таки хватило совести не делать надписей типа “Клевета”, “Фальсификация” или “Ложь”. И получилось, что единственное обвинение в адрес Дмитрия Антоновича — в том, что тот обнародовал секретные архивные документы.

В Центральном партийном архиве я сразу обратился к описи 2 фонда 2, которую условно, в отличие от описи 1, можно было считать “секретным” ленинским фондом. Однако в ходе работы над документами я выяснил, что многие ленинские труды, которые числились в описи 1 фонда 2, также никогда не обнародовались. Не буду подробно рассказывать о трудностях работы с ленинскими документами — не было единой картотеки, карточки с исходными данными

никогда не публиковавшихся ленинских трудов перемежались с карточками об уже обнародованных, главным образом в “Ленинских сборниках”, работах, что не было специально отмечено. При ознакомлении с ленинскими документами приходилось считаться с тем, что допуск к ним может быть в любую минуту закрыт. Это и произошло в середине ноября 1991 года.

К началу работы в архиве я уже твердо уверовал в исключительное жестокосердие вождя, хотя и не был готов давать однозначно негативную оценку его политической деятельности, экономическим и философским взглядам. И оставляю на будущее анализ теоретических проблем ленинизма.

В своей книге намеренно не буду подробно касаться детских и юношеских лет Владимира Ульянова, хотя и перечитал по этой теме гору литературы. Замечу лишь, что не согласен с утверждением, будто о Ленине до последнего времени не публиковалось ни одной честной книги. За последние десятилетия в нашей стране вышло в свет множество книг, в которых нельзя поставить под сомнение не только честность помыслов авторов, но и правдивость приводимого в них фактического материала. К таким работам я бы отнес посвященные в основном детским и юношеским годам вождя, а также его семье, многие десятки книг и статей, принадлежащих перу Ж. Трофимова.

Но поразило меня его поистине бескрайнее самомнение, выраженное на страницах брошюры “Волкоgonoвский Ленин”. Выискивая в двухтомнике Дмитрия Антоновича многочисленные мелкие неточности, он вопрошает: “Почему не читаете меня?” Но всегда ли точен сам Ж. Трофимов? Например, он, в развязной форме возражая Волкоgonoву, пишет об отце вождя: “В 1865 году Илья Николаевич после 10-летней службы в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения был награжден орденом св. Анны 3-й степени и одновременно приобрел личное дворянство...”

В одни дни с появлением этой брошюры в том же Ульяновске к 125-летию со дня рождения вождя вышла в свет другая брошюра — “Жизнь В.И. Ленина: вопросы и ответы”, в которой указывается: “В 1861 году по указу Сената от 31 августа И.Н. Ульянов был произведен в чин титулярного советника, который давал право на личное дворянство”.

Пришлось обратиться к эксперту Московского дворянского собрания, который разъяснил, что Ж. Трофимов не прав, что именно чин титулярного советника, соответствовавший I X классу табеля о рангах, дал Илье Николаевичу право на личное дворянство. Но возникает вопрос — стоит ли копаться в подобных мелочах “защитникам” Ленина? Не стыжат ли они себя, опровергая авторов, публикующих засекреченные документы вождя и о вожде, в положение героя И. Ильфа и Е. Петрова: “Т. Индокитайский проиграл в польский банчок 7384 рубля 03 копеек казенных денег. Как Индокитайский ни вертелся, как ни доказывал в соответствующих инстанциях, что 03 коп. он израсходовал на пользу государства и что он может представить на указанную сумму оправдательные документы, ничто ему не помогло”. Давайте все-таки дискутировать не о трех копейках неточностей, а о семи тысячах трехстах восьмидесяти четырех рублях — неоспоримых документах, свидетельствующих о крайней жестокости Ленина по отношению к своим ни в чем непонимным соотечественникам.

Книгу “Рассекреченный Ленин” я никоим образом не рассматриваю как биографический очерк о вожде или его политический портрет. Скорее всего отношу ее к столь модному в начале перестройки жанру — “штрихи к портрету”. Но “штрихи” эти базируются на строго документальных источниках, в большой мере на впервые мною обнародованных ленинских документах, к которым по сей день нет доступа для исследователей. Использован также ряд ленинских работ, впервые опубликованных Д. Волкогоновым. Будучи рецензентом его двухтомника “Ленин”, считаю необходимым выразить свою оценку этого труда. Считаю полезным и своевременным выход книги в свет, согласен с концепцией двухтомника, на 9/10 поддерживаю конкретные выводы автора. В то же время с отдельными выводами Дмитрия Антоновича согласиться не могу, на что указывал в своей рецензии. Так, вслед за Н. Бердяевым Волкогонов повторяет, что Ленин проповедовал жестокую философию, но лично не был жестоким человеком. Постараюсь аргументированно доказать, что по своей жестокости Ленин стоит не ниже Сталина или Гитлера. Мне уже не раз приходилось выражать свое несогласие с утверждением, будто Ленин до октябрьского

переворота был тунеядцем. Впервые, если не ошибаюсь, назвал Ленина тунеядцем один из современных писателей, и в своих публикациях придерживается этой оценки и Дмитрий Антонович. Но ведь, согласно словарю, тунеядец — это бездельник, живущий за счет окружающих. А Ленин был величайшим тружеником, о чем свидетельствует многообразие его трудов. А руководство нелегальной партией, а редактирование газет?

Не будем уподобляться героине классического произведения — кухарке, которая на вопрос товарок — “работает ли барин?” — отвечала — “нет, не работает, сидит в комнате и пишет”. Другое дело — у Ленина, как и у его соратников, не было стажа государственной службы. Но напомним, что и Конрад Аденауэр вознесся на политический Олимп во многом благодаря тому, что “не служил” в годы гитлеровского режима. На “крутых поворотах истории” это даже закономерно.

Хочу оговорить тот факт, что моя книга является не научным трактатом, а сборником документальных очерков, поэтому я не ссылаюсь на все используемые источники, обязательно оговариваю лишь выходные архивные данные взятых мною документов из ленинского фонда, а также опубликованные высказывания вождя. Большинство ссылок — на пятое, т.н. “полное” собрание сочинений. Первая цифра — том, вторая — страница. Имеются ссылки и на Ленинские сборники. Впервые опубликованные мной ленинские труды и документы из ленинского фонда даются курсивом.

Еще до работы в архиве я постепенно приходил к выводу, что у Ленина просто отсутствовал орган восприятия чувства жалости, сострадания. Так, в период голода в Поволжье в начале 90-х годов прошлого столетия 21-летний Владимир Ульянов был единственным представителем местной интеллигенции, который был принципиально против оказания общественной помощи умирающим от голода. Обратимся к книжке “Ленин в Самаре”, изданной в 1933 г. в Москве. Автор ее, В. Водовозов, близко знавший Владимира Ульянова, свидетельствовал: “В конце 1891 г. разговоры о борьбе с голодом привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим... На собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета...”

Или возьмем канонизированную книгу А. Белякова "Юность вождя", на которую многократно ссылаются авторы первого тома официальной Биографической хроники жизни и деятельности Ленина. Здесь свидетельства очевидцев: молодой Ульянов "имел мужество открыто заявить, что последствие голода — народнение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя, — явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога, и со временем, несомненно, толкнет крестьянина на путь революции..." В книге А. Белякова рассказано также, что по отношению к комитетам помощи голодающим и их сторонникам, которые пытались противодействовать распространению такого "прогрессивного явления", как массовый голод, молодой Ульянов признавал лишь один метод общения: "рукой за горло и коленкой на грудь". Как известно, в тот период в Поволжье большую работу по оказанию помощи голодающим проводил Лев Толстой — собирал деньги, основывал столовые. И недаром "толстовство" станет впоследствии одним из самых бранных слов в лексиконе вождя.

Но особенно ненавидел Ленин такое чувство, как сентиментальность, подразумевая под ним не чрезмерную чувствительность, а проявления жалости, сострадания, милосердия. Его девиз: "Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество" (44; 166-167). Ильич справедливо считал, что эти чувства наиболее характерны для людей образованных, высокой культуры: "Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентов, всей этой новожиизненской и прочей слякоти..." (35; 197). И близко знавший Ленина лидер правых эсеров Виктор Чернов свидетельствовал: "Для Ленина не могло быть ничего хуже сентиментальности".

Конечно, в наши дни на страницах прессы определенно го направления наблюдается приукрашивание облика элиты монархического строя в России. А ведь факты говорят, что окружение самодержца, за редким исключением, на рубеже XIX и XX веков в неменьшей мере, чем Бурбоны почти

за век до этого, “ничего не забывало и ничёму не научилось”, не хотело ничего менять в своей стране, во всяком случае, до октября 1905 года. Неизбежно политическая атмосфера в России сгущалась, она оказывалась буквально пронизана духом насилия — и было бы неправомерным обвинять Ленина в том, что он привнес насилие в общественную жизнь страны. Но какие свирепые, безжалостные, преступные формы стремился молодой Владимир Ульянов придать нарастающим классовым противоречиям — “социальному разладу”, по определению историка В. Ключевского, в России! В 11-м томе “полного” собрания сочинений Ленина — установочные письма “В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете” и “Задачи отрядов революционной армии”. С каким неистовством призывает из Женевы вождь большевиков накануне Декабрьского восстания 1905 года в Москве к действиям поистине бандитского характера! Вначале Ленин требует отбросить всякую “канцелярщину”, бумажную волокиту: “Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы”. Далее требование — всем вооружиться: “...кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т.д.)”.

Вдумаемся в ленинскую установку: “Работы тут масса и притом такой работы, в которой громадную пользу может принести всякий, даже совершенно не способный к уличной борьбе, даже совсем слабые люди, женщины, подростки, старики и проч.”. И при этом: “Идите к молодежи, господа! вот одно единственное, всеспасающее средство!” “Идите к молодежи. Основывайте **тотчас** боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т.д. и т.п.”. “Военное обучение на немедленных операциях” — пусть “одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания”. “Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избивании городских”, нападая на “случайно отбившегося казака”, “избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штабквартиры”, с верхних этажей “осыпая войско камнями, обливая кипятком”, при использовании “кислот для обливания

полицейских”. Облить кипятком новобранца, ослепить кислотой полицейского — в этих требованиях некоторые видят революционный темперамент вождя. Но для нормального цивилизованного человека — это беспредел в эскалации насилия. Правда, диалектик Ленин здесь же отмечал, что “беспорядочный, неподготовленный мелкий террор может, будучи донесен до крайности, лишь раздробить силы и расхитить их”, что “пробные нападения” “могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня” (11; 336-343). И не найдешь у вождя сожаления по поводу того, что в пропагандируемых им жесточайших мерах “недостаток” не просто в возможном “раздроблении сил”, а в горах трупов, в массе изуроченных людей.

Закрываю глаза и представляю картину — покалечив ключей проволокой и гвоздями какое-то количество лошадей, подростки принимаются за более квалифицированную работу — берут подготовленные емкости и начинают поливать из них полицейских, нанося им увечья, ослепляя серной или соляной кислотой. При этом нельзя избежать того, чтобы не изуродовать всех находящихся поблизости людей, которые если и останутся живы, но будут ослеплены. Причем вождь называет этих подростков подлинными демократами в отличие от мнимых, от “либеральных говорунов”.

Справедливости ради следует отметить, что главным оружием уличной борьбы Ленин считал все-таки не кипяток и не кислоту, а бомбы: “Проповедники должны давать отрядам каждому краткие и простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всем типе работ, а затем предоставлять всю деятельность им самим” (11; 338). В сентябре 1905 года в статье “От обороны к нападению” Ленин с удовлетворением отмечал: “Бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста”. **Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения.**” При этом Ильич призывал забросить российские города ручными бомбами, подобными тем, которыми японцы “великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев!” (11; 269-270). Справедливо народник Н. Михайловский определил методы борьбы, подобные проповедуемым Лениным, как “школу озверения”. С каждой новой неделей вождь впадал во все большее неистовство. 7 ноября 1905 г. он призывает “свалить,

добить и уничтожить тиранов крепостной, полицейской, помещичьей и царской России”. Спустя неделю Ленин уточняет, кого конкретно следует “добить и уничтожить”: “кто сторонится от борьбы, тот поддерживает хозяйничанье черносотенцев. Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец” (12; 35,70). “Кто не с нами, тот против нас” — этот девиз являлся одним из главных в воспитании советских людей.

Ленинские установки по проведению антиправительственных демонстраций приобрели неожиданную актуальность на фоне событий в Москве 1 мая 1993 года. Эскалаторы станции “Октябрьская” Ордена Ленина Московского метрополитена им. В.И. Ленина с утра поднимали сотни демонстрантов к величественному памятнику Ленина. И после митинга, на котором звучали ленинские лозунги, колонна демонстрантов по Ленинскому проспекту направилась на Ленинские горы. Над демонстрантами возвышались транспаранты с ленинскими призывами, многочисленные портреты вождя. О том, какие кровавые события произошли в результате нападения вооруженных ножами, заточками, дубинками демонстрантов на милицейское охранение, широко известно. На счастье, не все советы вождя были взяты нападавшими на вооружение, не было горящих факелов, милиционеров не обливали кипятком или кислотой, не бросали в них бомб.

Много писали о том, что шедшие во главе колонны коммунистические лидеры через проходные дворы бежали с места побоища. В подобной ситуации оказался однажды и вождь мирового пролетариата, приехавший в конце 1905 года из Швейцарии в Россию. Вот свидетельство участницы событий того периода Т.И. Алексинской, опубликованное в парижском журнале “Родная земля” (№ 1, 1 апреля 1926 года): “Восприняв марксистскую доктрину с ее безличным методом, мы все-таки искали в вожде человека, в котором были бы соединены темперамент Бакунина, удаль Стеньки Разина и мятежность горьковского Буревестника. Такой живой фигуры не было перед нами; но мы хотели олицетворить ее в лице Ленина. И когда я увидела его впервые в 1906 году на одном из загородных митингов в Петербурге, я была страшно не удовлетворена. Меня удивила не его наружность... — а то, что когда раздался крик: “Казачи!” — он первый бросился бежать. Я

омотрела ему вслед. Он перепрыгнул через барьер, котелок упал у него с головы... С падением этого нелепого котелка в моем воображении упал сам Ленин. Почему? Не знаю!.. Его богство с упавшим котелком как-то не вяжется с Буревестником и Стенькой Разиным. Остальные участники митинга не последовали примеру Ленина. Оставаясь на местах, они, как было принято в подобных случаях, вступили в переговоры с кизиками. Бежал один Ленин...” Впрочем, поведение коммунистических лидеров и начала века, и нынешних вполне объяснимо. Они уберегали и уберегают сегодня себя лично, чтобы быть полезными в грядущих кровавых классовых битвах.

Хотел бы отметить, что впервые на страницах “Правды” накануне 125-летия со дня рождения вождя прочитал относительно спокойную и рассудительную критику в мой адрес бывшего первого заместителя директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П.А.Родионова, который пишет о моей статье в “Известиях”: “Автор считает уязвимой позицию и тех, “кого не обвинишь в симпатиях к коммунистам”, причем сослался в качестве примера на высказанную писателем Владимиром Максимовым в теледиалоге с Львом Аннинским мысль о том, что не понятно, “зачем демократам столь рьяно низвергать сегодня с пьедестала великих деятелей коммунистического прошлого”. “Ведь во Франции, — продолжал свою мысль писатель, — никто не покушается на Робеспьера

лишь историки спокойно продолжают изучение Великой Французской революции”. Родионов продолжает: “Казалось бы, резонно. Но наш историк, возражая писателю, приводит такой аргумент, который настолько неубедителен, что о нем не стоит здесь и говорить”. Но так ли уж был неубедителен мой аргумент, опубликованный в горячие майские дни 1993 года: “... Вынужден возразить: а что бы делали сегодня во Франции сторонники гражданского общества и правового государства, если бы центральные площади столицы регулярно исполнялись многотысячными толпами разъяренных парижан с портретами Марата и Робеспьера? А ораторы призывали бы незамедлительно свергнуть существующую законную власть и вернуться к якобинскому произволу?”

Нет, давайте, уважаемый оппонент, в наших дискуссиях ставить все точки над *i*. Возражаете против какого-то аргумента — приведите его, а затем опровергайте.

Глава 2

ЛЕНИН: “ПЕРЕДАТЬ ТЕРУ, ЧТОБЫ ОН ВСЕ ПРИГОТОВИЛ ДЛЯ СОЖЖЕНИЯ БАКУ ПОЛНОСТЬЮ...”

Не скрою — вряд ли какой-нибудь другой документ из ленинского “секретного” фонда произвел на меня столь мерзкое впечатление, как распоряжение вождя 3 июня 1918 г. председателю чрезвычайной комиссии Бакинского Совнаркома С. Тер-Габриэлян о сожжении Баку полностью.

Содержимое хранящейся в папке переписки впервые было мной опубликовано в первой же статье о “рассекреченном” Ленине (“Ленин дал приказ”, “Демократическая газета”, № 20, ноябрь 1991 г.).

Первый документ — записка рукой неизвестного: *“Вопрос срочный — Тер-Габриэлян ждет, а его ждет поезд”*. И ответная записка рукой Ленина: *“Как? Он еще не уехал? Я уже одно удостоверение ему подписал. Можете ли вы еще передать Теру, чтобы он все приготовил для сожжения Баку полностью, в случае нашествия, и чтобы печатно объявил это в Баку”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.109). После моей публикации на страницах еженедельника “Гласность” меня в грубой форме отчитали за “недомыслие”, причем перепечатали записку Ленина, изъяв из нее слово “полностью”. Утверждалось, что вождь, мол, имел в виду сожжение не всего города, а только нефтепромыслов. Но не следует делать из вождя идиота — Ленин прекрасно понимал, что такое нефтепромыслы, о чем свидетельствует его телеграмма в Реввоенсовет Кавказского фронта 28 февраля 1920 г.: “Смилге и Орджоникидзе. Нам до зарезу нужна

нефть. Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы, и, наоборот — даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.13067). Обращаем внимание на горскую лексику Ильича — угроза не расстрелять или повесить, а “перерезать всех”.

А вот как фальсифицированно текст этой телеграммы приводится в Биографической хронике жизни и деятельности вождя: “Ленин в телеграмме членам Реввоенсовета Кавказского фронта И.Т. Смигле и Г.К.Орджоникидзе пишет, что Советская республика испытывает острую нужду в нефти, предлагает обдумать манифест к населению с призывом охранить нефтяные промыслы Майкопа и Грозного...”

Что касается готовности Ильича проводить тактику “выжженной земли”, разрушать города России — то подобных примеров множество. Приведем лишь два. Наконец, впервые после 1925 года переизданы воспоминания Ф.Раскольниковова. Вот что пишет он о встрече с Лениным сразу после октябрьского переворота: “На столе перед Ильичем лежала перевернутая карта окрестностей Питера.

— Какие суда Балтийского флота вооружены крупнейшей артиллерией? — с места в карьер атаковал меня Владимир Ильич.

— Дредноуты типа “Петропавловск”. Они имеют по двенадцать двенадцатидюймовых орудий в 52 калибра в башенных установках, не считая более мелкой артиллерии.

— Хорошо, — едва выслушав, нетерпеливо продолжал Ильич. — Если нам понадобится обстреливать окрестности Петрограда, куда можно поставить эти суда? Можно ли их внести в устье Невы?”

Обратим внимание — Ленин готов был обрушить шквал огня на пригороды тогдашней российской столицы, заселенные рабочими, городской беднотой.

А вот телеграмма вождя Троцкому от 10 сентября 1918 г.: “Удивлен и встревожен замедлением операции против Казани, особенно если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце” (50; 178).

Ильич здесь не уточнил — “беспощадное истребление” относится к городу или к его населению? Показательно, как Ленин “заметал следы”, о чем свидетельствует его указание на рукописном тексте телеграммы: “Секретно. Шифром (оригинал мне вернуть). (Прислать мне копию шифра)”.

В ответной телеграмме на следующий день Троцкий выдал обиду вождю: “Предположение, будто я щажу Казань неосновательно”. И последовавшие директивы Троцкого были выдержаны в ленинском духе. Например: “Предупреждение трудовому населению Казани. Необходимо временно выехать из города. После захвата Казани чехобелогвардейскими бандами, Казань стала гнездом контрреволюции. Это гнездо должно быть разорено. При дальнейшем сопротивлении контрреволюционные кварталы будут скрыты до основания... Необходимо как можно скорее удалить из города детей”.

Судя по обращению, выпускать из окруженного города намечались только “трудовое население” — имея в виду вместе с “контрреволюционными кварталами” уничтожить “буржуазию” города. И куда можно было “удалить” детей бедняков?

Ленинские методы штурма городов нашли в наши дни широкое применение в Чечне.

Из опубликованных ленинских работ одна из наиболее людоедских — под невинным названием “Как организовать соревнование?” Написана она в самом конце 1917 года, за несколько месяцев до “похода Антанты”, который, как многократно впоследствии утверждал Ильич, и привел якобы к “красному террору”.

Ленин с самого начала планировал истребление доброй половины населения России: “Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам... Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением пе-

ред социализмом”. Непонятно, о каких “законах социалистического общества” говорит здесь вождь.

И далее: “Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом. Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т.д. и т.п.)”.

Обратим внимание — вождь за “многообразие в подробностях” при уничтожении “разгильдяев и истеричек из интеллигенции”.

Ленин предлагает: “Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов-богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только прак-

тика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы” (35; 200, 201, 203, 204).

Так глава правительства вскоре после вступления на высший пост предлагает не иметь общих законов в стране, а в каждой “мелкой ячейке в деревне и городе” бороться против шаблонизации и единообразия, проявляя инициативу типа — расстрелять “на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве”. Я категорически против того, чтобы считать Ленина тунеядцем — но по его классификации он сам, если бы вел дореволюционный образ жизни, подлежал физическому уничтожению. Известная общественная деятельница Е.Кускова не ведала, что глава советского правительства настаивал на полном уничтожении “клопов-богатых”, но изучение практической деятельности большевиков привело ее к выводу, что “русская революция проделана была зоологически”. Подобную практику столь открыто впоследствии проводил лишь Пол Пот в Камбодже.

Ленин уничтожал жителей России слоями — “тысячами” “десятками тысяч”, “каждого десятого”. Невозможно, например, составить “расстрельные списки” жертв Ленина. Это уж впоследствии Сталин “цивилизовал” кампании по уничтожению людей — создавал постоянно действующие “тройки” на местах “особые совещания”, которые вели протоколы, выносили конкретные приговоры. Многому, конечно, Иосиф Виссарионович научился у Владимира Ильича — и нет причин не верить В.Молотову, который на вопрос поэта Феликса Чуева: “Кто был более суровым, Ленин или Сталин?” — ответил “Конечно, Ленин. Строгий был. В некоторых вещах строже Сталина. Почитайте его записки Дзержинскому. Он нередко прибегал к самым крайним мерам, когда это было необходимо. Тамбовское восстание приказал подавить, сжигать все. Я как раз был на обсуждении. Он никакую оппозицию терпеть не стал бы, если бы была такая возможность. Помню, как он упрекал Сталина в мягкотелости и либерализме. “Какая у нас диктатура? У нас же кисельная власть, а не диктатура!”

Троцкий вспоминал, в какое негодование пришел Ленин по поводу отмены смертной казни для солдат сразу после октябрьского переворота: “Вздор, как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры реп

рессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?” Его утешали, что отменена смертная казнь только для дезертиров. Все было напрасно. Он настоятельно твердил: “Ошибка, недопустимая слабость, пацифистская иллюзия”.

Впрочем, Ленин, от имени рабочего класса уничтожая целые слои российского общества — предпринимателей и зажиточных крестьян, интеллигенцию и священнослужителей — голословно представлял эти массовые расправы как противодействие якобы имевшему место уничтожению рабочих. Уже заключительные слова первого пункта первой работы вождя после начала мировой войны — “Задачи революционной социал-демократии в европейской войне” — выглядят как абракадабра: ...стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны” (26;1). Если, по мысли Ленина, буржуазия стремится “перебить пролетариев всех стран” — то почему бы рабочим не “перебить” всех “буржуев”?

Нужно снять со Сталина ряд конъюнктурных для обстановки 60-х годов обвинений. Например, будто он выдвинул тезис об обострении классовой борьбы в стране по мере укрепления позиций социализма. Но ведь этот тезис неоднократно обосновывался Лениным. Так, в докладе на IX съезде РКП(б) 29 марта 1920 г. вождь утверждал: “На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии” (40; 244).

Конечно, у Сталина, “восточного” человека с уголовным “менталитетом”, были и непривлекательные черты, которых был лишен Ленин — например, стремление уничтожить детей и внуков своих политических противников, т.е. проявление “кровной мести”.

Пробывая на посту главы правительства, Владимир Ильич пересмотрел некоторые свои взгляды послеоктябрьского “романтического” периода. Он понял, что твердая репрессивная политика не совместима с разнообразием “калужской” или “казанской” законности. И вместо борьбы про-

тив “шаблонизирования” и “единообразия” вождь начал готовить базу для будущей знаменитой 58-й расстрельной статьи, а также для последующих статей уголовного кодекса. В письме к наркому юстиции Д.Курскому 15 мая 1922 г. Ленин настаивал на расширении расстрела по статье 58 также на “статьи 64 и 65 и 66 и 67 и 68 и 69” (45;189).

Через два дня после беседы с наркомом по этому вопросу глава правительства пишет ему второе письмо с наброском дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Вождь считает целесообразным “открыто выставить принципиально и политически правдивое (а не только юридически узкое положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы: формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле более или менее широкого”.

Здесь — полное обоснование правомерности любых репрессий, подобных сталинским в 1937 году. Насколько “широко” юрист Ленин формулировал условия применения террора, свидетельствует его набросок двух вариантов дополнительного параграфа Уголовного кодекса:

“Вариант 1:

Пропаганда, или агитация, или участие в организации или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т.под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2:

а) Пропаганда или агитация, объективно содействующая той части международной буржуазии, которая и т.д. до конца

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер)”
Здесь же Ленин привел еще “вариант 2б”: “содействующи

или способные содействовать”... (45; 190-191). Расстреливать “способных содействовать”! Прав был Александр Солженицын: “Да дайте мне сюда Блаженного Августина, я его сейчас же в эту статью вгоню!”

Хочу сравнить выдержки из некоторых опубликованных ленинских писем с одной запиской вождя из “секретного” фонда, которую я впервые опубликовал вместе с запиской о сожжении Баку. Два письма вождя в ряду многих других.

Первое — от 9 августа 1918 г. в Нижний Новгород, председателю губсовета: “Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести **тотчас** массовый террор, **расстрелять и вывезти сотни** проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п.

Ни минуты промедления” (50; 142).

По тексту неясно — кого расстреливать: сотни проституток, спаивавших бывших офицеров, или самих офицеров?

И выдержка из второго письма — уполномоченному Наркомпрода в Саратове от 22 августа 1918 г.: “Временно советую назначать своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты” (50; 165).

Без “идиотской волокиты” расстреливать колеблющихся — “защитники” Ленина объясняют такую свирепость сложностью конкретной обстановки. Но вряд ли кто-нибудь может оправдать такую обобщающую ленинскую записку 1920 года (конец гражданской войны):

“Т.Крестинскому. Я предлагаю тотчас обнародовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина. Ларин прав).

Скажем, Вы + Ларин + Владимирский (или Дзержинский) + Рыков? или Милютин?

Тайно подготовить террор: необходимо — и срочно.

А во вторник решим: через СНК оформить или иначе. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.492с).

А ведь высший партийный орган страны не всегда одобрял “тайный террор”. Так, на следующий день после организованного анархистами взрыва в Леонтьевском переулке в Москве, 26 сентября 1919 г. пленум ЦК РКП(б) “осадил” чересчур резивого шефа ВЧК, проголосовав за следующий документ:

“Слушали: предложение т. Дзержинского, чтобы ЦК, не объявляя официального массового красного террора, поручил ВЧК фактически его провести. **Постановлено:** вчерашнее покушение на собравшихся в Московском Комитете не должно отразиться на обычной деятельности ВЧК и ЧК”.

Но Ильич до конца своей деятельности продолжал навязывать стране “тайный террор”. Так, в конце января 1922 года он обращается к заместителю председателя ВЧК И. Уншлихту: “Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить “вашими” людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу их репрессий, усилить внимание ЦК к этому”. И далее: “Поговорите еще со Сталиным и, буде нужным считаете, покажите ему это письмо”. (54; 144). Как известно, Сталин оказался способным учеником.

Не могу понять тех сторонников коммунистических и социалистических идей, которые целиком и полностью, да еще и с пеной у рта, оправдывают все жестокости Ленина, дискредитируя эти идеи.

Мой оппонент, “защитник Ленина” Л. Оников считает, что лучше и точнее всех о вожде сказал М. Горький: “Великое дитя окаянного мира сего”. Но ведь именно это “дитя” сотворяло наиболее “окаянные” деяния в действительно не легкое время.

Историкам хорошо знакомы два издания “В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.)”. Но мало кто знает, что имеется и третье издание — “секретное”, только для работников органов безопасности. В ряде моих статей использованы взятые из этого сборника документы — в частности, по высылке чекистами представителей российской интеллигенции за границу осенью 1922 года или по расправе Ленина руками чекистов над православной церковью.

Так какие же тайны контактов вождя с ВЧК доступны только “посвященным”? Например, до сих пор засекречена следующая телеграмма от 7 января 1919 года:

“Петроград Смольный Зиновьеву.

Члены ЧК Детскосельской Афанасьев, Кормилицын и другие изблечены, по словам Луначарского, в пьянстве, насиловании женщин и ряде подобных преступлений, требую арестовать всех обвиняемых, не освобождать никого, прислать мне

имена особых следователей, ибо если по такому делу виновные не будут раскрыты и расстреляны, то неслыханный позор падет на Питерский Совет комиссаров, Афанасьева арестовать. Предсовнаркома Ленин". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.8196).

Кому-то и сегодня может понравиться, как Ильич требовал еще до следствия и суда непременно арестовать и расстрелять чекистов, на которых ему пожаловался Луначарский. Но в примечаниях к этому документу указано, что А.М.Афанасьев, член большевистской партии с 1905 года, а также Н.И.Кормилицын после ареста были сразу же освобождены, причем 23-летний Кормилицын в том же году работал уже следователем при президиуме ВЧК. Получается, Афанасьев и Кормилицын оказались невиновны, и вождь напрасно впадал в ярость? А ведь могли же их сразу и расстрелять к удовлетворению наркома просвещения. Недаром еще в 1926 году популярный у нас сегодня писатель-эмигрант Марк Алданов возмущался характеристикой, данной Луначарским вождю: "Его гнев тоже необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его, действительно, в последнее время могли гибнуть десятки людей, а может быть и сотни, он имеет почти шутиливую форму. Этот гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом".

Но Ленин порою бывал и снисходительным. Во всех трех изданиях "В.И.Ленин и ВЧК" имеется сюжет об обвиненной в шпионаже И.В.Петровской, которая благодаря заступничеству Ленина в первый раз была освобождена из-под ареста за недоказанность предъявленного обвинения, а во второй раз, после полного признания ею своей вины, помилована постановлением президиума ВЦИК.

Но только "посвященным" работникам органов безопасности положено было знать текст ее письма вождю:

"Многоуважаемый Владимир Ильич, прошу телеграммой мне подтвердить тот факт, что я двадцать два года тому назад Вас посещала в тюрьме как ваша невеста. На меня сделали ложный донос и Вы Вашим подтверждением нашего личного знакомства избавите меня от унижительного положения обвиняемой.

Шлю сердечный привет. Преданная Вам Вольфсон, по мужу Петровская".

Можно только догадываться, почему этот факт скрывался даже от "лениноведов".

Глава 3

ЛЕНИН: “ПОД ВИДОМ “ЗЕЛЕННЫХ” (МЫ ПОТОМ НА НИХ И СВАЛИМ) ПРОЙДЕМ НА 10-20 ВЕРСТ И ПЕРЕВЕШАЕМ КУЛАКОВ, ПОПОВ, ПОМЕЩИКОВ. ПРЕМИЯ — 100000 РУБ. ЗА ПОВЕШЕННОГО”

Только держа в руках факсимильные копии записок Ленина, направленных в середине августа 1920 года заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Э.Склянскому, которые хранятся в ленинском “секретном” фонде и официально на момент издания моей книги не опубликованы, я уверовал, что их давно обнаруженные за рубежом тексты из архива Троцкого — не фальшивка.

А ведь подлогов и в наши дни хватает. В тех же республиках Прибалтики на рубеже 80-90-х годов широко публиковалось письмо Ленина одному из своих давних знакомых в Цюрихе от 10 июня 1921 г. В письме выражалась готовность большевиков к уступкам, к компромиссам, к соглашению с “социалистической частью эмиграции”, которая выступала против Советской власти. Но сам вождь назвал это письмо, впервые опубликованное 25 августа 1921 г. в бельгийской газете “Суар”, подлогом!

Думаю, что фальшивкой является и кочующее в наши дни из статьи в статью якобы принадлежащее Ленину высказывание: “Пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожило до мировой революции”. Слова эти в качестве выдержки из речи Ленина (без указания, какой именно), впервые были опубликованы в качестве эпиграфа к книге А.Терне “В царстве Ленина”, написанной еще в конце

1921 года. Никаких доказательств принадлежности этих слов вождю не имеется.

А здесь — две записки, настроенные столь знакомым мелким ленинским почерком. Чтобы у читателя не было никаких сомнений в их подлинности — приводим одну из них в факсимильном варианте на обложке этой книги.

Первая из них:

"1) Недостаточно послать дипломатический протест.

2) Даже лучше **отсрочить** его, чтобы попытаться лучше **поймать** Латвию и Эстляндию.

3) Сугубые меры принять, дабы их поймать с поличным (т.е. собрать больше и более доказательных улик).

4) Принять военные меры, т.е. постараться наказать Латвию и Эстляндию **военным образом** (например, "на плечах" Балаховича перейти где-либо границу на 1 версту и повесить там 100 — 1000 их чиновников и богачей)". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.447).

И вторая записка:

"Прекрасный план. Доканчивайте его **вместе** с Дзержинским. Под видом "зеленых" (мы потом на них и свалим) пройдем на 10 — 20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия 100000 руб. за повешенного". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.380).

Картина представляется омерзительной — к ничего не понимающим обывателям ночью врываются наемники, вздерживают их на веревках. Тексты эти требуют комментариев. Уже после заключения мирных договоров с Эстонией и Латвией глава советского правительства узнает, что на территории этих только образовавшихся государств, кажется, идет запись добровольцев в отряды, борющиеся с Советской Россией. По дипломатической линии были выражены протесты, со стороны эстонского и латвийского правительств последовали опровержения, но это вождю показалось мало. И он дает указания, тем более сенсационные, что до нэпа и, соответственно, "временн платности", как писал впоследствии Ленин, было еще далеко. Не следует ли считать именно введение премиальных выплат за каждого повешенного началом отхода Ленина от уравниловки периода военного коммунизма?

Но можно ли, даже с точки зрения вождя, наладить доскональный "учет и контроль" при выдаче премий за каждого

9
Прекрасный мам! Докажи нам
он всегда с Верфилем.

Под видом "зеленых" (иногда
на них и свалили) пройдем на 10-го
Верф и переведем кулаков, погов,
Ильичев. Крешня: 100.000 р. Я и Велюман.

повешенного, быть уверенным, что им окажется непременно "чиновник" или "богач", а не другой мирный житель попавший на глаза жаждущим вознаграждения наемникам! Да и кто такой в тех условиях в сельской местности "богач" или "чиновник"? Врач, учитель, почтовый служащий? И как врываясь ночью в дом и вешая отца семейства, можно определить — кулак это или середняк?

Акция эта не выглядела "устрашением" — ведь планировалась дезинформация, все "свалить" на "зеленых".

Крупская оправдывала своего супруга: "Изучая самым внимательным образом опыт Парижской коммуны, этого первого пролетарского государства в мире, Ильич отмечал как пагубно отразилась на судьбе Парижской коммуны мягкость, с которой рабочие массы и рабочее правительство относились к заведомым врагам. И потому, говоря о борьбе с врагами, Ильич всегда, что называется, "закручивал", боясь излишней мягкости масс и своей собственной".

И Горький как-будто бы не находил ответа на вопрос: "Какою мерою измерите вы количество необходимых и лишних ударов в драке?" Его не шокировала ленинская установка: "Сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми". Впрочем, Ленину не всегда удавалось провести в жизнь безжалостный террор, о чем свидетельствовал Троцкий: "... Ленин был мрачно настроен. "Русский человек добер", "русский человек рохла, тютя", "у нас каша, а не диктатура".

И все-таки нельзя, с моей точки зрения, ограничиваться постулатом, что Ленин был просто очень жестоким человеком и политиком. Ряд документов, и не только документов из “секретного” фонда, невольно наталкивает на мысль — жестокость эта переходила порою определенную грань и принимала патологический характер. Ленин часто “впадал в бешенство” — то ли по отношению к российской буржуазии, то ли к немецкому философу Р.Авенариусу, умершему еще в XIX веке.

На мой взгляд, следует признать, что, будучи талантливейшим политиком, исключительно одаренным человеком, Ленин время от времени приходил в состояние невменяемости.

Периоды невменяемости вождя описывали те близко знавшие его люди, которые впоследствии оказались в эмиграции и имели возможность там опубликовать воспоминания. Например, Б.Николаевский, который писал Н.Валентинову, что в последний период своей деятельности Ленин “далеко уже не был нормальным”. Близко знавший Ленина Г.Соломон, автор изданной в Париже в 1931 году книги “Ленин и его семья (Ульяновы)” (в 1992 году переизданной в Москве), воспроизводит разговор с ним вождя вскоре после октябрьского переворота: “... я буду беспощаден ко всему, что пахнет контрреволюцией!.. И против контрреволюционеров, кто бы они ни были (ясно подчеркнул он), у меня имеется товарищ Урицкий!.. ха-ха-ха, вы, вероятно, его знаете!.. Не советую вам познакомиться с ним!..”

И глаза его озарились злобным, фанатически-злобным огоньком. В словах его, взгляде я почувствовал и прочел явную неприкрытую угрозу полупомешанного человека... Какое-то безумие тлело в нем.” Г.Соломон пишет, что шури Ленин Марк Елизаров первым “забросил” в него “идею ненормальности Ленина”.

Н.Валентинов, в начале века пребывавший в ближайшем окружении вождя, автор трех недавно изданных у нас интереснейших книг “Мои встречи с Лениным”, “Ранние годы Ленина” и “Малознакомый Ленин” (кстати, негативно оценивавший воспоминания Г.Соломона), свидетельствовал, что близкий соратник Ленина в годы первой русской революции А.Богданов за год до трагической гибели (заразился во время эксперимента с переливанием своей крови) говорил ему: “Наблюдая в течение нескольких лет некоторые реакции Ленина, я как

врач пришел к убеждению, что у Ленина бывали иногда психические состояния с явными признаками ненормальности”.

Мне кажется, что именно в таких “состояниях” писал вождь многие свои приказы, указания, записки, большинство из которых хранится ныне в “секретном” фонде, хотя некоторые и вошли в собрания сочинений.

Отметим, что, начиная с 1922 года, большинство лечащих врачей Ленина, как германских, так и отечественных, были невропатологами или психиатрами.

Еще 21 марта 1922 г. Фотиева приняла из Горок телефонограмму, которая ниже впервые публикуется. На документе пометка: “Копия послана Молотову”.

“Товарищу Горбунову.

Прошу Вас внести в секретариат ЦК через Молотова следующее предложение и известить о том, принято ли оно: Ввиду выезда Крестинского 18/III в Москву с немецкими специалистами по нервным болезням для осмотра группы крупных работников — предложить секретариату ЦК поручить тому врачу, который состоит для проверки ответственных работников (а если такового врача нет вопреки многочисленным постановлениям ЦК, то надо назначить на это непременно особого врача, поручить составить список товарищей, подлежащих осмотру, и принять все меры для того, чтобы они были своевременно приезжим врачом осмотрены с опросом если это надобно тех русских врачей, которые до сих пор этих товарищей лечили). В список этот очевидно должны будут войти гг. Чичерин, Осинский, Троцкий, Каменев, Сталин, Брюханов и несомненно целый ряд других. Ленин.” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.22960).

Характерно, что в Биографической хронике жизни и деятельности Ленина пересказано содержание письма, хотя и утаено, что речь идет о “специалистах по нервным болезням”.

Тот факт, что список подлежащих обследованию открывает Чичерин — вряд ли случаен. Вождь считал “сумасшествием” некоторые предложения наркома иностранных дел, хотя никаких нервных срывов и психических аномалий не было в намерениях Чичерина хоть немного демократизировать Советскую систему.

В письме Молотову для членов политбюро ЦК РКП(б) 24 января 1922 г. Ленин негодовал, что нарком “ставит вопрос о том, не следует ли за приличную компенсацию со-

гласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо 1) немедленно отправить в санаторий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т.п. будет, по моему мнению, величайшей угрозой для всех переговоров..." (54; 136).

А еще за неделю до этого письма по тому же адресату вождь настаивал: "Бумажки Чичерина доказывают, что он болен. Надо спешно запросить лучших врачей..." (54; 118).

Главным лечащим врачом Ленина был германский невропатолог О. Ферстер, получавший огромные гонорары за лечение вождя. Недавно опубликовано письмо И. Сталина полпреду РСФСР в Берлине Н. Крестинскому от 3 июня 1922 г., т.е. вскоре после первого тяжелого приступа Ленина. В нем, в частности, указано: "Немедля выдать Ферстеру пять тысяч фунтов стерлингов (50000 руб.), как плату за оказанную услугу..." Объяснимо, почему даже в самый голодный период в стране денег для лечения вождя не жалели, ведь награблены были фантастические суммы "конфиската" (был такой термин). Но почему соответствующие документы скрываются по сей день в Архиве Президента?

Вот публикации некоторых из них Волкогоновым. Крестинский писал Сталину, Троцкому и Молотову: "Ферстер получил уже у нас два раза хороший гонорар; он не сомневается, конечно, что и эти три поездки будут хорошо оплачены..."

А вот выдержки из отчета советского полпредства в Германии: "2. Согласно запискам тт. Карахана и Сталина от 3.6.22 г. выдано профессору Ферстеру 5000 фунтов (первая поездка). 3. По постановлению ЦК согласно телеграмме от 20.9.22 г. выдано профессору Ферстеру 2500 фунтов (вторая поездка)". И на следующий год: "Согласно записке тов. Карахана от 30.4.23 г. выдано проф. Ферстеру 4400 фунтов стерлингов..." По этой же записке германскому психиатру профессору О. Бумке было выдано 19500 долларов, а за месяц до этого — еще 9500 долларов. 9500 долларов было выдано невропатологу и терапевту из Германии А. Штрюмпелю.

Здесь же бумаги, разрешающие выдать профессору С. Геншону 25000 шведских крон. Приезжавший на один из много-

численных консилиумов у постели вождя шведский невропатолог С.Геншен взял с собой сына Фольке, который впоследствии опубликовал воспоминания: “Когда определилось время нашего отъезда, появился представитель наркомата финансов и поинтересовался, какие гонорары мы хотели бы получить. После короткого обмена мнениями было решено, что каждый получит по 25 тысяч золотых марок. Представитель ушел, но вскоре вернулся и сказал, что европейские медики должны получить больше. Тогда решили просить по 30 тысяч марок. Эти суммы были выплачены. Как их использовали, я не очень-то знаю. Известно только, что Бумке сразу купил своей жене Гехеймрат очень дорогую соболью шубу”.

А еще вождя лечили такие специалисты “по нервным болезням”, как В.Бехтерев и Л.Даркшевич, С.Доброгаев и А.Кожевников, В.Крамер и М.Кроль, М.Нонне и В.Осипов, наиболее известный российский невропатолог Г.Россолимо.

Отношение больного Ленина к врачам зависело во многом от того, насколько строги те были в запретах на его деятельность. И здесь от вождя досталось прежде всего столь высокочтимым им немцам. Так, 7 июля 1922 г. Ленин направляет Сталину письмо, в котором резонно обосновывает, насколько вредны для его здоровья запреты на беседы по политическим вопросам.

Вот отрывок из этого никогда не публиковавшегося письма: *“Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и компетентных разговоров. Надеюсь, Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К° отошьете”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.25995).

Ровно неделю спустя Владимир Ильич вновь пишет Сталину для членов политбюро ЦК РКП(б): “Покорнейшая просьба освободить меня от Клемперера (германский терапевт — А.Л.). Чрезвычайная заботливость и осторожность может вывести человека из себя и довести до беды. Если нельзя иначе, я согласен послать его в научную командировку. Убедительно прошу избавить меня от Ферстера. Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынести немецкую аккуратность не в состоянии, а в консультировании Ферстер и Клемперер участвовали достаточно”.

В ответном письме Сталин сообщил по поручению политбюро ЦК РКП(б), что российские врачи согласились с отъездом Клемперера, но единогласно “признали полезность участия Ферстера в общем наблюдении за ходом Вашего выздоровления. Кроме того, политические соображения делают крайне полезными подписи известных иностранных авторитетов под бюллетенем, ввиду сугубого вранья за границей”. И приписка: “Р. S. Крепко жму руку. И все-таки русские одолеют немцев. Сталин”.

Но Ленин, надеясь на смягчение своего “больничного режима” советскими врачами, продолжал настаивать в продиктованном Крупской письме к Сталину: “Если Вы уже оставили здесь Клемперера, то советую, по крайней мере 1) выслать его не позже пятницы или субботы из России, вместе с Ферстером, 2) поручить Рамонову вместе с Левиным и другими использовать этих немецких врачей и учредить за этим надзор. 20/VI. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.25993).

Сталин направил членам политбюро ЦК РКП(б) это ленинское письмо для голосования, и написанные на нем мнения руководителей партии доказывают, что к Ленину они относились уже не особенно серьезно:

“По тону записка весьма убедительна, ибо свидетельствует о “бдительности”, но согласиться на эти предложения, конечно, нельзя. Троцкий”. “Немцев оставить, Ильичу — для утешения — сообщить, что намечен новый осмотр всех 80 товарищей, ранее осмотренных немцами, и ряда больных товарищей сверх того. Г.Зиновьев.”. “Согласен с Зиновьевым. М.Томский”. “Правильно. Л.Каменев”. “Согласен. И.Сталин”.

Известно, что для “утешения” Ленина высшие советские руководители обсуждали вопрос об издании газеты “Правда” в единственном экземпляре.

Состояние вождя в последние два года жизни вызывает чувства сострадания, жалости.

Наконец опубликованы, хотя и не полностью, дневники дежурных врачей Ленина в 1922-1923 годы. Историю болезни вождя сначала вел невролог А.Кожевников, затем невропатолог В.Крамер и, наконец, психиатр В.Осипов. Наряду с недавно опубликованными воспоминаниями Н.Крупской и М.Ульяновой о жизни Ленина в период его болезни эти дневники раскрывают гнетущую картину системы руководства страной в последние годы жизни вождя.

В “секретном” ленинском фонде хранится тетрадка в два десятка страниц с простейшими упражнениями на уровне семилетнего ребенка. Летом 1922 года вождь пытался решить задаваемые Крупской простейшие задачки. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1343).

Например, 28 мая 1922 г. Крамер писал о состоянии вождя: “Читает свободно, но усвоить смысл прочитанного не может”. А в последующие месяцы глава государства принимал важнейшие решения — кого выслать за границу, кого расстрелять.

Запись Кожевникова в октябре 1922 года: “В воскресенье, 29-го, врачи были у Каменева, где видели еще Сталина и Зиновьева. Каменев сообщил, что на последнем заседании Совнаркома Владимир Ильич критиковал один из пунктов законопроекта, затем не заметил, что перевернулась страница, и вторично стал читать, но уже другой пункт, снова стал его критиковать, не заметив, что содержание этого пункта было совершенно иное”.

А вот запись о посещении вождя шестью невропатологами и психиатрами 21 марта 1923 г., т.е. две недели спустя после третьего приступа: “Сначала вошли Кожевников с Ферстером и предупредили Ильича, что приехали еще врачи по просьбе его друзей и просят, чтобы Владимир Ильич разрешил им войти. Хотя Владимир Ильич уже был предупрежден об этом приезде и Надеждой Константиновной и т.Обухом, тем не менее заявление это было принято им крайне недружелюбно. Он пытался что-то сказать, но ничего из этого не вышло, и на повторный вопрос — можно ли им войти — отрицательно качал головой. Тогда вошел т.Обух и категорически заявил, что врачи приехали, надо им посмотреть Владимира Ильича, и тогда были приглашены проф. Штрюмпель, Геншен, Бумке и Нонне”.

М.Ульянова свидетельствовала, что 16 декабря 1922 г., за неделю до того дня, как вождь начал диктовать свое знаменитое “Завещание”, он слег в постель и “просил передать Сталину, что выступать на съезде не будет. Невозможность выступить на съезде очень тяжело повлияла на Владимира Ильича, и он, несмотря на свою исключительную выдержку, не мог сдерживать горьких рыданий”.

И в подобном состоянии депрессии и навязчивых идей Ленин диктовал характеристики ближайшим соратникам, подготавливая почву для их последующих кровавых разборок!

Глава 4

ЛЕНИН: “МОБИЛИЗОВАТЬ... ТЫСЯЧИ БУРЖУЕВ, ПОСТАВИТЬ ПОЗАДИ ИХ ПУЛМЕТА, РАССТРЕЛЯТЬ НЕСКОЛЬКО (ОТ...”

Для работы с отдельными документами ленинского фонда мне отвели в Центральном партийном архиве пустовавшую небольшую комнату с двумя столами. Хозяева кабинета находились в отпуске. В незапертом застекленном шкафу на первом полке была отведена для 55 синих томов “полного” собрания сочинений вождя с закладками. Естественно, оказалось очень удобным обращаться к этим томам как к справочному материалу. И выяснилось, совершенно неожиданно для меня, что в этом кабинете шла подготовка к изданию шестого, в идеале — действительно полного собрания сочинений. А на полях многих страниц были помечены места, в которых сделаны купюры. К уже опубликованным ленинским работам, в которых были изъятия, я обратился в первую очередь.

В “полном” собрании сочинений Ленина ряд купюр, которые не могу прокомментировать. Например, в письме вождя своему близкому соратнику того периода Г. Шкловскому, написанном во второй половине апреля 1916 года, изъят предпоследний абзац (49, 219):

“Еще одна просьба личная; очень просил бы Вас постараться не посылать Наде больше никаких бумажек по делу Мохова, ибо ей это треплет нервы, а нервы плохи базедова болезнь опять возвращается. Мне оч[ень] жаль, что не удалось убедить Вас бросить эту “историю”, не впутывать К.З.О., не

плодить бумажек (официальных особенно) и т.д. По крайней мере, раз Вы все решили иначе, , прошу Наде ничего не посылать больше, ни об этом ни по поводу этого. Это между нами, и поэтому пункту не пишете мне ничего (чтобы Надя не знала, что я Вам писал, а то она волноваться будет) ”.

Что за “дело” Мохова, о котором не должны знать читатели? Выяснил лишь, что Мохов был одним из участников совещания сторонников Ленина на квартире Г.Шкловского 6/7 сентября 1914 г. Имя его ни разу не упоминается ни в “полном” собрании сочинений вождя, ни в Биографической хронике деятельности Ленина, ни в известных мне воспоминаниях о событиях тех лет.

Держу в руках копию неопубликованного письма Мохова (“Тони”) из Стокгольма на имя Крупской от 9 апреля 1916 г. Ничего сенсационного — отчет о встречах с участниками “циммервальдистского” движения во Франции, Англии, Норвегии. Может, специалисты по деятельности Комитета Заграничных организаций могут раскрыть причину личной просьбы Ленина к Шкловскому?

Меня критиковали, что я якобы неправомерно назвал “полное” собрание сочинений Ленина фальсификацией. Но ведь нас три четверти века обманывали, не только скрывая важнейшие ленинские документы, но и фальсифицируя опубликовавшиеся. Яркий пример: выступая на торжественном заседании пленума Моссовета, МК РКП(б) и МГСПС 6 ноября 1920 г., Ленин в очередной раз повторил: “... мы всегда подчеркивали, что в одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя...”

Фраза эта тогда же была опубликована в “Стенографических отчетах Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов”, № 15, вошла затем во 2-е и 3-е издания собраний сочинений Ленина. А уже в четвертом издании в 1955 году была без всяких отточий изъята из текста. Соответствующая купюра и в 5-м, так называемом “полном” собрании сочинений. Здесь же, как видно на фотографии, в ленинском высказывании — “эти народы целиком являются слугами и рабами Антанты” — слово “народы” заменено на “государства”. (Купюра выделена мною. — А.Л.).

Аналогична судьба абзаца из доклада Ленина о внешней и внутренней политике Совнаркома на заседании Петро-

КАК ПРИ СТАЛИНЕ ПОДПРАВЛЯЛИ ИЛЛЮЗУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЦДЕПРЕСС»
Москва

В. И. ЛЕНИН СОЧИНЕНИЯ

ВЛАДЫМИР ИЛЬИЧ
ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ XXV
1920

ТОМ
XXV

ПРЕДВЕРЖЕНО
И ПЕЧАТАНО
М. С. СЕРВАНОВА

1920

МАРТИН ЛУТДЕР ИХ ИХИМОУ

Если мы теперь бросим общий взгляд на международное отношение к Советской России, то увидим, что мы писем мир почти не получаем. Целью — и посмотрим на историю войн, которые вела против Советской России, то увидим, что мы писем мир почти не получаем. Целью — и посмотрим на историю войн, которые вела против Советской России, то увидим, что мы писем мир почти не получаем. Целью — и посмотрим на историю войн, которые вела против Советской России, то увидим, что мы писем мир почти не получаем.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЦДЕПРЕСС»
Москва

В. И. ЛЕНИН СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
31

Владимир Ильич Ленин

Ленинград — Москва, 1920

Если мы теперь бросим общий взгляд на международное отношение к Советской России, то увидим, что мы писем мир почти не получаем. Целью — и посмотрим на историю войн, которые вела против Советской России, то увидим, что мы писем мир почти не получаем. Целью — и посмотрим на историю войн, которые вела против Советской России, то увидим, что мы писем мир почти не получаем.

градского Совета 12 марта 1919 г.: “Дело строительства целиком зависит от того, как скоро победит революция в важнейших странах Европы. Только после такой победы мы можем серьезно приниматься за дело строительства”. (Купюра выделена мною. — А.Л.).

Или такой пример: в 2-м и 3-м изданиях — выступление Ленина на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. приводится по архивной стенограмме, а в последующих 4-м и 5-м изданиях — уже по газетному отчету. И вся эта затея большевистских цензоров — ради того, чтобы скрыть абзац: “... но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот”. (Купюра выделена мною. — А.Л.).

А ведь эта цитата накануне начала Великой Отечественной войны была основополагающей в директиве “О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 года”.

Наши незадачливые ученые писали диссертации на темы “Ленинский план строительства социализма в одной отдельно взятой стране” или “Ленинская миролюбивая политика”, не ведая, что наследниками Ленина без всяких отточий изъяты цитаты вождя, опровергающие официальные концепции.

Конечно, я знал и раньше, что из ленинских работ еще при жизни вождя, а в более значительной мере после его смерти, изымались отдельные слова и даже целые абзацы. Например, в изданном в 1931 году “Ленинском сборнике XVII” в разделе “Роза Люксембург (о самоопределении)” в заметках Ленина по работам известной революционерки были сделаны сноски: “Опущен резкий эпитет по отношению к Р.Люксембург. Ред.” или просто “Опущен резкий эпитет. Ред.” Обратился к подлинному тексту и выявил эти эпитеты: “идиотка”, “дура!!” В последующих изданиях грубая ругань вождя в адрес соратников и товарищей по борьбе часто изымалась уже без всяких редакторских комментариев и даже без отточий. В “полном” собрании сочинений подобных купюр множество.

Обратимся к 52 тому “полного” собрания сочинений. Здесь на страницах 265-269 — “Замечания на проекты тезисов о тактике к III Конгрессу Коммунистического Интерна-

ционала. Письмо Г.Е.Зиновьеву.” Работа эта, посвященная критике “левачества” немца Тальгеймера и венгра Бела Куна, считалась основополагающей по курсу “Мировое коммунистическое движение”. Но до чего же изуродовали ее цензоры! На странице 265 — изъято предложение: “*Кажется, видите ли, Тальгеймерам и Белам Кунам “левее”, а вышла глупость сверхъестественная*”. На следующей странице — три значительных изъятия. Из середины предложения после слов “на конгрессе” изъято: “*где бы я охотно взялся высечь Тальгеймера с Белым (Белам?) Куном — это было бы полезно для дела*”. Изъят конец предложения: “*и т.п. вздор у Таль[геймера] и Б.Куна, а им много уступает Радек даже в первом своем проекте — оговариваюсь: полностью сличить его с “улучшенным” текстом не мог еще*”.

И наконец, третья купюра: “*Не слова, а дела*” — это Радек толкует по Бела Куновски: “*выступай*”, “*лезь драться*”. Это вздор. Соответствие слова и дела надо объяснять не по белакуновски”.

На странице 267 изъято всего несколько слов. В середине предложения после слова “колебания” — “*в сторону Бела Куна*” и эпитет после слова “глупость” — “*белакуновская*”.

Не совсем ясно, почему на странице 268 изъято дельное высказывание вождя: “*(Если умного человека за ошибку и нарушение дисциплины изгонять навсегда, а дураков, соблюдающих дисциплину, приучать к тому, что им делают уступки в тактике, то отсюда получится крах всей партии неминуемо)*”.

И, наконец, на странице 269 изъято предложение: “*А то у дураков Тальгеймера и Бела Куна истер[ические] вопли без тени фактов*”.

Подлинный ленинский документ получает совсем другую тональность по сравнению с опубликованным. Думаю, что наши архивы могли бы в течение недели подготовить к изданию все многочисленные купюры в “полном” собрании сочинений вождя — и хотя бы этот вид фальсификации наследия Ленина ушел бы в прошлое.

Но публикация отдельных изъятий из текста работ Ленина раскрывает не только всем известную сегодня беспардонность вождя (недаром Н. Бердяев называл его “почти гением грубости”), но и его отдельные преступные деяния.

Приведем один пример — ленинскую переписку с Петроградом осенью 1919 года. В городе шли повальные аресты. Это возмущало М. Горького, и Ленин журит его за “невероятно сердитые слова” по этому поводу. Вождь вынужден признать, что при арестах “буржуазных интеллигентов околокадетского типа” “для нас ясно, что и тут ошибки были”, но стоит ли сердиться “по поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околокадетских господчиков посидят несколько дней в тюрьме”: “Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость!”. “За образец” Ленин берет нашего выдающегося писателя В. Короленко: “Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками!.. Таким “талантам” не грех посидеть недельки в тюрьме”... (51; 47-48).

Три дня спустя Ленин развил эту тему в письме к М.Ф. Андреевой — гражданской жене Горького: “Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, **всей** кадетской и околокадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать их. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы **10.000** было перебито. Ей-ей, лучше” (51;52). “Околокадетской публикой” Ильич именовал тогда любого интеллигента-небольшевика (впоследствии начал применять термин “полуменьшевики”). Но что означает цифра 10.000? Не связана ли она с ленинским письмом туда же, в Петроград, Троцкому месяц спустя, 22 октября 1919 года, в котором имеется абзац:

“Покончить с Юденичем (именно покончить — **добить**) нам **дьявольски** важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих и добиться настоящего массового напора на Юденича?” (51; 68).

Когда звучат призывы — “читайте Ленина и не верьте хулителям”, хочется спросить — к каким источникам обращаться? Ведь никому в голову не придет, что здесь изъятые очень существенные строчки, которые никогда в нашей стране не публиковались, хотя и имелись в варианте этого письма в архиве Троцкого. Вот подлинный текст этого предложения в оригинале письма: “Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих **плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстре-**

дять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?” (выделено мною — А.Л.). Для тех, кто не верит, что вождь мог отдать подобный приказ — ниже приводится факсимиле этой части письма. Как известно, гитлеровцы впоследствии, в годы второй мировой войны, взяли на вооружение этот ленинский метод “живого щита”, ставя впереди наступающих частей мирных советских жителей. Правда, в спину им нацисты не стреляли. У Ленина же в эти 10.000 расстреливаемых заложников должен был бы попасть и наш великий гуманист Короленко, если бы он жил тогда не в Полтаве, а в Петрограде.

Впрочем, приказ Ленина из письма Троцкому “Правда” 8 марта 1993 г. в очередной статье в защиту вождя полностью одобрила.

“Вот, оказывается, каким был Ильич... Ну а каким... должен быть на войне руководитель, полководец? — “наивно” вопрошает “Правда”. — Со всех сторон прут колчаки, деникинны, юденичи, вооруженные и оснащенные западными добротами, а Ленин что — должен запереться в кабинете и читать молитвы?

Да и живую цепь не Ленин придумал. Во всех войнах подставляли уголовников, заложников, штрафников... Немцы — то во второй мировой войне — вот уж поистине звери! — ставили впереди детей, женщин, стариков! А здесь — буржуев. Так против них же и воевали!”

Получается, что позиция коммунистов неизменна — стреляли и будем стрелять в спины лицам непролетарского происхождения!

Конечно, война, особенно гражданская, часто сопровождается многими жестокими приказами типа “пленных не брать”. И, используя современную лексику, “полевые командиры” — будь то Якир в отношении казачьего населения, генерал Слащев в Крыму по отношению к пленным красноармейцам, барон Унгерн фон Штернберг в Забайкалье или Тухачевский, отравлявший газами все живое в деревнях на Тамбовщине, — проявляли крайнюю жестокость. Но нельзя представить, чтобы “первые руководители” Белого движения — будь то Колчак, Деникин или Врангель — могли отдавать приказы, даже отдаленно подобные ленинскому: впереди наступающих частей вы-

Покончить с Юдени-
чем (именно покончить —
добиться) нам дьяволь-
ски важно. 4500 2 1 Если насту-
пение начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч
20 питерских рабочих и
добиться настоящего массового напора на
Юденича?

Покончить с Юденичем (именно покончить — до-
бить) нам дьявольски важно. Если наступление начато,
нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских ра-
бочих и добиться настоящего массового напора на
Юденича?

нести тысячи абсолютно ни в чем не виновных соотечественников, заложников, стрелять им в спины, убить сотни и на плечах оставшихся в живых ворваться в боевые порядки ошеломленного противника.

Каких только провокаций по отношению к соотечественникам не напридумывал Ильич. Например, в выступлении 14(27) января 1918 г. наказывал: “Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов и могут по высоким ценам достать у спекулянтов”. И здесь же: “Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет” (35;311).

После событий в Буденновске и Кизляре вопрос о заложниках приобрел особую актуальность — и здесь следует признать, что первый глава советского правительства был буквально апостолом распространения заложничества. Сразу после окончания гражданской войны, 30 ноября 1920 г. “Правда” опубликовала “Правительственное сообщение”, в котором указывалось, что в случае покушения на вождей Советов решено “беспощадно истреблять заложников”. На следующий день “отец русского анархизма” Петр Кропоткин направил лично Ленину письмо, в котором говорилось: “Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма?”

Неужели никто не объяснил, что такое заложник?

Заложник посажен в тюрьму — не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам: “Убьете одного из наших, а мы убьем столько-то ваших!” Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить назад в тюрьму, говоря: “Погодите! Не сегодня!”

И неужели ваши товарищи не понимают, что это равносильно восстановлению пытки — для заложников и их родных?”

На письме сохранились пометки Ленина: “в архив”; “письмо Кропоткина. XII. 1920” и подчеркивания (ЦПА

ИМЛ, ф.2, оп.2, д.478). Никакого влияния на вождя это письмо не оказало.

Неверно утверждение, будто систему заложников большевики начали широко применять в рамках “красного террора” в ответ на “белый террор” лишь после покушения на Ленина 30 августа 1918 г. Еще 10 августа этого года вождь при обмене записками указывал наркому продовольствия А. Цюрупе: “Проект декрета — в каждой хлебной волости 25-30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков”.

Вторая записка Цюрупе “1) Насчет “заложников” Вы не ответили”.

Наконец Цюрупа (не самый свирепый большевик) ответил: “Заложников можно взять тогда, когда есть реальная сила. А есть ли она? Сомнительно”.

И третья записка вождя: “Я предлагаю “заложников” не **взять**, а **назначить** поименно по волостям. Цель назначения: именно богачи, как они отвечают за контрибуцию, **отвечают жизнью** за немедленный сбор и ссыпку излишков хлеба.

Инструкция такая (назначить “заложников”) дается а) комитетам бедноты, б) всем продотрядам. Сила? Как раз теперь в **прифронтовой** полосе **сила будет**” (50; 144-145).

20 августа 1918 г. вождь в телеграмме Ливенскому исполкому, приветствуя “энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде”, приказывал: “Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у оставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение. Часть образцового Железного полка пошлите тотчас в Пензу” (50; 160). Об “образцовом” наказании крестьян Пензенской губернии будет рассказано в специальном разделе книги.

А 29 августа 1918 г. Ленин приказывал саратовским коммунистам: “Составьте поволостные списки богатейших крестьян, отвечающих жизнью за правильный ход работы по снабжению хлебом голодных столиц” (50; 175).

Террор против наших соотечественников непролетарского происхождения принял особый размах после убийства Урицкого и покушения в этот же день на Ленина.

Мною был впервые опубликован документ из Центрального архива КГБ СССР (“Назначить заложниками”, “Куранты”, 10 июня 1993 г.) — протокол совещания, состоявшегося 31 августа 1918 г. На совещании “о деле и о мерах борьбы с буржуазией в связи с покушением на тов. Ленина” доложил секретарь президиума ВЦИК В. Аванесов.

“Протокол

междурайонного совещания по вопросу о проведении террора в связи с покушением на тов. Ленина

О воззвании к рабочим. Избрать для составления воззвания тт. Аванесова и Петерса.

Об арестах и обысках. Избрать Комиссию из трех лиц, которая, взяв за основу постановление отдела районов Московского Совета и постановление собрания о беспощадном терроре, выработает план борьбы.

В Комиссию избраны: Пятницкий, Фомин (спекуляция), Скрыпник, Кингисепп, Фомин (Лефортовского района).

О расстрелах. Подтвердить прежнее постановление об оружии (расстрел контрреволюционеров за нахождение у них оружия). Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать. Дать соответствующие инструкции районам.

О заложниках. Взять заложников (крупных фабрикантов) от буржуазии и союзников, объявить, что никакие ходатайства за арестованных буржуа не принимаются.

Район определяет, кого брать в заложники. Освобождать арестованных только в крайнем случае на день, а ночью держать их под арестом. Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря.

Указания провинции. В ближайшие дни созвать совещание от представителей ВЧК, Народного Комиссариата Юстиции и ЦИК. Обратиться к ЦК РКП, чтобы он посылал людей (по возможности) в Губчрезкомы.

Об арестованных. Сегодня же ночью Президиуму ВЧК рассмотреть дела К.-Р. (т.е. контрреволюционеров. — А.Л.) и всех явных К.-Р. расстрелять. То же сделать районным ЧК.

Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах.

Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения вопроса о трупах. Предложить Комиссариату Юстиции в специальном порядке разгрузить тюрьмы от мелких преступников.

Об инструкциях районам. Поручить избранной комиссии выработать инструкции.

О других партиях. Поскольку левые эсеры стоят на точке зрения ЦК (своего) и выступают активно, арестовывать их. Что касается правых эсеров, центровиков, меньшевиков, кадетов и др. черносотенцев, то вопрос о них ясен". (Центральный архив КГБ, ф.1, оп.2, № 57).

О том, насколько "ясен" был этот вопрос — свидетельствует опубликованная в "Петроградской правде" на следующий день после рассмотренного совещания телеграмма членов РВС 3-й армии Восточного фронта И.Смилги, М. Лашевича, главного политкомиссара 3-й армии Ф. Голощекина и комиссара Особого отряда 3-й армии Бела Куна председателю Петросовета Г. Зиновьеву: "Убийство Урицкого не может остаться безнаказанным. Кровь его вопиет о мести. Трудно воевать со знанием, что в тылу гибнут лучшие товарищи от руки буржуазных наемников. Мы взываем к рабочим Петрограда: товарищи, бейте правых эсеров беспощадно, без жалости. Не нужно ни судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь правых эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически".

За исключением М. Лашевича, покончившего с собой в 1928 году, остальные трое "подписантов" этой страшной телеграммы падут жертвами сталинских репрессий.

Оправившись от ранения, Ленин спустя несколько месяцев рассылает по всей стране одно указание за другим, настаивая на расширении круга людей, подлежащих аресту в качестве заложников, причем широко распространять взятие заложников вождь считал необходимым и для зарубежных коммунистов. Так, 27 апреля 1919 г. он запрашивал в приветствии Баварской Советской республике: "... взяли ли заложников из буржуазии?" (38; 321).

31 мая 1919 г. Совет обороны советской республики принимает написанное Лениным постановление о мобилизации советских служащих, третий параграф которого гласил: “Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства, или невыполнения данных заданий и т.п.” (54; 416).

8 июня Ленин наказывает заместителю председателя Революционного совета республики Э. Скланскому: “Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским” (50; 343). Можно только сочувствовать несчастной доле женщин и детей, которые автоматически становились заложниками из-за “невыполнения данных заданий и т.п.” мобилизованным отцом семейства.

Поэтесса Зинаида Гиппиус свидетельствовала: “...когда офицеров мобилизуют (такие мобилизации объявлялись чуть не каждый месяц) — их сразу арестовывают; и не только самого офицера, но его жену, его детей, его мать, отца, сестер, братьев, даже двоюродных дядей и теток! Выдерживают офицера в тюрьме некоторое время непременно вместе с родственниками, чтобы понятно было, в чем дело, и если увидят, что офицер из “пассивных” героев — выпускают всех; офицера в армию, родных под неусыпный надзор. Горе, если прилетит от армейского комиссара донос на этого “военспеца”... Едут дяди и тетки — не говоря о жене с детьми — куда-то на принудительные работы, а то и запираются в прежний каземат”.

8 июля 1919 г. вождь телеграфировал большевикам в Саратов: “Необходимо особыми отрядами объехать и обработать каждую волость прифронтовой полосы, организуя бедноту, устраняя кулаков, беря из них заложников...” (51; 7).

А вот указание Ленина 25 октября 1919 г. Г. Зиновьеву: “Говорят, сланцы под Веймарном неглубоки. Снять 2-3 сажени земли и можно экскаватор пустить, который будет массу сланцев ломать и давать. Надо напрячь силы; мобилизовать туда буржуазию (в землянках поживут)...” (51; 73).

Редчайший случай, чтобы Ленин когда-либо поинтересовался — лежит ли какая-нибудь конкретная вина на человеке, арестованном в качестве заложника, и в этом он был

непререкаем: “Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы — я признаю себя виновным, а интересы рабочих выиграют” (38; 295).

Очень редко Ленин давал указания об освобождении заложника — например, после запроса Зиновьева 6 февраля 1919 г.: “Правда ли, что заложником Вы арестовали могилевского архиепископа Роппа? Прошу сообщить, на каких условиях можно бы его освободить, о чем ходатайствует папа” (50;252). Но некому было ходатайствовать за православных священников, которых большевики расстреливали тысячами.

Ленин отвергал любую критику большевистской политики взятия и расстрела заложников. 9 июля 1919 г. он отмечал, что “наиболее близкие к Советской власти мелкобуржуазные демократы, называющие себя, как водится, социалистами, например, некоторые из “левых” меньшевиков и т.п., особенно любят возмущаться “варварским”, по их мнению, приемом брать заложников. Пусть себе возмущаются, но войны без этого вести нельзя, и при обострении опасности употребление этого средства необходимо, во всех смыслах, расширять и учащать”.

И далее — конкретные указания: как “расширять и учащать” аресты заложников: “Нередко, например, меньшевистские или желтые печатники, железнодорожники из “управленцев” и тайных спекулянтов, кулаки, имущая часть городского (и сельского) населения и тому подобные элементы относятся к делу защиты от Колчака и от Деникина с бесконечно преступным и бесконечно наглым равнодушием, переходящим в саботаж. Надо составлять списки подобных групп (или принуждать их самих составлять группы с круговой порукой) и не только ставить их на окопные работы, как это иногда практикуется, но и возлагать на них самую разнообразную и всестороннюю материальную помощь Красной Армии.

Поля красноармейцев будут лучше обработаны, снабжение красноармейцев пищей, махоркой и другими необходимыми предметами будет лучше поставлено, опасность гибе-

ли тысяч и тысяч рабочих и крестьян из-за отдельного заговора и т.п. будет значительно уменьшена, если мы более широко, более разносторонне и более умело будем применять этот прием” (39; 62). Здесь у Ильича нововведение — распространить рабский труд на “равнодушных”.

А год спустя, в конце июля 1920 года, вождь в письме членам Совета труда и обороны предложил брать заложников для “работы в копях”: “Ответственность за найденное оружие на начальнике воинской части; за незаявленное оружие на том, у кого найдено (расстрел), и на всей группе **“ответственных” крестьян** (штраф, но не деньгами, а хлебом и овощами; конфискация имущества, арест; работы в копях)...” (51; 245).

Ильич проявлял свою свирепость на “рубке леса” — и в прямом, и в фигуральном смысле слова. “Пусть моськи буржуазного общества, от Белоруссова до Мартова, визжат и плачут по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса, — писал он. — На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой...” (36; 193). “Нельзя ли сибирских пленных и офицеров вывезти на Урал и поставить на работу по углю и лесу?” (51; 154-155) — запрашивал вождь Троцкого 7 марта 1920 г. А чуть более месяца спустя писал в отдел топлива Московского совдепа: “Можно и **должно** мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из лесов достаточное количество дров (по кубу, скажем, на взрослого мужчину за три месяца — точнее спецы рассчитают; я говорю для примера) к станциям железных дорог и узкоколейск.

Если не будут приняты **героические** меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в Цека не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы” (51; 216).

Если бы вождю пришла простая мысль — вместо мобилизации “поголовно” всего московского населения материально заинтересовать в поставках дров небольшую часть безработных! Но Ленин был заклятым противником не только частной собственности, но и любых проявлений частной инициативы.

Когда в Бузулукском районе красный командир Сапожков выступил против политики военного коммуниз-

ма, то Ленин 2 августа 1920 г. дал указание: “От селений, лежащих на пути следования отрядов Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия” (51; 348). А ведь арестовываемые крестьяне и в мыслях не имели содействовать Сапожкову, ничего о нем вообще не знали!

Впрочем, в качестве заложников Ильич считал необходимым арестовывать не только крестьян или членов семейств проштрафившихся советских служащих.

Так, 15 февраля 1919 г. под председательством Ленина Совет Обороны принял постановление: “Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому и Дзержинскому немедленно арестовать нескольких членов исполкомов и комбедов в тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех же местностях взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны. Доклад об исполнении, со сведениями о количестве арестованных, назначить через неделю”. Не было бы более справедливым, если бы наказанию подлежали нерадивые чиновники, а не безвинные крестьяне — заложники? 24 февраля Совет Обороны под председательством Ленина потребовал скорейших отчетов “о примененных репрессиях за нерасчистку снега”.

17 марта Ленин подписал постановление Совета Обороны, в котором угроза стать заложником нависла уже над высокопоставленными чекистами: “Впредь председатели чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией будут сами подвергаться немедленному аресту в том случае, если и в будущем они не будут подвергать аресту лиц, ответственных за выполнение постановления Совета Обороны по борьбе с снежными заносами”. (“В.И.Ленин и ВЧК”, М., 1987, с.123, 131, 139). А 8 апреля 1919 г. вождь наложил резолюцию: “Дзержинскому: Не арестовать ли по 1-2 члена каждого исполкома?” на докладной записке главного комиссара Сызрано-Вяземской железной дороги А.Кудрявцева, который жаловался на недостаток рабочей силы на снегоуборке. (Лен. сб. XXXVII, с.143-144).

Так вождь придумал целую “пирамиду” из заложников — вышестоящие арестовываются, если своевременно не расстреляют нижестоящих.

Ленинскую схему распространения заложничества уточнил и обогащал конкретными разработками Ф.Дзержинский. В его подписью 17 декабря 1919 г. “всем ЧЕКА” направляется “Приказ президиума ВЧК № 208 об учете специалистов и лиц, могущих явиться заложниками”. Вот начало этого объемистого документа:

“Дорогие товарищи! Есть три вопроса, в которых почти все чекисты грешны и в которые поэтому необходимо внести ясность. Это заложники, специалисты и арестованные вообще.

Что такое заложник... Это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым тот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров. За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да еще еврея, противник не заступится и ничего не даст.

Они кем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящихся при власти у них лиц и т.п. Из этой среды и следует забирать заложников”.

Нельзя не отметить, что исполнителями наказов главы советского правительства и главного чекиста страны, в том числе связанных с “назначением” заложников и последующими их расстрелами, зачастую являлись бывшие уголовники. Об этом свидетельствует немало опубликованных за последнее время документов. Обратимся лишь к одной небольшой статье в академическом журнале “Вопросы истории” (1995 г., № 3, с. 174), в которой приводятся цитаты из ряда монографий: “Под видом добровольцев в Красную Армию вступало значительное число деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности, и смотревшего на войну, как источник личной выгоды”. Или другое свидетельство: “Молодые и наиболее предприимчивые рецидивисты после освобождения вступили в РКП(б). В ряде случаев им удавалось занять ответственные административные должности; из

этой среды большевики получили наилучший материал для борьбы и истребления врагов партии. Например, военным комиссаром г. Таганрога был Родионов, осуждавшийся ранее за грабеж, морским комиссаром — Канунников, осуждавшийся за убийство, и т.п.”

Старый большевик М. Ольминский засвидетельствовал: “Можно быть разного мнения о красном терроре, но то, что сейчас творится, это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина”.

И когда сопоставляешь разработанную Лениным систему заложничества и практику ее претворения в жизнь в наши дни, например, в Буденновске или Кизляре — то нельзя забывать, что непосредственно на захват и расстрел людей, не имеющих никакой конкретной вины, способны в большинстве лишь лица с криминальным сознанием, какими бы возвышенными целями заложничество ни прикрывалось. Этот фактор следует учитывать и при анализе подписанных главой советского правительства постановлений, подобных впервые опубликованному Д. Волкогоновым: “Всех, проживающих на территории РСФСР иностранных подданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия, в возрасте от 17 до 55 лет заключить в концентрационные лагеря...” Хотя в отношении “лиц, доказавших свою преданность советской власти”, допускалось исключение. 3 июня 1919 г. Ленин телеграфировал Сталину в Петроград: “Насчет иностранцев советую не спешить высылкой. Не лучше ли в концлагерь, чтобы потом **обменять**” (50;335). Могут возразить — ведь и в демократических США после нападения Японии на Перл-Харбор интернировали всех японцев. Но не было там на местах уголовного “беспредела”, царившего после октябрьского переворота в Советской России.

Глава 5

ЛЕНИН: “ПОВЕСИТЬ (НЕПРЕМЕННО ПОВЕСИТЬ, ДАБЫ НАРОД ВИДЕЛ) НЕ МЕНЬШЕ 100 ЗАВЕДОМЫХ КУЛАКОВ, БОГАТЕЕВ... НАЙДИТЕ ЛЮДЕЙ ПОТВЕРЖЕ”

Этот ленинский документ был впервые опубликован мной в последние дни кратковременного допуска в Центральный партийный архив (“Демократическая газета”, ноябрь 1991 г., № 21). Свои свирепые указания вождь начертил на бланке Совнаркома:

”В Пензу. 11/VIII-1918 г.

Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам.

Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят “последний решит[ельный] бой” с кулачем. Образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей потверже.” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6898).

В подлиннике над ленинским рукописным текстом — надпись секретаря: *“Наша политика в деревне”*.

О письме этом рассказано в опубликованных еще в 1924 году воспоминаниях Евгении Бош “Встречи и беседы с Владимиром Ильичем”. Интересно, вспомнила ли она об этом письме перед тем, как год спустя покончила с собой? Приведем комментарий в “Ленинском сборнике XVIII”, вышедшем в свет в 1931 году (пик “коллективизации”): “Е. Бош написала Ленину о встречаемых затруднениях в работе и через несколько дней получила с нарочным письмо, в котором Ленин, обращаясь ко всем пензенским коммунистам, доказывал необходимость “беспощадного подавления” кулацкого восстания пяти волостей, указывал, что это необходимо в интересах “всей революции”, “ибо теперь ведь последний решительный бой” с кулачеством, советовал найти людей “потверже” и просил телеграфировать “о получении и исполнении”. Письмо носило характер товарищеского совета и было подписано “Ваш Ленин...” Письмо это, видимо, не сохранилось, но аналогичного содержания обращение, опубликованное только в 1925 году: “Товарищи-рабочие! Идем в последний решительный бой!” — было, как известно, написано Лениным в то время... Возможно, что это обращение и было написано в связи с письмом пензенским коммунистам”. (Лен. сб. XVIII, стр. 205-206).

Конечно, “письмо к пензенским коммунистам” не носило “характер товарищеского совета”, а было свирепым приказом главы правительства. И непонятно, почему это впервые опубликованное мной письмо в “Ленинском сборнике” под редакцией В. Молотова и других влиятельных большевиков называлось потерянным? Обманывали нас составители сборника или письмо попало в архив позднее?

В указанном “Ленинском сборнике” и в первых изданиях собраний сочинений вождя публиковалась “Записка и Пензу”, написанная в ночь с 10-го на 11-е августа 1918 г., подписанная Лениным, “наркомпродом” А. Цюрупой и вместо “наркомвоена” — Э. Склианским с грифом “Передать немедленно Председателю Губисполкома”. Текст этой телеграммы написан А. Цюрупой, а Ленин сверху приписал: «Пенза “(Бош и Кураеву копия)”». В “полное” собрание сочинений телеграмма не вошла, даже в “Приложения”. В ней

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ
СОЗДАТЕЛЬ

ПРЕДСЕДТЕЛЬ
СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМПОНОВ.

Москва - Кремль

11/11/1918 г.
Д.В.

11/11/1918 г.
Д.В.

В письму

М-цам Куратов,
Том, Шмелеву и
Дружину поженским
ко шуриндам.

М-цам! Когда-то мы
вспомогли Куратов
договором и введем в Сурово-
индустрию когда-то. Для
милости и друзей ваши работы
ваши, кто задает ваши когда-то
ваши "

примол. тов "Кыларсеин. Офа
зыгы ма" дарт.

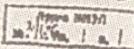
1) Кыларты (Кемпентинус
кыларты, дагы кылар бууду)
на маатме 100 салдомаш

Кылар кы, дорыт, кыларын.

2) Органик кылар у ма.

3) Органик у ма дарт дарт.

4) Кылар кы салдомаш
— салдомаш буга салдомаш дарт.

Сд. ларт кы, дарт
на дарт дарт кылар
кылар дарт дарт, дарт,
кылар: дарт у дарт
дарт кыларын, кылар.

Кылар дарт дарт
у дарт. дарт дарт.
на дарт дарт дарт.

и частности предписывалось: “Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок исполнение положенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется Предгубисполкомом и Губпродкомиссаром на основании данных об урожае 1918 и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за Вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам сим даются соответствующие полномочия”. (Лен. сб. XVIII, стр. 203).

Можно отметить, что завершающая письмо от 11 августа установка Ленина — “Найдите людей *потверже*” — многие последующие десятилетия неуклонно проводилась в жизнь его наследниками. Например, в стенограмме суда над Л. Берией зафиксировано, что из Москвы шли распоряжения в местные органы НКВД — не расстреливать арестованных, а забивать их кулаками. При этом совмещалось выполнение двух задач: воспитание жестокости и отбор наиболее “твердых” чекистов — палачей и истязателей.

Известный историк-марксист М. Покровский неоднократно свидетельствовал, что как до октябрьского переворота, так и непосредственно после него, зажиточные крестьяне, которых Ленин в политических целях именовал “кулаками”, “мироедами”, “кровопийцами”, очень лояльно относились к большевикам и по сути являлись даже их главной опорой в сельской местности. Сопrotивление властям они начали оказывать лишь после развернутой по указанию Ленина кампании беспределного грабежа и поборов в деревнях силами прибывавших в первую очередь из Москвы и Петрограда “продовольственных отрядов”, с помощью недоброй памяти “комитетов бедноты”. Вот одно из многих подобных высказываний М.Покровского: “Кулак в своей ненависти к тунеядцу-помещику шел даже впереди крестьянской массы. Еще наблюдатели 70-х годов заметили, что кулаки — “первые либералы в деревне”. Революционные агитаторы начала XX века должны были убедиться в этом еще раз. И социал-демократы, и социалисты-революционеры одинаково легче всего находили приют в зажиточных крестьянских семьях”.

8 мая 1918 г. Ленин пишет “Основные положения декрета о продовольственной диктатуре”, обосновавшие планы

вождя — надеть на крестьянство смирительную рубашку “военного коммунизма”:

“6) сильнее подчеркнуть основную мысль о необходимости, для спасения от голода, вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба;

7) точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и **не вывозящие их** на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются **врагами народа** и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины...” (36; 316).

Сколько миллионов жертв удалось бы избежать нашей стране, если бы в это время кто-нибудь смог убедить вождя учитывать личный интерес крестьянина! 9 мая 1918 г. Совнарком принял декрет о предоставлении народному комиссару по продовольствию, которым являлся с начала года А. Цюрупа, чрезвычайных полномочий по изъятию у зажиточных крестьян запасов хлеба. В этот же день вождь подписывает “Декрет о продовольственной диктатуре”, которым вводилось материальное вознаграждение за слежку и доносы на соседей: “В случае обнаружения у какого-либо крестьянина или иного владельца избытка хлеба, не заявленного к сдаче, согласно п. 1-му хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки после фактического поступления их на ссыпные пункты и в половинном размере — сельскому обществу.” (Лен. сб. XVIII, стр. 86-87). 13 мая в письме к наркому Ленин высказался за создание в Петрограде “надежной рабочей армии в 20 000 человек для дисциплинированного и беспощадного **военного** похода на деревенскую буржуазию и на взяточников” (50; 72). Как армия может с успехом “воевать” против взяточников — одна из загадок Ильича.

Через пару недель, 26 мая, еще до выступления чешских легионеров и начала гражданской войны, в “Тезисах по текущему моменту” (из 13 пунктов) Ленин уточняет принципы формирования военных подразделений, которые, подобно оккупантам, должны нагрянуть на крестьянство после сбора зерна. Вот некоторые из этих пунктов:

“1. Военный комиссариат превратить в Военно-продовольственный комиссариат — т.е. сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны — на 3 месяца: июнь-август”.

“3. Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних, хотя бы в некоторых областях, для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, оборону и свозу хлеба и топлива”.

“7. В отряды действующей (против кулаков и пр.) армии включить от 1/3 до 1/2 (в каждый отряд) рабочих голодающих губерний и беднейших крестьян оттуда же” (36; 374).

Вождь буквально провоцировал гражданскую войну!

А еще через месяц, 27 июня, на московской профсоюзной конференции Ленин разъяснил рабочим, что забрать хлеб у богатых крестьян и отдать рабочим — это главный “лозунг момента”. Ибо “если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что, может быть, если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по 6 рублей”, а дороже, то такой крестьянин “превращается в эксплуататора — хуже разбойника” (36; 447). Так откровенно призывал вождь к экспроприации хлеба у всего крестьянства, даже не использующего наемного труда. И для социалистического строя это, по словам Ленина, “будет и победа, и хлеб, и правильное распределение хлеба, даже правильное распределение труда, потому что, распределив его правильно, мы будем господствовать над всеми областями труда, во всех областях промышленности” (36; 449). Для реквизиции хлеба после уборки нового урожая намечалось привлечь специально созданные отряды из латышей, а также немецких, австрийских и других военнопленных-“интернационалистов”, которые в чужой стране должны были проявить требуемую “твердость”. Можно было легко спрогнозировать, к чему приведет изымание хлеба у крестьянских семейств, в условиях, когда уже весной 1918 года в “Очередных задачах Советской власти” вождь предостерегал, что в стране “осталось, естественно, немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающими всякую долгую и реакционную войну, создано немало настроений отчаяния и беспредметного озлобления” (36; 174).

Планирование столь свирепых мер можно объяснить тем, что на грани краха оказался большевистский эксперимент первых месяцев после октябрьского переворота: национализации всего и вся, отхода от денежного обращения, введения прямого продуктообмена и т.д.

Конечно, можно было бы с успехом за три года до введения нэп а восстановить рыночные отношения с целью избежать голода, предотвратить кровопролитную гражданскую войну, но это противоречило бы ленинским принципам. Чтобы “не поступиться принципами” — и было решено Ленинским и его ближайшими сподвижниками крайне жестокими мерами забрать у крестьян хлеб нового урожая, а так же прихватить другое имущество.

Именно в первой половине 1918 года Ленин вошел в “раж”, требуя физического уничтожения российского зажиточного крестьянства. Об этом свидетельствует его тесно связанное с событиями в Пензе обращение: “Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!” Приведем отдельные выдержки.

“Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передушить, перерезать сотни тысяч рабочих”. “Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединилось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедности вообще”. “Никакие сомнения невозможны. Кулаки — бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздают восстания кулацкого грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда. И поэтому бой против кулаков мы называем **последним, решительным боем**”. “Кулаки самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов”. “...Едва ли больше 2-х миллионов кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти

пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян. Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!” (37; 39-41).

Обратим внимание — в одном абзаце 2 миллиона богатых крестьян, подлежащих физическому уничтожению, напшны и “кровопийцами”, и “пауками”, и “пиявками”, и “шампирами”. А вот заключительные фразы этого обращения: “...беспощадное подавление кулаков, этих кровопийц, шампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде; — вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса” (37; 42).

Но и ранее, не ограничиваясь общими установками, вождь слал конкретные приказы большевистскому руководству отдельных городов и губерний.

Например, 26 июня 1918 г. в Петроград Зиновьеву: “Если питерцы двинут тысяч 10-20 в Тамбовскую губернию и на Урал и т.п., и себя спасут и всю революцию, вполне и **наверное**. Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель” (50; 106).

Или в Тулу 3 июня: “Сообщите срочно, сколько хлеба ссыпано, сколько вагонов отправлено, сколько спекулянтов и кулаков арестовано” (50; 89).

Туда же, в Тулу 5 августа:

”1) **обобратить** и отобрать все излишки хлеба у кулаков и богатеев всей Тульской губернии.

2) **свезти** весь этот хлеб **тотчас** в Москву” (50; 137).

Можно только предположить, сколько крови пролилось при осуществлении указания главы правительства: “Среди рабочих голодных губерний (и среди голодных крестьян там же) развернуть массовую агитацию: в поход на жнитво в Плещкий уезд!” (50; 138).

Но расскажем подробно об экзекуции над крестьянством лишь Пензенской губернии — ибо именно туда было направлено письмо вождя от 11 августа 1918 года с указанием: “Образец надо дать”. Понимая, что крестьяне добровольно отдавать хлеб не будут, и имея сведения об их сопротивлении, Ленин еще 9 августа дал задание Пензенскому губисполкому: “Необходимо организовать усиленную охрану

из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города” (50; 143-144).

Приказ вождя — арестовывать неповинных в каких-либо проступках граждан и даже не “подозреваемых”, а “сомнительных”, направляя их в концлагеря — неминуемо вел на местах к “беспределу”, хотя, справедливости ради, следует отметить, что не Ленин изобрел концентрационные лагеря — они существовали еще в конце XIX века, англичане использовали их в ходе англо-бурской войны.

Е. Бош свидетельствовала: “Так как руководящие пензенские товарищи были против решительных мер в борьбе с кулачеством, но не возражали по существу полученных директив, а создавали всяческие препятствия и затруднения в проведении их, то мне пришлось ответить Владимиру Ильичу коротко: “Будет исполнено!”

После четких установок на имя трех руководителей Пензенской губернии — “неприменно повесить” не менее ста человек, “отнять у них весь хлеб”, “назначить заложников” и т.д., Ильич на следующий день шлет телеграммы каждому в отдельности. Представителю Москвы Е. Бош: “Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков” (50; 148).

Председателю Пензенского губкома партии и Пензенского губисполкома А. Минкину: “Надо ковать железо, пока горячо, и для этого использовать подавление кулаков для повсеместного беспощадного подавления спекулянтов хлебом, для конфискации у крупных богатеев хлеба и для массовой мобилизации бедноты, наделяемой хлебом” (50; 148).

И, наконец, члену губкома партии и председателю Совета губернских комиссаров В. Кураеву: “Крайне важно собрать и опубликовать факты участия левозесеров в кулацком восстании. Сообщите подробнее, какие меры против левозесеров Вы намечаете” (50; 149).

Раздельное обращение вождя к местным лидерам принесло свои плоды. 13 августа Бош и пензенский губернский комиссар печати А. Кутузов (каждый в отдельности) направили Ленину телеграммы с жалобами на мягкость Минкина. И Ленин на следующий день телеграфирует Минкину: “Получил на Вас две жалобы. Первая, что Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции. Вторая жалоба, что Вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листков, жалуется на недостаток денег. Мы не пожалеем сотен тысяч на агитацию. Требуйте денег срочно от ЦИКа, недостатка денег не будет. Такие оговорки не примем” (50; 149). Для агитации против производителей хлеба — “недостатка денег не будет”!

Изучение ленинского эпистолярного наследия приводит к выводу, что глава советского правительства частенько “крайне удивлялся” и протестовал, когда его подчиненные проявляли “слабость”, “мягкость”, промедление в ужесточении террора как в деревне, так и в городе, которые Ленин объединял и одновременно “разъединял” политикой репрессий. Еще за шесть недель до бурной переписки с пензенским руководством Ленин в письме к Зиновьеву наказывал: “Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего **решает**. Привет! Ленин” (50; 06). Зиновьев вообще получал от Ленина наибольшее число указаний, подобных следующему: “Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря, неопределенных в Орловскую и подобные... губернии”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.9852).

Но в отличие от Зиновьева, безропотно развернувшего под давлением Ленина в Петрограде кровавый “красный террор” — Минкин в Пензе неожиданно взбунтовался! В телеграмме от 19 августа Ленин дает очередной нагоняй пензенскому губисполкому: “Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены вами. Бездеятельность ваша преступна. Надо все силы направить на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение” (50; 156).

И в этот же день Ленин по прямому проводу Минкину: “Глупо спрашивать, может ли наркомфин, еще притом одной области, отменить мое распоряжение. Если это распоряжение будет не исполнено, я отдам виновных под суд. Роту латышей оставьте пока в Пензе до подавления Чембар. Передайте всем членам исполкома и всем коммунистам, что их долг беспощадно подавлять кулаков и конфисковать весь хлеб повстанцев. Я возмущен Вашей бездеятельностью и слабостью. Требую подробных отчетов об исполнении всех моих распоряжений и о мерах подавления и конфискации особенно” (50; 156).

Ильич поистине неутомим! 20 августа он вновь телеграфирует Минкину: “Сейчас прочел вашу докладную записку. Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, впредь до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно сначала против одной волости, доводя дело до конца. Присылайте точный отчет про Чембары. До сих пор у вас был явно не только недостаток сил, но и недостаток энергии, ибо вы могли все же подавить восстание пяти волостей, значит могли бы довести до конца хоть в одной волости. Если будет нужно, пришлем еще сил, телеграфируйте подробнее и точнее, где у вас сколько занято, где, куда, какая подмога нужна” (50; 161).

Пройдет чуть больше суток — и Ленин в ночь с 21 на 22 августа получит телеграмму за подписью ряда партийных руководителей Пензенской губернии о заседании губкома партии, обсудившем выполнение телеграфных указаний вождя. На заседании А. Минкин в ответ на решение членов губкома

послать “продовольственника” и 50 красноармейцев-латышей для подавления восстания крестьян и конфискации у них хлеба заявил, что он отказывается выполнять это решение.

Здесь даже вождь немного растерялся и сбавил свой свирепый тон. 22 августа — новая его телеграмма Пензенскому губкому партии, копия — Минкину: “Не понимаю, как мог Минкин отказаться исполнять постановления большинства губкома. Надеюсь, что это только недоразумение. Настаиваю, чтобы и военное критическое время все дружно работали с наибольшей решительностью, подчиняясь большинству, а конфликты передавали в Цека, не останавливая работы” (50; 166).

И 28 августа — очередная ленинская телеграмма в Пензенский губисполком, теперь уже в минорном тоне: “Крайне прискорбны внутренние конфликты среди коммунистов. Будет позором, если они не уладятся. Выберите тотчас комиссию для улажения в два дня, например, путем раздела уездов между виднейшими работниками, чтобы разнять ссорящихся. Решение комиссии телеграфируйте” (50; 171).

Впрочем, в последующие месяцы вождь был предельно жесток по отношению к своим соратникам в провинции. Один пример — его телеграмма симбирскому губпродкомиссару: “Хлеб от крестьян вы обязаны принимать днем и ночью. Если подтвердится, что вы после 4 часов не принимали хлеба, заставляли крестьян ждать до утра, то Вы будете расстреляны” (50; 238).

А теперь зададим вопрос — какие же страдания испытали пензенские крестьяне в это лето, какой практический результат имел поток неистовых ленинских телеграмм в адрес “недостаточно энергичного” губернского руководителя?

Обратимся к открытому письму лидера левых эсеров Марии Спиридоновой Центральному комитету партии большевиков в ноябре 1918 года. Находясь под арестом после событий 6 июля 1918 г., вошедших в историю под названием “левоэсеровского мятежа”, она тем не менее имела возможность получать письма с мест и знакомиться с обстановкой в стране.

“Я знаю о Пензенской губернии, — писала она. — В Пензенской губернии пороли крестьян, расстреливали, и все, что полагается, они приняли в положенной форме и в установленном порядке. Сначала их реквизировали, порой и расстреливали, потом они стали стеной (кулацкое восстание — говорили

...), потом их умирляли, опять пороли и расстреливали. Наши первые социалисты-революционеры разговаривали с десятками этих, поровших крестьян, “интернационалистов”. С каким презрением говорили они о глупости русского мужика и о том, что ему нужна палка; и какой дикий шовинизм вызвали эти отряды “интернационалистов” в деревнях — передать трудно. История с “комбедами” еще долго не изживется”.

В открытом письме Спиридонова цитирует и отдельные письма крестьян:

“Ставили нас рядом... Целую одну треть волости шеренгой и в присутствии двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети”. “По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по нескольку недель не ложились на спину. Взяли у нас все до чиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить”. “Матушка наша, скажи, к кому же теперь пойти, у нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли — не было достаточно семян, — у нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас нет “буржуазии”, у нас надел $3/4 - 1/2$ на душу, прикупленной земли не было, а на нас наложена контрибуция и штраф, мы побили нашего большевика-комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, сказать тебе не можем, как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли”. “Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы все по закону сполна отвезли на станцию. А они опять приехали. Велели со сходов уйти. Мы их честно стали просить оставить нас. Обед стготовили, все несем, угощаем, что хотят берут, даем без денег, не жалуемся. А они пообедали и начали нас всячески задирать. Одно-го красноармейца поколотили. Они нас пулеметом, огнем. Убитые повалились... И вот пошли мужики потом. Шли шесть волостей стеной, на протяжении 25 верст со всех сторон, с плачем, воем жен, матерей, с причитаниями, с вилами, железными лопатами, топорами. Шли на Совет”.

В ноябре 1918 года Спиридонова справедливо обвинила Ленина и все руководство партии большевиков: “Этой крови вам не смыть, не очиститься от нее даже во имя самых “высоких” лозунгов”.

Одна из моих статей (“Морали в политике нет”, “Комсомольская правда”, 19 февраля 1992 г.) начиналась с цитаты из воспоминаний активного участника событий того периода, автора книги о Николае Баумане “Грач — птица весенняя” Сергея Мстиславского: “Перед разгоном Учредительного собрания был разговор с Лениным группы членов ЦК левых эсеров. Спиридонова говорила очень возбужденно; сказала что-то про “хулиганство” и упомянула о морали. Ленин сейчас же поднял брови: “Морали в политике нет, а есть только целесообразность”. Оппоненты незамедлительно возразили на мою статью — стоит ли, мол, по одному воспоминанию делать категоричные выводы? Но подобных свидетельств — сотни. Ленин многократно утверждал: “Революционная целесообразность выше формального демократизма” (42; 246). И ленинскую “целесообразность” Спиридонова в последний раз ощутила в последние минуты своей жизни, когда ее, старую и больную, “твердые” сталинские костоломы вывели осенью 1941 г. из камеры Орловской тюрьмы и пристрелили.

И какое же безграничное лицемерие проявит Ленин, когда после краха политики “военного коммунизма” заявит, что “насилие по отношению к крестьянам” было бы “идиотизмом, тупоумием и гибелью дела”; скажет о “безобразном поведении местных властей, особенно в захолустье”; признается, что “сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно”.

Впрочем, известный французский журналист Борис Суварин давно уже обратил внимание на многократно повторяемый лейтмотив ленинских высказываний: “Я ошибся... мы ошиблись... я, кажется, сильно виноват перед рабочими России... Тут была также большая моя вина... Мы в России сделали тысячи ошибок... Мы наглумили достаточно в период Смольного... Мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей...”

Злоба, ненависть к крестьянству — к тем, “кто не с нами” — проявились у Ленина по разным причинам. Одна из них — вождь не мог простить крестьянству его патриотизм, любовь к Родине, неприятие чуждого ему пролетарского интернационализма. Объясняя причины поражения Красной Армии под Варшавой летом 1920 года, вождь заявил: “Крестьянство всегда было патриотическими лакеями” (“Исторический архив”, 1992 г., № 1, стр. 25). Действительно, польское крестьянство единодушно выступило против оккупации большевиками территории своей страны. Что ценил Ленин в крестьянстве до октябрьского переворота — так это его стихийный бунт, порыв к поджогам, разграблению и уничтожению дворянских усадеб. “Разинщину” и “пугачевщину”. Именно на открытии памятника Степану Разину на Красной площади 2 мая 1919 г. вождь воздал хвалу “мятежному крестьянству” (38; 326).

9 января 1917 года, то-есть менее, чем за два месяца до Февральской революции в России, 46-летний Ленин свой известный “Доклад о революции 1905 года” в Цюрихе перед молодыми швейцарскими социалистами закончил пессимистическим прогнозом: “Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции” (30; 328). И здесь же: “Крестьянское движение осенью 1905 года достигло еще больших размеров... Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа. К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения.

К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции” (30; 322). Трижды — “к сожалению”!

Впрочем, несколько месяцев спустя после ленинского доклада запылают тысячи усадеб, памятников русской культуры. По Ленину, в этом был “исторический долг” земледельцев.

А вот документ, не вошедший в “полное” собрание сочинений и относящийся к завершающей стадии гражданской войны. Сталин пишет 20 августа 1920 г. проект “Постанов-

ления Совета Труда и Оборона": "Поручить Революционному Военному Совету Республики дать указание Крымскому и Кавказскому фронтам, обязывающее наши дивизии при отходе **забирать** у населения все продовольственные излишки и **обезлошадить** покидаемую нами временно территорию. Утверждено в Совете Оборона. В.Ульянов (Ленин)."

Ленин расписался, пометив: "(не обижая рабочих)". (Лен. сб. XXXV, стр. 144).

Обоих вождей абсолютно не беспокоил тот факт, что полностью лишив крестьян на больших территориях лошадей, они обрекали и крестьян, и рабочих на неминуемый голод.

С окончанием гражданской войны и введением новой экономической политики Ленин стал рассматривать крестьянство как главного врага. В августе 1921 года он утверждал: "Мы поднялись до самой высокой и вместе с тем до самой трудной ступени в нашей всемирно-исторической борьбе. Враг в данную минуту и на данный период времени не тот, что вчера. Враг — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми меньшевиками и эсерами, всей международной буржуазией. Враг — обыденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата" (44; 103).

Как известно, после 6 марта 1923 г. Ленин не написал ни строчки, ни слова не продиктовал. Но в его сумеречном сознании жила еще мысль, он мог кивком, отрицательным покачиванием головы или нечленораздельными звуками выразить свое отношение к тому или другому событию. Об этом докладывалось партийному активу. Так, 26 сентября 1923 г. Г.Зиновьев сообщил на партийном совещании: "Владимиру Ильичу читают газеты, сначала с пропусками, теперь без пропусков. Ему прочитывают оглавление газеты и он выбирает, что ему читать и что не читать... По поводу того, что на Украине у богатых мужиков отбирают излишки, он выразил большое неудовольствие, что "это не было сделано до сих пор..." Видимо, вождь забыл, что уже два с половиной года, как отменена продразверстка, что в стране — нэп. Но что у крестьян нужно отбирать хлеб — это было у него в крови до последних дней жизни.

Глава 6

ЛЕНИН: “МЫ НЕ ОСТАНАВЛИВАЛИСЬ ПЕРЕД ТЕМ, ЧТОБЫ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ПЕРЕСТРЕЛЯТЬ...”

В заголовок вынесена часть заключительной фразы из официально до сего дня не обнародованной речи вождя. Считаю полезным привести целиком эту крупную ленинскую работу — единственную, выявленную мной не в партийном архиве, а в Центральном архиве КГБ СССР. В отдельной папочке хранится стенограмма этой речи, без указания — правлена она или нет. Впервые привел ее в своей статье в “Российской газете”, 5 февраля 1993 г. Ранее речь эта неоднократно упоминалась в многотомных партийных исследованиях. Посмотрим — до чего же далеки от истины были “лениноведческие интерпретации” этой речи! Так, в 8-м томе Биографической хроники жизни и деятельности Ленина отмечено, что 12 января 1920 г. “Ленин выступает (позднее 11 час. 45 мин.) на заседании коммунистической фракции ВЦСПС с речью о коллегиальности и единоначалии в управлении хозяйственными органами, необходимости использовать армию для решения некоторых народнохозяйственных задач. Полемизируя с противниками принципа единоначалия, Ленин говорит о необходимости сочетать коллегиальность с единоначалием — только тогда коллегиальность не превратится в болтовню бездельных людей”.

А в книге второй третьего тома восьмитомной “Истории Коммунистической партии Советского Союза” читаем: “В ряде своих выступлений Ленин обосновал вынужденность и необходимость привлечения армии для решения некоторых

народнохозяйственных задач. На заседании коммунистической фракции ВЦСПС 12 января 1920 г. он высмеял противников использования армии на трудовом фронте, указав и то же время, что создание трудармий вызывается специфическими условиями первых месяцев 1920 года. “Армия находится на Урале... Что же ей делать? Вернуться в Петроград? — спрашивал Владимир Ильич... — Паровозы не ходят. Другая армия идет к югу... Там Донецкая область, и мы не можем оттуда взять войска... Чем ребячеством заниматься, подумайте, что сделать. Народ голодает, железные дороги не возят, а у нас имеется армия, в которой каждый солдат говорит: я теперь знаю, что такое дисциплина”. И далее следует: “Мероприятия по восстановлению народного хозяйства, намеченные Центральным Комитетом партии, подверглись ожесточенным нападкам со стороны Троцкого... Троцкий считал, что методы руководства экономикой, сложившиеся в годы военного коммунизма, присущи самой природе социализма”.

А теперь обратимся к полному тексту стенограммы выступления Ленина, откуда видно, что именно глава правительства в категорической форме выступал за милитаризацию экономики.

“Речь Ленина на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 12 января 1920 года (стенограмма).

“Товарищи! У меня есть одно чрезвычайно проклятое ремесло, которое состоит в том, что я председательствую в Совнарком, и мне приходится страдать почти на каждом его заседании от отвратительной ведомственной драчки. Наркомпрод петухом сидит на Наркомпути и обвиняет его во всех грехах. Сцены бывают такие, что после многократных испытаний я говорю, что когда-нибудь, после одного из наших заседаний, утоплюсь. Я говорю для того, чтобы указать, что и здесь получилась нелепая ведомственная драчка, — и виноват Совнарком. Когда тов. Троцкий говорит, что заменить ВСНХ органами ведомственными — это чепуха, вздор, безумие, можно сказать, что люди это говорят после целого дня, в продолжении которого они имели дело с бюрократической сволочью. Они приходят и говорят такую ведомственную чепуху, что стыдно становится, что приходится тратить на это время. Тов. Троцкий тем хорош, что он этого не делал,

что он свои тезисы закончил таким пожеланием: заведите межведомственные комиссии, что мы и сделали. В своих тезисах он предлагает ЦК дать задание: создайте междуведомственные комиссии; не говорите вы, ведомственники и бюрократы, что [мол] мы, ВСНХ, не хуже, чем военное ведомство. Это хороший способ только срывания дешевых хлопков, только он заключает интересы чисто ребяческие, и отвратительное, глупое занятие препираться, кто лучше: ВСНХ или Наркомпрод. Они все негодны.

Кто поднял эту отвратительную ведомственную драчку? Не тов. Троцкий — в его тезисах ничего нет. Poleмику подняли т.т. Ломов, Рыков и Ларин. Каждый из них имеет самое высокое звание — члена президиума ВСНХ. У них есть председатель ВСНХ, который имеет столько чинов, что если бы я захотел всех их перечислить, я бы пять минут потерял из своей десятиминутной речи. Поэтому напрасно говорят, что здесь, как будто бы, проявлена любезность и радушие и несомненный интерес к этому собранию. Интерес проявлен не потому, что выступал тов. Рыков и другие, которые выступали с отвратительной литературской драчкой. Тов. Троцкий поставил вопрос о новых заданиях, а они преподнесли ведомственную полемику с 7-м Съездом Советов. Что же, мы не знаем, что т.т. Ломов, Рыков и Ларин в своей глупейшей статье не сказали этого прямо? Здесь какой-то оратор говорил: нельзя полемизировать с 7-м Съездом Советов. 7-й Съезд Советов сделал ошибку — говорите прямо, поправляйте на собрании, что это ошибка, а не болтайте о централизации и децентрализации. Тов. Рыков говорит, что о централизации и децентрализации нужно говорить, потому что тов. Троцкий не заметил этого. Человек предполагает, что здесь сидят люди настолько отсталые, что они забыли первые строки тех тезисов тов. Троцкого, которые говорят: “Экономическое хозяйство предполагает общий план...” и т.д. Умеете вы читать по-русски, любезнейшие Рыков, Ломов и Ларин? Вернемся назад, к тому времени, когда вам было по 16 лет, и начнем болтать о централизации и децентрализации. Это — государственная задача членов коллегии, президиума ВСНХ. Это — такой вздор и жалкий хлам, что стыдно и позорно тратить на это время.

Спор начался тогда, когда мы говорили, в чем состоят новые задачи: вопрос шел о коллегии и об единоначалии. Что ка-

гается коллегиальности и единоначалия — это очень дешево, если мы будем говорить на собрании рабочих: мы за коллегиальность, а проводить буржуазные принципы. Полемику эту я слышал в Совнаркоме. Это такая глупость, что только в ведомственной драчке можно говорить это. Коллегиальность превращается в болтовню людей, которые сидят на собрании и разговаривают о том, что единоначалие не есть единственный и достойный способ организации. Конечно, нам нужно, чтобы рабочие учились управлять. Конечно, можно и коллегии научиться. Если не умеют иначе, то пусть остаются в коллегии. Для того, чтобы учиться, не нужно коллегии: берите помощников. Мы будем соединять принцип коллегиальности только для того, чтобы рабочие научились управлять сами, — и принцип единоначалия власти. Коллегия должна быть из 4-5 товарищей, у них помощники. Мы будем иногда употреблять коллегиальность, иногда единоначалие. Коллегиальность оставим для тех, кто слабее, хуже, для отсталых, для неразвитых: пускай скакают, надоест — и не будут говорить.

Война дала умение довести дисциплину до максимума и централизовать десятки и сотни тысяч людей, товарищей, которые гибли, чтобы спасти Советскую Республику. Без этого мы все полетели бы к черту. Юденич придет к весне, Антанта готовит, готовит — мы не знаем, что она изготовит.

Я перехожу к вопросу о демобилизации и использовании военных сил для того, чтобы эти военные силы и военный аппарат суметь приспособить для того времени, которое будет. Мы накануне перевала. Ни одна война так не кончалась, что — расходиться по домам, — и все рады. Демобилизация, пусть все рабочие разъедутся, паек 3-фунтовый получают и т.д. Конечно, собрание, которое знает, какие муки переживают рабочие, как они изголодались — хлопает. Но вы этим дешевые хлопки собираете. Мы все отлично знаем, что голод отчаянный. Но подвезите этот хлеб. Подумайте, что это значит: демобилизация. Кто так говорит — это пустяки, болтовня. Попробуйте демобилизовать 3-ю армию, которая превосходно сделала, что выдвинула свой проект.

Те, кто смеются, те ничего не понимают в современном положении, и неспособны думать. Как бы ни были ошибочны эти проекты — мы разберем в десять минут, но в основном решим так, как это в телеграмме тов. Троцкого было напеча-

тано. Ваша основная мысль заслуживает полного внимания. Армия находится на Урале, на границе Западной Сибири: что же ей делать? Вернуться в Петроград? Она не вернется, паровозы не ходят. Другая армия идет к югу. Десятки миллионов [пудов] соберите. Вы знаете, что нужно собрать 300 миллионов пудов хлеба, а не болтать об экономическом строительстве. Попробуйте собрать эти 300 миллионов пудов. Армия прошла по Западной Сибири, стоит там — и уехать не может. Другая армия прошла к югу от Ростова — уехать не может, потому что там Донская область, и мы не можем оттуда взять войска. Армия входит в Таврическую губернию, берет Мелитополь, где избыток хлеба — ее увести нельзя, потому что там контрреволюционные банды, и хлеб лежит. Об этом никто не думает, о конкретных задачах. Чем ребячеством заниматься, подумайте, что сделать.

Народ голодает, железные дороги не возят, а у нас имеется армия, в которой каждый солдат говорит: я теперь знаю, что такое дисциплина. Там шкурников преследовали и расстреливали. Эта армия тоже с недостатками, ибо в армейском аппарате несколько не меньше глупостей, чем в ВСНХ, в Наркомпути и т.д., и никогда об этом тов. Троцкий не будет писать. Но сейчас это есть аппарат, в котором есть возможность принуждения и дисциплины, и мы говорим: соберем этот хлеб и подвезем, ибо в этом вся наша болезнь. Чтобы собрать 300 миллионов пудов — нужен аппарат. Где он, аппарат? Там, где голодный мужик помогал бы у сытого брать. Мы пришли в губернии сытые. Стыдно говорить об аракчеевщине — это довод дешевого либерализма, это самая дешевая демагогия — называть социалистическую армию, которая развила энтузиазм, как никогда, которая [не] отдала на голодную жертву рабочих Петрограда и Москвы, называть ее дисциплину и организацию аракчеевщиной. До чего мы дошли? Это та же драчка, начатая в Совнаркоме: бери дубину и лупи. Это я имею несчастье видеть на каждом заседании Совнаркома. Это есть не аракчеевщина, а то, чем мы погрешаем и без чего мы не победим.

Если мы Деникина и Колчака победили тем, что дисциплина была выше всех капиталистических стран мира, тов. Троцкий вводил смертную казнь, [что] мы будем одобрять. Он вводил ее путем сознательной организации и агитации коммуни-

стов. Мы уложили десятки тысяч лучших коммунистов за десять тысяч белогвардейских офицеров, и этим спасли страну. Эти методы нужно сейчас применить — без этого хлеба не подвезете. Хлеб имеется в избытке только на Украине. Подвезти хлеб мы не можем, чтобы перевести рабочих на хлебный паек, нужно собрать лишнее. Чтобы заниматься строительством, нужно миллионы рабочих двинуть на работы.

Говорят: хорошо, пускай рабочие из армии придут домой. Никто не пойдет, потому что все знают, что здесь голод. Они останутся в сытых местах, в Мелитопольской губернии и т.д., со своими армиями, которые жрут в три раза больше, но если бы армия не жрала, она бы вас не спасла. Надо подумать не о ведомстве ВСНХ, а о всем положении Республики. Вы разве не читали, что Клемансо сказал, что “я Польшу и Румынию двину”? Как же вы демобилизуете армию? Это — болтовня, а не серьезная полемика. Мы небольшую часть демобилизуем, мы остальную должны держать на случай. А для этого как же быть? Петроградские и воронежские рабочие не могут доехать. Если бы они могли доехать, мы бы их демобилизовали.

Люди говорят: я не хочу сидеть в казарме, я хочу помочь строительству. Это смешно, если так относиться к делу, это позор для понимания государственных задач — тут и полемику делать не стоит. Эти люди сделают на местах столько же ошибок, сколько мы в ВСНХ и проч., но они нас вытаскают, потому что без них мы хлеба и масла из Челябинска не выведем, там аппарата продовольственного нет, и создать некогда. Вы “Азбукой коммунизма” кулака и бандита не победите, тут нужна сила испытанная. Сегодня армия в Мелитопольской губернии — завтра будет в других местах. Всякий разумный рабочий поймет нас и одобрит. Если хотите полемизировать, критикуйте решения 7-го Съезда, только предупреждаю, что на съезде партии и на любом заседании ЦК поьет нас. Бюрократизм, волокита, расхлябанность — мы боремся против этой расхлябанности и бюрократизма, против них нужно вести войну. Кровавая война окончена, а война бескровная, но настоящая война, с военной дисциплиной и воздействием, с предпочтением того, кто воюет, тому, кто сидит дома — она не окончена. Для того, чтобы вести ее, нужны те армии, которые находятся между Польшей и нами, между Деникиным и нами, на Северном Кавказе. Что с этими армиями

делать? Их демобилизовать? Чепуха и больше ничего. Их надо со всем аппаратом, со всем коммунистическим авангардом пустить на то, чтобы хлеб собрали и подвезли. Если мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять, мы не остановимся и перед этим, и спасем этим страну. (Аполдисменты). (Центральный архив КГБ, ф.1, оп.4, № 133).

Скрываемая долгие десятилетия ленинская речь интересна сама по себе, своими отдельными положениями типа “коллегиальность оставим для тех, кто слабее, хуже, для остальных, для неразвитых: пускай покалякают, надоест и не будут говорить”, или “нужно собрать 300 миллионов пудов хлеба, а не болтать об экономическом строительстве”. Не удивительно, что вождь болезненно воспринимал обвинения в насаждении аракчеевщины — ибо подобные обвинения были нередки. Так, в ленинском “секретном” фонде хранится выдержка из статьи в английской газете лидера эсеров Виктора Чернова “Революция и контрреволюция” с пометкой вождя: “В архив”: “Октябрьской революции не было. Был октябрьский переворот. Он был преддверием эволюции от Ленина-Пугачева к Ленину-Аракчееву. Он был преддверием драпирующейся в красные цвета, но самой доподлинной контрреволюции”. (ЦПА ИМЛ. ф. 2, оп. 2, д. 493).

В речи — полная солидарность с Троцким и прямое издевательство над председателем президиума ВСНХ Алексеем Рыковым, который высказывался против “продовольственной диктатуры”, за желательность постепенного отхода от драконовских законов “военного коммунизма”.

Не следует думать, что столь высокомерные реплики в адрес Рыкова, Ломова, Ларина не были характерны для главы советского правительства. Член президиума Главлескома ВСНХ С. Либерман записал доверительный рассказ А. Рыкова: “Вот я сижу у руля социалистического строительства, в ВСНХ. Мне Ильич верит — и как все же трудно с ним. Никак нельзя на него положиться на все 100%. Придешь, обсудишь, договоришься, и он тебе скажет: “Выступи, и я тебя поддержу”.

А как только он почувствует, что настроение большинства против этого предложения, он тут же тебя предаст... Владимир Ильич все предаст, от всего откажется, но все это во

ния революции и социализма, оставаясь верным лишь основной идее — социализму, коммунизму...”

Хорошо знавший Ленина еще с начала русской революции 1905-1907 годов старый большевик Александр Нагловский, первый советский торгпред в Италии и один из первых советских “невозвращенцев”, так описывал “демократизм” заседаний ленинского Совнаркома: “У стены, смежной с кабинетом Ленина, стоял простой канцелярский стол, на котором сидел Ленин... На скамейках, стоящих перед столом Ленина, как ученики за партами, сидели народные комиссары и вызванные на заседание видные партийцы. Такие же скамейки стояли у стен... на них так же тихо и скромно сидели наркомы, замнаркомы, партийцы. В общем, это был класс с учителем довольно-таки нетерпимым и подчас свирепым, осаживавшим “учеников” невероятными по грубости окриками, несмотря на то, что “ученики” перед “учителем” вели себя вообще примерно. Ни по одному серьезному вопросу никто никогда не осмеливался выступить “против Ильича”, единственным исключением был Троцкий... Самодержавие Ленина было абсолютным... Обычно во время общих прений Ленин вел себя в достаточной степени бесцеремонно. Прений никогда не слушал. Во время прений ходил. Уходил. Приходил. Подсаживался к кому-нибудь и, не стесняясь, громко разговаривал. И только к концу прений занимал свое обычное место и коротко говорил: “Стало быть, товарищи, я полагаю, что этот вопрос надо решить так!” Далее следовало часто совершенно несвязанное с прениями “ленинское” решение вопроса. Оно всегда тут же без возражений и принималось. “Свободы мнений” в Совнаркоме у Ленина было не больше, чем в совете министров у Муссолини и Гитлера”. Конечно, на партийных форумах царила более демократическая атмосфера, чем на заседаниях в Совнаркоме.

Думаю, что приведенная выше речь вождя еще раз опровергает миф о “добросердечии” Ленина в противовес жестокосердию Троцкого. Д. Волкогоновым впервые в нашей стране опубликовано письмо Ленина Троцкому от 30 августа 1918 г. в связи с поражениями, которые потерпели отдельные части Красной Армии на Восточном фронте. Эта шифрованная телеграмма была отправлена за несколько часов до

покушения на вождя у завода Михельсона 30 августа 1918 г.: “Свияжск, Троцкому. Получил Ваше письмо. Если есть перевес и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец Французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел Вацетиса, как и командарма под Казанью и высших командиров, в случае затягивания и неуспеха действий?..”

Но Троцкий не стал расстреливать Иоакима Вацетиса, который лишь в середине июля 1918 года сменил изменившего большевикам левого эсера М. Муравьева на посту главного Восточного фронта. Ведь за несколько недель до этого свирепого ленинского письма именно Вацетис спас большевиков, возглавив в качестве командира Латышской стрелковой дивизии подавление левозсеровского восстания в Москве, а затем подавлял выступления М. Муравьева. Вацетис не только не был расстрелян, но через пять дней, 4 сентября, назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами РСФСР. Но “особые меры”, рекомендованные Лениным, Троцкий все же применил сполна. Именно по его указанию военно-полевой суд 5-й армии приговорил к расстрелу каждого десятого красноармейца необстрелянного 2-го Петроградского рабочего полка, а также полковых командира и комиссара. В автобиографической книге “Моя жизнь” Троцкий вспоминал, как на заседании политбюро ЦК РКП(б), предположительно в 1919 году, его обвинили в жестокости по поводу этого расстрела. Тогда Троцкий сказал: “Если бы не мои драконовские меры тогда под Свияжском, мы не заседали бы здесь в Политбюро”.

“Абсолютно верно, — отозвался, по словам Троцкого, Ленин, и стал что-то быстро писать красными чернилами на типовом бланке Председателя Совета Народных Комиссаров. Заседание приостановилось, и через две минуты Ленин передал Троцкому чистый бланк, где внизу его рукой было написано: “Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов-Ленин”.

Следует отметить, что указанный бланк с припиской Ленина хранится в ленинском фонде. “Я вам выдам сколько угодно таких бланков”, — сказал Ленин.

И здесь же Троцкий пишет: “Ленин ставил заранее свою подпись под всяким решением, которое я найду нужным шансии в будущем. Между тем от этих решений зависела жизнь и смерть человеческих существ. Может ли вообще быть большее доверие человека к человеку?”

Кровавые расстрелы по всей стране большевики усилили через несколько дней после ранения Ленина, который, придя в себя, незамедлительно телеграфировал Троцкому и Свияжск: “Благодарю. Выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, и равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет объективно-беспощадное. Лучшие приветы. Ленин” (50; 178).

За какие только проступки ни угрожал Ильич расстрелом! “Я предлагаю назначить следствие и расстрелять виновных в злодействе (28/9 враг мог взорвать мост!!!)”. “Раковский требует подлодку. Надо дать 2, назначив **ответственное лицо**, моряка, возложив на него и сказав: расстреляем, если не доставишь скоро”. (“Лен. сб. XXXVII, стр. 104, 183). “Налягте всю всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников” (50;219). Мельничанскому дайте (за моей подписью) телеграмму, что позором было бы колебаться и не расстреливать за неявку” (50;343). А чего стоила, например, ленинская “наука” Сталину: “Пригрозите расстрелом тому неряхе, который, заведая связью, не умеет дать Вам хорошего усилителя и добиться полной исправности телефонной связи со мной” (51;134).

Претворялись в жизнь и ленинские советы по использованию репрессивного опыта Великой Французской революции. Бывший защитник в революционных трибуналах Сергей Кобяков отмечал: “Новые суды были названы трибуналами (как во время Великой Французской революции). Приговоры этих судов не могли быть обжалованы. Приговор никем не утверждался и должен был приводиться в исполнение в течение 24 часов...” “Якобинцы” и “Термидор”, “Комиссары” и “Вандея” — Ленин часто примерял к российским событиям лексикон французских революционеров. Но не весь опыт якобинцев нашел применение в российских

условиях. Так, не прижились проищенные после покушения на Ленина публичные расстрелы “врагов народа”. С.Кобяков был свидетелем, как в первых числах сентября 1918 года были расстреляны бывшие царские министры Щегловитов, Хвостов, Прютопопов, бывший директор департамента полиции Белецкий, протоиерей Восторгов — всего до 80 заложников: “Расстреляли всех в Петровском парке. Казнь была совершенна публично. Чекисты выкрикивали имена казнимых. Указывая на Щегловитова, они кричали: “Вот бывший царский министр, который всю жизнь проливал кровь рабочих и крестьян...” За несколько минут до расстрела Белецкий бросился бежать, но приклады китайцев вогнали его в смертный круг. После расстрела все казненные были ограблены...” В последующие дни массовые казни большевики проводили в чекистских застенках или безлюдных местах.

“Спасать страну” вождь планировал не только новыми расстрелами тысяч россиян, но и тем, что обрекал тысячи наиболее незащитных своих соотечественников на неизбежную голодную смерть. Чего стоит хотя бы ленинское указание членам Совета обороны РСФСР, последовавшее через две с половиной недели после выступления перед коммунистической фракцией ВЦСПС: “1. Наличный хлебный паек **уменьшить** для неработающих по транспорту; **увеличить** для работающих. Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена” (40; 81). Одна из основ ленинизма — чтобы “спасти” одних, необходимо погубить других.

Конечно, речь здесь шла не о спасении России, а о спасении власти большевиков. Впрочем, эту идею вождь проводил в разных формах. В самый пик голода, 2 апреля 1921 г., Ленин в циркулярном письме предлагал созвать совещание наркомов “по вопросу об оздоровлении фабрик и заводов путем сокращения количества едоков...” Увольнению подлежали рабочие “из крестьян, мобилизованных армейцев и т.п.” (52; 125).

Ленин вообще мало заботился о демобилизованных красноармейцах крестьянского происхождения. Так 5 апреля 1921 г. вождь наказывал Г.Зиновьеву: “Надо в корне изменить: переставать давать что бы то ни было. Ни хлеба, ни одежды, ни обуви. Сказать красноармейцу: либо уходи сей-

чис пешком “без ничего”. Либо жди 1 год на 1/8 фунта и без одёжи, и без обуви. Тогда он уйдет сам и пешком...” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.18195).

На следующий день политбюро ЦК РКП(б), заботясь об экономии на транспорте на обслуживании демобилизуемых крестьян, приняло постановление: “Признать необходимым радикально изменить быстроту демобилизации. Для этого: не везти демобилизуемых по железным дорогам, а отпускать пешим хождением...”

Многие мысли из речи 12 января 1920 г. Ленин повторил, хотя и в не столь откровенной форме, ровно два месяца спустя в докладе о международном и экономическом положении России на XVII Московской губернской конференции РКП(б) 13 марта 1920 г. В этом докладе много неправды. И будто Деникин — помещик, в то время как тот был сыном крестьянина. И будто “Керенский с меньшевиками и эсерами” проводили политику непризнания самоопределения Польши. И что в мире “нет ни одной страны... где бы рабочие не стояли на стороне Советской власти”. Вот отдельные цитаты из этого доклада: “Мы находимся в предсмертной схватке с нашим смертельным врагом, и кто не за нас, тот против нас” (выделено мною — *А.Л.*). “Война кончена на фронте кровавом, война продолжается на фронте бескровном. Эта война такая[же] беспощадная, жестокая, как всякая другая война, и тут ни сомневаться и ни рассуждать некогда, и мы этого не допустим...”, “кто мешает, мы того устраним”.

Много в этом докладе критики “коллегиальности”: “...в вопросах коллегиальных мы говорим, что мы должны стать опираясь на единство пролетариата”; “опасность будет в том, что коллегиальность будет потерей времени на рассуждения”; “пусть не будет у нас ни малейшей потери времени, ни малейшего колебания., ни малейшей расплывчатости, неопределенности, которые часто бывают в коллегии, этого мы допустить не должны”.

Но главная мысль вождя в этой речи — милитаризация народного хозяйства: “Мы имеем большие армии, больше, чем нужно, но не можем ни распустить их, ни быстро перебросить на необходимый фронт. Поэтому нужно их использовать... милитаризация труда является невыдуманной, она является необходимостью, продиктованной крайней степе-

ную разорения... иначе, как милитаризацией, военной доблестью, военной концентрацией сил, нам из кризиса не выйти". (Лен. сб. XXXVIII, стр. 293-303).

Само собой разумеется, что ленинская политика милитаризации неминуемо должна была привести к использованию красноармейских штыков и в отношениях с соседями, об этом непрямо говорил вождь в политическом отчете на IX партийной конференции 22 сентября 1920 г.: "...период оборонительной войны кончился (я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать)... И в то время мы Керзону ответили: "Вы ссылаетесь на "Лигу Наций". Но что такое "Лига Наций"? Она плевка не стоит. Еще вопрос, кто решит судьбу Польши. Вопрос может решиться не тем, что скажет "Лига Наций", а тем, что скажет красноармеец".

Не имеют под собой никакой почвы утверждения, будто вождь выступал за милитаризацию народного хозяйства лишь на период гражданской войны. Достаточно привести выдержки по "вопросу о хозяйственном использовании армии" из его письма Э.Склянскому от 30 мая 1921 г.: "План электрификации, рассчитанный (первую очередь работ) на 10 лет, требует 370 миллионов рабочих дней. В год это дает на одного человека из армии (37:1,6)=24 рабочих дня, т.е. **два дня в месяц**. Конечно, условия размещения армии, перевозка на места работы и пр. и пр. создадут тьму трудностей, но все же армия может и должна (**при помощи всеобща**) оказать громадную помощь делу электрификации. К великому этому делу надо армию привязать — и идейно, и организационно, и хозяйственно — и работать над ним систематично" (52; 229-230).

Напомним, что основными оппонентами Ленина, призывавшими перейти от политики "военного коммунизма" к новой экономической политике, были во второй половине 1919 — начале 1920 года не "мягкие" большевики типа Рыкова или Ломова, а руководители меньшевиков и эсеров. Как свирепел Ильич, доказывая, что "даже лучшие из меньшевиков и эсеров защищают как раз **колчаковские** идеи, помогающие буржуазии и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело. Эти идеи: народовластие, всеобщее, равное, прямое избирательное право, Учредительное собрание, свобода печати и прочее" (39; 156-157).

Выступавший за “свободу печати” уральский большевик П. Мясников в начале 1922 года был исключен из партии, а 5 августа 1921 г. вождь в письме к нему растолковывал: “Мы идём “чистой демократией” смеемся... Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния попов и помещиков, как РСФСР. Эту задачу “свободы печати” мы выполняли и выполняем **лучше всех в мире**” (44; 78-79). Что правда, то правда — нигде в мире не утвердилась такая односторонняя информация, как в Советском Союзе.

Доставалось от вождя и зарубежной социал-демократии: “какой безграничной теоретической нелепостью, каким тугоумием является ходячее, мелкобуржуазное представление о переходе к социализму “через демократию” вообще, которое мы видим у всех представителей II Интернационала” (19; 281).

Но особое бешенство вождя вызывал тот непреложный факт, что “крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом есть государственное преступление: “Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать” — так рассуждает крестьянин, по привычке, по старинке. А мы говорим, что это государственное преступление. Свободная торговля хлебом означает обогащение благодаря этому хлебу, — это и есть возврат к старому капитализму, этого мы не допустим, тут мы будем вести борьбу во что бы то ни стало” (39; 315).

Ленин упорно, до предельных возможностей отстаивал методы “военного коммунизма”. Даже Троцкий значительно раньше него начал выступать за необходимость новой экономической политики. Это подтверждается рядом документов, в том числе и воспоминаниями самого Троцкого “Моя жизнь”:

“Зимние месяцы 1919-1920 гг. я провел на Урале, где руководил хозяйственной работой. Ленин по телеграфу обратился ко мне с предложением: взять на себя руководство транспортом и попытаться поднять его при помощи исключительных мер. Я ответил с пути согласием.

С Урала я привез значительный запас хозяйственных наблюдений, которые резюмировались одним общим выводом: надо отказаться от военного коммунизма. Мне стало на прак-

тической работе совершенно ясно, что методы военного коммунизма, навязывавшиеся нам всей обстановкой гражданской войны, исчерпали себя, и что для подъема хозяйства необходимо во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т.е. восстановить в той или другой степени внутренний рынок. Я представил центральному комитету проект замены продовольственной разверстки хлебным налогом и введения товарообмена... В начале 1920 года Ленин выступил решительно против этого предложения. Оно было отвергнуто в центральном комитете одиннадцатью голосами против четырех. Как показал дальнейший ход вещей, решение ЦК было ошибочно. Я не перенес вопроса на съезд, который прошел полностью под знаком военного коммунизма. Хозяйство еще целый год после того билось в тупике. Мои разногласия с Лениным выросли из этого тупика”.

Меня сегодня просто поражает, когда некоторые серьезные исследователи ставят введение нэпа в заслугу Ленину. Да ведь он судорожно держался за “военные методы” до конца! Когда уже несколько месяцев на Тамбовщине под руководством А.Антонова бушевало восстание крестьянства, не выдерживавшего большевистского грабежа, в разгар Кронштадтского восстания, правда о котором раскрывается лишь в наши дни, вождь в речи на X съезде РКП(б) 8 марта 1921 г. еще вел “арьергардный бой” против сторонников новой экономической политики, заклиная: “Свобода торговли, даже если она в начале не связана с белогвардейцами, как был связан Кронштадт, все-таки неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации. И, повторяю, эту политическую опасность мы должны сознать ясно” (43; 25).

Правда, когда нэп был уже “объявлен”, Ленину пришлось укрощать еще более фанатичных приверженцев “военного коммунизма”, чем был он сам. Но хотя и пришлось уступить в экономике — Ленин продолжал отстаивать методы террора в управлении страной. И через семь месяцев после X съезда партии в речи “Новая экономическая политика и задачи политпросветов” он утешал аудиторию: “Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой” (44; 165).

Но что для Ленина означало внедрение “осадой и сапой” новой экономической политики — при сохранении его никогда не менявшихся установок на террор, аресты, расстрелы? Вдумаемся, как представлял себе вождь восстановление рыночных отношений в Советской России в начале 1922 года. Указывая Григорию Сокольникову — в тот период фактически руководителю народного комиссариата финансов — на необходимость со стороны наркомата “установить действительный, реальный контроль и проверку” трестов и предприятий, Ленин разъяснял: “Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за убыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может быть, с применением по истечении срока условного освобождения), конфискацией всего имущества и т.д.” (54; 150).

В том же духе спустя десять дней Ленин напоминал Сокольникову: “Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность и за **убыточное** ведение дела? Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд **образцовых** процессов с применением **жесточайших** кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует **новых** способов **новой жестокости** кр” (54; 160).

И 3 марта 1922 г. глава правительства разъясняет своему заместителю Л.Каменеву: “Величайшая ошибка думать, что **нэп** положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому” (44; 428).

И появился в застенках ЧК новый “контингент”: неудачники-члены разного рода правлений — “за неправильную отчетность”, “за убыточное ведение дел”.

Глава 7

“НЕМЕЦКОЕ ЗОЛОТО” ДЛЯ ЛЕНИНА

В 1993 году было возбуждено уголовное дело по расследованию спустя многие десятилетия фактов, связанных с обстоятельствами убийства царской семьи. По меньшей мере, не менее важно, на мой взгляд, расследовать на государственном уровне и такой вопрос — получали ли большевики тайно деньги из Германии как для совершения октябрьского переворота, так и для укрепления Советской власти после него. И если получали, то какие суммы. От исчерпывающего ответа на эти вопросы зависит трактовка всей российской истории Советского периода.

Хотя это и не бесспорное утверждение — но, помимо, бесполезно обратиться к немецкому происхождению матери вождя. Если, как мне кажется, ни еврейская, ни калмыцкая культура не оказали никакого влияния на воспитание Володи Ульянова (напомним, что дед вождя по материнской линии был крещеным евреем, а бабушка по отцовской — калмычкой), то следует учитывать обстановку пиетета в семье Ульяновых ко всему немецкому, прежде всего к свойственным этой нации организованности, аккуратности.

Не удивительно, что в работах Ленина можно встретить множество утверждений типа “русский рабочий — плохой работник”, “надо русского дикаря учить с азов” или “в России азиатства хватит на триста лет”. Но только недавно впервые обнародована датированная 1918 годом записка вождя представителю Советской России в Швейцарии Я.Берзину

с указанием, чтобы для написания пропагандистских брошюр он привлек “Колнера или Шнейгера из Цюриха”, Нубакера из Женевы, итальянцев из Лугано — платить им “за работу и поездки архи-щедро”, а “русским дуракам раздайте работу: посылать вырезки, а не случайные номера (как делали эти идиоты до сих пор). Назначьте поименно ответственных за это лиц и мы их приструним...” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д.125).

В одной из записок Г. Зиновьеву Ленин перечислил меры, которые необходимо предпринять для завершения корректуры его работы, резюмировав: “Без этого “советская” сволочь ничего не сделает!” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.12072).

Впрочем, наиболее одиозные письма Ленина с бранью и угрозами в адрес своих подчиненных хранятся в архиве Президента РФ и впервые опубликованы Д. Волкогоновым. Один пример — в феврале 1922 года вождь направил Сталину и Каменеву записку по поводу бюджета партии, в которой указал, что “всегда успеем взять говно в эксперты: сначала попытаем выделить нечто путное”. Ленин потребовал “подтянуть шваль и сволочь, нежелающих представлять отчеты... Приучите этих говняков серьезно отвечать и давать полные точные цифры”. (АПРФ, ф. 3, оп. 30, д.196).

Или записка Ленина от 20 февраля 1922 г.: “Т.Каменев! По-моему, надо не только проповедовать: “Учись у немцев, паршивая российская коммунистич[еская] обломовщина!”, но и **брать в учителя** немцев. Иначе — одни слова. Почему не начать с тех немцев, кои (как Вы видели) поставили в Москве образцовое дело?” (“Изв. ЦК КПСС”, 1990 г., № 4, стр.190). Речь здесь шла о немецких врачах.

Подобных ленинских утверждений немало. Приведем еще одно, не вошедшее в “полное” собрание сочинений — из письма к заместителю наркома Рабоче-крестьянской инспекции В. Аванесову: “Оказывается, что Вы еще не уехали. Говорят, — со слов д-ра Рамонова, — что думаете о Крыме. Умоляю этого не делать. Знаю Крым со слов брата (и сестра была там летом). Не лечение, а мученье. Здоровый заболает. Это верх безумия.

Перестаньте нервничать и колебаться. Немцы и **только они** вылечат верно, надежно и быстрее всех других”. (Лен. сб. XXXVII, стр.360). И большевистская элита в голодные

годы тратила колоссальные суммы на лечение и отдых в Германии.

Что касается вообще денежных дел Ленина, то на эту тему за последние годы написано немало. Но и сегодня за семью замками хранятся документы типа следующего ленинского рукописного письма на французском языке, которое публикуется впервые:

“Национальная учетная контора в Париже

Agence V-85. Avenue d’Orleans

11 августа 1909

Господин!

Вы продали согласно моему распоряжению принадлежавшие мне 45 метро. Теперь я Вас прошу продать с моего счета остаток, то есть все метро, которые имеются на моем счету. Я уполномочиваю г-на Любимова (7, Rue Cambragne Premiere, Paris XIV) передать Вам это письмо и сообщить Вам все необходимые сведения. Если г-н Любимов будет требовать продажи еще других бумаг с моего счета, то я Вас прошу выполнить все его распоряжения. В приложении я высылаю чек г-ну Любимову на сумму 25.000 франков /двадцать пять тысяч франков/.

Я вас прошу, господин, подтвердить мне получение этого письма по следующему адресу:

Mr. Wl. Oulianoff (chez madam Lecreux). Bombon(Seine-et-Marne).

Примите самые большие заверения

Владимир Ульянов

4, Rue Marie Rose Paris”. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 26325).

Естественно, происхождение подобных крупных денежных сумм требует специального исследования. Зададимся лишь вопросом, почему этот документ до сих пор строго засекречен? Может, достаточно ясен преступный след появления у Ленина этих денег путем “экспроприации”, т.е. прямого грабежа, производимого большевистскими боевиками под руководством Л.Красина или самого И.Сталина в те годы? Ведь впервые опубликованные Д. Волконоговым расписки вождя о получении крупных сумм из “наследства Шмита” датированы лишь ноябрем 1909 года. А может, получается чрезмерный контраст между легендой о якобы бедственном материальном поло-

жении вождя и забираемыми им со своего счета суммами?

И второе, впервые мной опубликованное, письмо рукой Ленина к неизвестному адресату без даты. Анализ показал, что написано оно в Швейцарии в годы первой мировой войны: *“Уважаемый товарищ! Я думаю, на основании всех Ваших данных и соображений, следует непременно Вам принять участие и дать доход партии /которая страшно нуждается/. (Официально двигать этого вопроса не могу, ибо нет времени созвать собрание, да и нет надобности, ввиду автономии местных групп. Устраивайте поскорее и шлите сообщения /а лучше деньги/. Лучшие передайте все это устно: к чему тут письменность?”* (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп.1, д. 3507).

Как видно, Ильич был против “бюрократизма” при получении денег — достаточно, мол, устной договоренности. Естественно, вождь не был намерен оставлять следы и при получении денег, выделенных большевикам германским Генеральным штабом. “Германский след”, тем не менее, остался. На сегодняшний день выявилось два связанных между собой потока денег, поступавших большевикам из Германии. Первый — через посредничество деятеля германского и российского рабочего движения Александра Парвуса (Гельфанда), доверенного лица вождя Якова Ганецкого с участием М.Козловского и Е.Суменсон, а также Карла Радека. Именно этот путь подробно рассмотрен в разделе “Парвус, Ганецкий и “немецкий ключ”?” монографии Д.Волкогонина “Ленин”. Как известно, еще в 1958 году английский ученый З.Земан опубликовал обнаруженные после второй мировой войны секретные немецкие документы, доказывающие, что Германия субсидировала большевистский переворот. Сборник документов назывался “Германия и революция в России (1915-1918). Документы из архивов германского Министерства иностранных дел”. Но и сегодня некоторые серьезные ученые не считают эти документы стопроцентным доказательством поставок большевикам “немецкого золота”. А вдруг это фальшивка германских спецслужб? Так же оппоненты могут не принять на веру воспоминания германского генерала Эриха Людендорфа, фактически командовавшего в тот период всеми вооруженными силами Германии, по поводу возвращения Ленина на родину в ап-

реле 1917 года: “Помогая Ленину проехать в Россию, наше правительство приняло на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданным. Россию нужно было повалить”. Идут споры по поводу противоречивости воспоминаний оправдывавшегося А. Керенского о “немецких деньгах”. Должны быть найдены подтверждения тому, что, по утверждению Керенского, германский Генеральный штаб и руководство большевиков летом и осенью 1917 года “работали на фронте и в тылу, координируя свои действия. Обратите внимание: на фронте наступление (Тернополь) — в тылу восстание. Я сам тогда был на фронте, был в этом наступлении. Вот что тогда было обнаружено. В Вильне немецкий штаб издавал тогда для наших солдат большевистские газеты на русском языке и распространял их по фронту. Во время наступления, приблизительно 2-4 июля, в газете, изданной немцами и вышедшей приблизительно в конце июня, сообщались, как уже случившиеся, такие факты о выступлении большевиков в Петрограде, которые произошли позднее. Так немцы в согласии с большевиками и через них воевали с Россией... Австрия готова была выйти из союза с Германией и искала сепаратного мира. Германия спешила совершить у нас переворот осенью 1917 года, стараясь предупредить выход из войны Австрии. Я констатирую Вам следующий факт: 24 октября 1917 года мы, Временное правительство, получили предложение Австрии о сепаратном мире. 25 октября произошел большевистский переворот. Так немцы форсировали ход событий...”

Требует пересмотра широко распространенное мнение, что подлогом являются все так называемые “документы Сиссона”, впервые обнародованные осенью 1918 года в США правительственным Комитетом общественной информации с санкции президента В. Вильсона. Так вот, я выявил стопроцентное доказательство получения большевиками во главе с Лениным немецких денег. Это — тот факт, что документ, идентичный давно известному документу из числа собранных В. Сиссоном и опубликованных в США — хранится в ленинском “секретном” фонде с пометкой вождя. Минимальное разночтение в их текстах объясняется тем, что “документ Сиссона” известен нам в двойном переводе — на

английский язык и с английского. Я не причисляю себя к первым публикаторам этого документа, но утверждаю, что приводимое мной неоспоримое доказательство его подлинности снимает малейшие сомнения в получении Лениным немецких денег (См. мою статью “Шел поезд через Европу”, “Российская газета”, 9 декабря 1993 г.).

Вот этот датированный 16 ноября 1917 года документ на бланке Народного комиссара по иностранным делам с грифом “совершенно секретно”:

”Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об “измене” товарища Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, включающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина. Уполномоченные народным комиссаром по иностранным делам

Е.Поливанов

Г.Залкинд”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д. 226).

Летом 1917 года Ленин и его ближайшие соратники оказались буквально на шаг от скамьи подсудимых (очно или аночно) по обвинению в преступных связях с германскими властями. При Временном правительстве органы дознания подготовили “Дело по обвинению Ленина, Зиновьева и других в государственной измене”. Как теперь известно, из нескольких шкафов с документами, перепиской большевиков, собранных в 1917 году контрразведывательными органами Временного правительства, на сегодняшний день сохранилась лишь 21 папка с делами.

Таким образом, уничтожив вещественные улики своего сговора с германскими правящими кругами, Ленин и его сообщники оставили потомкам документ, подтверждающий акцию по тайному изъятию этих улик. Доказательность это-

го документа не меньше, чем если бы была найдена заверенная нотариусом расписка вождя в получении немецких денег. Тем более, что содержание этого документа соответствует свидетельству Керенского: “Временное правительство точно установило, что “денежные дела” Ганецкого с Парвусом имели свое продолжение в Петербурге в Сибирском банке, где на имя родственницы Ганецкого, некоей Суменсон, а также небезызвестного Козловского хранились очень большие денежные суммы, которые через Ниа-банк в Стокгольме переправлялись из Берлина при посредничестве все того же Ганецкого”.

Здесь уместно рассмотреть вопрос — можно ли считать Ленина “немецким агентом” или “немецким шпионом”, каковым безусловно являлся А.Парвус? Видимо, стремясь избежать подобных оценок, современные сторонники Ленина столь рьяно продолжают опровергать возможность получения Лениным немецких субсидий. Но ведь сам вождь неоднократно подчеркивал, что для свержения царского самодержавия готов пойти на союз с кем угодно. В начале первой мировой войны он прямо указывал: “...для нас, русских, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса России, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что **наименьшим** злом было бы теперь и тотчас — **поражение** царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма” (49; 14).

Напомним, что еще в 1924 году в Ленинском сборнике II под редакцией Л.Каменева было опубликовано сообщение Министерства внутренних дел Австро-Венгрии в Дирекцию полиции г. Кракова от 23 августа 1914 г. по поводу Владимира Ульянова, арестованного после начала первой мировой войны, а затем выпущенного на свободу. Как известно, за освобождение Ленина ходатайствовал влиятельнейший австрийский социал-демократический лидер Фридрих Адлер. Так вот, в указанном документе говорилось, что “по мнению д-ра Адлера Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях” (стр.183).

Естественно, вскоре после начала войны соответствующие органы Германии и Австро-Венгрии развернули слежку за деятельностью своего союзника Ленина, отдававшего всю свою колоссальную энергию делу поражения России в

войне, причем поражения не только царского самодержавия, но и затем республиканской России при Временном правительстве. В свою очередь, Ленин уже в 1918 году, пребывая в кресле председателя Совнаркома, рассматривал партию большевиков как союзника кайзеровской Германии. Он писал В.Воровскому, советскому полпреду в Скандинавских странах: *“...”помощи” никто не просил у немцев, а договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и на Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами”.* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.122).

Да, именно “совпадение интересов” объясняет щедрость кайзера, передавшего многие миллионы немецких марок большевикам, а также претворение в жизнь принципа “морали в политике нет” Лениным, “умно” использовавшим эти марки для военного поражения своей страны и прихода благодаря этому к власти большевиков. Ленин открыл “второй фронт” против России, а кайзеровская Германия оказалась кредитором октябрьского переворота.

Но был еще один путь перекачки немецких денег большевикам — через посредничество швейцарского социал-демократа, германского и австрийского агента Карла Моора, которого условно можно назвать “интендантом № 2” после Парвуса. Рассматриваемой проблеме с использованием никогда не публиковавшихся документов я посвятил ряд статей (“Ленин и “немецкое золото”, “Демократическая газета”, 25, 27 декабря 1991 г.; “Немецкие деньги для Ленина”, “Российская газета”, 29 сентября 1992 г.)

В многочисленных зарубежных источниках опубликованы документы, неопровержимо свидетельствующие, что Карл Моор являлся секретным штатным агентом германской и австрийской разведок (агентурная кличка в немецких документах — “Байер”). Это имя стоит под многими донесениями о положении в России, о деятельности большевиков во главе с Лениным. Донесения эти ложились на стол к самому германскому канцлеру. Например, в переизданном в 1990 году в Москве сборнике германских документов с предисловием Вернера Хальвега “Возвращение Ленина в Россию в 1917 году” документ № 100 — донесение агента Байера о последнем поезде с российскими политэмиг-

рантами, проследовавшими из Швейцарии через Германию в Россию летом 1917 года. Оригинальное издание на немецком языке вышло в свет еще в 1957 году, когда не было документально доказано, что Байер и Карл Моор — одно лицо. Но более 30 лет спустя, в советском переиздании, этот факт необходимо было, безусловно, оговорить.

Ленин и Карл Моор — тема многочисленных зарубежных публикаций как на немецком (например, монография известного швейцарского историка Леонарда Хааса “Карл Вайтел Моор. 1852-1932. Жизнь для Маркса и Ленина”), так и на английском языке (например, опубликованная в Лондоне в 1970 г. статья Х.Шурера “Карл Моор — германский агент и друг Ленина”).

“Жизнь для Ленина”, “друг Ленина” — подобная характеристика Карла Моора, на мой взгляд, явное преувеличение. Но пути двух этих политических деятелей скрещивались многократно. Познакомиться они могли еще в 1910 году на Копенгагенском конгрессе II-го Интернационала. Там оба — совместно с Г.Плехановым, Р.Люксембург и другими — подписали поздравительную открытку ко дню рождения болгарской революционерки Тины Кирковой.

Впервые имя Моора в работах Ленина встречается лишь с осени 1913 года в его письмах к своему соратнику Г.Шкловскому. К “немецким деньгам” эта переписка отношения не имела, хотя в основе ее были тоже деньги, но так называемые “держательские”. Речь шла о значительной сумме, которую погибший в московской тюрьме в 1907 году революционно настроенный владелец мебельной фабрики Николай Шмит завещал российским социал-демократам. Впоследствии Ленин вел обширную переписку, добиваясь, чтобы вся сумма этих “держательских” денег (названных так, ибо они составили фонд, “держателями” которого в роли третейских судей стали видные германские социал-демократы Карл Каутский, Клара Цеткин и Франц Меринг) досталась большевикам, а не делилась с меньшевиками. Привлекая к этому делу швейцарского адвоката К.Цграгена, Ленин надеялся использовать и авторитет Карла Моора, с которым он намеревался сотрудничать в рамках Международного социалистического бюро (МСБ) — исполнительного органа II Интернационала, в том числе в оказании давления на прав-

ление Социал-демократической партии Германии. Вот выдержки из нескольких ленинских писем, отправленных из Австрии в Берн; “Насчет Моора хорошо, что Вы поговорили. Нам вообще информировать социалистов хоть с каким-нибудь положением в Интернационале полезно. Если бы Моор согласился написать в Правление или подписать письмо Цграгена, это бы чудесно, но платить ничего не можем (посоветуйте Цграгену достать подпись Моора, Цграген сам с ним рассчитается)”. “Подпись Моора под письмом Цграгена была бы **очень** желательна”. “С Моором поговорите особо: нельзя ли написать с ним **текст** его речи в МСБ? Согласится ли он **прочсть**?” “Посмотрим, чего добьются наши враги в Бюро. Говорили ли с Моором? Едет ли он? Способен встать **за нас** (за 6 против 7) или нет?” (Лен. сб. XXXVIII, стр.111, 113, 127, 131).

В довоенный период Карл Моор, по-видимому, ничем не помог большевикам. Г.Шкловский меланхолически сообщил вождю в апреле 1914 года: “От Моора толку не добьешься, а больше не к кому обратиться”.

Ленин не терял надежды “отсудить” для большевиков “держательские” деньги и в годы первой мировой войны. (Кстати, деньги эти большевикам так и не удалось получить). Тому же Шкловскому он напоминал в августе 1916 года:

“Добыли ли от Моора печатный экземпляр “бумаги” по делу Ц.? **Это необходимо. Не забудьте!** Надо добыть во что бы то ни стало, а то потеряет, мерзавец”. “Вы забыли мне ответить по одному пункту, именно насчет печатного документа, который мы с Вами снесли — помните? — адвокату для Моора. Надо во что бы то ни стало вытребовать этот документ назад. Не забывайте, пожалуйста, навещать иногда этого адвоката и “ловить” иногда Моора, чтобы вытянуть сей документ” (49; 275, 276).

Не следует заблуждаться в оценке Лениным Моора. Напомним, что “мерзавцами” или “негодяями”, “сволочью” или “идиотами” он называл в переписке и таких крупных деятелей мирового рабочего движения, как Георгий Плеханов или Роза Люксембург. Таков уж был эпистолярный стиль вождя!

Документально подтвержден лишь один прямой контакт Ленина с Карлом Моором без посредничества Шкловского в военные годы.

В Швейцарии еще в 70-е годы было опубликовано факсимиле заявления от 17 января 1916 г. о продлении местными властями разрешения на проживание российского литератора-эмигранта в швейцарской столице, написанного рукой Моора (члена кантонального парламента и правительства в Берне) и подписанного Владимиром Ульяновым. Заявление это обращено к руководителю полицейского управления кантона Берн государственному советнику Чуми, начало его гласит: “Приблизительно год назад мне было позволено в сопровождении господина старшего советника Карла Моора ходатайствовать перед Вами о получении разрешения на жительство. Вы были столь любезны дать мне вид на жительство без депонирования 100 франков, к которым позднее должны были быть добавлены еще 200 франков”.

Таким образом из документа видно, что Моор защищал интересы Ленина перед бернскими полицейскими властями еще в начале 1915 года. Далее в заявлении говорилось: “Я депонировал 100 франков. Сейчас вопрос стоит об обновлении вида на жительство с 1 января 1916 года. Я не в состоянии депонировать дополнительно 200 франков. При ненормально плохом обменном курсе русский рубль меняется на 130, вместо 265-267. Его курс упал таким образом более чем наполовину. При существующем положении вещей было бы хорошо и вообще справедливо, чтобы проживать здесь далее и не предпринимать ничего иного, как депонировать требуемую сумму. Однако мне хотелось бы попросить Вас освободить меня от этого вклада и предоставить мне вид на жительство без внесения залога”.

Просьба Ленина была удовлетворена. Когда он в феврале 1916 года переехал на жительство в Цюрих, то в уже упомянутом письме Шкловскому в августе 1916 года после указания “ловить” иногда Моора следовало: “Еще просьба: в Берне я заплатил 100 frs залога в полицию. Не можете ли Вы через секретаря, который так Вас высоко ценит, походатайствовать, чтобы их перевели в Цюрих как мой залог, а то здесь тоже требуют залога” (49;276).

В Швейцарии опубликован также документ, свидетельствующий, что Моор давал поручительство на жительство в Берне Инессе Арманд.

Сам же Моор в речи перед профсоюзным активом Москвы 22 августа 1918 г. заявил: “Я ручался за “хорошее” поведение товарищей Ленина и Зиновьева, как я часто делал это и раньше. Ленин направил соответствующее письмо бернскому правительству. Теперь оно решило эту переписку хранить в Бернском государственном архиве как исторический документ”.

Нет сомнения, что ни Ленина, ни его окружение в годы эмиграции нельзя обвинять в контактах с Моором, который, по-видимому, до начала 1917 года еще не был секретным германским агентом. Его первые, известные на сегодняшний день, донесения были направлены в германское посольство в Берне лишь весной 1917 года. И когда Ленин в ходе Циммервальдской конференции в сентябре 1915 года спланировал своих сторонников, организуя будущее ядро Коммунистического Интернационала, и вносил имя Карла Моора в список участников конференции, то он, естественно, не мог располагать никакими компрометирующими документами, свидетельствующими о “двойной игре” последнего. Более того, деятельность Моора как германского секретного агента была документально доказана только после второй мировой войны.

По дороге из эмиграции в Россию Ленин весной 1917 года организовал в Стокгольме Заграничное Бюро ЦК партии большевиков, в составе В.Воровского, Я.Ганецкого и К.Радека. Одной из важных задач этого Бюро помимо участия в подготовке так называемой 3-й Циммервальдской конференции, которая состоялась в Стокгольме в первой половине сентября 1917 года, был поиск средств для свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков. Причем старый большевик В.Воровский станет после октябрьского переворота первым полпредом Советской России (в Скандинавских странах) и будет посредником между Лениным и кайзеровским правительством.

А пока германские спецслужбы нашли наиболее удобным организовать передачу денег большевикам в форме “частного пожертвования” и направили в Стокгольм в качестве посредника своего агента Карла Моора.

Пройдет восемь лет — и когда престарелый Моор попытается вернуть себе эти деньги, в высших эшелонах больше-

вистской власти завяжется бюрократическая переписка, впервые опубликованная в 1993 году в журнале “Отечественная история”.

26 сентября 1925 г. бывший управляющий делами Совнаркома Н.Горбунов направил Я.Ганецкому письмо, которое начиналось с исторической справки:

“Ко мне явился Карл Моор и снова поставил вопрос о выдаче ему той суммы денег, которую он в июле-августе 1917 года одолжил партии. Его претензии сводятся к 35000 долларов. Моор в 1921 г. был у тов. Ленина, свидания не получил, но Владимир Ильич прислал ему записку, в которой обласкал Моора и указал, чтобы по всем деловым вопросам он обратился ко мне. На основании личного указания Владимира Ильича я говорил тогда с Вами и тов. Радеком, передал мнение Владимира Ильича немедленно расчитаться с Моором и направил К.Моора к Вам”.

А вот начало объяснительной записки Управления делами и финансового отдела ЦК ВКП(б) на имя секретаря Центрального комитета С.Бубнова:

“В 1917 г. и последующие сроки Заграничное Бюро ЦК одолжило одновременно у Моора Карла денежные суммы, именно тт. Ганецким, Воровским и Радекам, всего 32837 долларов. Из представленного объяснения и расчета Моора видно, что об этом знал т. Ленин...”

Здесь же приводится перерасчет суммы долга Моору с выводом: “Осталось заплатить 35079 долларов”.

К этой записке приложена справка, в которой, в частности, указывалось: “Здесь речь идет о суммах, которые Воровский и Ганецкий потребовали (!) у М. и определенно назвали их ссудой, обещав, что ссуда эта будет ему возвращена сейчас же после завоевания политической власти. Тов. Ленин знал об этом и очень благодарил тов. М. за это. Это была помощь в самое тяжелое время 1917 года и требовалась для удовлетворения необходимейших потребностей. В начале 1919 года тов. Ленин предпринял шаги к возврату этой ссуды, но дело осталось лежать”.

В письме от 16 июля 1917 г., после получения от К.Моора первых взносов, К.Радек запрашивал Ленина: “Мы (Воровский, Ганецкий и Радек — А.Л.) не получили еще от Вас ответа насчет распределения денег, полученных нами. Вви-

ду необходимости подготовки конференции, посылки людей для переговоров с левыми в Германию, напечатания французского листка о конференции мы принуждены, не дожидаясь Вашего ответа, расходовать деньги”.

К этому времени Ленин уже находился в своем последнем подполье, главным обвинением в его адрес было получение в качестве “немецкого шпиона” из Германии денег, — и вождь в очередной раз проявляет присущую ему осторожность и отвечает 30 августа 1917 г. Заграничному Бюро ЦК: “Дорогие друзья! С великим трудом, после долгих недель вынужденного перерыва, удастся, кажется, восстановить переписку... Кстати, не помню, кто-то передавал, кажись, что в Стокгольме, после Grimma и независимо от него, появился Moor... Но что за человек Moor? Вполне ли и абсолютно ли доказан, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого ни косвенного сношения с немецкими социал-империалистами? Если правда, что Moor в Стокгольме и если Вы знакомы с ним, то я очень и очень просил бы, убедительно просил бы, настойчиво просил бы принять все меры для строжайшей и документальной проверки этого. Тут нет, т.е. не должно быть, места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и т.п.” (49; 445, 447).

За месяц до октябрьского переворота обстановка была столь напряженной, что когда на заседании ЦК РСДРП(б) 24 сентября 1917 г. секретарь и казначей Заграничного Бюро ЦК партии Н.Семашко, бывший проездом в Стокгольме и встретившийся там с Моором, доложил, что тот решил передать полученное им крупное наследство большевикам, то партийное руководство категорически отклонило это предложение и постановило, поскольку невозможно было проверить источник этих средств, “истинные цели предложения Моора” — “всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми”. Видимо, любое другое решение сделало бы партию большевиков еще более уязвимой к обвинениям в использовании немецких денег.

Необходимо учитывать и тот факт, что число соратников Ленина, “посвященных” в денежные отношения с германским генеральным штабом, было крайне ограничено.

Уже через 9 дней после октябрьского переворота Карлу Моору была направлена телеграмма: “Выполните, пожалуй-

ста, немедленно Ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования. Воровский”. Находившийся в Швейцарии Карл Моор незамедлительно обратился к германскому посланнику в Берне К.Ромбергу с просьбой сообщить текст телеграммы Воровского в МИД Германии. Ромберг 15 ноября 1917 г. телеграфировал в Берлин: “Байер дал мне знать, что это сообщение делает его поездку на север еще более необходимой”.

Моор был нездоров, и Ромберг направил в германский МИД лишь спустя три недели очередную телеграмму: “Байер достаточно оправился для отъезда в субботу, в крайнем случае, в воскресенье. Я настоятельно прошу инструкций, желательна ли эта поездка. Ввиду необычайно сильного эффекта, который произвело, насколько можно судить отсюда, интервью, опубликованное в “Фрайе Прессе”, я считаю, что Байер с его сильным влиянием на большевиков будет в состоянии сгладить враждебные выступления, вызванные этим интервью, которые не замедлили появиться”.

Интервью Людендорфа, помещенное во влиятельной “Фрайе Прессе” 1 декабря 1917 г., приоткрывало завесу над тайным сговором германских правительственных кругов с большевистскими лидерами. С солдафонской прямотой генерал объявил: “Я не рассматриваю заявление большевиков как предложение мира... Мы можем заключить перемирие с Россией только в том случае, если мы будем уверены, что оно будет соблюдаться... Если кто-нибудь сказал бы мне, что русская революция для нас — случайная удача, я бы возражал: революция в России — не случайность, а естественный и неизбежный результат нашего ведения войны... Это — плод нашей победы”.

Карл Моор был направлен в Советскую Россию. Большевистскому правительству Берлин начал перечислять миллионы немецких марок.

Первые два месяца 1918 года Карл Моор помогал в Петрограде Ленину в нелегком деле заключения мирного соглашения с Германией. После заключения Брест-Литовского мира уехал в Берн, где налаживал контакты между германским посольством и полпредом Советской России в Швейцарии Я.Берзиным. В июле 1918 г. швейцарский социал-

демократ уже в Берлине, где консультирует советскую делегацию на переговорах по дополнительному соглашению к Брест-Литовскому договору, а затем в начале августа возвращается вместе с делегацией в Москву. 14 августа 1918 г. Шкловский, входивший в состав советской дипломатической миссии в Берне, сообщал в личном письме Ленину: “Обращаю Ваше внимание на К.Моора. Он немецкий агент, купленный за деньги агент. Доказательств более чем достаточно и никакому сомнению не подлежит. Я уверен, что он нам много зла принес во время своего пребывания в России (при заключении Брестского мира и наступлении немцев)”. И далее Шкловский призывал выслать Моора под любым предлогом из Советской России. Но Ленин считал К.Моора полезным и передал письмо К.Радеку, который обвинил Шкловского в “распространении инсинуаций” против Моора. А Ленин в декабре 1918 года обратился в Петроград к Зиновьеву по поводу облегчения участи бывшего товарища министра торговли и промышленности во Временном правительстве: “Тов. Карл Моор, швейцарец, прислал мне длинное письмо с просьбой освободить Пальчинского, ибо он — крупная техническая и организационная сила, автор многих трудов и т.п. Я слышал и читал о Пальчинском как спекуляторе и пр. **во времена Керенского**. Но я не знаю, есть ли теперь данные против Пальчинского? Какие? Серьезные? И почему не применен к нему закон об амнистии? Если он ученый, писатель, нельзя ли ему — в случае наличия серьезных улик против него — предоставить условия особо льготные (например, домашний арест, лаборатория и т.п.). Прошу мне ответить **письменно и немедленно**” (50; 214-215).

И несмотря на то, что Пальчинский являлся начальником Зимнего дворца в момент октябрьского переворота — ходатайство Моора возымело действие. Пальчинский был отправлен в Москву в качестве заложника и в начале 1919 года освобожден. Расстрел настиг его лишь тогда, когда Сталин начал акцию по уничтожению старой технической интеллигенции. Проходил тот по “Шахтинскому делу о вредителях”.

В марте 1919 года Моор едет в Стокгольм, откуда продолжает информировать германский МИД об обстановке в возглавляемом Лениным правительстве. А в мае 1919 года переезжает в Берлин, где оказывает помощь содержащемуся с

февраля в берлинской тюрьме за участие в вооруженном коммунистическом выступлении Карлу Радеку. В указанной выше справке, за сентябрь 1925 года, сообщалось, что к утвержденной Лениным сумме долга К.Моору “присоединяется заем в 15000 марок в 1919 году. Тов. Радек был тогда, благодаря сильнейшим стараниям тов. М., выпущен из Лертерской тюрьмы в Берлине, где на него уже было произведено покушение стрельбой, и интернирован в частном доме для безопасности его жизни. Тов. Радек просил тов. М. одолжить 15000 марок для вдовы расстрелянного тов. Левине (главы Исполнительного совета Баварской Советской республики — А.Л.). Требовалось всего 25000 марок, тов. Копп (представитель РСФСР в Германии — А.Л.) мог дать не больше 10000 марок. Радек сказал, что сейчас же по своем возвращении в Москву он возбудит перед тов. Лениным вопрос о возвращении этой суммы. Тов. М. дал вдове Левине, которую к нему направил Радек, 15000 марок. Радек обо всем этом деле совершенно забыл. Тов. Ленин узнал об этом займе только в 1921 году и признал его”.

В начале 1920 года Карл Моор возвратился в Берн — и, видимо, с этого времени он стал уже бесполезен и для Германии, и для Советской России. Безрезультатно оканчивались попытки Моора получить въездную визу в РСФСР.

В июне 1921 года Моор обращается к Ленину с личным письмом, в котором просит содействия в получении визы для себя и своего секретаря и выражает надежду, что ему удастся ознакомиться с теми изменениями, которые произошли в Советской России за прошедшие два года. Вождь пересылает письмо Зиновьеву, который пишет на обороте: “По-моему, промолчать, и в Москву ни его, ни его секретарей пока не пускать”.

Не получив ответа, Моор в сентябре 1921 года отправился через Берлин в Ригу, надеясь там получить визу на въезд в Россию.

Мною впервые было опубликовано следующее письмо из ленинского “секретного” фонда:

“Берлин 16/IX-1921.

Дорогой Влад[имир] Ильич!

Пишу Вам впервые из Берлина и по следующему поводу. Я встретил здесь Моора. Вы вероятно помните, что я считал

его немецким агентом и протестовал против его поездок в Россию, чем навлек даже на себя гнев т. Радека. Мои дальнейшие наблюдения за ним меня в роде деятельности Моора ничуть не разубеждали.

Сейчас он приехал к нам с каким-то швейцарско-итальянским спекулянтом, кот[орый] хочет делать какие-то дела с Россией. Об этих делах он беседовал со Стомоняковым (советский торгпред в Германии — А.Л.) и их касаться не буду. Коснусь другой стороны дела. Моор рассказал мне, что во Франции подготавливается новая интервенция большого масштаба. Подготавливается новая врангелевская армия. Дальнейшие мои вопросы привели меня к его спекулянту. Я два раза “ужинал” с ними и вынес убеждение, что они знают, о чем говорят, и что это дело серьезное... Спекулянт, по-видимому (и он, и Моор предпочитают об этом умалчивать), совмещал в свое время военные поставки со шпионажем. Торговые связи у него большие, не малы они вероятно и по части шпионажа. Спекулянт “друг” Сов[етской] России (враг Франции за ее политику по отношению к Италии), хочет вести дела с Россией и помогать ей чем может... Его “друг” живет во Франции, принят в военных кругах, пользуется доверием врангелевцев, желает, однако, за хороший, очевидно, гонорар работать для России. И Моор и спекулянт едут в Ригу с тем, чтобы оттуда переправиться в Россию.

Мое мнение, что ни того, ни другого в Россию пустить не следует, но что сведения у них серьезные и быть может какой-какой нашей организации их услугами воспользоваться интересно будет.

Во всяком случае, и это главное, на что я хочу обратить Ваше внимание, что на основании моих разговоров с этими господами, я почти уверен, что новая интервенция врангелевцев в широком масштабе во Франции подготавливается. О своих делах распространяться не буду. Плохо — это все, что могу Вам сказать.

Всего хорошего. Привет и наилучшие пожелания Вам и Н[адежде] К[онстантиновне] от семьи.

Ваш Г.Л.Шкловский.

Мой адрес: Берлин, Торговое представительство” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 911).

Ленин внимательно ознакомился с письмом — и направил его заместителю председателя ВЧК Уншлихту. Сопро-

водительная записка Ленина была впервые опубликована в последнем Ленинском сборнике XL в 1985 году (стр.191):

“29.IX.1921 г.

т.Уншлихт!

Автор письма — тов. Шкловский, лично мне известный по загранице до революции 1917 (и с 1905 г.), большевик; за добросовестность его я вполне ручаюсь.

Прошу Вас прочесть его письмо и принять к сведению: м.б. дадите своему уполномоченному в Риге соответствующий приказ. Письмо прошу, вместе с письмом Шкловского, послать по прочтении **секретно** т. Молотову для ознакомления всех членов П-Бюро.

С к[оммунистическим] пр[иветом] Ленин”.

Напомним, что и Шкловский, и Уншлихт, как и К. Радек, Я. Ганецкий, Н. Горбунов, С. Бубнов, были уничтожены в сталинскую эпоху.

Комментарий в ленинском сборнике ошибочен — якобы приказ уполномоченному ВЧК в Риге должен был касаться трудоустройства Шкловского в Берлине, а не реакции чекистов, согласно содержанию письма Шкловского из Берлина, на предстоявший приезд в Ригу Карла Моора и его друга — “швейцарско-итальянского спекулянта” с сомнительной репутацией.

3 октября 1921 г. Уншлихт сообщил Ленину: “Письмо т.Шкловского с Вашей запиской получил, дал соответствующее распоряжение в Берлин и Ригу, а письмо переслал согласно Вашего указания т.Молотову”. На этой записке имеется ленинский автограф: “**В архив**”.

Тем же днем датирована записка Уншлихта Молотову: “т. Молотову. Согласно указания Владимира Ильича посылаю Вам письмо Шкловского и его записку. 3.10.21. С ком[мунистическим] пр[иветом] Уншлихт. 2 приложения”. На записке — две подписи: Молотова и Каменева, свидетельствующие о том, что они ознакомились с письмом Шкловского.

И сверху рукой Ленина: “**секретно** в архив письмо Шкловского о Мооре. X.1921”.

Эта запись свидетельствует, на мой взгляд, о серьезности, с которой Ленин отнесся к сообщению, что назойливый Моор может скомпрометировать большевистскую верхушку, имевшую ранее с ним довольно тесные связи. Ха-

рактарно, что предупреждение о подготовке во Франции “новой интервенции большого масштаба” против Советской России особого внимания не привлекло.

Карл Моор, вопреки предостережениям Шкловского, был пропущен в Москву, где поселился в гостинице “Савой” — о чем свидетельствует, например, такой факт.

2 декабря 1921 г. Карл Моор направляет Ленину впервые опубликованную мной записку на немецком языке:

“Дорогой товарищ Ленин!

Я должен скоро снова уезжать, не смогу ли я до отъезда зайти к Вам на 1/4 часа? Было бы тяжело и грустно мне в мои 68 лет уехать из Москвы, не повидавшись еще раз с Владимиром Ильичом.

Дружеск[ий] Привет

Карл Моор” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 22404).

Вождь направил Моору в запечатанном конверте ответную записку, которая числится в списке не найденных ленинских произведений. Встреч между ними больше никогда не было.

В дважды рассматриваемой выше справке отмечалось, что, узнав о невозвращении Карлу Моору долга, еще в декабре 1921 года Ганецкий “был очень удивлен, что вопрос этот еще не ликвидирован. По его совету тов.М. написал Ленину, и последний ответил ему в очень дружеском письме от 11 декабря 1921 г., что дело М. будет улажено. Но распоряжение Ленина не было приведено в исполнение”.

Вождь занимался делами Карла Моора еще раз в мае 1922 года, о чем свидетельствует впервые опубликованный мной пакет документов из ленинского фонда.

На бланке “Члена коллегии НКВД, № 310” — письмо В.Молотову Я. Ганецкого, занимавшего ранее, в 1920-1921 годы, пост полпреда и торгпреда в Латвии, с припиской — Ленину:

“Москва, 10 мая 1922 г.

В Центральный Комитет

тов. Молотову

Уважаемый товарищ.

До сих пор я не получил от Вас указаний, что сделать с привезенными из Риги 83513 датских крон. Если возражений нет, я просил бы поручить кассиру ф[инотдела] ЦК взять их у меня.

Однако напоминаю, что несколько раз было принято, быть может, устное постановление возвратить деньги Мо[о]ру. Указанные деньги фактически являются остатком от полученных сумм Мо[о]ра. Старик все торчит в Москве под видом ожидания ответа относительно денег. Не считали бы Вы целесообразным дать ему эти деньги, закончив этим все счета с ним и таким образом избавиться от него.

Жду от Вас срочных указаний.

С коммунистическим приветом Ганецкий”.

Внизу приписка: “Владимир Ильич. Н.П.Горбунов сообщил мне, что Вы были за то, чтобы Моору возвратить деньги. Во всяком случае необходимо со стариком покончить. Ганецкий”.

На верхней части этого листа имеется приписка:

“См[отри] оборот. Ленин”. На обороте — рукой Ленина: “Тов. Сталину. Я смутно припоминаю, что в решении этого вопроса я участвовал. Но как и что, забыл. Знаю, что участвовал и Зиновьев. Прошу не решать без точной и подробной справки, дабы не ошибиться, и обязательно спросить Зиновьева. 10/V. Ленин”.

И ниже — уже рукой Зиновьева: “Т. Сталину.

По-моему, деньги (сумма большая) надо отдать в Коминтерн. Моор все равно проьет их. Я сговорился с Ганецким не решать до приезда Радека.

20/V.1922. Г.Зиновьев”. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 25064).

В этих документах понятно желание Ганецкого, который больше всех претерпел неприятностей из-за “немецких денег”, закончить все счета с Моором, “избавиться” от него, “покончить” с ним, чтобы старик больше “не торчал” в Москве. Понятно и желание председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева использовать немалую сумму для разжигания “костра мировой революции”. Тем более, что зарубежные источники рисуют Моора этаким бонвиваном, любителем роскошных застолий и молоденьких красивых девушек, который при этом постоянно нуждался в денежных средствах. Но был ли искренен Ленин, когда писал, что смутно помнит о своем участии в денежных расчетах с Моором, но подробности забыл? Думаю, что с учетом даты этой его приписки — 10 мая 1922 года — ему на этот раз можно поверить. Состояние здоровья Ленина резко ухудшалось и спустя всего две недели на почве склероза сосудов мозга у него

произойдет первый острый приступ болезни, который приведет к ослаблению движения правых конечностей и расстройству речи. Однако сколько усилий пришлось после этого в течение почти пяти с половиной лет приложить Моору, чтобы добиться обещанного возвращения денег!

23 августа 1923 г. Зиновьев вновь обратился к Сталину: “Вернуть деньги Моору было решено в Политбюро. Нельзя ли до приезда Молотова выдать 100 червонцев, а то он доит лично Радека”.

Секретариат ЦК РКП(б) в тот же день принял решение: “Согласиться с предложением т. Зиновьева о предварительной выдаче т. Моору 100 червонцев, но с тем, чтобы весь вопрос был решен совместно с т. Молотовым по его приезде”.

Ровно через месяц Моору приходится достаточно униженно просить Горбунова: “Убедительнейше прошу Вас сделать все, что возможно, чтобы была найдена нужная переписка и чтобы возврат 35 000 долларов был произведен мне до Вашего отъезда в 2-х месячный отпуск. Если Вы уедете прежде, чем будет разрешен этот вопрос, то у меня потеряна последняя надежда и здесь я погибну. На всякий случай прошу Вас настоятельно — дайте мне несколько строк, что Ильич отдал Вам распоряжение, чтобы мне был возвращен заем, и что это должно быть сделано в несколько дней, а также, что Вы это распоряжение передали дальше.

Эти несколько строк я у Вас, на всякий случай, убедительнейше прошу. Не оставьте меня в затруднительном положении”.

Три дня спустя Горбунов, в свою очередь, сообщил Ганецкому: “Теперь Моор вновь появился у меня с заявлением о том, что он до сих пор не может добиться получения денег и считает себя в чрезвычайно тяжелом и униженном положении, т. к. в этих деньгах он очень нуждается и не может от них отказаться. В разговоре со мной Моор просил дать ему в письменном виде справку о том, что в свое время Владимир Ильич дал указание о необходимости произвести с ним расчет. Я Моору отказался выдать такую справку, сославшись на то, что у меня никаких писем и документов нет и что на основании своей памяти я такой справки дать не могу. Вам же настоящим письмом подтверждаю, что фактически я от Владимира Ильича такое указание имел”.

Долг Моору частями выплачивался — 24 августа 1923 г., затем 23 июля 1924 г. и, наконец, 5 сентября 1925 г. В результате выплаченная сумма составила 3608 долларов.

26 января 1926 г. Моор обращается уже непосредственно к Молотову: "... очень просил бы Вас позаботиться об окончательном разрешении моего дела. Последняя затяжка с 23/IX до 30/X и с 30/X до конца сего января — следовательно, больше 4 месяцев!! — причинила мне воспаление легких. Мой милый старый друг Ильич был бы очень удивлен, если бы ему пришлось узнать, что его распоряжение от 21 декабря 1921 г., чтобы вся сумма немедленно была выплачена и чтобы дело было в течение нескольких дней ликвидировано, еще сегодня, более чем через 4 года, еще не выполнено. Прошу Вас поэтому распорядиться о немедленном возвращении всей суммы в 40 226 долларов (С.А.С.Ш.).

С коммунистическим приветом, Карл Моор.

Ныне в Кремлевской больнице, с начала будущей недели — Дом отдыха ветеранов революции имени Ильича".

Через три дня после этого обращения к Молотову Секретариат ЦК ВКП(б) постановил: "Уплатить К.Моору 22 000 долларов в текущем году в срок по согласованию с НКФ, а остальную сумму погасить через год после выплаты 22 000 долларов".

В конце этого же 1926 года Карлу Моору была оказана моральная поддержка — руководители Коммунистического Интернационала Иосиф Сталин и Николай Бухарин, Эрнст Тельман и Клара Цеткин, болгарин Васил Коларов и индус Манабендра Рой подписали в конце 1926 года приветственный адрес Исполкома Коминтерна: "Товарищу Карлу Моору. Испытанному передовому борцу швейцарского и международного рабочего движения, верному, преданному другу русской революции к его 74-летию посылается сердечное пожелание счастья и поклон. Москва. 11.XII.1926. С партийным приветом".

Но Моор хотел получить все запрошенные деньги — и от его имени к Молотову обращается 19 августа 1927 г. наиболее почитаемая на тот период деятельница мирового коммунистического движения Клара Цеткин: "Идя навстречу заслуженному швейцарскому товарищу Карлу Моору, я сердечно прошу Вас помочь ему в его деле. В первую очередь, я прошу Вас

принять и выслушать его представителя, т.к. он сам еще болен. Нижеследующее служит аргументом моей просьбы к Вам: семидесятипятилетний тов. К.М. был всю свою жизнь преданным и бескорыстным борцом в интересах интернационального революционного пролетариата. Он в особенности в самые тяжелые времена по отношению к русским нашим товарищам готов был на всякие жертвы, в одинаковой степени служил им политически и материально.

Наш незабвенный Ленин назвал его своим другом и мы знаем, что он в этом смысле скуп был. Тов. К.М. с нетерпением ждет окончательного решения своего дела, т.к. расшатанное здоровье его не переносит дольше этого климата. Он хочет у себя на родине применить свои последние силы и средства в интересах нашего революционного дела.

Впрочем, в принципе его дело уже ведь решено. Ввиду этого я надеюсь, что Вы, уважаемый тов. Молотов, поможете тов. Моору и пойдете навстречу ему. В этой надежде я благодарю Вас заранее и приветствую Вас с искренним уважением и симпатией”.

И, наконец, решение заседания Секретариата ЦК ВКП(б), завершившее “денежную эпопею” Моора 9 сентября 1927 г.: “...выплатить К.Моору оставшиеся 8 254 дол. и считать этим вопрос об уплате долга Моору ликвидированным”.

Получив требуемую сумму, Моор незамедлительно и навсегда выехал из Советского Союза. Покинутый и забытый, остаток своей жизни он провел в одном из берлинских санаториев, оформив за три недели до смерти брак с медсестрой — эмигранткой из России, которая была моложе Моора на 36 лет.

А когда, не дожив несколько месяцев до 80-летнего юбилея, Моор скончался в Берлине в ночь на 14 июня 1932 г. — советская печать на следующий день посвятила этому событию специальные сообщения. Газета “Труд” в информации “В последний час” дала краткую биографическую справку об умершем, отметив, в частности, что в годы университетской учебы тот познакомился с основателями германской социал-демократии Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем, и с того часа посвятил всю свою жизнь борьбе за пролетарскую революцию. Было указано, что Моор был одним из первых организаторов швейцарской социал-демокра-

тической партии и долгие годы являлся ее руководителем; что, проникшись духом Парижской Коммуны, он оказался одним из первых западных революционеров, который поддержал ленинскую партию, установив в годы войны тесные отношения с большевистскими эмигрантами в Швейцарии и оказывая им большие услуги. В заключение газета подчеркивала, что после октябрьской революции товарищ Моор много лет прожил в Ленинграде и Москве и по распоряжению Владимира Ильича ему было предоставлено постоянное пристанище в “Ленинском доме” в Москве. Здесь газета имела в виду пансионат “Дом ветеранов революции имени Ильича”.

В этот же день газета “Известия” опубликовала посвященную смерти Моора полную революционного пафоса статью Карла Радека, который среди большевистских руководителей был, безусловно, наиболее близок покойному, познакомившись с ним еще в годы первой русской революции. Рассказав в статье о материальной поддержке, которую оказывал Моор различным революционным течениям после начала мировой войны, Радек подчеркнул: “Немедленно после Февральской революции он переехал в Стокгольм, где оказывал помощь заграничному представительству большевиков”.

Лишь благодаря тому, что после поражения гитлеровской Германии стали достоянием общественности секретные фонды германского МИДа, мы узнали о настоящей причине повышенного интереса с 1917 года к событиям в России Карла Моора — единственного, по словам Радека, революционера в рядах старой швейцарской социал-демократии, который “честно прошел путь от первого Интернационала к пролетарской революции в России”, а в действительности — путь платного агента генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии.

Глава 8

ЛЕНИН НЕ ДАВАЛ САНКЦИИ НА РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Физическое уничтожение большевиками по меньшей мере 16 членов Дома Романовых в период с 12 июня 1918 г. по январь 1919 года, и в первую очередь убийство Николая II, его жены и детей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге — тема множества публикаций современных отечественных писателей, историков, журналистов. В противовес обширной зарубежной и эмигрантской литературе у наших соотечественников прослеживается тенденция — представить Ленина главным инициатором этой кровавой акции.

На мой взгляд, подобные утверждения нуждаются в убедительных прямых доказательствах, так как приводимых косвенных доказательств явно недостаточно.

Столетие зрела в российском революционном движении идея ликвидации членов царствующей семьи. По проекту декабриста П. Пестеля физическому истреблению подлежали все без исключения члены царского дома, вплоть до малолетних. Хотя декабрист Якушин (о нем знаменитые пушкинские строки: “Казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал”) выступал за уничтожение только царствующего монарха.

Как известно, Степан Халтурин, горельеф которого наряду с портретом Карла Маркса украшал ленинский кабинет в Кремле, производя взрыв в феврале 1880 года в Зимнем дворце, намеревался уничтожить всю царскую семью, включая малолетних детей.

Писательница Лариса Васильева рассказала в книге “Кремлевские жены”, как близко знавший Ленина Иван Федорович Попов (автор известной в свое время пьесы “Семья” — об Ульяновых) поведал ей о встрече с вождем накануне мировой войны: “...Ленин, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказал, как уезжал на лодке по Волге с братом Сашей, и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казненного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращаясь ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды “Вольность”:

*“Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу”.*

Многие десятки раз в своих работах Ленин клеймил Николая II и весь Дом Романовых. Многократно именовал Николая II “Обмановым”, называл его грабителем, палачом, “царем ходынским”, “злейшим врагом русского народа”, главарем придворной шайки (или “черной банды”), “черносотенным царем”, “вождем черносотенной контрреволюции”, “не только европейским, но и азиатским жандармом”, представителем “разбойничьей династии”, “коронованным разбойником”, “залившим кровью Россию”, “Николаем Кровавым”, стоявшим во главе “преступной семейки”.

“Идиот” и “изверг-идиот”, “слабоумный” и “полоумный”, “жалкий” и “тупой и кровожадный” — какими только эпитетами ни награждал впадавший в “раж” Ильич последнего монарха.

Вот обычный выпад вождя в адрес семьи Романовых из “Писем из далека” сразу после отречения от престола Николая II: “Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907-1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до “последней черты”, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров...” (31; 12).

Немало можно найти у вождя и призывов к царубийству, к уничтожению всех членов Дома Романовых. В брошюре “Две тактики социал-демократии в демократической ре-

волюции” (1905), он писал: “ Удается решительная победа революции — тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински... Якобинцы современной социал-демократии — большевики... хотят, чтобы народ, т.е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией “по-плебейски...” (11, 47).

В декабре 1911 года Ленин на страницах газеты “Социал-Демократ” настаивал: “...если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть “конституционными” монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотни Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов” (21; 17).

В воспоминаниях В.Бонч-Бруевича о Ленине приводится высказывание вождя о революционере С.Нечаеве, ставшем символом беспринципности в политической борьбе: “Люди совершенно забывают, что Нечаев обладал уникальным организаторским талантом, обладал способностью везде находить особенные технические приемы для организации заговора, придать своим мыслям такие потрясающие формы, что они навсегда запечатляются в памяти. Стоит вспомнить его ответ в листовках на вопрос, кого из членов правящего дома надо убить? Его чеканный ответ гласил: “Весь большой Респомсориум” (молитвенник). Каждый знает, что в нем упомянуты все члены дома Романовых. Ведь этот ответ граничит с гениальностью”.

В сентябре 1919 года в статье “Как буржуазия использует ренегатов” Ленин напомнил: “На II съезде нашей партии, в 1903 году, возник большевизм, составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: “и для Николая II?” Даже меньшевики в 1903 году не посмели поставить на голоса предложения об отмене смертной казни для царя” (39; 183).

Уже после Февральской революции и возвращения в Россию вождь прямо указывал на необходимость казни царя, который, по его мнению, после ареста содержался в “льготных условиях” (32; 268).

Ленин подготовил резолюцию ЦК РСДРП(б), принятую 21 апреля (4 мая) 1917 г., в которой указывалось: “мы считаем Вильгельма II таким же коронованным разбойником, достойным казни, как и Николай II” (31; 310).

Уже после расстрела царской семьи Ленин с одобрением писал об этой акции. В статье “К четырехлетней годовщине Октябрьской революции” он ставил в заслугу большевикам уничтожение императорского рода, громил Временное правительство, проявлявшее мягкость к царю, его семье и родственникам: “Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда” (44; 145).

И Крупская в воспоминаниях о своем супруге однозначно причислила его и себя к убийцам Николая II и его семьи: “Чехословаки стали подходить к Екатеринбург, где сидел в заключении Николай II. 16 июля он и его семья были нами (выделено мною — *А.Л.*) расстреляны, чехословакам не удалось спасти его, они взяли Екатеринбург лишь 23 июля”. Уточним — большевистская власть была свергнута в Екатеринбурге 25 июля, так что вряд ли была столь обоснованна более чем за неделю до этого спешка в убийстве семьи Романовых. И понятно, что ни у Ленина, ни у Крупской не было никаких нравственных ограничений для уничтожения детей императорской крови.

Нет сомнений, что вождь вполне мог тайно организовать это убийство так, чтобы ответственность легла на уральских большевиков. Когда полтора года спустя после истребления на Урале представителей Дома Романовых чешские легионеры передали сибирским большевикам плененного ими адмирала Колчака, то глава советского правительства направил шифрограмму Э. Склянскому для пересылки в Реввоенсовет 5-й армии: “Пошлите Смирнову шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так (то есть казнили адмирала — *А.Л.*) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.24362).

Как известно, адмирал “архинадежно” был расстрелян. Этот ленинский документ скрыть не удалось, недавно он был впервые опубликован в нашей стране, хотя за рубежом был известен уже два десятилетия тому назад. Но уральская трагедия, на мой взгляд, имела другую предысторию.

После отречения от престола Николай II и его семья находились под арестом в Царском Селе, а в августе 1917 года царь, царица, их дети и несколько верных им лиц были отправлены по распоряжению Временного правительства в далекий сибирский город Тобольск, где размещены в губернаторском доме. Там их и застал октябрьский переворот.

Проследим по архивным материалам, по 5-му и 6-му томам Биографической хроники жизни и деятельности Ленина, его роль в определении судьбы членов Дома Романовых и период с октябрьского переворота до лета 1918 года.

Биохроника. 30 ноября (13 декабря) 1917 г. Ленин председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждался вопрос о резолюции съезда моряков-подводников Балтийского флота с требованием перевести Николая II в Кронштадт. В постановляющей части протокола № 15 заседания Совнаркома было указано: “Признать перевод преждевременным”. Неделю спустя, 5 декабря, в Совнарком обращается Петроградский ВРК: “Военно-Революционный комитет постановил обратиться с предложением в Совет народных комиссаров перевести Николая Романова с семьей в Кронштадт”.

Требования эти были не новы — они принимали после октябрьского переворота лишь все более категоричный характер. Бывший глава Временного правительства А. Керенский свидетельствовал, что когда он через пять дней после отречения Николая Александровича, будучи министром юстиции, поднялся на трибуну Московского Совета, со всех сторон раздались требования казнить бывшего царя. “Смертная казнь Николая Второго и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или Кронштадт, — писал он, — вот яростные, иногда исступленные требования сотен всяческих делегаций, deputаций и резолюций, являвшихся и предъявлявших их Временному правительству, и в частности мне, ведавшему и отвечавшему за охрану и безопасность царской семьи”.

А после октябрьского переворота прямая ответственность за судьбу Николая II и его семьи, за контакты с местными властями — вначале тобольскими, затем екатеринбургскими — была возложена на председателя ВЦИК Свердлова. Именно Свердлов, например, принимал в Смольном в январе 1918 г. делегацию красноармейцев из отряда охраны губернаторского дома в Тобольске. Он пожелал им так же бдительно и зорко сторожить бывшего царя, как и до тех пор, вплоть до того момента, когда он предстанет перед открытым всенародным судом.

Биохроника. 29 января (11 февраля) 1918 г. Ленин председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждался вопрос “О передаче Николая Романова в Петроград для предания его суду”. Было принято решение: “Поручить Н.Алексееву представить в Совет народных комиссаров к среде все резолюции Крестьянского съезда по этому вопросу”. Три недели спустя, 20 февраля, Совнарком под председательством Ленина вновь возвращается к этому вопросу и, после выступлений замнаркома земледелия левого эсера Н.Алексеева и председателя Петроградской ЧК М.Урицкого, постановляет: “Поручить комиссариату юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете народных комиссаров. Место суда не преуказывать пока”. Следует отметить, что эти решения принимались в условиях развернувшегося наступления германских войск.

Ярым сторонником предания Николая Романова пролетарскому суду был Лев Троцкий. Он писал позже в дневниках-воспоминаниях: “Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянская политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и проч.), по радио ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если бы было осуществимо, но... времени может не хватить. Пренний никаких не вышло, т.к. я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, кажется, было 3-4: Ленин, я, Свердлов...”

Скорее всего, Троцкий видел уже себя главным обвинителем, трибуном-громовержцем, ниспровергающим помазанника Божьего, подобно своим “предшественникам” периода Великой Французской революции. Оппонентом Троцкому был нарком юстиции левый эсер Штейнберг, который свидетельствовал, как идея проведения суда над царем была предложена представителем Крестьянского съезда на заседании Совнаркома. Но Ленин неожиданно ей воспротивился. “Наконец, — писал Штейнберг, — все глаза устремились на Ленина, который председательствовал на заседании. И, что показалось достаточно странным, он сначала со мной согласился. Он также сказал, что сомневается в своевременности такого процесса, что массы заняты другими проблемами и что было бы хорошо отложить его. В подходящее время наркомату юстиции будут даны указания подготовить соответствующие документы для последующего рассмотрения. Нет сомнения, что у Ленина были свои политические расчеты, учитывающие его положение. Этим вечером, однако, вопрос был отложен на неопределенное время и на этой стадии так и остался. Наркомат юстиции никогда не получил “задания” подготовить документы”.

Негативное отношение Ленина к суду над Николаем II Троцкий попытался объяснить много лет спустя, в дневниковой записи от 10 апреля 1935 года: “Сегодня во время прогулки в горы с Наташей (день почти летний) я обдумывал разговор с Лениным по поводу суда над царем. Возможно, что у Ленина, помимо соображения о времени (“не успеем” довести большой процесс до конца, решающие события на фронте могут наступить раньше), было и другое соображение, касавшееся царской семьи. В судебном порядке расправа над семьей была бы, конечно, невозможна. Царская семья была жертвой того принципа, который составляет ось монархии: династической наследственности”.

На мой взгляд, одна из причин, почему Ленин не поддержал идею суда над Николаем II и не дал санкции на расстрел царской семьи, заключалась в том, что он не хотел раздражать Вильгельма II, близкого родственника царской династии, ставшего объективно после заключения Брестского мира союзником большевиков.

Наступление германских войск, их приближение к Петрограду могло быть одной из причин решения Лениным о высылке на Урал “претендента номер один” на Российский престол Михаила Александровича Романова. Еще в конце 1917 года замнаркома Госконтроля Э. Эссен сообщил Ленину о просьбе в Совнарком бывшего великого князя Михаила Романова переменить его фамилию на фамилию жены — Брасов (чтобы перейти на положение обычного гражданина Российской Советской республики). Вождь отказался заниматься этим вопросом. Не нашел документальных подтверждений упоминаемый в ряде публикаций факт, будто графиня Брасова встречалась с Лениным и безрезультатно просила разрешить мужу выехать за границу. А руководитель Петроградской ЧК направил Ленину записку: “Многоуважаемый Владимир Ильич! Предлагаю Романова и других арестованных Гатчинскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов — выслать в Пермскую губернию. Проект постановления при сем прилагаю. Если нужны какие-либо объяснения, готов явиться на заседания для дачи их. М.Урицкий”.

9 марта 1918 г. Совнарком под председательством Ленина по докладу М.Урицкого принимает решение о высылке М.А.Романова, его секретаря англичанина Б.Джонсона и ряд других лиц в Пермскую губернию. Ленин подписывает специальное постановление Совнаркома об их высылке “впредь до особого распоряжения”. В постановлении, в частности, указывалось: “Местожителство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым”. С дороги Джонсон телеграфировал Ленину просьбу не разлучать его с Михаилом Александровичем, приняв во внимание его расстроенное здоровье, усугубленное самыми тяжелыми условиями переезда. С аналогичной просьбой не разлучать его с секретарем в виду своей “болезни и одиночества”, ссылаясь на телеграмму Джонсона на имя Ленина, обратился Михаил Александрович к управляющему делами Совнаркома Бонч-Бруевичу. Ходатайства возымели действие — и только скорая смерть разлучила бывшего великого князя и его верного секретаря.

Убийство их было совершено большевиками 17 июня 1918 г. в Мотовилихе под Пермью, после чего было официально объявлено о тайном побеге Михаила Александровича со своим секретарем. Инициатор и организатор убийства Михаила Александровича — Гавриил Мясников — председатель Мотовилихинского совдепа и член коллегии Пермской губчека. Впоследствии он стал широко известен в стране как один из лидеров “рабочей оппозиции”, требовавший свободы печати. Ленин резко выступал против “мясниковщины”, а организатор похищения и убийства Михаила Александровича признавал, что сознает ту угрозу, которую несет ему инакомыслие, оппозиционная деятельность: “Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист 15 лет, который свои коммунистические взгляды омыл страданиями, и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь-коммунист того же завода, то где же бы я был? В Чека или, больше того, меня бы “бежали”, как некогда я “бежал” Михаила Романова...” Откровенная оценка беззаконий советской власти в ленинский период.

В марте 1918 года в Москву приезжал Ф. Голощекин, чтобы высказать на Президиуме ВЦИК опасения по поводу дальнейшего пребывания царской семьи в Тобольске. По Уралу и Сибири распространялись слухи о том, что монархические силы подготовили выезд царской семьи за рубеж.

Голощекин — близкий друг Свердлова еще по революционной деятельности в Екатеринбурге, занимавший важные посты члена президиума исполкома Уральского Совета, секретаря Уральского обкома партии, военного комиссара Уральской области — сыграл, безусловно, ведущую роль в организации расстрела императорской семьи. Можно напомнить, что Голощекина хорошо знал Ленин — еще с Пражской конференции 1912 года, когда тот был избран членом ЦК РСДРП.

1 апреля Президиум ВЦИК вынес “не подлежащее оглашению в печати” постановление о семье Романовых, в котором комиссару по военным делам поручалось “немедленно сформировать отряд в 200 человек (из них 30 человек из Партизанского отряда ВЦИК, 20 — из отряда левых эсеров) и отправить в Тобольск для подкрепления караула, и в слу-

чае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву”.

Но уже спустя пять дней, 6 апреля, Президиум ВЦИК принимает новое постановление, в котором изменяет местопребывание царской семьи: “В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т.Свердлову снаестись по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления отряду, охраняющему Николая Романова, и о переводе всех арестованных на Урал”. Возможно, это было вызвано начавшимся именно в эти дни наступлением германских войск на Харьков и активизацией белоказачьих войск Дутова в районе Оренбурга и Самары.

Хотя решения, определявшие судьбу царской семьи, принимались во ВЦИК, но исполняться должны были руководимым Лениным Совнаркомом, о чем свидетельствует и постановление Президиума ВЦИК от 6 апреля 1918 г., в котором указывалось, в частности: “Сообщить СНК о настоящем постановлении и просить о срочном исполнении настоящего постановления”.

В конце концов решения ВЦИК свелись к следующему: во-первых, подготовить открытый судебный процесс над Николаем II; во-вторых, перевезти всех Романовых из Тобольска в Екатеринбург; и, в-третьих, для организации этого переезда, который должен был проходить в контакте и под контролем Уральского Совета, выделить особоуполномоченного ВЦИК. Этим особоуполномоченным был назначен Василий Яковлев (настоящие имя и фамилия — Константин Мячин), которого Свердлов хорошо знал по совместной революционной работе на Урале еще в годы первой русской революции. Знал Яковлева как активного революционера и Ленин.

Степень личного участия вождя в организации переезда царской семьи из Тобольска в Екатеринбург остается по сей день непроясненной. Хотя переездом формально руководил из Москвы Свердлов, письма из Тобольска, Омска, Екатеринбурга порою направлялись на имя Ленина, отдельные вопросы решал управляющий делами Совнаркома В.Бонч-Бруевич.

Документы неопровержимо свидетельствуют — политическая обстановка как в Тобольске, так и в Екатеринбурге

была накалена, Москва не могла не ставить перед собой задачу — в первую очередь спасти императора и его семью от самосуда не столько толпы, сколько местных коммунистов. Процветал региональный сепаратизм и каждый город — Тобольск и Тюмень, Омск и Екатеринбург — боролся за право быть местом заточения царской семьи, многие горячие головы мечтали войти в историю личным участием в уничтожении последнего российского монарха.

Большевистские руководители из разных городов подогревали страсти, в их среде царили взаимное недоверие, подозрительность, поиск врагов.

Так, 13 апреля в Совнарком обратился заместитель председателя исполкома Уралсовета Б.Дидковский с ходатайством об “экстренном разрешении тобольского вопроса”. Он настаивал на передаче царской семьи под контроль посланных из Екатеринбурга латышей и матросов и на переводе Романовых в более надежное место — на Урал или в другой район, указанный Совнаркомом.

Требования из Екатеринбурга с каждым днем ужесточались. Вот характерная телеграмма от 28 апреля: “Секретно. Совнарком, тов. Ленину и Свердлову. Из Екатеринбурга. Ваш комиссар Яковлев привез Романова в Тюмень, посадил его в поезд, направился в Екатеринбург. Отъехав один перетон, изменил направление. Поехал обратно. Теперь поезд с Николаем находится около Омска. С какой целью это сделано — нам неизвестно. Мы считаем такой поступок изменническим. Согласно вашего письма <от> 9 апреля Николай должен быть в Екатеринбурге. Что это значит? Согласно принятому Облсоветом и област<ным> Комитетом партии решению, сейчас отдано распоряжение задержать Яковлева и доставить вместе с Николаем в Екатеринбург. Ждем у аппарата ответа. Белобородов, Сафаров”.

В Москву, Омск и другие города в последующие дни продолжали идти многословные телеграммы от руководства Уральского Совдепа с разоблачением Яковлева. Одна из них, подписанная Белобородовым, начиналась так: “Военная, вне всякой очереди. 28 апреля Омской дорогой отправился экстренный поезд номер 42 под начальством комиссара Яковлева, конвоирующего бывшего царя Николая Романова. Комиссар Яковлев имел поручение Всероссийского Совнарком-

ма: доставить бывшего царя из Тобольска <в> другое место, мы таких указаний не получали...”

Есть свидетельства, что в эти дни проходила в Екатеринбурге Уральская областная конференция РКП(б), на которой большинство делегатов высказывалось за скорейший расстрел Романовых. Видимо, с учетом подобных настроений руководство Уральского Совдепа отправляло в Москву телеграмму за телеграммой, в которых не скрывало раздражения по поводу “двусмысленных”, по его мнению, указаний Свердлова относительно пункта доставки Николая II: “Видя, что сегодня поезд с Урала ускользает по неизвестным нам причинам явно вопреки распоряжению Свердлова, мы отдали распоряжение Омску и всей сибирской магистрали поезд задержать, Яковлева арестовать и вместе с Николаем доставить в Екатеринбург. Об этом одновременно сообщим Свердлову. Его ответ нас чрезвычайно удивил и возмутил. Оказывается, что Яковлев гонит поезд на восток согласно его распоряжений и он просит Яковлеву не чинить препятствий”. “Разрешите вас спросить, из каких высоких соображений поезд с Николаем Романовым проделывает неожиданные эволюции, заставляющие нас, несмотря на все наше доверие к центральной власти, усомниться в безопасности Романова”. “Мы считаем недопустимым принятый вами способ объяснений. Яковлев делает колоссальную глупость, с вашего разрешения угнавши в Омск груз. Он должен доставить его нам, в Екатеринбург, в чем мы должны получить полную гарантию от вас”. Но в ответ, судя по сохранившимся документам, Свердлов, в свою очередь, потребовал от уральцев гарантий — при доставке Романовых в Екатеринбург те должны остаться живыми и невредимыми. Ответ из Екатеринбурга: “При условии, если все дело будет вестись через областной Совет, даем зависящие от нас гарантии”. Итак, в ответ на запрос Свердлова Уральский облсовет взял на себя ответственность за судьбу царской семьи, что немаловажно учитывать при анализе последовавших событий. И Свердлов дал Яковлеву категоричное указание — везти Николая II в Екатеринбург.

В переговорах со Свердловым из Омска разобравшийся в ситуации Яковлев, в целях конспирации именуя Николая II с женой и дочерью “багажом”, имел все основания преду-

преждать: “Несомненно я подчинюсь всем приказаниям центра. Я отвезу багаж туда, куда скажете. Но считаю своим долгом еще раз предупредить Совет народ[ных] комиссаров, что опасность вполне основательная, которую могут подкрепить как Тюмень, так и Омск. Еще одно соображение: если вы отправите багаж в Симский округ (Уфимской губернии, где В. Яковлева хорошо знали по революционной деятельности — *А.Л.*), то вы всегда и свободно можете его увезти в Москву или куда хотите. Если же багаж будет отвезен по первому маршруту, то сомневаюсь, удастся ли вам его оттуда вытащить”.

О том, что Яковлев был прав, свидетельствуют воспоминания Белобородова 1920 года о переезде Николая II в Екатеринбург: “Мы считали, что он должен быть расстрелян в дороге. Такой наказ имел Заславский (командир посланного в Тобольск екатеринбургского отряда — *А.Л.*) и все время старался предпринять шаги для его осуществления, хотя и безрезультатно”.

Как видно, конфликтующие стороны неоднократно апеллировали к Совнаркому, т.е. к Ленину. Несмотря на предостережения Яковлева, Свердлов направил в разные места указание о передаче царской семьи Уральскому Совдепу, чем фактически предрешил ее судьбу. Есть основания считать, что Ленин взял под личный контроль доставку Николая II и его семьи в Екатеринбург. Об этом свидетельствуют записки в Биохронике жизни вождя за 28 апреля 1918 года:

“Ленин ведет переговоры (18 час. — 18 час. 50 мин.) по прямому проводу с Екатеринбургом... Ленин вместе с Я.М.Свердловым ведет переговоры (21 час. 30 мин. — 23 час. 50 мин.) по прямому проводу с Екатеринбургом”.

30 апреля сам император, его жена и одна из дочерей были доставлены в Екатеринбург, где помещены в дом Ипатьева — “Дом особого назначения”, свое последнее прибежище. В этот же день в Москву пошла телеграмма: “2 адреса. Москва. Председателю Совнаркома Ленину. Председателю ЦИК Свердлову.”

Из Екатеринбурга. Сегодня 30 апреля [в] 11 часов петроградского [времени] я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены [в] особ-

няк, охраняемый караулом. Ваши запросы [и] разъяснения телеграфируйте мне. Председатель Уральского Облсовета Белобородов”.

Во впервые опубликованных в конце 80-х годов воспоминаниях Яковлев рассказал, как Голощекин заявил ему после передачи Николая II руководителям Уральского Совдепа: “Ваше счастье, Яковлев, что Ленин за вас! Все ваши действия он считает правильными. — Он крикнул, помолчал немного, а потом дружеским тоном продолжил. — Эх, Яковлев, революционность вы все-таки потеряли”. В тот же день последовало указание Свердлова Белобородову — “содержать Николая самым строгим порядком”, сообщить в Москву “подробности условий нового содержания”.

Царевич Алексей и три других царских дочери были привезены в Екатеринбург три недели спустя. И здесь можно обратиться к никогда не публиковавшимся воспоминаниям члена большевистской партии с 1904 года Яна Мартыновича Свикке, который возглавлял отряд латышских стрелков, сопровождавших царевича и трех его сестер из Тобольска в Екатеринбург. В опубликованных в начале 60-х годов воспоминаниях Я.Свикке о Ленине “Величайший из великих” в журнале “Дружба народов” или “Вечный пример” в газете “Красная звезда” — старый большевик рассказал, как встречался и беседовал с Лениным на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году, как в начале 1908 года посетил вождя в Женеве, и тот дал ему деньги для возвращения в Латвию. Рассказал он, как под фамилией “Родионов” участвовал в перевозке части царской семьи в Екатеринбург в мае 1918 года, а затем в охране “Дома особого назначения”. Он, кстати, приводит фамилии восьми латышских стрелков, которые составляли внутреннюю охрану в Игнатьевском доме. Судя по его воспоминаниям, в расстреле царской семьи участвовали также латыши, а не венгры и австрийцы, которых якобы называли “латышами”. О руководителе отряда латышей Родионове имеются сведения в написанных по следам событий книгах Николая Соколова “Убийство царской семьи” и Михаила Дитерихса “Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале”.

В неопубликованной рукописи Я.Свикке интересны свидетельства о встрече с Лениным накануне отъезда на Урал.

Именно через Свикке, по его словам, Ленин контролировал условия пребывания Николая II и его семьи в Екатеринбурге, связывался с председателем Высшей военной инспекции в Сибири, командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом Рейнгольдом Берзиным. Отметим, что если Свердлов после размещения царской семьи в Екатеринбурге поддерживал регулярные контакты с Голощекиным и главным исполнителем расстрела царской семьи Я.Юровским, то Ленин, кроме Я.Свикке и Р.Берзина, — с А.Белобородовым. Об этом свидетельствует Биохроника, приводящая факты типа: “28 июня. Ленин читает (позднее 20 час. 13 мин.) телеграмму из Екатеринбурга председателя Уральского областного Совета А.Г.Белобородова от 28 июня 1918 г. с просьбой о разговоре по прямому проводу в виду чрезвычайной важности дел” или “7 июля. Ленин дает распоряжение (ранее 17 час.) в Екатеринбург предоставить возможность председателю Уральского областного Совета А.Г.Белобородову связаться с Кремлем по прямому проводу”. Возникает резонный вопрос — кто же в Екатеринбурге лишал Белобородова возможности связаться с Кремлем?

Вопрос о царской семье после ее переезда в Екатеринбург рассматривался не только на Президиуме ВЦИК, но и на заседаниях Совнаркома и ЦК РКП(б). Так, 2 мая 1918 г. Ленин председательствовал на заседании Совнаркома, на котором обсуждалось “внеочередное заявление Свердлова о сообщении ВЦИК в печать относительно местонахождения бывшего царя Николая Романова”. Согласно протокола, Свердлов заявил: “Месяц тому назад в Президиум ВЦИК явился делегат от охраны бывшего царя и сообщил, что с охраной обстоит не все благополучно, часть охраны разбежалась, окрестные крестьяне подкуплены. По всем сообщениям, доходившим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Н.Романов не получит возможности скрыться из Тобольска. Были получены разные сообщения, что некоторые подготовительные шаги в этом направлении отдельными группами монархистов затеваются. Исходя из всех указанных сообщений, Президиум ВЦИК советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей нахо-

дится в Екатеринбурге Пермской губернии, надзор за ним поручен областному Совдепу Урала”.

19 мая 1918 г. Ленин участвовал в заседании ЦК РКП(б), на котором обсуждался вопрос о Николае Романове. В наши дни впервые опубликован протокол этого заседания, в пятом пункте которого говорится: “Тов. Свердлов сообщает, что в Президиуме ВЦИК стоит вопрос о дальнейшей участи Николая, тот же вопрос ставят и уральцы и эсеры. Необходимо решить, что делать с Николаем. Принимается решение не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю, озаботившись лишь принятием необходимых мер предосторожности. Переговорить об этом с уральцами поручается Свердлову”.

В ночь на 17 июля 1918 г. в подвале дома Ипатьева были расстреляны Николай II, его жена и дети, а также обслуживавшие их лица — всего одиннадцать человек. Вопрос, по которому в наши дни ведется дискуссия, — кто санкционировал кровавое убийство?

Банальная истина: обвиняя Ленина в убийстве членов Дома Романовых, необходимо исходить из презумпции невиновности, строго придерживаться документов, подвергать сомнению свидетельства, не являющиеся очевидными. Не должно быть места никаким извращениям истины, никаким измышлениям. Сегодня главный обвинительный документ в адрес Ленина — это строчки из “Дневника в изгнании” Льва Троцкого, заботившегося, кстати, как свидетельствует его дневник, о том, чтобы расправа над царской семьей “повязала” всех большевистских лидеров одной цепью, не оставила никому дороги назад:

“Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, а где царь?

— Конечно, — ответил он, — расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо”.

Что можно сказать по поводу этого пассажа Льва Давидовича? Обманывал он — ибо, как свидетельствуют документы, накануне екатеринбургской трагедии из Москвы почти не выезжал и даже присутствовал на заседании Совнаркома 18 июля 1918 г., на котором было принято решение “принять к сведению” “внеочередное сообщение” Свердлова. Присутствовавший на заседании заместитель председателя ВСНХ Владимир Милютин свидетельствовал: “Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слово для сообщения.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим ровным тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай; Александра Федоровна и сын в надежных руках. Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИКа постановил одобрить.

Молчание всех”.

Обратим внимание: если Президиум ВЦИК под председательством Свердлова “после сообщения о расстреле бывшего монарха, признает решение Уралоблсовета правильным”, то Совнарком эту акцию лишь “принял к сведению”. “Одобрить” Ленин не мог хотя бы по той причине, что за двое суток до того рьяно опровергал возможность расстрела Николая II без суда и следствия. Автором этой книги впервые опубликованы следующие документы из ленинского фонда.

Телеграмма из Копенгагена на английском языке: *“Ленину, члену правительства. Москва. Здесь распространился слух, что бывший царь убит. Сообщите, пожалуйста, по телеграфу факты. National Tidende”*.

И ответ — рукой Ленина (на английском языке):

“National Tidende. Копенгаген.

Слух неверен, бывший царь здоров, все слухи — только ложь капиталистической прессы. Ленин” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6601). Эта телеграмма в адрес копенгагенской газеты,

ушедшая на телеграф днем 16 июля 1918 года, не была отправлена по назначению, о чем свидетельствует пометка на ее копии: “Вернули с телеграфа. Не имеют связи”.

На мой взгляд, текст неотправленной телеграммы означает, что Ленин даже не предполагал о возможности расстрела Николая II (не говоря уже о всей семье) в ближайшую ночь. Ясно, почему больше других беспокоились о судьбе царской семьи именно в Дании, ведь мать Николая II Мария Федоровна — датская принцесса, и датский король Христиан предпринимал шаги по спасению родственников — свергнутого монарха и его семьи.

Имеется и другое доказательство стремления Ленина сохранить жизнь узникам. Это телеграфная связь, которую он поддерживал с Рейнгольдом Берзиным. В монографии Энтони Саммерса и Тома Менголда “Досье на царя” приводится телеграмма Берзина Ленину от 27 июня 1918 г. В ней Берзин информировал, что 21 июня он проинспектировал ипатьевский дом, что Николай II жив и все сообщения о его гибели — чистая провокация. Телеграмма эта была ответом на запрос Бонч-Бруевича о слухах в Москве, будто Николай II убит. Три телеграфиста с екатеринбургского почтамта подтвердили созданной по приказу Колчака комиссии Соколова переданные Лениным слова, когда тот связывался с Берзиным по прямому проводу: “Взять под свою охрану всю царскую семью и не допустить каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае своей собственной жизнью”. Как правило, современные российские историки и публицисты эти не вызывающие сомнений документы не используют.

Активный участник событий того периода уральский чекист М.Медведев (Кудрин) оставил воспоминания, которые не опубликованы и в касающейся Ленина части почти не привлекаются исследователями. Он свидетельствовал: вернувшись из Москвы в Екатеринбург Ф.Голощекину не удалось получить от Свердлова санкции на расстрел царя. Ленин, несмотря на все попытки Свердлова, приводившего доводы Голощекина об опасности эвакуации царя из Екатеринбурга, настаивал, что нужно перевести царскую семью в безопасное место. И Свердлов вынужден был сказать на прощание Голощекину относительно Николая II: “Так и скажи, Филипп, товарищам — ВЦИК официальной санкции на их расстрел не да-

ет”. После расстрела именно Белобородов, по словам Медведева, опасался, что Ленин привлечет его к ответственности за самоуправство с расстрелом Романовых без санкции из Москвы. И поэтому Юровский и его помощник Г. Никулин выехали срочно, 19 июля, через Пермь в Москву, чтобы вместе с чемоданами с ценностями, дневниками, фотографиями из дома Ипатьева привезти письма, написанные П. Войковым и И. Родзинским, которые явились бы для Москвы доказательством якобы существовавшей монархической организации, планировавшей спасти царскую семью. Как сегодня доказано, именно Войков с помощью Родзинского организовали провокацию вокруг мнимой монархической организации. Понятно, почему Войков и Родзинский выезжали также в Пермь — ведь там находилось губернское руководство, и там еще 12 июня началась — с убийства Михаила Александровича — операция по ликвидации пребывавших на Урале членов Дома Романовых, которая завершилась 18 июля кровавой трагедией в Алапаевске. В окрестностях этого городка большевики расстреляли и сбросили в глубокую шахту великую княгиню Елизавету Федоровну, великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей, князя Владимира Палея и двух живших с ними служащих. Некоторые из них были брошены в шахту еще живыми, что неопровержимо доказало проведенное назначенной Колчаком комиссией осенью 1918 года следствие. Напомним, что великая княгиня Елизавета Федоровна, памятник которой недавно был установлен в Москве, являлась вдовой убитого эсером И. Каляевым московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича Романова и одновременно родной сестрой императрицы Александры Федоровны. Она причислена к лику святых, прах ее покоится в Иерусалиме.

Убийцы из трех уральских городов (Пермь, Екатеринбург и Алапаевск) должны были связать себя круговой порукой — и я, в отличие от некоторых исследователей, не вижу ничего противоестественного, что воспоминания коменданта Дома особого назначения в Екатеринбурге Юровского начинаются так: “16.7 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р-ых [Романовых]. 16-го в шесть часов вечера Филипп Г-н [Голощекин] предписал привести приказ в исполнение”.

Точку зрения, что решение об уничтожении царской семьи самостоятельно приняли уральские большевики, высказал, ссылаясь на разговор с Войковым, советский дипломат — невозвращенец Г.Беседовский.

В десятилетний юбилей кровавых событий с пространными воспоминаниями выступил редактор “Уральского рабочего”, член президиума исполкома Уралсовета В.Воробьев. Эти воспоминания, на мой взгляд, заслуживают доверия, явная ложь могла быть изобличена, в тот период были еще живы активные участники событий:

“...Когда стало очевидным — Екатеринбург нам не удержать — вопрос о судьбе царской семьи был поставлен ребром. Увезить бывшего царя было некуда, да и везти его было далеко небезопасно. И на одном из заседаний Облсовета мы решили Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними... На следующий день утром (после расстрела — А.Л.) я получил в президиуме Облсовета для газеты текст официального сообщения о расстреле Романовых.

— Никому пока не показывай, — сказали мне, — необходимо согласовать текст сообщения о расстреле с центром...

Я был обескуражен: кто был когда-либо газетным работником, тот поймет, как мне хотелось немедленно, не откладывая, козырнуть в своей газете такой редкой сенсационной новостью — не каждый день случаются такие события, как казнь царя... Я поминутно звонил по телефону — узнавал, не получено ли уже согласие из Москвы на опубликование... Терпению моему суждено было подвергнуться тягчайшему испытанию. Лишь на другой день, то есть 18 июля, удалось добиться к прямому проводу Свердлова. На телеграф для переговоров с ним поехали Белобородов и еще кто-то из членов президиума. Я не утерпел, поехал тоже... К аппарату сел сам комиссар телеграфа. Белобородов начал докладывать ему то, что надо было передать Москве.

...Затаив дыхание, мы все качнулись к выползавшей из аппарата ленте, на которой точками и черточками замаскировались чеканные, почти металлические звуки свердловского голоса: “Сегодня же доложу о вашем решении президиуму ВЦИКа. Нет сомнения, что оно будет одобрено... Извещение о расстреле должно будет последовать от центральной власти, до получения его от опубликования сообщения воздержитесь...”

Мы вздохнули свободней, вопрос о самоуправстве можно было считать исчерпанным...”

Драматург Э. Радзинский выявил телеграмму, направленную по адресу “Москва. Ленину”, которая была принята в Москве из Петрограда в 21 час. 22 мин., 16 июля 1918 г.: “Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите в Москву, что установленный с Филипповым (т. е. Ф. Голощекиным — А.Л.) суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров”. “Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев”. По-моему, телеграмма эта свидетельствует лишь об одном — из Москвы санкции на расстрел царской семьи до момента отправления телеграммы — не давалось.

Версии о “самоуправстве” Уралсовета как будто противоречат выявленные Э. Радзинским воспоминания Алексея Акимова, служившего вначале в охране Свердлова, а затем — Ленина, о якобы отправленной им в Екатеринбург телеграмме Свердлова и Ленина с санкцией на расстрел царской семьи. Престарелый Акимов поделился этими воспоминаниями более чем полвека спустя после событий. Среди неточностей записи, например, — вместо Урала фигурирует “тульский губком”. К тому же следа подобной телеграммы нигде никогда не было обнаружено.

Зато хорошо известны другие документы. Телеграмма, отправленная из Екатеринбурга в полдень 17 июля (более чем за сутки до прямого разговора со Свердловым, описанного В. Воробьевым): “Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум областного Совета рабоче-крестьянского правительства. В виду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16-е июля (так в телеграмме — А.Л.) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: “В виду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронован-

ный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы), Президиум Областного Совета постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа. В ночь на 16 июля 1918 г. приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержащаяся вместе с ним под стражей, в интересах общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбурга. Президиум Областного Совета. Документы о заговоре высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК. Просим ответ экстренно. Ждем у аппарата”.

Ровно через 9 часов за подписью председателя Уралсовета в Москву была отправлена вторая телеграмма: “Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов”.

Психологически все объяснимо: руководители Уралсовета постепенно подготавливали Москву — вначале сообщили об убийстве Николая II, а затем беспокоившийся больше всех Белобородов единолично, только за своей подписью, дал вторую, уже правдивую телеграмму об убийстве всей царской семьи. И, зная крутого на расправу Ильича, направил ее ленинскому секретарю Горбунову для передачи Свердлову. Таким образом, он убивал несколько зайцев — первым рассказал центру правду, направил телеграмму по адресу Совнаркома и предусмотрел, чтобы вначале она попала к Свердлову.

Я считаю, что до получения второй телеграммы Свердлов поверил первой версии об убийстве только царя. Свидетельством тому служат материалы из Государственного архива Российской Федерации, рассказывающие о профессиональном революционере Якове Шейнкмане — участнике октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, близком друге Свердлова. За пару недель до смерти он написал обращение к сыну, родившемуся в 1918 году: “Я хочу писать дневник. Специально для тебя. Всего по несколько строк каждый день. Хорошо? Начало. 17.VII-18.

Свердлов сообщил мне, что убит Н.А. Романов. Семья его переведена в Алапаевск. Я пожалел, что не уничтожили всю семью. Не кровожадность говорит во мне, а чувство предос-

торожности. Екатеринбургугу угрожает опасность. Надо их уничтожить, пока чехословаки не взяли их под свое покровительство...”

Неверны утверждения, будто до сегодняшнего дня не обнаружен протокол заседания уральских органов власти с решением об уничтожении царской семьи. Составитель сборника “Письма царской семьи из заточения” Е.Алферьев привел даже фотокопию на официальном бланке с печатями “весьма секретного” протокола заседания Областного исполнительного комитета Коммунистической партии Урала и Военно-революционного комитета (ВРК) от 14 июля 1918 г. В протоколе указывается, что по предложению военного комиссара (Ф.Голощекина), и председателя ВРК единогласно постановлено ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью и находящихся при нем служащих не позднее 18 июля, причем ответственность за выполнение поручить члену Чрезвычайной комиссии Юровскому. Из трех подписей под протоколом две широко известны — Белобородова и Голощекина. Третий подписавшийся Мебиус — также упоминается в некоторых исследованиях.

И еще один довод. Публикации начала и середины 20-х годов не носили характера той безбрежной конъюнктурщины, которая была свойственна работам последующих десятилетий. Так вот, в 1921 году в статье и в 1926 году в изданной в Свердловске книге “Последние дни Романовых” П.Быков, сам участник событий, член Екатеринбургского облисполкома, утверждал, что приказа о расстреле семьи Романовых из центра не было, что это была инициатива уральских большевиков:

“Исторические факты говорят, что наши Советы, и областной, и пермский, и алапаевский, действовали смело и определенно, решив уничтожить всех близких к самодержавному престолу. Кроме того, рассматривая теперь эти события уже как факты истории рабочей революции, следует признать, что Советы Урала, расстреливая бывшего царя и действуя в отношении всех остальных Романовых на свой страх и риск, естественно, пытались отнести на второй план расстрел семьи и бывших великих князей Романовых”.

И никто Быкову тогда не возразил — а ведь почти все участники событий находились еще на высоких постах.

Документы показывают, какова была обстановка летом 1918-го года на Урале. Не было в стране региона, где к Николаю II относились бы так враждебно, как там. Сепаратизм уральских властей (вплоть до намерения выпускать собственные деньги) был известен Москве.

Итак, документальные источники свидетельствуют, что инициаторами расстрела царской семьи были уральские большевики, деяниям которых симпатизировал Свердлов. А Ленин, как Понтий Пилат, в этом случае “умыл руки”, о чем я рассказал в ряде дискуссионных статей (“Ленин и расстрел царской семьи”, “Демократическая газета”, № 9, февраль 1992 г.; “Расстрел царской семьи: знал ли о нем Ленин?” “Московские новости”, № 28, 11 июля 1993 г.; “Ленин в расстреле не участвовал”, “Родина”, № 3, 1993 г.).

После поражения Германии в войне и аннулирования Брестского договора Ленину уже не нужно было оглядываться на своего бывшего союзника — и при последующих расстрелах членов Дома Романовых он неизменно занимает жесткую позицию.

Так, 29 января 1919 г. в Петропавловской крепости в ответ на “злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта” “в порядке красного террора” за несколько дней до отмены в стране смертной казни были расстреляны великие князья Николай Михайлович, Дмитрий Константинович, Павел Александрович и Георгий Михайлович. Трудно было придумать более абсурдное обвинение. Ленин принимал непосредственное участие в судьбе одного из них, Николая Михайловича, председателя Русского исторического общества. Отправленный спустя полгода после октябрьского переворота в ссылку в Вологду, тот летом 1918 года был арестован и затем перевезен в Петропавловскую крепость, где помещен в одиночную камеру. Согласно постановлению Совнаркома о “красном терроре” его, как заложника, ждал неминуемый расстрел. 23 декабря 1918 г. Российская Академия Наук направила в Совнарком ходатайство об освобождении Николая Михайловича, в котором отмечались большие заслуги бывшего великого князя перед российской наукой. На тексте ходатайства имеется приписка наркома просвещения А.Луначарского: “Глубоко сочувствую этому ходатайству. На мой взгляд Ник[олай] Мих[айлович] Романов дол-

жен бы был выпущен давно. Прошу рассмотреть на ближайшем заседании Совнаркома. Нар[одный] Ком[иссар] А.Луначарский. 22/ХІІ”.

16 января 1919 г. под председательством Ленина на заседании Совнаркома специально рассматривался вопрос об освобождении Николая Михайловича. Председатель Вологодского губернского исполкома Совдепа и, по совместительству, член Вологодского губкома РКП(б) Ш. Элиава доложил следующее: “Никаких конкретных данных, изобличающих Н. Романова в контрреволюционной деятельности, у меня не имеется. За время пребывания Романова в Вологде в ссылке (с апреля по июль 1918 г.) наблюдение установило частые сношения Романова с японским посольством. Вообще он вел в Вологде замкнутый образ жизни. Из личных бесед с ним я вынес впечатление о нем, как о человеке большого ума и хитром. Вообще же считаю, что он для нас совершенно не опасен”.

Совнарком постановил отложить принятие решения об освобождении Николая Михайловича. Имеется правдоподобная версия, что именно Ленин поторопил чекистов вынести смертный приговор всем четырем бывшим великим князьям, в том числе и Николаю Михайловичу, что и было сделано 24 января.

6 февраля 1919 г. московская газета “Всегда вперед!” опубликовала статью лидера меньшевиков Ю.Мартова “Стыдно!”, в которой, в частности, говорилось:

“Какая гнусность! Какая ненужно-жестокая гнусность, какое бессовестное компрометирование русской революции новым потоком бессмысленно пролитой крови! Как будто недостаточно было уральской драмы — убийства членов семьи Николая Романова! Как будто недостаточно, что кровавая баня помогла русским контрреволюционерам в их агитации в Западной Европе против революции...”

Когда в августе они были взяты заложниками, Социалистическая академия, которую вряд ли заподозрят в антибольшевизме, протестовала против ареста Николая Михайловича как ученого (историка), чуждого политике. Теперь и этого мирного исследователя истории — одного из немногих интеллигентных Романовых — застрелили, как собаку. Стыдно! И если есть коммунисты, есть революционеры, которые сознают гнусность расстрела, но боятся заявить протест, чтобы их не запо-

дозрили в симпатиях к великим князьям, то вдвойне стыдно за эту трусость — позорный спутник всякого террора!”

И все-таки благодаря вмешательству М.Горького одному из великих князей — Гавриилу Константиновичу — удалось избежать трагической участи своих родственников. С 15 августа 1918 г. он также находился в Петропавловской крепости, где тяжело болел, за него перед Зиновьевым в Петрограде в начале ходатайствовали родственники и лечащий врач. 22 октября 1918 г. Петроградская ЧК сообщила управляющему делами Совнаркома о состоянии здоровья арестованного. И в тот же день Ленин телеграфирует в Петроград Зиновьеву: “Боюсь, что Вы пошли чересчур далеко, разрешив Романову выезд в Финляндию. Не преувеличены ли сведения о его болезни? Совету подождать, не выпускать сразу в Финляндию” (50; 198).

Дело с освобождением Гавриила Константиновича застопорилось, и месяц спустя Горький обращается к непреклонному вождю с письмом:

“Дорогой Владимир Ильич!

Сделайте маленькое и умное дело — распорядитесь, чтобы выпустили из тюрьмы бывшего великого князя Гавриила Константиновича Романова. Это — очень хороший человек, во-первых, и опасно больной, во-вторых.

Зачем фабриковать мучеников? Это вреднейший род занятий вообще, а для людей, желающих построить свободное государство — в особенности.

К тому же немножко романтизма никогда не портит политики...

Выпустите Романова и будьте здоровы. А.Пешков”.

Ленин решил в этом случае уступить, и в конце концов Гавриила Константиновича отпустили в Германию, где он написал интересные воспоминания о пребывании великих князей в Петропавловской крепости.

Ленин стремился ликвидировать всякую память о доме Романовых. Еще 12 апреля 1918 г. по его предложению Совнарком утвердил декрет “О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции”. Приведем один пример.

На месте убийства великого князя Сергея Александровича был воздвигнут бронзовый крест с изображением Богороди-

цы, припадающей к ногам распятого Христа, и с надписью: “Прости им, Господи, не ведают бо, что творят”. Автором эскиза памятника был великий русский художник Виктор Васнецов. И если Ленина нельзя винить в убийстве московского генерал-губернатора, хотя он полностью одобрил это убийство, то памятник он рушил лично, о чем свидетельствуют “Записки коменданта Кремля” П. Малькова: “Наступило 1 мая 1918 года. Утро выдалось пасмурное, хмурое... Члены ВЦИК, сотрудники ВЦИК и Совнаркома собрались к 9.30 утра в Кремле перед зданием Судебных установлений.

Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравили с праздником, а потом внезапно шутливо погрозил пальцем:

— Хорошо, батенька, все хорошо, — и указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно, — говорю, — Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как, товарищи? — обратился Владимир Ильич к окружающим.

Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич.

Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал распоряжаться Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду”.

Комендант П. Мальков также свидетельствовал: “Владимир Ильич вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, прославленным при царе генералам. Он не раз говорил, что победивший народ должен снести всю эту мерзость, напоминающую о самодержавии... По предложению Владимира Ильича в 1918 году в Москве были снесены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле Христа Спасителя, генералу М.Д.Скобелеву”.

Были снесены памятники национальным героям и в других городах: Ивану Сусанину — в Костроме, генералу Матвею Платову — в Новочеркасске.

Мною был впервые опубликован и такой документ из ленинского “секретного” фонда, имеющий непосредственное отношение к убийству царской семьи, датированный 9 марта 1922 года — на бланке заместителя особоуполномоченного Совета Народных Комиссаров РСФСР по учету и сосредоточению ценностей и подписанный Базилевичем. Сверху рукой Ленина отмечено и трижды подчеркнуто: “секретно”. “В архив.”

Исходящий номер — 879.

“С. Секретно.

Предвоенсовета Республики тов. Троцкому.

Доношу, что 8-го марта сего года в Оружейной Палате при вскрытии ящичков с имуществом бывшей царицы — без всяких описей — оказалось по оценке представителя Гохрана Чинарева на 300 миллионов зол[отых] рублей. Приглашенные 9/III ювелиры Котлер и Франц (На полях приписка: “Ювелиры серьезные. Троцкий” — А.Л.) оценили следующим образом: если бы нашелся покупатель, который бы смог покупать эти ценности, как вещи, то оценка в 458.700.000 зол[отых] руб[лей]. Продажа же их, как товар отдельными камнями, даст 162.625.000 зол[отых] руб[лей]. Оценка производилась в течение 1 1/2 часов и без детального определения качества камней. Должен оговориться, что это не коронационные ценности — те лежат в отдельных 2-х ящиках. По описи, которая у нас имеется, они оценены в 7 с лишним миллионов рублей. Люди сведущие утверждают, что коронационные ценности по качеству камней и художественному выполнению работы стоят гораздо ниже ценностей, уже разобранных нами и являющихся “личной” собственностью бывш[ей] царской фамилии”.

Внизу приписка: *“Об общем состоянии дела сообщу дополнительно. Троцкий”*. Он же сверху: *“К сведению. т. Ленину.”* (Он же на боковых полях: *“10/III.1922. Надо еще весьма и весьма проверить. Троцкий”*). То есть, считал Троцкий, нельзя на веру принимать указанную стоимость драгоценностей.

Столь запоздавшая переписка — спустя почти четыре года после расстрела царской семьи — объяснялась огромным скоплением ценностей в Гохране, и у Ленина с Троцким до этого сундука просто руки раньше не доходили. Но, во всяком случае, этот документ опровергает версию ряда зарубежных исследователей, будто сокровища царской семьи были сразу же после ее расстрела расхищены в Екатеринбурге. По свидетельству очевидцев, Яков Юровский — непосредственный исполнитель преступной акции — отправился сразу же в Москву с десятком чемоданов, в которых доставил в Гохран царские драгоценности. В ленинском “секретном” фонде хранятся неопубликованные до сего дня документы о встречах Ленина с Юровским в Москве, о выполнении “главным расстрельщиком” поручений вождя по Гохрану.

Допускаю возможность, что в архивах за семью печатями хранятся и такие документы, которые по-новому заставят подойти к роли Ленина, Свердлова, Троцкого в убийстве царской семьи.

Отмечу, что одна из моих публикаций (“Место убийцы вакантно. Новые документы о расстреле царской семьи.” “Российская газета”, 29 августа 1992 г.) была посвящена событиям, последовавшим десятилетия спустя после кровавой драмы. Впервые были опубликованы документы, свидетельствовавшие, как в 60-е годы препирались между собой престарелые участники событий в ночь на 17 июля 1918 г. Кто из них, мол, лично “имел честь” убить того или другого члена семьи Романовых. Ведь непосредственные “расстрельщики” надеялись на более высокую персональную пенсию.

Мне также удалось впервые опубликовать докладную записку за подписью председателя КГБ СССР Ю.Андропова и постановление ЦК КПСС о сносе ипатьевского дома.

“Пост. ЦК КПСС № П185/34
от 4 августа 1975 г.

Секретно

26 июля 1975

№ 2004-А

ЦК КПСС

О сносе особняка ИПАТЬЕВА
в городе Свердловске

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи РОМАНОВЫХ, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца ИПАТЬЕВА в гор. Свердловске.

Дом ИПАТЬЕВА продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный пункт областного Управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов.

В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться и дом ИПАТЬЕВА станет объектом их серьезного внимания.

В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета Госбезопасности

Андропов

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О сносе особняка ИПАТЬЕВА в гор. Свердловске

1. Одобрить предложение Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР, изложенное в записке № 2004-А от 26 июля 1975 г.

2. Поручить Свердловскому Обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка ИПАТЬЕВА в порядке плановой реконструкции города.

Секретарь ЦК”

Глава 9

ЛЕНИН: "... НАДО ПОСТАВИТЬ НА НОГИ ВСЕ ЧЕКА, ЧТОБЫ РАССТРЕЛИВАТЬ НЕ ЯВИВШИХСЯ НА РАБОТУ ИЗ-ЗА "НИКОЛЫ"

К статье "Без креста" ("Российская газета", 24 октября 1992 г.) я привел свидетельство писательницы и переводчицы Варвары Васильевны Тимофеевой о пророчестве Достоевского, высказанном в 1874 году (впервые увидевшем свет в 1904 году): "Со стыдом вспоминаю, как "дико" показалось мне, когда он однажды, читая корректуру своей статьи о Пруссии, о Бисмарке и папе — заговорил вдруг тоном... тем самым тоном, над которым так зло, но и так остроумно смеялись знакомые мне "либералы": "Они и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним "прогрессам" и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уж родился и идет!" Он произнес это с таким выражением и в голосе, и в лице, как будто возвещал мне страшную и великую тайну". Ровно через полвека после этого пророчества Ленина не станет — и именно его деятельность по разгрому православной церкви все чаще будет определяться как деяния Антихриста.

Ленин считал религию одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете.

Простое упоминание идеи Бога порою приводило вождя в бешенство. "Дорогой А.М.! Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право! — писал он Максиму Горькому в середине ноября 1913 года — ...всякий боженька есть труположство... всякая религиозная идея, всякая идея о всяком

боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, ...самая опасная мерзость, самая гнусная “зараза”. Миллион грехов, пакостей, насилий и раз **физических** гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем **тонкая**, духовная, приодетая в самые нарядные “идейные” костюмы идея боженьки” (48; 226-227).

А сколько яда выливал вождь на Льва Толстого за его “стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т.е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины” (17;209-210).

И Ленин четко определял в статье “Об отношении рабочей партии к религии”: “Мы должны бороться с религией. Это — азбука **всего** материализма, и, следовательно, марксизма” (17;418). Обращаясь к наследию вождя, приходишь к неизбежному выводу — добиваясь разрушения русской православной церкви (РПЦ) до “основания”, он проявил к ней ни с чем не сравнимую жестокость и бескомпромиссность. До октябрьского переворота Ленин называл православие “полицейской религией”, которую самодержавие “пропитало духом кутузки”, православную церковь — “ведомством полицейского православия”, “полицейско-казенной церковью”. Служителей православной церкви он причислял “к подлому сословию, сословию попов, грабящих и развращающих народ”. В высшем духовенстве Ленин видел “крепостников в рясах” и “чиновников в рясах”, в миссионерах — “жандармов во Христе”, “темных инквизиторов”, в деревенских священниках — “урядников казенного православия”.

В то же время мусульманство рассматривалось Лениным как союзник в распространении мировой революции на страны Востока. Преследование же католической веры после октябрьского переворота незамедлительно вызывало протесты со стороны Ватикана, а также ряда европейских католических государств, с которыми приходилось считаться. Как и при преследовании протестантских церквей. А русская православная церковь оказалась после разгрома Белого движения беззащитной. Более того — Ленин считал полезным использовать против РПЦ сектантские общины. Еще в 1897 году он писал, что в борьбе с самодержавием “рядом с пролетариатом

стоят... и оппозиционно настроенные элементы... преследуемых абсолютизмом... религий и сект...” И советовал воспитывать в рядах социал-демократии таких политических руководителей, которые умели бы в нужную минуту “продиктовать положительную программу действий” “и возмущенным сектантам” (5;398). Подобное отношение к отдельным неправославным христианским общинам Ленин сохранил и после октябрьского переворота. Например, 6 сентября 1921 г. на заседании политбюро ЦК РКП(б), на котором Ленин не присутствовал, при обсуждении обращения Общества духоборов в Канаде о предоставлении их делегации права приезда в Россию для переговоров о возвращении общины на родину постановляется принять предложение Ленина: “...тотчас разрешить и ответить архилюбезно” (53; 145).

Конечно, мои оппоненты могут возразить — ведь в конце 1905 года в статье “Социализм и религия” Ленин писал: “Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейно и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом” (12; 145). Но ведь вся деятельность вождя во главе правительства противоречит подобным утверждениям.

Ленин явился прямым инициатором четырех массовых кампаний, направленных против православия. Первая — ноябрь 1917 года — 1919 год: начало закрытия монастырей, некоторых храмов, реквизиция их имущества, лишение церкви прав юридического лица и др. Вторая — 1919-1920 годы: вскрытие святых мощей, лишение духовенства политических прав. Третья — начиная с конца 1920 года: раскол православной церкви, ее “разложение” изнутри. И четвертая — с начала 1922 года: разграбление или, употребляя ленинский термин, “очищение” всех церквей и расстрел при этом максимального числа православных священнослужителей.

Конечно, все эти кампании были тесно взаимосвязаны, на их фоне во все годы просматривается неизменное стремление Ильича физически уничтожать как можно больше православных служителей культа. Еще в августе 1918 года Ленин приказывал пензенскому губисполкому “провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев”. “Беспощадный массовый террор” вылился в массовые убийства по всей стране. Ровно два года спустя

Ленин планировал за каждого повешенного “попа” платить по 100 тысяч рублей, причем спровоцировать акцию так, чтобы подозрение пало на “зеленых”.

В марте 1922 года в разгар кампании по разграблению церковей Ленин, как всегда “строго секретно”, наказывает: “...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церковей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше”.

Приводятся сегодня разные цифры (превышающие 8 тысяч) православных священнослужителей, которые пали жертвами большевистского террора в 1917-1922 годы. В июле 1995 года “Известия” опубликовали статью, в которой рассказывалось о найденной в тайнике Российской государственной библиотеки карте России “Данные о подавлении сопротивления духовенства за 1918-1919 годы”. Подготовленная секретным отделом ВЧК цветная карта имела разную интенсивность окраски отдельных губерний — в зависимости от числа расстрелянных священнослужителей. Были указаны и точные цифры расстрелянных по отдельным местностям. Так, только в одном Петрограде было расстреляно 550 священников, монахов, высших иерархов церкви. С бухгалтерской точностью указано количество расстрелянных в других местностях: в одном случае — 101 расстрелянный, во втором — 78.

Еще более массовые расстрелы служителей культа большевики произвели в последующие годы. Приведем отрывок из книги М. Вострышева “Божий избранник” — документального повествования о патриархе Тихоне:

“...священнику Дмитриевскому, которого поставили на колени, сначала отрубили нос, потом уши и, наконец, голову... В городе Богодухове всех монахинь, не пожелавших уйти из монастыря, привели на кладбище к раскрытой могиле, отрезали им сосцы и живых побросали в яму, а сверху бросили еще дышащего старого монаха и, засыпая всех землей, кричали, что справляется монашеская свадьба”. Киевский митрополит Владимир был изуродован, а затем расстрелян.

Жестоким пыткам был подвергнут Пермский архиепископ Андроник. Ему вырезали щеки, выкололи глаза, обрезали нос и уши и в таком изувеченном виде водили по городу. Гобольский епископ Гермоген, в свое время отправленный царем в ссылку, живым был привязан к колесу парохода и измочален лопастями. И так далее и так далее. Большевицкая расправа над православной церковью превосходила по жестокости гонений на веру и верующих в первые века христианства.

Еще на заседании Совнаркома 30 ноября 1917 г. Ленин дополняет повестку дня вопросом: “17) О передаче монастырей в ведомство Государственного презрения (Коллоний)”.

Не дождался ответа Ленина монахи Спасского монастыря в Москве, обращая его внимание на то, что они приветствовали Советскую власть. Но где же им теперь, задавались вопросом братья, выполнять свои монашеские обеты?

Столкновение отряда моряков с монахами было вызвано осуществлением в жизнь специального решения, принятого на заседании Совнаркома 4 января 1918 г. под председательством Ленина, о реквизиции помещений Александро-Невской лавры. В этот же день было принято правительственное постановление об упразднении придворного духовенства, реквизиции всего имущества в помещениях придворных церквей, что касалось и церквей Кремля в Москве, где издавна хранились православные реликвии: иконы, кресты, панатины, принадлежавшие видным в прошлом религиозным деятелям. 24 января на заседании Совнаркома под председательством Ленина было принято решение о предоставлении наркоматам права закрытия церквей при государственных учреждениях, а также так называемых домовых церквей. Эта мера затронула тысячи храмов, вызвав массовые протесты верующих.

Тогда же “Известия” впервые опубликовали декрет Совнаркома об отделении церкви от государства и школы от церкви. Сохранился экземпляр проекта декрета с многочисленными ленинскими поправками. Особо горячие возражения у иерархов церкви и подавляющей части клира вызвал 12 пункт декрета: “Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юри-

дического лица они не имеют". Так был открыт путь к правовому беспределу по отношению к церкви и ее служителям.

Ленин написал радиogramму и направил ее "Всем, всем": "Вчера, 21.01.1918 опубликовали декрет о полном отделении церкви от государства и о конфискации всех церковных имуществ" (35; 322).

Ленинские установки по разгрому православной церкви приводили к новым и новым богохульным бесчинствам по всей российской территории.

Примеров множество — но приведем лишь один, из "Очерков русской смуты" генерала А.Деникина. "Особая комиссия" после занятия Харьковской губернии деникинскими войсками установила: "Забравшись в храм под предводительством Дыбенко, красноармейцы вместе с приехавшими любовницами ходили по храму в шапках, курили, ругали скверноматерно Иисуса Христа и Матерь Божью, похитили занавес от царских врат, разорвав его на части, церковные одежды, подризники, платки для утирания губ причащающихся, опрокинули Престол, пронзили штыком икону Спасителя. После ухода бесчинствовавшего отряда в одном из притворов храма были обнаружены экскременты".

Были национализированы свечные заводы, фабрики и мастерские по производству церковной утвари. 4 марта 1918 года на заседании Совнаркома под председательством Ленина была проанализирована деятельность НКВД по изъятию церковных средств.

В мае 1918 года в последний раз был разрешен ограниченный проход верующих в пасхальную ночь на богослужения в кремлевские храмы. Комендант П.Мальков вспоминал: "Убедившись, что все необходимые меры приняты, я прошел к дверям Успенского собора к моменту выхода процессии с хоругвями и издали смотрел, как последний раз (это было несомненно) совершался древний "языческий" обряд... "Последний раз ходят", — услышал я знакомый голос Владимира Ильича. Он с некоторыми товарищами тоже пришел посмотреть на последний выход пасхального церковного парада из Успенского собора".

В июне 1918 года Ленин ставит перед Наркомпросом задачу — превратить Петроградскую духовную академию в

центр по распространению атеизма. Закрываются все православные духовные семинарии, женские епархиальные училища. (В то же время деятельность мусульманских учебных заведений запретам не подвергалась). Поместный собор направлял по этим вопросам жалобы Ленину, но ответов никогда не получал. Впрочем, начавшиеся по всей стране с осени 1918 года массовые аресты православных священников можно считать ответом главы правительства народных комиссаров.

Старый большевик П.Красиков, приятель Ленина по красноярской ссылке, чью игру на скрипке вождь так любил слушать, был поставлен во главе специального V Ликвидационного (позднее VIII) отдела Наркомата юстиции, имевшего задачу проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, а фактически — разгрома прежде всего православной церкви.

“Мне поручили, — вспоминал Красиков, — очень важное и трудное дело — отделение церкви от государства. Я должен был очень много прочесть и изучить. Эту работу я выполнил как будто хорошо. Против нее не было ничего сказано, и Владимир Ильич был как будто бы доволен. Правда, со всякими важнейшими вопросами в этой сфере я советовался с Владимиром Ильичем”.

Самому Красикову вождь дал такую характеристику еще в октябре 1903 года: “...при войне он, ей-богу, полезен и необходим; слушаться он будет вполне; от неподходящих функций его можно отстранить; про него много ходит зряшных сплетен”. Далее Ленин сообщил, что у Красикова “взял торжественное обещание слушаться вполне начальства...” (46; 304-305). Так что в профессиональной пригодности Красикова Ильич был уверен.

30 июля 1918 г. на заседании Совнаркома под председательством Ленина был наложен запрет на исполнение колокольного звона во всех церквях. Необходимость запрещения колокольного звона Красиков обосновывал тем, что шум “мешал трудящимся отдыхать после трудового дня”, а колокольная медь, как выяснилось, необходима республике для промышленных нужд.

22 октября 1918 г. впервые в Советской России были вскрыты святые мощи. Эта кощунственная акция была про-

изведена в Александро-Свирском монастыре Олонецкой губернии при разграблении богослужебного имущества. Из реквизированных “40 пудов чистого серебра в виде церковных изделий” часть была отправлена в музеи, часть — роздана крестьянам, а часть по предложению ГубЧК переплавлена в слитки. Ряд священников вместе с настоятелем монастыря Евгением были расстреляны без суда и следствия. Именно здесь произошло первое вооруженное столкновение чекистов с верующими. П.Красиков вспоминал, как загорелся Ильич идеей организовать подобные акции по вскрытию святых мощей по всей стране, дав соответствующее поручение VIII отделу.

Исходя из имеющихся документов, именно глава правительства был инициатором кампании по надругательству над святыми останками, распространению среди населения информации об этих кощунственных акциях. Поруганные чувства верующих в расчет им не принимались. Так, в марте 1919 года член братства святого Алексия М.Свет обратился к Ленину с письмом, в котором содержалась просьба отдать членам братства мощи святого Алексия, находившиеся в Кремле, в Чудовом монастыре. Ленин накладывает резолюцию наркомюстиции: “т.Курский! Прошу не разрешать вывоза, а назначить вскрытие при свидетелях”. (Лен. сб. XXXIII, стр.248). И здесь же — резолюция Курского: “Срочно. VIII отдел П.А.Красикову. Для распоряжения о вскрытии мощей с участием представителей МСРД, НКЮ и НКВД”. Эта ленинская резолюция не вошла в “полное” собрание сочинений вождя. А ведь именно она явилась толчком к массовому вскрытию святых мощей по всей Руси. Но вошла другая: “Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино во всей Москве”, — на обороте записки Красикова, сообщавшего о вскрытии 11 апреля 1919 г. святых мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре. Красиков сообщал также, что скоро будут готовы протокол вскрытия и кинолента (50, 279). Ленину впоследствии были показаны фотоотпечатки кадров фильма, и он остался ими доволен. Вождь заботился также о покупке зарубежных антирелигиозных кинолент для агитационно-инструкторских поездов и пароходов (40; 72).

Тщетно просил патриарх Тихон Ленина в письмах от 27 апреля, 10 мая, 9 августа 1920 г. не глумиться над останками

заступника России Преподобного Сергия Радонежского, не перевозить их из Лавры в один из музеев, что было бы для верующих неслыханным святотатством. Напрасно напомнил он Ленину о провозглашенной в советской Конституции свободе совести. Высказывал он и свое возмущение нелепыми обвинениями в свой адрес в “спекуляции свечами” в храмах. На основе этих “обвинений” на патриарха было заведено уголовное дело.

15 июня 1920 г. Ленин подписал протокол заседания Совнаркома, на котором был одобрен доклад межведомственной комиссии о превращении Троице-Сергиевой Лавры в музей, 21 июня — подписал декрет об обращении Лавры в музей. Вождь отказался встретиться с патриархом, которому было сообщено, что “председатель Совнаркома занят обсуждением важных дел и свидание не может состояться в ближайшие дни”. Официальный ответ Совнаркома патриарху гласил: “Жалобу гражданина Белавина (патриарха Тихона) на постановление Московского губисполкома о перевозке мощей из Троице-Сергиевой Лавры в один из московских музеев от 10.05 оставить без последствий. Предложить Московскому исполкому Совета рабочих и крестьянских депутатов в порядке циркуляра Наркомюста от 25.08.20 г. о ликвидации мощей закончить ликвидацию мощей Сергия Радонежского, т.е. привести в исполнение Постановление Московского губисполкома от 26.03 с.г. о перевозке мощей в московский музей”.

Ленин председательствовал на одном из заседаний Совнаркома в середине июня 1920 года, на котором было принято решение: “Поручить Наркомпросу разработать вопрос о порядке ликвидации мощей во всероссийском масштабе”. Прошел месяц — и 20 июля Ленин на заседании Совнаркома делает запись: “До следующего заседания” против пункта 12 “о порядке ликвидации мощей во всероссийском масштабе”. Вопрос обсуждался еще дважды на заседаниях Совнаркома под председательством Ленина.

29 июля Совнарком “по вопросу о ликвидации мощей во всероссийском масштабе” постановил: “В принципе утвердить предложения Наркомюста по этому вопросу, поручив Наркомюсту прибавить к ним краткую историю и результаты 58 произведенных вскрытий мощей. Секретарь СНК

Л. Фотиева”. 31 июля на места за подписью секретаря Ленина Фотиевой была направлена соответствующая телеграмма. (Обратим внимание — подпись третьеразрядного в большевистской иерархии лица!)

10 августа Совнарком постановил: “Принять к сведению проект циркуляра Наркомюста о ликвидации мощей и сообщение т. Курского о том, что момент опубликования циркуляра будет определен им в соответствии с общим политическим положением”.

И вот 25 августа 1920 г. за подписью наркома Курского появляется постановление Народного Комиссариата юстиции “О ликвидации мощей”, предлагающее “к исполнению следующее: 1. Местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и планомерно проводят полную ликвидацию мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий. 2. Ликвидация названного культа мертвых тел, кукол и т.п. осуществляется путем передачи их в музей. 3. Во всех случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты, как со стороны служителей культа, так равно и организаций бывших официальных вероисповедных ведомств, отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, причем ведение следствия поручается следователям по важнейшим делам при отделах юстиции или Народном Комиссариате Юстиции и само дело разбирается при условиях широкой гласности”.

Можно отметить, что кампания по вскрытию святых мощей к тому времени была уже почти завершена по всей стране (из общего числа 63 запланированных вскрытий были произведены 62, 25 сентября 1920 г. было завершено последнее — Симеона Праведного в городке Верхотурье Екатеринбургской губернии). И практически задача постановления о “полной ликвидации мощей” уже сводилась лишь к обязательной передаче святых останков в музей.

Однако поиск святых мощей продолжался и в последующие месяцы, о чем свидетельствует следующий документ: “Записка по прямому проводу МОРЗЕ. Из Чернигова, Москва, ЦК РКП, Совнарком, Ленину. Совершенно секрет-

но... 18 февраля вскрыты мощи Феодосия, сообщаем проект заключения врачебных экспертов. Предъявленное экспертизе тело, называемое мощами святителя Феодосия Черниговского, есть действительно тело человека в состоянии сухого омертвления — мумификация без признаков гниения. Данные микроскопического исследования ...обнаруживают довольно ясное строение ткани и клеток, в особенности волокнистой ткани, мышечной и красных кровяных телец... Нами организована агиткампания по научному обоснованию мумификации. Необходима высылка в Чернигов специальных экспертов... Ждем дальнейших указаний. 23 февраля 1921 г. Секретарь Губкомпарт Одинцов, врид Предгубисполкома Филатов”.

Красиков незамедлительно обратился в Президиум ВЧК: “На основании секретной телеграммы на имя тов. Ленина — VIII отдел НКЮ для экспертизы хорошо сохранившейся мумии Феодосия командирует в Чернигов консультанта”... и просил присоединить к нему двух чекистов. Итогом этого явилось постановление Черниговского Губисполкома: “Предложить губнаробразу в 2-х дневный срок отвести место в музее для помещения трупа Феодосия. После чего поручается предгубчека Биксону произвести изъятие трупа вместе с облачением из церкви. Охрану трупа в музее возложить на Губчека”. Таким образом “нетленность” мощей к этому времени уже перешла в ведение чекистов.

В апреле 1920 года НКЮ объявил, что служители культа, как имеющие “нетрудовой заработок” и занимающиеся “непроизводительным трудом”, не могут пользоваться полными гражданскими правами. Тогда же было опубликовано разъяснение, в котором объявлялось о привлечении духовных лиц ко всеобщей трудовой повинности. Но главные удары по церкви были еще впереди.

Ленинский архивный фонд хранит немало документов, свидетельствующих о контактах вождя с православной церковью. Начиная от экземпляра книги “Две тактики социал-демократии в демократической революции. Женева, 1905 г.” с царственной надписью “Уважаемому Георгию Гапону от автора на память” — и кончая ленинской телефонограммой нарком просвещения Анатолию Луначарскому от 9 мая 1921 г.: “Принять архиепископа Владимира не имею возможности.

Сообщите письменно, в чем дело. Ленин”. Документы свидетельствуют — возглавив правительство, Ленин отвечал категорическим отказом в приеме на все просьбы православных служащих — от патриарха Тихона до деревенских священников.

Некоторые архивные документы, раскрывающие отношение Ленина к верующим, фальсифицированы, к подлинникам нет доступа.

Приведу один пример. В Биографической хронике деятельности вождя впервые приведено его письмо особоуполномоченному Совету Обороны по топливным главам А.Эйдуку, отправленное 25 декабря 1919 г. В первой части письма — анализ сводок по погрузке дров в вагоны. Ленин недоволен снижением погрузки за неделю, на которую приходится 19 декабря — православный праздник “Николин день” — День святителя Николая-чудотворца. Заключительный пункт письма: 3) мириться с “Николой” глупо... Немедленно нужны экстренные меры: 1) чтобы поднять погрузку, 2) чтобы предупредить прогулы на рождество и новый год.

Сообщите мне сегодня же, какие экстренные меры принимаете. Ленин.” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.12176). Но если обратиться к подлиннику письма — то вместо отточия после слова “глупо” читаем: **“надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за “Николы”**.” (Выделено мною. — А.Л.)

Можно только предполагать, скольким нашим соотечественникам стоила жизни привычная для них неявка на работу в церковный праздник.

Особый интерес представляют документы, показывающие, как ведение дел православной церкви было передано вождем от Наркомпроса в ВЧК. В Биографической хронике жизни Ленина — запись от 30 ноября 1920 г.: “Ленин читает письмо наркома просвещения А.В.Луначарского по поводу происходящего раскола в православной церкви; пишет: “Тов.Красиков! Ваш отзыв?”; получив ответ заведующего VIII отделом Наркомюста П.А.Красикова по этому вопросу, пишет на нем: “От Красикова 30/XI 1920 г. В архив”, а на письме Луначарского зачеркивает прежнюю резолюцию и пишет: “Тов. Дзержинский! Ваш отзыв? 30/XI Ленин”. Мною впервые опубликовано указанное письмо Луначарского Ленину:

“Дорогой Владимир Ильич!

Сегодня был у меня архиепископ Владимир Пензенский, известный Вам по слухам, основатель так называемой свободной православной церкви, враг патриарха Тихона.

Он утверждает, что Тихоновская церковь (черносотенная) переживает тяжелый кризис, что большинство духовенства, видя прочность Советской власти, тянется к официальному признанию ее, дабы разрядить атмосферу враждебности, которая, естественно, окружает официальное духовенство.

По его словам, известный архиепископ Огородник Варнава уже целиком стал на его сторону. На днях будто бы официально перейдет к нему известный богослов и православный философ епископ Антоний (Антония Вольнского Ленин еще в 1909 году окрестил “владыкой черносотенных изуверов” (19; 55) — А.Л.), наконец, будто бы весьма склоняется в сторону свободно поставленной церкви митрополит Вениамин Петербургский.

Все это, по словам Владимира, делает возможным при малейшей, отнюдь не официальной, помощи Советской власти опрокинуть Тихона и привести к признанию со стороны церкви принципов:

1) богоустановленности Советской власти (!!!)

2) правильности принципа отделения церкви от государства,

3) полной согласованности коммунистического идеала с истинным христианством.

Как Вы знаете, ВЧК в общем способствовала развитию церкви архиепископа Владимира. Но я, конечно, прекрасно создавая все — за — и все — против — такой политики, всю скользкость и ответственность этого пути, ни в коем случае не могу взять на себя хотя бы даже только продолжения приватного выслушивания Владимира (от всякого выражения своего мнения я абсолютно воздержался). Если разговор нужно продолжить опять-таки в совершенно приватном духе, то назначьте неофициально от ЦК 3-е лицо. Я думаю, что было бы небезынтересно глубже информироваться о происходящем в церкви брожении. Если же Вы считаете разговор ненужным, то я его немедленно и категорически прерву.

Наконец, если Вы укажете, что я должен адресовать Владимира кому-либо другому, я и это сделаю. Жду Вашей инструкции.

Ваш Луначарский". (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 16341).

Дзержинский после получения письма наркома просвещения с резолюцией главы правительства направил 3 декабря 1920 г. в Секретный отдел ВЧК записку с поручением подготовить доклад об отношении ВЧК к церкви.

В этой записке он выразил свою позицию:

"Мое мнение: церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обыкновенной форме.

Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложения попов. Связь какая бы то ни было с попами других органов бросит на партию тень — это опаснейшая вещь". (ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 3546).

Подготовлены были не один, а сразу два доклада. Первый — М.Лациса, который работал заведующим Секретным отделом ВЧК до сентября 1920 года, второй — Т.Самсонова, сменившего Лациса на этом посту.

Лацис, наряду с состоянием церкви и отношением к ней ВЧК, дал характеристику духовных лиц, упомянутых Луначарским.

Он, в частности, отмечал, что Владимир Пензенский — неэнергичный человек и вообще нечистоплотная личность, отлучался от церкви в связи с обвинением в изнасиловании девочки. Как видно, Лацис не знал известной ленинской установки о том, что "праведный поп в тысячу раз вреднее аморального, так как его в тысячу раз труднее изобличить". Выступая против патриарха Тихона, считал Лацис, архиепископ Владимир Пензенский стремился сам стать патриархом новой церкви. Выводы доклада были категоричны: "Церковь разваливается на глазах у всех, и единственно, что мы можем делать, это ускорить этот процесс развала".

В докладе Самсонова был сделан реверанс в адрес своего предшественника на посту начальника отдела: "Тов. Лацис глубоко прав, когда говорит, что коммунизм и религия взаимно исключаются, а также глубоко прав в том, что религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК". Но далее, непонятно почему, он обличает

деятелей “новой церкви”, выступающих против патриарха Тихона, в недостаточной атеистической деятельности, когда пишет, что “отцы духовные вроде архиепископа Владимира (Пензенского) Путяты оказались несостоятельными по той простой причине, что у него, как у заклятого врага Советской власти, не оказалось достаточной смелости духа и воли для того, чтобы развернуть свою работу во всю ширь и глубину и нанести церкви сокрушительный удар; вместо этого Путяты склочничает и нашептывает в ВЧК на Тихона, в то же время сам практически ничего не делает для разрушения церкви.

Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Иллриодор Труфанов, даже он в паутине церкви не нашел присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб”.

Далее Самсонов указывал, что низшие слои духовенства нередко выступают против таких представителей церковной иерархии, как Тихон или Владимир Пензенский, чем способствуют в некоторой мере развалу религии и церкви.

В заключение он просил поставить перед ЦК РКП(б) вопрос о необходимости направить в ВЧК сотрудников, подготовленных для работы среди духовенства.

Дзержинский оба доклада свел в один и направил Ленину со следующей сопроводительной запиской: “Посылаю Вам по вопросу о попах доклад Лациса и Самсонова. Считаю, что официально или полуофициально иметь с попами дело — не следует. Выйдет только компрометация. Но это может позволить только ВЧК. Ф.Дзержинский”.

Если практическую борьбу с православием Ленин возложил на чекистов, то теоретическими изысканиями продолжал заниматься сам. Еще в мае 1920 года он, внимательнейшим образом изучив книгу Н. Бухарина “Экономика переходного периода”, сделал подчеркивания и пометку “верно!” относительно мысли, что “духовенство, даже неквалифицированное”, входит в те “слои, классы и группы”, которые “неизбежно ведут активную борьбу против пролетариата под политической гегемонией представителей финансового капитала и под военной гегемонией генералитета...” И, одобряя политику насилия к этим слоям населения, вождь сделал подчеркивания и написал на полях: “именно!” — по поводу того, что “про-

летарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи...” (Лен. сб. XL, стр.420,424).

Ленин являлся инициатором решений политбюро ЦК РКП(б) типа: “Дать сводку мятежных поповских попыток, а зачинщиков расстреливать”.

Вождь проявлял большую заботу о том, чтобы лишить верующих религиозной литературы и икон. Так, в конце мая 1921 года на X Всероссийской партийной конференции во время заключительной речи Ленина раздалась реплика: “Крестьяне, мол, просят, чтобы продавались иконы”. Подоживление в зале Владимир Ильич ответил: “...Я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму”. А в сентябре 1921 года Ленин подписал проект постановления политбюро ЦК РКП(б) о свободной продаже книг, хранящихся на складах Москвы. В проекте было сказано: “Из числа книг, пускаемых в свободную продажу в Москве, изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в Главбум на бумагу” (44; 119).

Многочисленные установки Ленина по отношению к православию содержатся в воспоминаниях его ближайших соратников. Так, известно, что нарком просвещения Луначарский неделю спустя после октябрьского переворота подал в Совнарком заявление об отставке, в котором, в частности, писал: “Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы”. К счастью, эти сведения оказались преувеличены. Совнарком не принял отставки наркома, и пятнадцать лет спустя Луначарский опубликовал воспоминания, в которых рассказал, как вождь подверг его в связи с заявлением весьма серьезной “обработке”. Ленин, в частности, корил наркома следующими аргументами: “Как вы можете придавать такое значение

тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?” Возникает крамольная мысль — неужели вождь уже тогда предвидел, что за Кремлевской стеной возведут коробку Государственного Кремлевского Дворца?

Помимо воспоминаний “блаженного Анатолия”, так называл Луначарского Г.Плеханов, приведем свидетельства “всероссийского старосты”. В обращении к политбюро ЦК РКП(б) в начале 1922 года председатель ВЦИК М.И.Калинин писал: “Как-то в частной беседе на мой вопрос, чем можно заменить религию, Владимир Ильич ответил, что эта задача целиком лежит на театре, что театр должен отлучить от обрядовых сборищ крестьянские массы”. Именно так считал вождь — задача целиком и полностью на театре вслед за предварительной карательной работой чекистов. Но это в будущем — а пока вождь наказывал Луначарскому: “Все театры советую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте” (53; 142).

А при обсуждении проблемы электрификации страны с В.Милютиным, Л.Красиным и рядом других большевиков Ленин утверждал, что Бога крестьянину заменит электричество, которому тот будет молиться, чувствуя вместо неба могущество центральной власти. Каких только несуразностей ни наговорил философствующий глава Советского правительства!

Ленин мог как будто быть доволен ходом разгрома православия в 1921 году. С одной стороны, к середине года было национализировано более 600 монастырей. С другой — гражданская война, неудачи “кавалерийской атаки” на православную церковь кое-чему научили вождя. Порою сама жизнь подталкивала его внести смягчающие коррективы в антирелигиозную политику, заставляя проявлять определенную гибкость во взаимоотношениях с церковью и высказываться против непродуманных богохульных акций. Так, 30 мая 1919 г. он ознакомился с рукописью статьи “Дань предрассудкам” известного теоретика атеизма Емельяна Ярославского, в которой приводились примеры исключения из партии коммунистов за участие в религиозных обрядах. Статья

заканчивалась призывом высказать мнение по этому вопросу — и на обороте последнего листа Ленин пишет в оргбюро ЦК РКП(б): “Я за исключение из партии участвующих в обрядах. 30/V Ленин” (50; 330). А два года спустя, 18 мая 1921 г., он предлагает в постановлении пленума ЦК РКП(б) “допустить, с рядом особо ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов” (54; 440).

1 ноября 1919 г. Ленин поставил подпись под вторым пунктом решения Малого Совнаркома, отклонившего ходатайства религиозных общин и групп в отношении лиц, не идущих в Красную Армию по религиозному убеждению... И в этом вопросе впоследствии правительству пришлось уступить.

О проявившейся гибкости Ленина по отношению к православию свидетельствует его письмо секретарю ЦК партии Молотову в апреле 1921 года: “Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр ЦК насчет 1 мая, и там сказано: **разоблачать ложь религии** или нечто подобное. Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю пасхи надо рекомендовать **иное**: не разоблачать ложь, а **избегать, безусловно, всякого оскорбления религии**” (52; 140).

Обратим внимание — послабление православной церкви вождь делает не из принципиальных соображений, а “по случаю пасхи”. 31 марта 1921 года Ленин одобрил предложение Чичерина о необходимости “соблюдать тактичность при проведении антирелигиозной пропаганды” в областях с мусульманским населением (52; 120). Но когда в январе 1922 года Чичерин, пытаясь улучшить отношения с Америкой и зная о том неодобрении, с которым в этой стране относились к преследованию религии в Советской России, предложил Ленину в двух письмах, от 20 и 22 января, чтобы священнослужителям было предоставлено право участия в выборах, Ленин рассвирепел. На полях в этом месте письма Чичерина он поставил три вопросительных знака и написал: “сумасшествие!!” И тут же приказал: “**т. Молотову для всех членов Политбюро**: Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен и сильно. Мы будем дураками, если **тотчас** и насильно не сошлем его в санаторий” (54; 137, 601).

В статье “К четырехлетней годовщине Октябрьской революции” Ленин с удовлетворением констатировал: “Мы с религией боролись и боремся по-настоящему”. Здесь же вождь отнес религию к тем “авгиевым конюшням”, которые большевики “вычистили начисто” (44; 146).

Но нарастающий страшный голод в стране, вызванный в первую очередь дикими “коммунистическими экспериментами”, давал возможность большевикам нанести гонимой церкви еще более сокрушительный удар. И, умелый тактик в политической борьбе, Ленин использовал “момент”.

Тяжелейшая обстановка в России привела Ленина к мыслям, которые он высказал 19 марта 1922 г. в письме к Молотову для членов политбюро ЦК РКП(б): “... для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету”.

Последнюю мысль вождь повторил еще раз: “никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне”. (“Изв. ЦК КПСС”, № 4, 1990 г., стр.190-193).

Обратим внимание на ленинскую формулировку — “отчаянный голод”, вызванный политикой “военного коммунизма”, помогает расправиться со священнослужителями.

Но еще летом 1921 г. патриарх Тихон выступил с обращением: “Падашь для голодного населения стала лакомством, но и этого “лакомства” нельзя достать. Стоны и вопли несутся со всех сторон. Доходит до людоедства. Из 13 миллионов голодающих только 2 миллиона получают помощь. Протяните же руки помощи голодающим братьям и сестрам, с согласия верующих можно использовать в храмах драгоценные вещи (кольца, цепи, браслеты, жертвуемые для украшения святых икон, серебро и золотой лом) на помощь голодающим...” В августе 1921 г. по инициативе патриарха православная церковь создает Всероссийский и епархиальные церковные комитеты для помощи голодающим, организует сбор средств.

Если летом 1918 года Тихон отказался благословить Белое движение, то в начале 1922 года он осудил решение ВЦИК о полном изъятии всех церковных ценностей. И Ленин расценил это как желание патриарха дать большевикам “решающее сражение”.

Глобальное ограбление всех православных храмов готовилось и проводилось большевиками широкомасштабно и планомерно. 2 января 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление “О ликвидации церковного имущества”. Именно возглавлявшему этот орган Калинину Ленин отвел роль “прикрытия” для непосредственного организатора грабежа Троцкого. “Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — настаивал Ильич, — никогда и ни в каком случае не должен выступать в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий”.

23 февраля ВЦИК издал постановление об изъятии всех подряд церковных ценностей. Патриарх обратился к Калинину с запросом, но тот, по своему обыкновению, отмолчался. И тогда 28 февраля выходит известное послание патриарха, в котором выражается неодобрение бесцеремонного вмешательства ВЦИК в дела церкви, что рассматривается как святотатство. Следует отметить, что хотя церковь к тому времени собрала в помощь голодающим более 9 миллионов рублей, но даже это формально являлось нарушением закона, ибо была запрещена ее благотворительная, миссионерская и миротворческая деятельность.

10 марта 1922 г. нарком внешней торговли Л. Красин направляет Ленину обстоятельную докладную записку, в ко-

порой обосновывает необходимость создания за рубежом синдиката по распродаже драгоценностей. На этом впервые опубликованном мной документе — ленинское распоряжение: *“11/III. т. Троцкий! Прочтите, пожалуйста, и верните мне. Не провести ли директивы о сем в П.бюро? (сведения на счет числа “очищенных” церквей, надеюсь, заказали?) Привет! Ленин”*. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 1166).

В тот же день вождю направляется письмо Троцкого:

“Соверш. секретно. Тт. Ленину, Молотову, Каменеву и Сталину.

Работа по изъятию ценностей из московских церквей чрезвычайно запуталась, ввиду того, что наряду с созданными ранее комиссиями Президиум ВЦИК создал свои комиссии: из представителей Помгола, представителей губисполкомов и губфинотделов. Вчера на заседании моей комиссии в составе тт. Троцкого, Базилевича, Галкина, Лебедева, Уншлихта, Самойловой-Землячки, Красикова, Краснощекова и Сапронова мы пришли единогласно к выводу о необходимости образования в Москве секретной ударной комиссии в составе: председатель — т. Сапронов, члены: т. Уншлихт, Самойлова-Землячка и Галкин. Эта комиссия должна в секретном порядке подготовить одновременно политическую, организационную сторону дела. Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и затем закончиться в кратчайший срок. Повторяю, комиссия эта совершенно секретна. Формально изъятие в Москве будет непосредственно от ЦК Помгола, где т. Сапронов будет иметь свои приемные часы.”

Впервые мной опубликовано также донесение Троцкого Ленину от 12 марта, на котором сверху ленинская пометка: **“в архив”**:

“В.И., из церквей не изъято фактически почти ничего. Комиссия из т. Лебедева — представителя ВЦИК, Красикова и Сосновского (последний для агитации) за время моего пребывания вне Москвы ни разу не собралась. Сейчас дело реорганизовано и, наряду с политической подготовкой последнего “удара”, ведется через особую московскую комиссию (Сапронов, Уншлихт, Стуков, Галкин) организационно-техническая подготовка самого изъятия, с таким расчетом, чтобы оно произошло без политических осложнений. Привлекаем к моменту

натиска значительное количество попов, в том числе архиереев и, кажется, митрополита, которые стоят за изъятие и поддерживают против патриарха в критический момент. Воспользовавшись растяпанностью наших действий, патриарх выпустил контрреволюционное воззвание с ссылками на постановления соборов и пр. Изъятие ценностей будет произведено, примерно, к моменту партийного съезда. Если в Москве пройдет хорошо, то в провинции вопрос решится сам собой. Одновременно ведется подготовительная работа в Петрограде. В провинции кое-где уже изъяли, но подсчет, хотя бы и приблизительный, пока еще невозможен.

Главная работа до сих пор шла по изъятию из упраздненных монастырей, музеев, хранилищ и пр. В этом смысле добыча крупнейшая, а работа далеко еще не закончена.

12/III-1922. Ваш Троцкий.

Послезавтра получите цифровую справку (очень грубую). Троцкий”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1168).

В этот же день вождь диктует Молотову срочную телефонограмму: “Немедленно пошлите от имени Цека шифрованную телеграмму всем губкомам о том, чтобы делегаты на партийный съезд привезли с собой возможно более подробные данные и материалы об имеющихся в церквях и монастырях ценностях и о ходе работ по изъятию их. Ленин” (54; 206).

Знаменательно, что в этот же день Ленин завершил написание статьи “О значении воинствующего материализма”, в которой развернул программу критики “дипломированных лакеев поповщины”, проповедующих “самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т.п.”.

15 марта в маленьком уездном городе Шуе возбужденная толпа верующих оказала сопротивление изъятию церковных ценностей. В результате столкновения было убито четыре и ранено десять человек.

На следующий день в отсутствие Ленина политбюро ЦК РКП(б) принимает решение, на основании которого рассылается телеграмма: “Опросив товарищей, имевших отношение к делу изъятия ценностей из церквей, Политбюро пришло к заключению, что дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки по

крайней мере на некоторых местах”. И тогда глава правительства разрабатывает поистине дьявольскую программу немедленного “разгрома наголову” православной церкви, которую излагает в письме Молотову для членов политбюро. Письмо это лишь в начале 1990 года стало известно нашим соотечественникам, хотя за рубежом было опубликовано еще в 1970 году. Письмо “строго секретное”, с припиской: “Просьба ни в коем случае копии не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе”. Вождь предлагает использовать события в Шуе “в связи с общим планом борьбы в данном направлении”, связать их с сообщением РОСТА “о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей”. Если сопоставить все эти сообщения и события с воззванием Тихона, считает Ленин, — “то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент”. И Ленин ликует — по его мнению, “влиятельнейшие группы духовенства” на своих “секретных совещаниях” обдумали “достаточно твердый план” в невыгодной и безнадежной для себя обстановке, совершив этим “громадную стратегическую ошибку”.

Ильич считает необходимым усыпить бдительность “неприятеля” и не отзываться телеграммы политбюро о временной приостановке изъятия церковных ценностей, что “посеет у противника представление, что мы колеблемся, будто бы ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретная, противник, конечно, скоро узнает).”

А в Шую Ленин предлагал послать “одного из самых толковых и распорядительных” представителей центральной власти, устно (!) проинструктированного одним из членов политбюро. В Шуе арестовать “как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства” и мирян, “по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей”. Арестовывать подозреваемых в косвенном участии! На основании доклада вернувшегося в Москву уполномоченного, “Политбюро даст

детальную директиву судебным органам, тоже устную (!), чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров... На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать". Здесь же, не называя итальянского мыслителя Н. Макиавелли, но имея в виду, безусловно, именно его, вождь утверждал: "Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут". И расстреливать, расстреливать, расстреливать... Ленин писал: "...я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий". Когда оппоненты возражают — что Ленин, мол, призывал к расправе не со всем, а только с "черносотенным", "реакционным" духовенством — то им следует напомнить, что "черносотенной", "реакционной" в ленинской переписке называлась вся "Тихоновская церковь".

Ленинское письмо датировано 19 марта. А на следующий день, на заседании политбюро ЦК РКП(б), был обсужден

предложенный Троцким проект директив об изъятии церковных ценностей, выдержанный в более спокойных тонах, чем письмо Ленина. Политбюро постановило разослать директивы всем губкомам.

Тем не менее, кампания разворачивалась в разработанном Лениным направлении. 27 марта 1922 г. было утверждено Президиумом ВЦИК правительственное сообщение “О событиях в г. Шуе в связи с изъятием церковных ценностей”. Инспирированные Лениным грабежи церковью вызвали только за первое полугодие 1922 года по стране более 1400 случаев кровавых столкновений. Более 700 человек, в основном священников и монахов, было привлечено к уголовной ответственности. Осуществился план Ленина — связать события в Шуе с Петроградом, где наряду с архимандритом Сергием и другими был расстрелян митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), который еще в середине января 1918 года направил Ленину письмо, в котором доказывал, что осуществление планируемого проекта об отделении церкви от государства вызовет стихийные волнения верующих. Это предостережение пробудило у вождя обратную реакцию на письмо митрополита. Сохранилась на письме ленинская резолюция в адрес коллегии Наркомюста, предписующая ускорить разработку декрета об отделении церкви от государства.

А ведь именно митрополит Вениамин благословил большевиков — членов Всероссийского комитета по оказанию помощи голодающим, заявив: “Я сам во главе молящихся сниму ризы с Казанской Божьей Матери, сладкими слезами оплачу их и отдам”.

Что касается патриарха, то вначале Ленин считал нецелесообразным применить к нему прямые карательные меры. “Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев, — писал он. — Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно”. Тем не менее, в начале мая 1922 г. по предложению Ленина по-

литбюро постановило: “Дать директиву Московскому трибуналу:

1. Немедленно привлечь Тихона к суду.
2. Применить к попам высшую меру наказания”.

В ночь на 19 мая 1922 г. патриарха перевезли с Троицкого подворья, где он находился под домашним арестом, в Донской монастырь. Здесь в полной изоляции от мира ему предстояло пробыть целый год. А затем в ГПУ на Лубянке еще месяц. Большевики не решились расстрелять патриарха из-за опасения бурной реакции в зарубежных странах. Например, Англия заявила об отзыве дипломатической миссии, если советское правительство начнет намеченный на апрель 1923 года процесс над патриархом Тихоном. Ленин предвидел это, когда писал 19 марта, что “после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью”.

Вождь не скрывал того, что спешка с уничтожением православных священнослужителей объяснялась и опасением, что в их защиту поднимет голос демократическая российская эмиграция: “...главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей, т.е. эсэрам и милюковцам борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства”.

Ленин не скрывал того факта, что церковные ценности отнюдь не предназначались для помощи голодающим. Он утверждал: “Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немислимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А

сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся...” Оказывается, ни хозяйственное строительство, ни государственная работа немислимы в стране без полного ограбления православной церкви!

Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий изучила массу архивных документов по рассматриваемой проблеме, на основе чего ее председатель Александр Яковлев на пресс-конференции 27 ноября 1995 г. сообщил: “Священников и монахов распинали на царских вратах храмов, расстреливали и душили, делали из них ледяные столбы, обливая холодной водой. В начале 20-х годов, под предлогом помощи голодающим Поволожья, было изъято церковных ценностей на два с половиной миллиарда золотых рублей. Однако на покупку продовольствия, по нашим данным, ушел только один миллион. Остальные деньги осели на зарубежных счетах партийных боссов или были направлены на нужды мировой революции”. Итак, на покупку продовольствия большевики истратили сотые доли процента от сумм, реализованных от продажи награбленного церковного имущества.

Проводилась под руководством Ленина и Троцкого интенсивная работа по расколу церкви. 14 мая 1922 г. Троцкий направил Ленину и другим членам политбюро обстоятельный документ по этому вопросу, главная идея которого состояла в том, чтобы ориентировать “Правду” и “Известия” таким образом, чтобы во внутрицерковной борьбе “не толкать обе стороны к сближению, а, наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме”. В этом документе Ленин подчеркнул фразу “мельчайшая гунузская дребедень занимает целые страницы” и написал: “верно, 1000 раз верно! Долой дребедень! 15/V. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.27072). Складывается впечатление, что вождь, будучи уже тяжело больным, не вникал в суть документа. Через несколько дней у него случится тяжелый приступ, отнимутся правая рука и нога, потеряется речь. Скорее всего, если бы не начавшаяся болезнь вождя, кровавая расправа над русской православной церковью была бы доведена до логического конца. Вернется глава правительства к активной политической деятельности на корот-

кий срок лишь в октябре 1922 года. В ленинском архивном фонде хранится выписка из протокола заседания оргбюро ЦК РКП(б) от 13 октября 1922 г. с решением “О создании комиссии по антирелигиозной пропаганде” и введении в нее, наряду с другими, руководителей ГПУ. На документе впервые мной опубликованная ленинская приписка: *“Не понимаю, почему нет т. Троцкого, к[о]т[ор]ый неск[о]л[ь]ко м[еся]цев следил близко за течениями в церкви. Прошу поставить в П[олит]бюро. Ленин”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.23358).

И последний известный факт обращения Ленина к вопросам религии. 5 декабря 1922 г., за неделю до второго приступа, после которого вождь окончательно покинул свой кремлевский кабинет, Ленин принял председателя Малого Совнаркома Г.Леплевского. В ходе беседы он дал указание, вопреки состоявшемуся постановлению Малого Совнаркома, сохранить руководимый Красиковым VIII отдел Наркомюста, заметив: “Что касается утверждения, что процесс отделения церкви от государства завершен, то это, пожалуй, и так; церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы еще не отделили”. Видимо, вождь смирился с мыслью, что при его жизни “отделить религию от людей” не удастся.

Сразу после того, как Ленин окончательно отошел от политической деятельности, в июне 1923 года ВЦИК принял постановление о приостановлении дела по обвинению патриарха Тихона в антисоветских преступлениях. Тому, правда, пришлось покаяться. Прекращено дело было лишь в связи со смертью патриарха. А преемник Ленина на посту главы правительства А.Рыков сразу же после вступления в должность принял патриарха, дал ему обещание уменьшить давление на религиозные организации со стороны властей, помочь в уменьшении налогов с духовенства и храмов, освободить из тюрем и ссылок ряд иерархов и т.д. Слово свое он сдержал. Но после его вынужденной отставки в конце 20-х годов началась сталинская эпоха “воинствующего безбожия”, новое наступление на все религиозные организации, в том числе и православную церковь.

Глава 10

ЛЕНИН: “ЗАТРАВИТЬ, НО В ФОРМАХ АРХИВЕЖЛИВЫХ”

До последних дней жизни питал Ленин надежды на мировую революцию. Известно, что особую роль отводил он Германии, о чем написано немало. В этом же разделе книги, исходя из неизвестных ранее архивных документов, рассматриваются планы Ленина по революционизации Англии. Как ни парадоксально, но глава советского правительства серьезно надеялся на коммунистический переворот в островном государстве с многовековыми парламентскими традициями.

В октябре 1918 года вождь наказывал представителю Советской России в Швейцарии Я. Берзину: “...не жалейте миллионов на нелегальные связи с Францией и агитацию среди французов и англичан”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.25671). Через несколько дней он советовал тому же адресату привлекать левых социалистов из разных стран: “Из них назначьте агентов, платите и за поездки и за работу архищедро. На официальнойщину начхать: минимум внимания. На издания и нелегальные поездки максимум внимания...” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.27149). Так представлял себе тогда дипломатическую деятельность глава Советского правительства.

Самую значительную часть своей короткой речи при открытии Учредительного конгресса Коммунистического Интернационала 2 марта 1919 г. Ленин посвятил Англии. “Диктатура пролетариата! — до сих пор эти слова были для масс латынью, — утверждал вождь. — Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все

современные языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами. Она стала понятной широким массам рабочих благодаря Советской власти в России, благодаря спартаковцам в Германии и аналогичным организациям в других странах, как, например, Shop Stewards Committees (“Комитеты фабричных старост” — А.Л.) в Англии”. И далее: “Сегодня, например, я читал в одной антисоциалистической газете телеграфное сообщение о том, что английское правительство приняло Бирмингемский Совет рабочих депутатов и высказало готовность признать Советы, как экономические организации. Советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее развитой стране Европы — в Германии, а также и в самой старой капиталистической стране — в Англии.

Пусть буржуазия еще свирепствует, пусть она еще убивает тысячи рабочих — победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена” (37; 489-490).

Неужели вождь сам верил в эти бредни — будто в Англии к тому времени победила Советская система? Но он ведь и в неопубликованной по сей день речи в петроградском “Народном доме” 13 марта 1919 г. заявлял:

“Рабочие массы и Парижа, и Лондона, и Нью-Йорка перевели слово “советы” на свои языки... Победа обеспечена за нами полная, потому что империалисты других стран подогнулись, рабочие уже выходят из состояния угара и обмана. Советская власть уже завоевала себе победу в сознании рабочих всего мира... Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе... Мы скоро увидим рождение всемирной федеративной советской республики...” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.8885).

А вот выдержка из неопубликованного выступления Ленина на заседании Исполкома Коминтерна 17 июля 1921 г.: “Победе коммунизма во Франции, Англии и в Германии можно помешать только глупостями”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.19320).

Писатель-фантаст Герберт Уэллс свидетельствовал, что в ходе беседы с ним 6 октября 1920 г. вождь “вел тему”: “Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтобы подготовить ее? Почему вы

не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?”

Естественно, что писатель противопоставлял ленинской свою “тему”: “Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?” Помимо общего интереса к положению в России, Уэллс хотел знать — какую же форму развития “кремлевский мечтатель” предполагает перенести на английскую почву? Его вывод состоял в том, что “Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последователей, рассеял недавно последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрерывных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим, пока, наконец, они не найдут тот, который наиболее соответствует их целям и задачам, — писал он недавно”.

Впрочем, в одной из своих последних работ, продиктованных в начале 1923 года, вождь отметил с предельной откровенностью: “Помнится, Наполеон писал: *“On s’engage et puis ...on voit”*. В вольном русском переводе это значит: “Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет”. Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП и т.п.” (45; 381).

К моменту беседы с Уэллсом ленинский эксперимент уже стоил народам России миллионов жертв. Да, поистине правы были и германский “железный канцлер” Бисмарк, заявивший за несколько десятилетий до октябрьского переворота, что пытаться строить социализм можно лишь в стране, которую не жалко, и великий экспериментатор академик И.Павлов, признававший, что для коммунистических экспериментов он пожалел бы даже лягушку.

Деятельность лейбористской партии (“лабуристов”, по определению вождя) в 1914-1920 годы Ленин оценивал крайне негативно, как “грязную пену”, которую “сметут быстро волны революции” (31, 93). Как и подобные им правооппортунистические партии, “лабуристы”, как считал Ленин, “в Англии заключали в 1914-1918 и в 1918-1920 годах компромиссы с

бандитами своей собственной, а иногда и “союзной” буржуазии **против** революционного пролетариата своей страны... поступали как **соучастники бандитизма**” (41; 20).

Затем вождь изменил свою позицию. Думаю, что слово “непорядочность” стало наиболее подходяще для определения ленинских форм и методов воздействия на потенциальных союзников — английские тред-юнионы, лейбористскую партию. Вождь был откровенен в пропаганде этих методов. Например, в “Детской болезни “левизны” в коммунизме” он наказывал английским коммунистам “пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу” (41; 38).

Ниже — впервые опубликованные мной полные тексты документов из ленинского “секретного” фонда (“Затравить, но в формах архивежливых”, “Российское время”, № 1, 1993 г.). Первый документ — обращение на бланке наркома иностранных дел к вождю, написанное после 6 апреля 1920 г.:

“Многоуважаемый Владимир Ильич!

Скоро появится внезапно у нашей границы делегация Тред-юнионов, которую надо будет принять очень любезно. Там будут головы первостепенного круподиского (?) калибра. Необходимо политическая подготовка их посещения. Это сложное дело, требующее времени и внимания. Нужно кому-нибудь поручить специально этим заняться.

С коммунистическим приветом.

Георгий Чичерин”.

В ответном письме Ленина отношение к впервые приезжающей в Советскую Россию официальной рабочей делегации было выражено однозначно: “организовать травлю”, “затравить”:

“Тов. Чичерин! Я вношу в ЦК такое предложение завтра. Ваше мнение? Ленин”.

“Предлагаю Цека такое решение секретное: по сути, вкратце: организовать травлю и затравить, но в формах архивежливых.

1) Для приема вождей тр[ед]-юнионов создать к[омис]сию в составе Радека, Мельничанского, Файберга + еще 2 бывших в Англии и Америке + Чичерин.

2) Заседание К[омис]сии.

а) наладить печатание (хотя бы в 20-50 экз.) английских листовок к "гостям".

б) наладить надежных переводчиков, кои по очереди должны быть неотлучно при "гостях".

с) организовать кампанию в советской печати (краткие, в 5-10 строк, статьи, сплошь разоблачающие гостей, к[а]к социал-предателей, меньшевиков, участников англ[ийского] колониального грабежа и пр.).

д) ту же кампанию вести на митингах рабочих в форме приглашения гостей на доклады и задавания им "вопросов". Звать их на сотни фабрик в СПб и Москве.

е) в центре всей кампании (в газетах (написано над зачеркнутым "в прессе" — А.Л.), в листовках, в митингах) поставить именно разоблачение гостей, к[а]к меньшевиков, ч[то]бы подорвать вес их неизбежного выступления в Англии с меньшевистскими речами".

Получив ленинское письмо, Чичерин связался с секретарем Исполкома Коминтерна Карлом Радеком — и в результате телефонных переговоров с Лениным родился следующий документ, хранящийся в одной папке с ленинским письмом:

"Кампания дискредитации не должна относиться ко всем гостям. Наоборот, нужно разделить их левые и правые элементы, с тем, чтобы первые опровергали вторых.

Кампания дискредитации должна явно исходить снизу и не быть явно инспирированной нами.

Поэтому в печати надо ограничиться спокойными, объективными, фактическими сообщениями о гостях, которые послужат материалом для кампании дискредитации.

Последняя должна вестись из низов, путем посылки делегаций рабочих с отпечатанными наказами, которые будут передаваемы гостям, и путем вопросов на собраниях. Вообще, листки и другие издания для гостей должны быть рассчитаны на то, чтобы их привезли и распространяли в Англии.

Кроме кампании дискредитации надо вести политическую подготовку в виде издания отчетов комиссариатов и подготовки всего, подлежащего осмотру тред-юнионистов". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2с, д.270).

Следует отметить, что тактика “архивежливой травли” вообще высоко ценилась вождем. Конечно, он был, как правило, сторонником свирепой бескомпромиссной расправы над любым оппонентом, не говоря уже о противнике. Например, когда М. Горький перед первой мировой войной высказал вождю подозрение в недобросовестности директора-распорядителя петербургского книгоиздательства “Знание” К. Пятницкого, то Ленин взорвался. И дал советы пролетарскому писателю: “Насчет Пятницкого я за суд. Церемониться нечего. Сентиментальничать было бы непростительно... **Пятницкого надо засудить и без никаких.** Ежели Вам будут за сие упреки — наплюйте в харю упрекающим” (48; 162).

Но если возможностей для расправы не было — приходилось идти на компромиссы. Например, 24 апреля 1919 г. Ленин направил члену Реввоенсовета Южного фронта Г. Сокольникову телеграмму, в которой приказал: “Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать, и до конца, восстание” казачества. И далее: “Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить полностью? Отвечайте тотчас” (50; 289-290). Характерно, что в тот же день Ленин направил телеграмму в Киев: “Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков” (50; 290). Большевики не раз обещали амнистию, как это было, например, по отношению к врангелевцам в Крыму, но затем нещадно уничтожали поверивших им амнистированных.

А вот не вошедший в “полное” собрание сочинений запрос вождя на имя одного из руководителей эстонских большевиков Я. Анвельта от 22 февраля 1918 г.: “как чувствуют себя многоуважаемые бароны, что с ними стало?” и “что, по-вашему, должен предпринять Совет Народных Комиссаров по отношению к баронам для того, чтобы продемонстрировать такую внешнюю доброту, причем демонстрация эта ни в коем случае не должна ослаблять силу репрессий против баронов???” (Лен.сб. XXXVII, стр.70).

Что же касается подготовки к приезду в Советскую Россию английской рабочей делегации, то, как видим, Чиче-

рин и Радек в противовес вождю смягчили позицию большевиков и Ленину так и не удалось завязать столь любимую им “драчку”.

Официальная хроника — 19 или 20 апреля 1920 г. Ленин обсудил с Чичериным вопрос о приеме делегации английских тред-юнионов, дал ряд рекомендаций по организации встречи. Через день или два он познакомился с письмом Чичерина о ходе подготовки к приему делегации. Вопрос о приеме делегации специально рассматривался на заседаниях политбюро ЦК РКП(б) 27 апреля и 14, 15 и 18 мая. 18 мая вопрос о порядке подачи материалов и отчетов для делегации английских тред-юнионов и лейбористов по их просьбе рассматривался под председательством Ленина на заседании Совнаркома.

А 25 мая политбюро ЦК РКП(б) обсудило вопрос о поездке английской делегации тред-юнионов и лейбористов по Волге.

Уже после возвращения делегации на родину политбюро ЦК РКП(б) обсуждает вопрос о собирании в Англии материалов, касающихся выступлений вернувшейся из России на родину английской делегации.

Английская делегация прибыла в Петроград 12 мая 1920 г. Плохо увязывается с первоначальным планом “затравить” ее заявление Ленина на одной из рабоче-крестьянских конференций в Москве: “Вчера в Питер прибыла делегация английских тред-юнионов, среди которых мало кто сочувствует нам, но мы уверены, что по возвращении домой они будут лучшими агитаторами в нашу пользу” (41; 121).

15 мая, накануне переезда делегации в Москву, Ленин направил указание наркоматам:

“В Народном комиссариате внутренних дел для приема английской делегации приготовлены диаграммы работ Комиссариата, краткие цифровые отчеты и имеется английский переводчик для дачи объяснений. Если в других комиссариатах не приняты меры, предлагаю срочно принять меры. Относительно напечатания кратких цифровых отчетов снести с Воровским” (51; 197).

Через три дня Совнарком по докладу заместителя наркома внутренних дел М.Владимирского “О порядке дачи отчетов английской делегации в случае ее обращения в

комиссариат” принял постановление: “Письменные отчеты должны выдаваться за подписью наркома, причем ответы на вопросы, поставленные делегацией в их вопроснике, должны быть направлены, по возможности, переведенные уже на английский язык в Наркомвнудел, тов. Владимирскому. Тов.Владимирскому поручается снести с комиссией тов.Радека о необходимости издания брошюры на английском языке, излагающей историю образования Советской власти и отношений к Советской власти других политических партий”.

А за несколько дней до этого Ленин провел беседу с С.Лозовским, назначенным представителем ВЦСПС по приему английской делегации, перед его поездкой в Петроград для ее встречи. На следующий день после прибытия делегации Ленин по телефону расспросил находившегося в Петрограде С.Лозовского о ее составе, о том, насколько искренне члены делегации относятся к преобразованиям в Советской России.

Затем вождь внимательно изучает стенограмму приветственной речи Лозовского перед делегацией, делает надписи “(К встрече английской делегации V.1920)”, “**В архив**”. Ленинская надпись “Нет. Не надо” стоит на записке заместителя наркома финансов С.Чуцкаева с запросом о возможности ознакомления английской делегации с хранилищем ценностей Наркомфина. Награбленные ценности скрывались от постороннего глаза.

17 мая Ленину приходится заниматься жалобой Радека на управляющего делами Совнаркома В.Бонч-Бруевича, не обеспечившего машину для встречающих делегацию в Москве.

В честь делегации были организованы многочисленные митинги, устроено торжественное собрание в Большом театре, проведен парад войск Московского гарнизона. Члены делегации участвовали в субботниках, объехали ряд городов Поволжья, даже выезжали на фронт.

Пребыванием английской делегации воспользовались и меньшевистские лидеры, которые также организовали для делегации три митинга, из которых наиболее значительным был митинг Союза печатников 25 мая 1920 г. На этом митинге перед английской делегацией выступил даже находив-

шийся на нелегальном положении лидер партии эсеров Виктор Чернов. Большевики передали английской делегации ряд меморандумов, раскрывающих карательную деятельность большевистских властей в стране. ВЧК незамедлительно арестовала организаторов этих встреч, Союз печатников был распущен.

Английские гости были настолько очарованы приемом, что после встречи с Лениным глава делегации направил ему пошторженное письмо, в котором подчеркивал: “Мне хочется выразить Вам и Советской республике России сердечную признательность за оказанные мне доброту и гостеприимство... Я был бы очень рад, с Вашего разрешения, передать Ваше приветствие пролетариату нашей страны на конференции английской рабочей партии. Ваша решительная и научно-обоснованная попытка создать рабочую республику является чудесным примером для всех. Я уверен, что вы добьетесь успеха в этом. От всего сердца желаю Вам добиться успеха в создании нового социалистического государства”. А Ленин написал знаменитое “Письмо к английским рабочим”, в котором рассматривал позицию “защиты отечества” английских рабочих лидеров как измену, прикрываемую “сентиментально-мещанскими, реформистскими и пацифистскими фразами о мирной эволюции, о конституционных методах, о демократии и проч.” (41; 125). Можно представить изумление членов делегации по поводу следующих ленинских объяснений: “Некоторые члены вашей делегации с удивлением спрашивали меня о красном терроре, об отсутствии свободы печати в России, свободы собраний, о преследовании нами меньшевиков и меньшевистских рабочих и т.д. Я отвечал, что настоящие виновники террора — империалисты Англии и их “союзники”...” (41;127).

Члены делегации просили доказательств того, что Англия оказывала военную помощь Польше и Врангелю в Крыму — на что глава Советского правительства ответил, “что для получения секретных договоров английского правительства надо революционно свергнуть его и захватить в свои руки все документы его иностранной политики, как это сделали мы в 1917 г.” (41; 125).

Можно напомнить, что Ленин в статье “Над кем смеетесь? Над собой смеетесь”, разоблачая Временное правитель-

ство в приверженности и верности тайным договорам, утверждал, что “искренность в политике есть вполне доступное проверке соответствие между словом и делом” (32; 259). В то же время в своей записке Чичерину 20 июля 1920 г. вождь предлагал установить тайно особые отношения с Ирландской республикой: “...Или можно тайный договор с Ирландской республикой (пожалуй следует условие: взаимосоинформация, помощь курьерами, изданиями, по возможности оружием, связями), через Ирландскую республику — связь с коммунистами ирландскими”... (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.344). “Двойной стандарт” — так двумя словами можно определить сущность всей политики Ленина.

Наконец, впервые опубликована стенограмма выступления Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. Здесь вождь провозгласил: “Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной...” И рассказал в этом контексте о реакции членов английской рабочей делегации на его заявление: “Когда у меня была английская рабочая делегация, и я говорил с ней, что всякий порядочный английский рабочий должен желать поражения английского правительства, то они меня совершенно не поняли. Они построили такие лица, которые, я думаю, не может схватить даже самая лучшая фотография. В их головы совершенно не вмещалась та истина, что в интересах международной революции английские рабочие должны желать поражения своего правительства”.

После поражения Красной Армии под Варшавой Чичерин предложил Ленину идею — создать из английских рабочих “добровольческие отряды” для оказания помощи Красной Армии. В ответной записке вождь дал согласие на осуществление этого плана, который, естественно, так и не был реализован. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.391).

Вообще Ленин почти всегда в те же годы ставил целью при переговорах с иностранными делегациями — добиться успеха в советизации их страны.

Один из наиболее опытных советских дипломатов А. Иоффе свидетельствовал: “Помню, как перед самым подписанием одного договора... В.И. мне прислал записку: “Ес-

ли договор гарантирует советизацию (данного государства), согласен на его подписание; если нет — не согласен”.

В невошедшем в “полное” собрание сочинений интервью английской газете “Манчестер Гардиан” 20 августа 1919 г. Ленин отмечал, “что самое главное, что он должен сказать, — это то, что советская система — самая лучшая система и что английские рабочие и труженики-земледельцы восприняли бы ее, если бы с ней ознакомились”. Он выразил надежду, “что после заключения мира английское правительство не будет препятствовать опубликованию текста Советской Конституции”. “...Морально, — утверждал он, — советская система победила уже даже сейчас и... доказательством правильности этого утверждения являются течения на советскую литературу в свободных демократических странах”. (Лен.сб. XXXVII, стр.167).

Особенность подхода Ильича к социал-демократам, в том числе английским — обманывать, максимально обманывать их — подтверждается многочисленными свидетельствами. Так, ставший впоследствии известным философом, логиком, математиком Бертран Рассел приезжал в Советскую Россию вместе с английской рабочей делегацией и рассказал, что в беседе с ним Ленин признал, что шансов на революцию в Англии мало, но если с помощью коммунистов к власти придет лейбористская партия и особенно если премьер-министром станет Артур Гендерсон, то рабочие поймут бесперспективность парламентской системы. Когда же Рассел предположил, что английское общество может обойтись без кровопролития, то Ленин назвал такое предположение фантастическим. Вывод Рассела после беседы с вождем об обстановке в Англии: “У меня сложилось впечатление, что тут у него мало знаний и психологического чутья”.

Один из основателей Коммунистической партии Великобритании Уильям Пол цитирует совет Ленина: “Коммунистическая партия в каждом избирательном округе, где выставлен лейбористский кандидат, выпустит официальное обращение, призывающее рабочих голосовать за лейбористскую партию для того, чтобы доказать, что гендерсоны, то-масы, макдональды и сноудены не могут с помощью парламентской машины решить те многочисленные проблемы, которые стоят перед обществом”. (Лен. сб. XXXVII, стр.250).

Для разложения изнутри лейбористской партии вождь даже призывал английских коммунистов войти в её состав, посвятив этому на II конгрессе Коминтерна 6 августа 1920 г. специальную “Речь о вхождении в Британскую рабочую партию” (41; 260-267).

Только в 1995 году “Исторический архив” впервые опубликовал письмо Ленина Карлу Радеку от 28 октября 1922 г. Спустя полтора месяца вождь после тяжелого приступа на всегда покинет свой рабочий кабинет в Кремле.

Во второй части письма Ленин дал конкретные указания к английским парламентским выборам:

“В Англии, по-моему, теперь решающий бой, **выборы**. Надо, по-моему, максимально быстро всех англичан, едущих сюда, вернуть назад. Наладить так: 12 часов в России и **лети** назад. Архиглупо сидеть здесь хоть 1 лишний час, когда там выборы.

Условиться в эти 12 часов о тактике:

- 1) за lab[our] party (лейбористскую партию — А.Л.);
- 2) полная свобода языка (кандидат **архимерзавец; поэтому я за него**, масса научится);
- 3) полная свобода агитации;
- 4) листки для массы в таком духе, **краткие, веселые, архидешевые;**
- 5) сколько будет стоять **наша** помощь?
- 6) **все** члены нашей партии мобилизуются: ходи по домам, **весь день** на улицах и т.д. и т.д.

Прошу всех приезжих англичан посылать [ко] мне. Позвоните мне. Ваш Ленин”.

Итак, ленинское заключение: “В Англии... теперь решающий бой, выборы”, на которых коммунисты должны показать “полную свободу языка”, при рекламировании архимерзавцев — лейбористов, которые, победив на выборах, покажут свою полную непригодность и откроют дорогу коммунистам.

Через два года после посещения Советской России английской делегацией состоялась Генуэзская конференция, участием в которой большевики вышли на международную арену. Ленин делал вид, что заинтересован в успешном проведении конференции. В то же время он тайно инструктировал Чичерина, что нужно сделать все, чтобы ее сорвать, причем руками английских лейбористов:

“Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали... но не мы, конечно. Обдумайте это с Литвиновым и Иоффе и черкните мне. Конечно, писать этого нельзя даже в **секретных бумагах**. Верните мне **сие**, я сожгу. Заем мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы. Например, дура Гендерсон и К° очень помогут нам, если мы их умненько подтолкнем...

Ваш Ленин. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1119).

Чичерин возражал вождю: “...нам до зарезу, ультра-настоятельно нужна помощь Запада: заем, концессии, экономическое соглашение... А если это так, нужно не расплестись, а договориться... Вы несомненно ошибаетесь, если думаете, что получим заем без Генуи, если расплюемся с Англией... Если мы будем в Генуе бить стекла, они шарахнутся прочь от нас...”

Впрочем, вождь и до начала Генуэзской конференции рассматривал ее как повод для “драчки”. Так, 25 февраля 1922 г. Ленин писал Чичерину: “Прочитав, кроме телеграмм, средовицы сегодняшних газет, я прихожу к выводу, что ноту по поводу отсрочки Генуэзской конференции без указания срока следует составить в самом наглом и издевательском тоне, так, чтобы в Генуе почувствовали пощечину. Очевидно, что действительное впечатление можно произвести только сверхнаглостью... Нельзя упускать случая, когда мы можем посредством наглой и издевательской ноты помочь выиграть то, что все пацифистские элементы буржуазии будут по всем мире усилены” (54; 183).

Не следует думать, что Ленин вдруг пересмотрел свою неизменно негативную оценку пацифизма. В эти же дни он разъяснил Чичерину, что пацифистов он намерен использовать “для разложения врага, буржуазии” (54; 171).

Глава 11

ЛЕНИН: “В ТУРКЕСТАНЕ НЕОБХОДИМО СОЗДАТЬ ХОТЯ МАЛЕНЬКУЮ, НО САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ БАЗУ”

Не причисляю себя к числу тех, кто уверен, будто ни один прогноз Ленина не сбылся и не сбудется. В частности, актуальными оказались спустя многие десятилетия некоторые высказывания вождя о развитии национально-освободительного движения на Востоке. По мере того, как затухали надежды на победоносную пролетарскую революцию в странах Запада, взоры его все в большей мере обращались на Китай, Персию, Афганистан и особенно на Индию. Ниже — полный текст впервые мною опубликованных нескольких документов за 1919 год из ленинского “секретного” фонда (“Красное знамя для Тадж Махала”, “Новое время”, № 34, 1993 г.; “Факел революции в Индию — через Тибет”, “Куранты”, 26 августа 1993 г.).

Осенью 1919 г. Ленин направил следующее письмо председателю Особой временной комиссии Совнаркома РСФСР по делам Туркестана:

“16/X.

Т.Элиава! В Туркестане необходимо спешно создать хотя маленькую, но самостоятельную базу: делать патроны (станки посылаем), ремонтировать воен[ное] снаряжение, добывать уголь, нефть, железо.

С Рудзутаком я договорился, он едет 17/X и везет кое-что. Изю всех сил нажмите и по радио шифром извещайте меня и кого следует.

Детя мы не пожалеем, пошлем довольно золота и золотых иностранных монет, если Вы наляжете на то, чтобы покупать (т английских солдат и офицеров, от купцов через Персию и тому под[обное]) военное снаряжение, а равно иметь через Персию, через Индию и т.п. отношения с Европой и Америкой. Для этого надо тотчас начать искать преданных людей, способных пробраться в соответствующие приморские пункты и оттуда найти связи с пароходами нейтральных стран; купцами, с матросами, с контрабандистами и прочее. Вести дело, конечно, архиконспиративно (как умели при царе работать). Оружие, связи с Америкой и с Европой, помощь народа Востока в борьбе с империализмом. С оказией (архи-надеждой) пришлите мне Ваш ответ и соображения, а по радио (шифром) извещайте меня о важнейших событиях и требованиях.

Прет. Ленин". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.202).

Ш. Лиавя вначале не добрался до Туркестана, ибо не смог проехать через контролируемые Колчаком территории, но ленинская идея по революционизации Востока через Среднюю Азию не умерла, причем в действие уже вступали дипломаты.

Так выполнявший с ноября 1917 года важнейшие дипломатические поручения А. Иоффе свидетельствовал: "Когда в 121 году ЦК направил меня на работу в Туркестан, Владимир Ильич в разговоре перед отъездом и потом в своих письмах ко мне в Ташкент постоянно внушал и подчеркивал: "Туркестан — это наша мировая политика, Туркестан — это Индия".

Слеующее письмо на имя вождя раскрывает финансовую сторону деятельности большевиков на Востоке.

Текст — на бланке "РСФСР. Наркоминдел. Восточный отдел. 20 февраля 1919 г. № 1238" с пометкой рукой Ленина: "в СНК", о есть на рассмотрение в Совнарком.

"Срочно.

Совершенно секретно.

В Счет Народных Комиссаров.

Тов. Председателю СНК В.И. Ленину.

Представление об отпуске Народному Комиссариату по иностранным Дела 200.000 (двести тыс.) рублей на поддержание побочных организаций Востока, посылку агитаторов и

для целей пропаганды на Востоке, — на первую четверть года, январь-март 1919 г.

Мотивировка.

В настоящее время Народный Комиссариат по Иностранным Дела́м оказывает финансовую помощь китайской рабочей организации и корейскому национальному союзу. Первая пользуется тремя помещениями в Петрограде, организовала китайскую биржу труда, приступает к открытию школы и общежития. Начиная с января месяца Народным Комиссариатом отпускается в распоряжение организации 20.000 (двадцать тыс.) рублей ежемесячно. В Москве организации представлена часть особняка по Богословскому пер. 6, и в ближайшем будущем предполагается прийти на помощь организации для устройства агитационных курсов и по созыву Всероссийского съезда китайских рабочих.

Потребованная на это сумма исчисляется также до 20.000 (двадцати тыс.) рублей в месяц и 10.000 (десять тыс.) руб. одновременно для созыва и организации съезда и центрального исполнительного комитета.

Корейской организации представлено также помещение в особняке по Богословскому пер. 6, и предполагается оказывать небольшую помощь по изданию еженедельной газеты и ленточек.

Народным Комиссариатом по Иностранным Дела́м от времени до времени посылаются на Дальний Восток китайские и корейские агитаторы, задачей которых является установление связи с пролетарскими демократическими организациями на Дальнем Востоке. Стоимость каждого агитатора с премией при возвращении обратно определяется: в Северный Китай и Корею 10.000 руб., в Южный Китай 20.000 рублей. Такие же командировки предполагаются в Персию и в Индию, для каковой цели Народным Комиссариатом по Иностранным делам приглашены через индийскую делегацию и союз персидских граждан лица с мест. Отправка их предполагается в ближайшем будущем.

Народным Комиссариатом переведены и изданы, отчасти при финансовом содействии Отдела Пропаганды, до 10 брошюр на китайском, корейском и японском языках. 5 брошюр на индийском языке переведены бывш[ей] индийской делегацией и отправлены для издания в Ташкенте нашему представите-

лю Бравину. Изданы также обращения к рабочим и солдатам на арабском, фарсийском и азербайджанском языках. Дальнейшее развитие деятельности Народного Комиссариата по Иностранным Дела́м в этом направлении затрудняется отсутствием специальных средств: приходится заимствовать из других фондов, — так, на посылку индийской делегации, на отправку персидских курьеров, китайских и корейских пропагандистов, а равно и для субсидии союза китайских рабочих, нами позаимствовано из фонда на Иностранное представительство на границу.

Такое перечисление статей расходов представляет известное неудобство, почему ныне же желательно ассигнование специального фонда, исчисляемого нами пока в двести тысяч (200.000) рублей на четверть года.

Важность работы Народного Комиссариата в указанном направлении не нуждается в пояснениях и нашла уже себе оценку на страницах враждебной нам империалистической печати; успехи этой работы нашли оценку в докладе бывшего датского посланника в России г. Скавениуса (см. "Известия ВЦИК" от 15 февраля 1919 г.).

Народный Комиссариат по Иностранным делам просит о срочном ассигновании вышесказанной суммы, на первую четверть года.

Заместитель Народного Комиссара по Иностранным Дела́м Л. Карахан

Заведующий Отделом Востока Вознесенский". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1318с).

Именно через Карахана представитель ЦК РКП(б) Гопнер впоследствии просит Ленина уточнить в политбюро:

"1. Санкционируете ли Вы организацию индусской базы в Туркестане (в полном согласии с Туркбюро ЦК РКП).

2. На чье имя мне передать 2 000 000 рублей золотом?" (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.448).

Судя по Биографической хронике жизни и деятельности Ленина, на его имя регулярно направлялись документы по восточной политике. Так, в конце 1919 года Ленин получает доклад секретаря наркома по иностранным делам В. Рахтанова о поездке через Дальний Восток в Японию, Китай, Индию, а также в Турцию и Египет. В докладе освещались во-

просы развития революционного движения в этих странах. На докладе Ленин делает пометку: “**в архив**”. А позднее 3 июня 1919 г. Ленин читает письмо индийского профессора М. Баракатуллы, который писал о борьбе против английского империализма в Индии и просил опубликовать его статью о большевизме “с тем, чтобы привлечь сердца мусульман на сторону большевизма”; запрашивает наркома иностранных дел Г. Чичерина, что сделано, чтобы помочь Баракатулле в публикации его статьи и “в других отношениях” (50; 337).

Впрочем, встречался Ленин с Баракатуллой ещё 17 мая 1919 г., когда тот по поручению афганского эмира выяснял возможность установления дружественных отношений между РСФСР и Афганистаном. “**В архив**”, согласно Биохронике, пометил вождь “памятную записку профессора М. Баракатуллы о военном положении в Туркестане и Афганистане, в которой обосновывалась необходимость заключения оборонительного союза между Российской Советской республикой и афганским правительством и оказания помощи Афганистану в обороне против английских войск на Индийском фронте”.

Однако вождь не всегда шел навстречу запросам индийских революционеров. Так, через Чичерина к нему поступило письмо из Бенгалии (восточной части Индии), автор которого, желая претворить в жизнь ленинские планы мировой революции, просил прислать для “подготовки низвержения английского ига” денег и литературу. Вот конец письма: “Прошу Вас передать мой привет всем храбрым товарищам, которые так мужественно бьются за освобождение человечества: Ленину, Троцкому, Чичерину. — Вирендранатх Чаттопадхайя”. На документе — приписка отдела Востока ЦК РКП(б): “Если мы думаем серьезно заняться революционизированием Индии, то ставка должна быть сделана на немусульманскую Индию... Что касается денежных фондов, о которых говорит Ч., то для этого он, как бывший долго на немецком содержании, несомненно развращен европейской жизнью”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.255). 7 июля 1921 г. В. Чаттопадхайя вместе с двумя другими индийцами направил Ленину тезисы “Об Индии и мировой революции”. В сопроводительном письме содержалась просьба к

ножду о приеме. Ленин ознакомился с тезисами и дал согласие встретиться с их авторами.

В ленинском “секретном” фонде хранится никогда не публиковавшаяся телеграмма с припиской вождя:

“Москва Наркоминдел Чичерину

Из Ташкента 0011. 435. 127. 27/9. 22. 48.

Желающий ехать в Москву зпт индийский революционер товарищ Пратап лично известный Вам и товарищу Ленину обратился через нас в Турккомиссию с просьбой об обмене имеющемся у него иностранного серебра на русское золото зпт а именно дв тчк 1500 Афганских рупий на 850 рублей золотом зпт пять ему равных 1000 рупий на 500 руб. и 1795 сар равных 8180 рупиям на 3590 руб. зпт а всего просит четыре тысячи восемьсот сорок рублей золотом десятирублевками тчк Предтурккомиссии товарищ Томский зпт что обмен можно будет произвести лишь по разрешению из Москвы от СТО тчк Просьба исходатайствовать это разрешение или разрешение товарищу Пратапу на провоз им серебра до Москвы в Наркоминдел для решения обмена на месте тчк Решение сообщите тчк

НР 1103 27 сентября 1921 г.

Цукерман”.

Внизу — рукой Ленина: “тов. Чичерин! Кажись, “Пратап” был у меня раз. Полутолстовец. Назвать его “лично мне известным” абсурд или еще что похуже. С К[оммунистическим] пр[иветом]. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.869).

Документ этот интересен тем, что свидетельствует о денежных операциях, которые пытался провести в Туркестане даже автор “Книги религии любви” Раджа Махендра Прапп, которого Джавахарлал Неру в своей “Автобиографии” называл Дон-Кихотом, случайно попавшем в XX столетие. Можно только предполагать, какие гигантские богатства большевики развеяли в попытках раздуть революционный пожар на Востоке.

Впрочем, Ленин не только встречался с Пратапом в конце июля 1919 года, но и высказал ему ряд замечаний по книге.

В ленинском “секретном” фонде хранится письмо, датированное 14 июля 1919 г. На нем — указание вождя: “Помоему, направить к Чичерину для подгот[овки] мер. 16/VII. Ленин”.

“Глубокоуважаемый товарищ Ленин!

Стремясь к пробуждению дремлющего Востока и привлечению его к революционному движению, Советское Правительство России поставило себе ближайшей задачей всемерно содействовать освобождению поработанных европейскими империалистами народов Азии и в первую очередь сокрушению английского владычества в Индии. Так грозный призрак русского вторжения в пределы Индии, который десятки лет мерещился англичанам и, казалось, стал уже исчезать в последние годы царского самодержавия, вновь возродился в гораздо более зловещей для Англии форме и им с еще большей тревогой приходится взирать на северные окраины своей Индийской "Империи". Опасности этой не ослабляют ни высочайшие в мире горные цепи и плоскогорья, ни обширные пустынные пространства, отделяющие Индию от России. Достаточно появления где-либо в буферных государствах, которыми английские политики пытаются оградить свою безопасность, даже немногих богомольцев из числа представителей восточных народностей России, не говоря уже о европейцах, чтобы англичане стали бить в набат и принимать чрезвычайные меры предосторожности. До настоящего времени более всего беспокойств причиняла Англии северо-западная пограничная полоса Индии с ее воинственными народностями, находящимися в постоянном брожении. Здесь англичанам угрожает опасность со стороны мусульманского мира, и соответственно этому ныне и Советское Правительство России избрало данное направление для воздействия на англичан через посредство агитаторов из мусульман.

Но есть из России в Индию и другой путь, который ведет через буддийский Восток — через Монголию и Тибет. До сих пор по этому далекому и трудному пути тянулись ежегодно лишь многочисленные караваны благочестивых пилигримов из среды различных монгольских племен, в том числе и проживающих в пределах России калмыков и бурят. Конечной целью их утомительного путешествия являлся Тибет с его буддийскими святынями и религиозно-философскими школами, распространявшими свет знания широко по Азии, но англичанам и тут мерещилась возможность того, что караван богомольцев превратится в вооруженный отряд, который поднимет против них восстание среди пограничных буддийских племен. Общеизвестен факт, как всполошилось Английское Правитель-

ство Индии, когда ближайшим советником главы Тибета оказался выходец из России бурят Агван Дорджиев, и в конце концов оно не остановилось даже перед рискованным, в виду необычайных топографических трудностей, походом в Тибет и истреблением мирного населения, защищавшего буквально свою грудь (за отсутствием оружия) доступ в свою страну ненавистным иноземцам.

Особыми договорами с Китайским Богдоханом, Русским царем и самим Тибетом англичане обеспечили себе возможность контроля над тибетскими делами и этим путем старались оградить себя от осложнений на обширном участке Индийской границы, где рядом с Тибетом тянутся длинной полосой буддийские страны: Бутан, Сикким, Непал, Бирма и Сиам. Здесь прямой путь в наиболее революционно настроенную провинцию Индии — Бенгалию; Бирма же и Сиам дают возможность проникнуть сухим путем еще глубже в тыл английским колониальным владениям, даже в пределах Индо-Китая.

Теперь, когда внимание английских властей приковано всецело к северо-западной окраине Индии благодаря событиям в Афганистане, на буддийском участке ее пограничной линии ничто не нарушает спокойствия, но можно себе представить, какой переполох произвело бы появление здесь хотя бы слабых признаков опасности в виде даже самых мирных эмиссаров из России. Англичанам пришлось бы внимание и силы направить и туда, где они мнили себя вполне безопасными. И вот встает задача использовать данный путь — путь через буддийские страны — для минирования английского господства в Азии.

Конечно, пока мы отрезаны от Центральной Азии и лишены возможности активных там действий, но нужно заблаговременно подготовиться к тому, чтобы в тот момент, когда будет вновь проложен путь в Сибирь и Туркестан, вызвать осложнения и на спокойных ныне участках границы Индии. Для начала многого не потребуется — и достаточно сильный эффект можно произвести и с малыми средствами.

Вот, например, возможная схема мероприятий:

1. Снарядить и отправить через Монголию и Тибет хотя бы небольшую вооруженную силу. Неожиданное появление ее не вызовет особых недоразумений с туземцами Центральной Азии, так как и англичане и царские представители приучили их к разного рода военным конвоям, сопровождавшим и рус-

ских консулов, и именитых путешественников из числа военных. Но для свободного проникновения в Тибет и для избежания осложнений с китайскими попутными гарнизонами совершенно необходимо, чтобы этот отряд состоял исключительно из буддистов и мог в каждый нужный момент принять вид мирного каравана пилигримов, идущих лишь с охраной от местных разбойничьих шаек.

2. С этим отрядом следует послать известное количество оружия — револьверов, винтовок и пулеметов и разных военных припасов для раздачи среди пограничного с Индией населения. В дальнейшем должно быть организовано, согласно указаниям опыта, правильное снабжение этого населения военным снаряжением, так как теперь оно мерами англичан лишено всякой иной возможности добывать себе современное оружие.

3. Впечатление от двух предыдущих мер сильно возрастет, если одновременно с вооруженным отрядом в Тибете появилась бы хотя бы мирная экспедиция, состоящая из европейцев и преследующая, например, чисто научные цели. Подобную экспедицию еще в минувшем году предполагалось отправить в Тибет заботами Народного Комиссариата по Иностранным делам, причем в ней должны были принять участие выдающиеся ученые из числа ориенталистов, но предложение это не осуществилось вследствие чехо-словацкого выступления; с проникновением же красных войск в Сибирь вопрос этот желательнее вновь поставить на очередь.

4. Также была бы желательна поездка в Тибет упомянутого выше Агвана Дорджиева, который находится ныне в Калмыцкой степи и как сторонник Советской власти мог бы оказать ей крупные услуги в деле пропаганды новых идей в самой глубине Азии.

Слух обо всем этом быстро распространится и дойдет до англичан, произведя на них надлежащее впечатление, но само собой разумеется, что перечисленными мероприятиями, рассчитанными на быстрый эффект, нельзя ограничиться, и нужно будет готовиться к более сложной и более важной задаче — распространению революционных идей и на самом буддийском Востоке, среди монголов и тибетцев. Помимо непосредственного приобщения этих народов к мировой революции — это будет иметь значение и для установления прямых связей между революционной Россией и самыми недоступными для европейцев провинциями

собственно Китая через Монголию, и таким образом откроется путь для подготовки в этих провинциях почвы для углубления революции. Здесь потребуется обширная программа мероприятий, которой мы пока касаться не будем, и отметим лишь, что главная роль в их осуществлении должна будет выпасть также на калмыков и бурят, связанных с Монголией и Тибетом многообразными узами племенного родства, религиозного единства, сходства экономического быта и потому имеющих возможность привить там новые взгляды и идеи.

Предлагая изложенное Вашему, глубокоуважаемый товарищ Ленин, просвещенному вниманию, мы, представители трудового Калмыцкого народа, в осознании всей важности могущей выпасть в будущем на наш народ задачи, просим теперь же рассмотреть выдвинутые в настоящей записке вопросы и остаемся готовыми к услугам Вашим на случай необходимости в дополнительных данных и более подробных соображениях.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Совета Депутатов Трудового Калмыцкого Народа
А. Чапчаев.

Заведующий Калмыцким Отделом Народного Комиссариата по Делах Национальностей А.Амур — Санан.

1919 года, Июля 14 дня.

Пречистенский бульвар, дом 29, кв.17, тел.5-39-17”.

Под письмом две приписки: “Получено в архиве 30/ VII-19 г.”.

“Копию послать т. Чичерину с письмом согласно резолюции [Владимира] Ильича” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.183).

Активнее других большевистских руководителей ратовал за поход на Индию Л. Троцкий, который писал: “... наша Красная Армия на арене европейских путей мировой политики окажется довольно скромной величиной не только для наступления, но и для обороны... Иначе представляется положение, если мы станем лицом к Востоку... Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию...” При этом председатель Реввоенсовета считал, что успешнее всего военный поход в Индию можно провести через Афганистан.

В 1919 году Л. Троцкий предложил сформировать 2-3 конных корпуса на Южном Урале с последующей отправкой их в Индию и Китай для “стимулирования” там революцион-

ных процессов, но предложение это поддержано не было. Троцкий выдвигал идею создания “мировой советской федерации”, которая через Советскую Россию “откроет себе выход в Азию и тем самым откроет Азии выход в Европу”.

Еще в начале 1920 года “военспец” бывший генерал Андрей Снесарев, военный географ и ученый-востоковед, начальник Академии генштаба РККА с 1919 по 1921 год, говорил в своих лекциях, что главный узел всех проблем Среднего Востока — это полутора столетнее соперничество России и Англии. “С политической точки зрения, — подчеркивал он, — под территорией Среднего Востока понимают территорию, в которую входит Индия как объект для обладания. Группа государств-буферов и огромный русский Туркестан — база подготовительных операций к овладению Индией”. Для проведения военной операции с целью выхода к южным морям Снесарев предусматривал два возможных маршрута: через Афганистан и непосредственно в Индию.

Конечно, кроме походов Красной Армии предусматривалась и всесторонняя помощь местным революционерам. Так, на пленуме ЦК РКП(б) 20 сентября 1920 г. рассматривалось “Предложение о помощи оружием Индии”. Пленум постановил: “Признать в принципе необходимым дать оружие и золото; определение количества и сроков установить по соглашению соответствующих ведомств... Выполнение решения поставить под контроль Турккомиссии”.

Можно привести и другие примеры практического осуществления ленинской идеи о самостоятельной революционной базе в Туркестане. Так, согласно Биохронике, после 7 октября 1920 г. “Ленин получает от уполномоченного Наркоминдела в Туркестане Д.Ю. Гопнера карту расселения патанских племен Северо-Западной Индии с надписью: “Т. Ленину к вопросу об “афганском коридоре”, Ташкент, 7/Х. — 1920 г. Д. Гопнер”. Однако следует признать, что с осени 1920 года интерес большевистских лидеров к раздуванию революционного пожара в Азии начал постепенно остывать. Сказывались массовый голод в стране, поражения в войне с Польшей.

Ленин ставит задачу заключения торгового договора с Великобританией. 25 августа 1920 г. Чичерин от имени советского правительства обратился к британскому правительству

ну с нотой, в которой заявлялось о желании “установить возможно скорее отношения дружбы и доброжелательства” и уверялось, что “будучи подлинно народным правительством, советское правительство является по своей природе миролюбивым и испытывающим отвращение к завоеваниям”.

19 ноября 1920 г., изучив сообщение председателя советской торговой делегации в Лондоне Л.Красина, а также выписки из иностранных газет по вопросу о предполагаемом торговом соглашении Советской России с Англией, вождь пишет записку Чичерину, в которой делает вывод, что соглашение с Англией откроет возможности аналогичных соглашений с другими странами, в частности, с США. Он ставит перед наркомом конкретные вопросы, связанные с завершающей стадией переговоров: “Если будет торговое соглашение, то кто вправе окончательно подписать? Красин один? или СНК?”; предлагает “очень спешно подготовить тот вопрос во всех его частях” (52; 14).

Биографическая хроника жизни и деятельности Ленина свидетельствует, что позднее 29 ноября 1920 г. Ленин регулярно знакомится с информацией Г.Чичерина о ходе переговоров по проекту торгового соглашения между Великобританией и РСФСР, переданному 29 ноября министром торговли Великобритании Э.Уайзом главе советской торговой делегации в Лондоне Л.Красину. 4 декабря на заседании политбюро ЦК РКП(б) с участием Ленина принимается написанный им проект постановления о заключении торгового договора с Англией. “В 1921 году подписанию нами предварительного соглашения с Англией предшествовало у нас долгое обсуждение этого вопроса. Владимир Ильич категорически настоял на подписании”, — вспоминал Г.Чичерин.

Выступая на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г., Ленин подчеркнул: “Наша политика в Центральном Комитете идет по линии максимальных уступок Англии. И если эти господа думают поймать нас на каких-либо обещаниях, то мы заявляем, что никакой официальной пропаганды наше правительство вести не будет, никаких интересов Англии на Востоке мы трогать не намерены. Если они надеются сшить себе на этом шубу, пусть попробуют, мы от этого не пострадаем” (42; 103).

И, наконец, 16 марта 1921 г. Красин и министр финансов Великобритании Роберт Хорн подписали временное англо-советское соглашение, которое неделю спустя английский премьер-министр Дэвид Ллойд-Джордж определил как фактическое признание Великобританией Советской Республики. Это соглашение явилось поворотным событием во внешней политике Советской России в период нэпа. В первом разделе соглашения указывалось обязательное условие его выполнения: “Чтобы каждая сторона воздерживалась от враждебных действий или мероприятий против другой стороны, равно как от ведения вне собственных ее пределов какой-либо официальной, прямой или косвенной, пропаганды против учреждений Британской Империи или Российской Советской Республики, по принадлежности, в особенности же, чтобы Российское Советское Правительство воздержалось от всякой попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды, какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам или Британской Империи действиям в какой бы то ни было форме, в особенности в Индии и Независимом Государстве Афганистане. Британское Правительство дает тождественное особое обязательство Российскому Советскому Правительству в отношении стран, которые составляли часть бывшей Российской Империи и которые ныне стали независимыми... Установлено, что выражение “ведение какой-либо официальной пропаганды” включает оказание той или другой из сторон помощи или поощрения какой бы то ни было пропаганды, ведущейся за ее собственными пределами”.

11 апреля 1921 года Ленин подписал Постановление Совнаркома РСФСР “О мероприятиях, связанных с подписанием торгового соглашения между РСФСР и Великобританией”.

В свете этих документов интересен впервые мной опубликованный хранящийся в Центральном архиве КГБ СССР проект письма от 19 мая 1921 г. с запиской Молотова: *“т. Калинин. Для оформления в Советском порядке. 16/V В.М[олотов]”*. Письмо это — обращение председателя ВЦИК М.Калинина к председателю Среднеазиатского бюро РКП(б) Я.Рудзутаку:

“...В московской газете “Правда” от 11 мая помещена телеграмма из Ташкента от 5 мая, в которой сообщается о Вашем заявлении, сводящемся к тому, что “если среди декханст-

на развить большую коммунистическую работу, оно в скором времени явится форпостом коммунистического движения на Востоке, и тогда пусть [такие] угнетенные страны, как Индия, Персия, Афганистан и другие, увидят, что Советская Россия и III Интернационал могут освободить от колониаторского ига трудящихся разных национальностей". Это Ваше заявление может рассматриваться как призыв к развитию на Востоке движения, направленного против власти Англии в Индии. Оно является поэтому нарушением русско-английского соглашения от 16 марта, которым Российское Правительство обязалось воздержаться от всяких попыток поощрения народов Востока к какой-либо форме враждебных действий против британских интересов или британской империи, в особенности в Индии и в независимом государстве Афганистане.

Ставлю Вам на вид, что нарушение официальным представителем Советской власти постановлений международного договора, заключенного Советским Правительством, является действием, нарушающим жизненные интересы Республики. настаиваю на немедленном принятии всеми учреждениями Туркестанской Республики и всеми представителями РСФСР в Туркестане необходимых мер для избежания в дальнейшем повторений подобных нарушений англо-русского договора от 16-го марта и на преподании соответствующих инструкций и директив всем действующим в Туркестане органам Советской власти.

С коммунистическим приветом М. Калинин".

(Центральный архив КГБ, ф.1, оп.5, № 213).

Но "сшить себе шубу" из обещаний большевиков не вмешиваться в дела Азии правящие круги Великобритании, естественно, не смогли. В сентябре 1921 года британское правительство заявило протест по поводу продолжающейся ангибританской пропаганды в азиатских странах и колониях. Ишместитель наркома иностранных дел Литвинов 27 сентября ответил британскому министру иностранных дел Керзону ногой, в которой объяснил возникшее "недоразумение". Дело шключалось в том, что антианглийскую пропаганду на Востоке вело вовсе не советское правительство, а III Интернационал. В ноте подчеркивалось, что "Российское Правительство желает воспользоваться этим случаем, чтобы снова подчеркнуть, как оно это делало неоднократно раньше", что факт пребывания Исполкома Коминтерна в Москве, "а также тот факт,

что некоторые члены Российского Правительства как отдельные лица принадлежат к Исполнительному Комитету (Коминтерна)” вовсе не дают оснований для отождествления Российского Правительства с III Интернационалом, тем более, что “Исполнительный комитет III Интернационала состоит из 31 члена, из которых только 5 русских”. Да и сам Ильич, пребывая в двух ипостасях — и главы правительства, и члена Исполкома Коминтерна — подчеркивал в докладе перед коммунистами: “Я могу здесь сказать следующее (прошу этого не записывать). Я думаю, что тут мы своей твердой позицией, что Коммунистический Интернационал не есть учреждение правительственное, в конце концов возьмем верх. Тем более, что разумом буржуазия Англии должна видеть нелепость попытки восстать против III Интернационала” (42; 101-102).

С этого времени начался многолетний период конфликтов между ориентировавшимся на “мировую революцию” руководством Коминтерна и Народным Комиссариатом иностранных дел, развернувшим борьбу за международное дипломатическое признание Советской России. Много документов, раскрывающих соперничество этих двух организаций, хранятся неопубликованными в ленинском “секретном” фонде.

А поэты продолжали писать даже в 30-е годы: “Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя”.

Но в одном Ленин был неизменен — это в репрессиях против русских переселенцев в Средней Азии. 22 июня 1920 г. в “Проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в Туркестане” он наказывал “разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом” (41; 153). В письме к А. Иоффе вождь подозревал своих соратников “в великорусском шовинизме или, правильнее, в **уклоне** в эту сторону.

Для всей нашей *Weltpolitik* (мировой политике — А.Л.) дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; **доказать**, что мы не империалисты, что мы **уклона** в эту сторону **не** потерпим.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим. Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным” (53; 190).

Глава 12

ЛЕНИН: “ВЫСЛАТЬ ЗА ГРАНИЦУ БЕЗЖАЛОСТНО”

Одно из самых позорных деяний большевиков — высылка за пределы Советской России осенью 1922 года крупнейших российских философов, литераторов, ученых.

Акция эта проводилась чекистами в срочном порядке, в то время, когда Ленин тяжело болел и в столице не появлялся более четырех месяцев. По этой причине публицисты на рубеже 80-90-х годов выводили Ленина из круга “подозреваемых”, направляя ход своих изысканий на выяснение вопроса: кто же из двух большевистских лидеров являлся инициатором высылки — Зиновьев или Троцкий? Ведь Зиновьев часто грозил интеллигенции в статьях и речах, а на проходившей в начале августа 1922 года XII Всероссийской конференции РКП(б) по его докладу была принята резолюция об антисоветских партиях и течениях, в которой, в частности, указывалось, что “нельзя отказываться и от применения репрессий... по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции”. Зиновьев с негодованием сообщил участникам конференции, что в одной из библиотек красных курсантов найден изданный за рубежом “Дневник” Зинаиды Гиппиус. Тот самый дневник, в котором поэтесса предрекала наступление дня, в который большевиков “в молчании повесят”.

Впервые о предстоящей высылке было объявлено 29 августа 1922 г. на пленуме Петросовета. Эмигрантская газета “Руль” прямо указывала: “Инициатор высылки Зиновьев на

заседании Петроградского Совдепа заявил: “Найдутся люди на Западе, которые заступятся за обиженных интеллигентов. Возможно, что Максим Горький снова начнет нас поучать, что Советской России нужна интеллигенция, но мы знаем, что делаем. Рабочий класс не позволит никому, даже лучшему спецу, сесть ему на шею”. Эти слова Зиновьева были встречены депутатами с одобрением”.

По словам фактического диктатора Петрограда, “значение акта, предпринятого против части интеллигенции, можно кратко сформулировать словами, что кто не с нами, тот против нас”. Видимо, чувствуя сомнительность своих доводов, Зиновьев вынужден был признать, что высылка специалистов из страны, и без того бедной культурными силами, вызовет негативные последствия, но при этом попытался их приуменьшить. В одном из последующих номеров газета еще раз цитировала Зиновьева: “Мы прибегаем сейчас к гуманной мере, к высылке, мы можем прибегнуть и не к столь гуманной мере, мы сумеем обнажить меч. Все попытки собрать силы на основе нэпа мы будем разбивать на каждом шагу”.

Таким образом, можно сделать вывод, что большевистские лидеры опасались свободомыслящих интеллигентов как возможной идеологической опоры “нэпманов”.

А Троцкий, которого высланные писатель Михаил Осоргин и литературный критик Юлий Айхенвальд однозначно считали инициатором высылки, дал 30 августа 1922 г. пророческое интервью вдове автора известной книги “10 дней, которые потрясли мир” Джона Рида, американской журналистке Луизе Брайант: “Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены — все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага и мы будем вынуждены расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сами в спокойный период выслать их заблаговременно, и я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность”... В 1929 году подобной высылке подвергнется сам Троцкий.

Действительно, в лихую сталинскую годину цвет отечественной науки и культуры уничтожался физически. И невольно возникает мысль — лучше бы выслали в 1922 году философа-богослова Павла Флоренского и поэта Осипа Мандельштама, крупнейшего ученого-биолога Николая Вавилова и теоретика кооперативного движения Николая Кондратьева, выдающихся театральных деятелей Всеволода Мейерхольда и Леся Курбаса, множество других, которых “стерли в лагерную пыль”.

Существовавшая легенда связывала прекращение огульных нападок в прессе на интеллигенцию с возвращением Ленина к работе в начале октября 1922 года. Складывалось впечатление, что он был против крайностей и лишь болезнь помешала предотвратить нежелательные эксцессы. Но истина рано или поздно все же пробивает себе дорогу.

Автор этой книги в 1991 году впервые опубликовал письмо Ленина Сталину из “секретного” фонда от 17 июля 1922 г. (“Выслать за границу безжалостно”, “Деморатическая газета”, № 23, ноябрь 1991 г.), которое однозначно свидетельствует — именно глава большевистского правительства был инициатором позорной высылки. Письмо хранилось в копии, переписанной рукой Генриха Ягоды на бланке заместителя начальника Секретно-Оперативного Управления ГПУ, на ней стоит резолюция: “т. Дзержинскому с возвратом. Сталин”. Этот документ — новое опровержение мифа о “либерализме” вождя:

“Т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, н[ародных] с[оциалистов], кадетов и т.п. я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отъезда, не закончена и сейчас. Решено ли “искоренить” всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др.?

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

То же А.Н.Потресов, Изгоев и все сотрудники “Экономиста” (Озеров и мн[огие], мн[огие] другие). Ме[ньшеви]ки Розанов (врач, хитрый), Вигдорчик, (Мигулс или как-то в этом роде). Любовь Никол[аевна] Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Н.А.Рожков (надо его выслать; неисправим); С.Л.Франк (автор “Методологии”). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. (С.Мессинг —

член коллегии ГПУ, В. Манцев — председатель ГПУ Украины. — А.Л.) должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

Насчет Лежнева (бывший “День”) очень подумать: не выслать-ли? Всегда будет коварнейшим, насколько я могу судить по прочитанным его статьям. Озеров, как и все сотрудники “Экономиста” — враги самые беспощадные. Всех их — вон из России.

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!

Всех авторов “Дома литераторов”, Питерской “Мысли”; Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас “заграница”. Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере (адреса, “Новая Русская Книга”, № 4, 1922 г., с.37) и на список частных издательств (стр.29).

С[оммунистическим] прив[етом] Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1338).

Письмо носит тем более сенсационный характер, что у Ленина в конце мая 1922 года на почве склероза сосудов мозга был первый острый приступ болезни, приведший к ослаблению движений правых конечностей и потере речи. 28 мая лечивший Ленина врач А.М. Кожевников записал, что пациент почти не мог сказать целиком ни одной фразы, не знал, как воспользоваться зубной щеткой — брал за щетину.

Болезнь застала вождя в Горках, где он затем находился под наблюдением врачей в течение четырех месяцев и практически вынужден был впервые отойти от непосредственного каждодневного руководства страной и партией. За первые полтора месяца болезни он не смог сочинить ни строчки. И лишь 13 июля пишет первую записку секретарю Совнаркома Фотиевой: “Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который **начинает** становиться человеческим” (54;273). В этот же день впервые после приступа Ленину разрешаются прогулки в саду и парке. Но читать ему было еще запрещено. 17-го июля Ленин пишет вышеприведенное письмо Сталину, а на следующий день направляет ему записку:

“Т.Сталин! Очень внимательно обдумал Ваш ответ и не согласился с Вами. Поздравьте меня: получил разрешение на газеты! С сегодня на старые, с воскресенья на новые!” (54; 273).

Что конкретно вызвало несогласие Ленина — выявить не удалось. Но можно смело предположить — разногласия эти касались каких-то частных в непосредственном планировании высылки ученых, которое Ильич буквально “выстрадал” в течение последних месяцев болезни. По всей видимости, это дело мучило его и позднее, не давая покоя. Об этом свидетельствует запись лечащего врача от 21 июля: “Задачи, чтение, письменное изложение хуже обычного, некоторые фразы извращены по смыслу, почерк хуже”.

Извращены по смыслу... Именно от состояния здоровья пойдя окажутся в прямой зависимости сроки высылки, а в конечном счете и судьбы сотен наших выдающихся соотечественников. Хотя пик кампании по высылке интеллигенции за рубеж приходился, безусловно, на вторую половину 1922 года, но к мысли этой Ленин пришел значительно раньше. Еще в марте 1919 года Ленин поведал свои далеко идущие планы американскому журналисту Линкольну Стеффенсу: “Мы должны найти какой-то путь, как избавиться от буржуазии, высших классов. Они не дадут нам совершить никакие экономические перемены, на которые они не пошли бы до революции; поэтому их надо вышибать отсюда. Сам я не вижу, как мы можем испугать их так, чтобы они убрались из России без массовых расстрелов. Конечно, находясь за границей, они будут представлять собой такую же угрозу; однако эмигранты не столь вредны. Единственное решение я вижу в том, чтобы угроза красного террора способствовала распространению ужаса и вынуждала их бежать. Однако как бы это ни делалось, сделать это необходимо. Если вы хотите достичь целей, которые ставит перед собой революция, то абсолютную, инстинктивную оппозицию, старых консерваторов и даже твердых либералов надо заставить замолчать”.

Характерно, что Ленин нашел впоследствии удобный способ “заставить замолчать” даже близких соратников, отправляя их на длительный срок в советские посольства или в глухую провинцию. Так, 19 января 1922 г. Ленин писал нар-

кому внешней торговли Л.Красину, представлявшему Советскую Россию в Англии:

“Т.Красин!

Насчет Ларина к решению Политбюро от 17.І. добавляю:

1. Держите его в Лондоне **как можно дольше**.
2. Если поверите хоть одной его цифре, прогоним со службы.
3. Берегите его здоровье, лечите лучше, назначьте **ответственного** врача.

4. Займите его **длительной литературной** работой по **немецким и английским** материалам (если не знает, выучите английскому языку).

Пункты 1, 3 и 4 провести особо строго и **особо тактично**. Пункт 2 — тройне строго.

С ком. приветом Ленин” (54; 127-128).

Второй пример — примечательный диалог, состоявшийся в ходе выступления Сталина “Группа Бухарина и правый уклон нашей партии” в начале 1929 года:

“Сталин: ...Говорят, что Ленин наверняка поступил бы мягче, чем поступает теперь ЦК в отношении Томского и Бухарина. Это совершенно неверно... Как поступал Ленин в таких случаях — припомните-ка. Разве не помните, что товарищ Ленин из-за одной маленькой ошибки со стороны Томского угнал его в Туркестан.

Томский: При благосклонном содействии Зиновьева и отчасти твоим.

Сталин: Если ты хочешь сказать, что Ленина можно было убедить в чем-нибудь, в чем он сам не был убежден, то это может вызвать лишь смех...”

Иногда, под настроение, Ленин считал наказанием не высылку за рубеж, а, наоборот, запрещение выезда. Об этом свидетельствует, например, записка вождя от 9 марта 1920 г. из “секретного” фонда со ссылкой на Андрееву — гражданскую жену М.Горького: “М.Ф.Андреева утверждает, что все врет (имеет и деньги, много, и **белый хлеб**). Пускать нельзя: наклеветет и поможет белым”. О ком конкретно шла речь — выяснить не удалось, но скорее всего, это был какой-то деятель искусства, ибо Андреева много месяцев занимала пост комиссара театров и зрелищ Петрограда.

Наконец, уже в 1995 году в журнале “Источник” впервые опубликованы документы, которые свидетельствуют, что Ленин несет прямую персональную ответственность за преждевременную смерть великого поэта Александра Блока. Она за другой направлялись вождю ходатайства — выпустить поэта, больного цингой, астмой, тяжелым нервным расстройством — в санаторий в Финляндии. Если бы Ленин проголосовал вместе с Троцким и Каменевым на заседании политбюро ЦК РКП(б) 12 июля 1921 г. за разрешение Блоку выехать в санаторий — медицинская помощь тому была бы своевременно оказана, но вождь был непреклонен — он требует отклонить ходатайство Луначарского и Горького. Результат известен — Блок уничтожает часть своих записных книжек, отказывается от приема лекарств и еды, постоянно просит родных об уничтожении экземпляров поэмы “Двенадцать”. И 7 августа умирает, будучи в полном сознании, что опровергает еще один большевистский миф о сумасшествии поэта. Данное Блоку по настоянию Каменева разрешение на выезд за границу опоздало и помочь уже не могло.

После введения в Советской России нэпа у руководства большевиков оказались ограниченными возможности ограбления и уничтожения богатых крестьян в сельских районах и владельцев капиталов — купцов, лавочников, ремесленников — в городах. И Ленин приступает к ограблению церкви и уничтожению священнослужителей, а также “изъятию” из общества интеллигенции, не придерживавшейся марксистских догм.

Например, 21 февраля 1922 г. вождь дает указание Сталину и Каменеву относительно Московского высшего технического училища, профессура которого требовала большей самостоятельности: “...уволить 20-40 профессоров обязательно. Они нас дурачат. Обдумать, подготовить и ударить сильно” (54; 177).

Далее ход “обдумывания” у Ленина, по-видимому, был следующий — ну, предположим, поувольняем из университетов и институтов всю профессуру. И расползутся они по стране, найдут пристанище в провинциальных учебных заведениях, куда карающая рука большевистской инквизиции неизвестно когда еще дотянется. А уничтожать всех профессоров — значит, вызвать новый подъем антисоветских кам-

паний в странах Запада, с которыми Советская Россия жаждет установить дипломатические и торговые отношения. Выход напрашивается сам собой — “инакомыслящих” высы- лать за границу!

Объединяло высылаемую интеллигенцию лишь одно ка- чество — независимый образ мыслей. А к этому Ильич был непримирим. Нужно отдать должное — он своевременно по- чувствовал угрозу, направленную в условиях нэпа против безграничной диктатуры руководимой им партии. Закончи- лась гражданская война с ее 13 миллионами жертв. Казалось, позади остался страшный голод 1921 года, унесший пять с лишним миллионов человеческих жизней. Появились пер- вые признаки возрождения духовной жизни общества и на- рода. К этому времени число частных и кооперативных из- дательств в одной только Москве перевалило за полторы сотни. Оживилась работа клубов и кружков, лекции извест- ных ученых и открытые диспуты собирали массовые ауди- тории. На фоне “пролетарской культуры” появляются не- сколько независимых союзов писателей, товарищества по- этов, художников. В разных губернских центрах возникают философские, исторические и психологические общества. Московский Совет зарегистрировал, например, созданную Н. Бердяевым Вольную Академию духовной культуры.

Привлеченные первыми шагами новой экономической политики, на родину возвращаются десятки тысяч бежен- цев, покинувших Россию в годы гражданской войны.

Политическая атмосфера напоминала послесталинскую “оттепель”. Но уже 6 марта 1922 г. Ленин обратился к тем, кто не соглашался безоговорочно поддерживать большеви- ков: “Вы вызвали нас на борьбу в самой отчаянной форме в октябре, в ответ на это мы выдвинули террор и тройной тер- рор, а если еще потребуется, выдвинем и еще, если вы попро- буете еще раз” (45; 9). Вождь будто забыл, что в октябре 1917 года большевистскому перевороту не было оказано поч- ти никакого сопротивления.

27 марта 1922 г. в политическом отчете XI съезду РКП(б) Ленин подчеркнул: “Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая от- ступлением преследовалась, достигнута. Этот период кон- чается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — пе-

регруппировка сил” (45; 87). Частью этой “перегруппировки” и являлось изгнание из страны представителей интеллигенции, которые хотя не принимали участия, как тогда говорилось, в “контрреволюционной деятельности” (иначе они попадали бы “под ревтрибунал”), но и не одобряли большевистского террора.

Не в связи ли с этими задачами ВЧК была реорганизована в Главное Политическое Управление? Нарком просвещения Луначарский в середине 20-х годов в своих лекциях цинично объяснял, что большевикам нужны только стоящие вне политических интересов специалисты: “Такого рода человек тем ценнее при данных условиях, чем он безыдейнее. Так и мы: если у спеца какого-нибудь, например, инженера, много идей, это хуже, ибо эти идеи мешают использовать в достаточной мере для работы такой элемент. А вот когда у него нет никаких идей, тогда его можно пустить в работу”...

Но как лучше узаконить такой вид наказания, как “высылка”? Конечно, оно было не такое уж новое. Из родных городов высылались в античные времена Овидий, в средневековые — Данте. Еще в древней Греции был изгнан из Афин философ Анаксагор, один из учителей Сократа, обвиненный в растлении молодежи вредными высказываниями. И, по сути дела, много столетий спустя Ленин повторял те же обвинения в адрес лучших умов России. Предварительно они были заклеены Лениным, знавшим, видимо, формулу Платона: “нет политики без философов”. Например, Николай Бердяев, Семен Франк и Федор Степун были высланы за издание в Москве в 1922 году сборника статей “Освальд Шпенглер и закат Европы”, в котором оспаривалась идея предопределенности социализма. После прочтения книги Ильич незамедлительно связывается с руководством ГПУ, в секретной записке от 5 марта 1922 г. дает оценку сборнику: “по-моему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации” (54; 198). А спустя два месяца на страницах “Правды” подвергаются его разгромной критике “хныкающие” Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане”, “извините за выражение, “шпенглерята” (45; 174, 175).

Но, видимо, первым “кандидатом на высылку”, имя которого Ленин обнаружил в этом качестве, был Питирим Сорокин, ставший за рубежом после изгнания известнейшим социологом, основателем научной школы. А пока в России в свои тридцать три года П.Сорокин был известен как автор двухтомной “Системы социологии”, как первый в стране профессор социологии, организатор и декан первого в российской истории факультета социологии (в 1919 году в Петроградском университете).

Еще в марте 1922 года в журнале “Под знаменем марксизма” вышла в свет ленинская статья “О значении воинствующего материализма”, которую Ильич завершил свирепым разгромом “некоего П.А.Сорокина” как автора статьи “Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию” в журнале “Экономист”. Как видно из приводимых Лениным цитат, вождя разгневали болезненные переживания Сорокина по поводу распада семьи, резкого увеличения числа разводов в Советской России. Нет сомнения, заявил Ленин, что “этот господин” вкупе с издателями журнала, в котором были опубликованы его «обширные якобы “социологические” исследования», относится к тем, кого следует называть “крепостниками, реакционерами”, “дипломированными лакеями поповщины”. А для просвещения юношества, по словам Ильича, “они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста”. В итоге вождь сетовал, что рабочий класс в России не научился еще пользоваться завоеванной им властью, “ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливо препроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое подходящее место” (45; 31-33). Эту “миссию рабочего класса” — изгнание интеллигенции за рубеж — вождь решил взять на себя.

Во второй декаде мая 1922 года Ленин обращается по этому поводу с письмом к наркому юстиции (с целью правового обоснования предстоящей широкомасштабной высылки) и председателю ГПУ (непосредственному организатору высылки).

15 мая 1922 г. он дает указание наркому юстиции РСФСР Д.Курскому — внести в Уголовный Кодекс ряд дополнений.

Конкретно — “добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа на (срок или бессрочно)” и “добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы”. Здесь же Ленин считает нужным “расширить применение расстрела с заменой высылкой за границу” практически “ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т.п.”. Ленин давал указание Курскому — любую форму, любое направление деятельности оппозиционных партий свести к шпионажу, для чего “найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.)” (45; 189).

А спустя четыре дня, 19 мая Ленин пишет письмо “железному Феликсу”, в котором дотошно разъясняет, какую подготовительную работу к изгнанию интеллигенции следует произвести карательным органам:

“т.Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, **требуя письменных отзывов** и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т.д.).

Собрать **систематические** сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Мои отзывы о питерских двух изданиях:

“Новая Россия” № 2. Закрыта питерскими товарищами.

Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам Политбюро и обсудить **внимательнее**. Кто такой ее редактор **Лежнев**? Из “Дня”? Нельзя ли о нем собрать сведения? Конечно, **не все** сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал “Экономист”, изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это *nota bene!*) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу.

Прошу показать это секретно, не размножая, членам Политбюро, с возвратом Вам и мне и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение.

19/V. Ленин” (54; 265-266).

Можно предположить, что это ленинское письмо положило начало сбору на Лубянке досье на каждого свободомыслящего интеллигента, которого следовало рассматривать как “пособника Антанты” и “военного шпиона”.

Хотя, обратим внимание — письмо изобилует довольно сдержанными высказываниями. Оно, по сравнению с последовавшим два месяца спустя письмом Сталину — едва ли не проявление терпимости. Вождь требует письменных отзывов членов политбюро на отдельные издания и книги, организацию “сбора систематических сведений” о всех формах деятельности (в настоящем и прошлом) “кандидатов на высылку за границу”.

Он опасается “наглупить” и особо подчеркивает, что подготовку высылки следует поручить чекисту “толковому, образованному и аккуратному” (в противовес поиску “людей potvrđe” для вешания пензенских крестьян). А спустя всего два месяца, за которые почти ничего не изменилось, кроме ухудшения состояния здоровья вождя — яростные наказания Сталину: “искоренить всех энесов”, “выслать за границу безжалостно”, “всех их — вон из России”, “арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!”, “очистим Россию надолго”. И Советская Россия “очищалась” от интеллектуальных сил.

Видимо, без конкретного руководства вождя, который долгие недели после передачи 17 июля 1922 г. письма Ста-

лину был в тяжелом физическом и психическом состоянии, подготовительные меры к высылке интеллигенции не были столь уж активны. Лишь 10 августа вышло (запланированное Лениным в письме к Курскому) постановление ВЦИК об административной высылке, в пункте первом которого говорилось: “В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума ВЦИК разрешение на изоляцию свыше 2 месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке”. Второй пункт постановления возлагал решение о высылке отдельных лиц на особую комиссию при НКВД под председательством наркома внутренних дел. Должность эту тогда занимал председатель ГПУ Ф.Дзержинский. И в списках кандидатов на высылку, которые направлялись Ленину, решением именно этой комиссии предварительно предопределялась судьба каждого лица.

Конечно, не только Ленин и Зиновьев громили “кандидатов на высылку”. Шельмовали этих кандидатов и известные большевистские публицисты, и “рыцари пера” более низкого ранга. “Сегодня на “безбожном фронте” ругали философа Н.О.Лосского — вспоминал высланный петроградский журналист Н.Волковыский, — завтра — на “хозяйственном” Б.Д.Бруцкуса, послезавтра — на “идеолого-публицистическом” А.С.Изгоева или А.Б.Петрищева... Рубилось с плеча, доносилось — от всего продажного сердца”.

В качестве примера можно привести анонимную статью в “Правде” от 2 июня 1922 г. под программным заголовком “Диктатура, где твой хлыст?” Поводом для подлинной истерии послужила маленькая книжка через несколько месяцев изгнанного из России литературного критика и конституционного демократа Юрия Айхенвальда “Поэты и поэтессы”. “Книжка Айхенвальда насквозь пропитана трусливо-пресмыкающейся, гнилой, гневной ненавистью к Октябрю... Это философское, эстетическое, литературное, религиозное лизоблюдство, т.е. мразь и дрянь, — констатировала “Правда”, успокаивая далее читателя. — Но у диктатуры есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора бы заставить Айхенвальдов обратиться за черту, в тот ла-

герь содержанства, к которому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией”. По жестокой иронии судьбы его сын — молодой экономист “бухаринской школы” — посещал Берлин в надежде примирить своего “неисправимого отца” со сталинским режимом. Через несколько лет он погиб во время сталинского террора.

31 августа 1922 г. “Правда” помещает на первой странице под многозначительным заголовком “Первое предупреждение” сообщение о высылке “по постановлению Государственного политического управления (ГПУ) наиболее активных контрреволюционных элементов из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов в северные губернии. Часть за границу”. В сообщении не называлось цифр и фамилий, не ясно было, что считать более суровым наказанием — высылку “в северные губернии” или “за границу”. И явной ложью оказалась фраза: “среди высланных почти нет крупных имен”. Были — и немало.

Общее обвинение формулировалось следующим образом: “Определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью”. И далее в сообщении конкретизировались “опорные пункты” антисоветизма: “Важнейшей их цитаделью была высшая школа... Политиканствующие ученые — профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление советской власти, приступившей к реформированию высшего образования. Эти группы упорно, злобно и последовательно старались дискредитировать все начинания Советской власти, подвергая их якобы научной критике. В области публицистики они гнули ту же линию. Художественная литература, издаваемая в этих кругах, была также антисоветская. В области философии они проповедовали мистицизм и поповщину. Группа антисоветски настроенных врачей усердно фабриковала антисоветское мнение в своей среде... контрреволюционные элементы из агрономов вели ту же работу в своей области... Наконец, некоторые группы этих антисоветских элементов искали тоже сближения с контрреволюционным движением той части духовенства, которая активно выступила против изъятия церковных ценностей...” И, наконец, в сообщении выражалась уверенность, что “принятые советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием встречены

со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждут, когда, наконец, эти идеологические пришельцы и колчаковцы будут выброшены с территории РСФСР”.

Врагами были объявлены практически все круги интеллигенции (и гуманитарной, и научно-технической), которую вождь еще в сентябре 1919 года в письме к М.Горькому четко оценил “как интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно” (51; 48).

Нет доказательств того, что Ленин ознакомился с направленным к нему 18 августа 1922 г. отчетом ГПУ:

“Согласно Вашего распоряжения, посылаю списки интеллигенции по Москве, Питеру и Украине, утвержденные Политбюро. Операция произведена в Москве и Питере с 16-го на 17-е, на Украине с 17-го на 18-е.

Московской публике сегодня объявлено постановление о высылке за границу и предупреждены, что самовольный выезд в РСФСР карается расстрелом. Завтра выяснится вопрос с визами. Ежедневно будут Вам посылать сводку о ходе высылки.

С ком. приветом. Уншлихт”.

И приписка: “Все с нетерпением ждем полного восстановления Ваших сил и здоровья”.

В первых числах сентября 1922 года самочувствие Ленина улучшилось, и 3 сентября он внимательно изучает опубликованную в “Правде” статью Ф.Кина “Спеццы (Опыт статистического обследования)”, в которой были приведены статистические данные, полученные в результате опроса 230 беспартийных инженеров, работавших в советских учреждениях и трестах, об их отношении к Советской власти, к своей работе, об отношении их к взяточничеству, о том, что они читают и как представляют себе перспективу развития народного хозяйства.

Статью Ф.Кина вождь неоднократно упоминал — в беседах со своим заместителем А.Д.Цюрупой, М.И.Ульяновой и другими. В конспекте предполагавшейся речи на X Всероссийском съезде Советов пометил: “20. Статья Кина”.

4 сентября в Горки приехал Дзержинский, состоялась его обстоятельная беседа с вождем. И 5 сентября 1922 г. “железный Феликс” на страницах дневника составил своему за-

местителю Уншлихту следующее инструктивное письмо (ряд последующих документов из секретного издания “В.И. Ленин и ВЧК” впервые обнародованы мной в статьях “Всех их вон из России”, “Демократическая газета”, № 24, декабрь 1991 г., “Продолжить неуклонно высылку”, “Демократическая газета”, №№ 10, 11, март 1992 г.; “Неизвестный Ленин”, “Народный депутат”, № 17, 1992 год):

“Директивы Владимира Ильича. Продолжить неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньшевиков в первую очередь) за границу.

Тщательно составлять списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределять между ними всю литературу. Составлять списки враждебных нам кооператоров. Подвергнуть проверке всех участников сборников “Мысль” и “Задруга” (“Мысль” — журнал “Петербургского философского общества”, выходявший в 1922 году; “Задруга” — опубликованный в 1922 году отчет общего собрания членов издательского товарищества “Задруга”, посвященного его 10-летию юбилею. — А.Л.).

Верно: Ф.Дзержинский.”

На мой взгляд, слово “верно” подтверждает, что Дзержинский пунктуально записал директивы Ленина. И далее:

“Т.Уншлихт! У нас в этой области большое рвачество и кустарничество. У нас нет с отъездом Агранова лица, достаточно компетентного, который этим делом занимался бы сейчас. Зарайский слишком мал для руководителя. Это подручный. Мне кажется, что дело не двинется, если не возьмет этого на себя сам т.Менжинский. Переговорите с ним, дайте ему эту записку.

Необходимо выработать план, постоянно корректируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разбить по группам.

Примерно:

1) Беллетристы, 2) Публицисты и политики, 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы): а) финансисты; б) топливники; в) транспортники; г) торговля; д) кооперация и т.д. 4) Техники (здесь тоже подгруппы): а) инженеры; б) агрономы; в) врачи; г) генштабисты и т.д. 5) Профессора и преподаватели и т.д. и т.д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интелли-

гента должно быть дело; каждая группа и подгруппа должны быть освещаемы всесторонне компетентными товарищами. Между которыми эти группы должны распределяться в нашем отделе. Сведения должны проверяться с разных сторон, так, чтобы наше заключение было безошибочно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения. Надо в плане далее наметить очередность заданий и освещения групп. Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвигание тех, кто готов без оговорок поддерживать Советскую власть. Обратите внимание на статью Кина в “Правде” от 3/IX. Такими обследованиями следовало бы и нам заняться. Необходимо также вести наблюдение за всей ведомственной литературой Наркомзема, ВСНХ, НКФ, НКПС и других. Например, авторы сборника НКФ № 2 “Очередные задачи финансовой политики” явно белогвардейцы, как А.А.Соколов. О принятом решении и выработанном плане сообщите мне. Ф.Дзержинский”.

Итак, “железный Феликс” конкретизировал задачу, поставленную Ильичем: “на каждого интеллигента должно быть дело”. Добавим, что именно на предлагаемое Дзержинским “внесение в ряды спецов разложение” и была ориентирована рекомендованная Лениным статья Ф.Кина “Спеццы”. В ней сообщалось о проведенном обследовании (анкетировании) двух групп специалистов. В первую были включены бывшие собственники, предприниматели, лица, занимавшие в дореволюционные годы высокие административные посты. Во вторую — рядовые инженеры. Автор предлагал ряд мер по дифференциации этих двух групп, поощрению готовых сотрудничать с Советской властью рядовых инженеров.

Темпы высылки тормозила болезнь вождя. Прошло два месяца после письма Сталину, прежде чем появилась на “Рапорте ВЧК о ходе операции по высылке антисоветской интеллигенции 23 августа 1922 года” следующая запись Ленина (почти месяц состояние здоровья вождя не позволяло ему отреагировать на рапорт):

“17/IX. Т.Уншлихт! Будьте любезны распорядиться: вернуть мне все приложенные бумаги с пометками, кто выслан,

кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки? Совсем краткие пометки на этой же бумаге. **Ваш Ленин**".

На следующий день, 18 сентября, на бланке начальника Секретно-Оперативного управления ГПУ Ленину направляется докладная: "Согласно Вашего распоряжения посылаю обратно присланные Вами списки с соответствующими пометками на них и фамилиями лиц (выделенных отдельно), кои оставлены по тем или другим причинам в Москве и Питере. С ком. приветом, **Г.Ягода**."

P.S. Первая партия уезжает из Москвы 22/IX (в пятницу). **Г.Я.**" (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1245).

В бывшем Центральном партийном архиве сохранилось два списка "кандидатов на высылку" с упомянутыми **Г.Ягодой** пометками, сделанными по указанию Ленина. Оба отпечатанных на машинке списка — за подписью **Л.Каменева**, **Д.Курского**, **И.Уншлихта**.

Первый список датирован 31 июля 1922 г., на трех больших листах — кандидаты на высылку из Москвы. Второй — без даты, на двух таких же листах — высылаемые из Петрограда. Оба списка дважды побывали у Ленина, второй раз — уже с рукописными записями против каждой фамилии.

Проанализируем первый "Список активной антисоветской интеллигенции (профессура). Москва", состоящий из 67 фамилий. В нем имеются подзаголовки: "Профессора 1-го Московского университета" (2 человека), "Профессора Московского высшего технического училища" (4 человека), "Профессора Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии" (2), "Профессора Института путей сообщения" (1), "По делу Вольно-экономического общества" (1), "Профессора разных учебных заведений" (6 человек, в том числе 2 из Казани), "Список антисоветских профессоров Археологического института" (4), "Общий список активных антисоветских деятелей по делу издательства "Берег" (2), "Список лиц, проходящих по делу № 813 (группы Абрикосова)" (4), "Список антисоветских агрономов и кооператоров" (12), "Список врачей" (3), "Список антисоветских инженеров (Москва)" (6), "Список литераторов" (12). Далее следует "Дополнительный список" из двух частей: "Антисоветская интеллигенция (профессура). Москва" (2) и "Список литераторов" (6).

Против более чем половины кандидатов на высылку имеется пометка: “высылается, на свободе”, иные еще только попали в поле зрения чекистов: “не разыскан”. Имеются и другие пометки. Приведем несколько примеров. Профессор 1-го МГУ В.Е.Фомин: “Высылка отменена пост[ановлени-ем] комисс[ии] 31/VIII-22 г. на основе ходатайства т.Яковлевой и Богданова”. Профессор Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии И.А.Артоболевский: “Перечислен за рев.трибуналом, обвиняется в агитации против изъятия церковных ценностей”. Профессор института инженеров путей сообщения Н.Д.Тяпкин: “Передано дело КРО ГПУ, т.е. в контрразведывательный отдел ГПУ для привлечения к ответственности за контрреволюционную деятельность. Содержится под стражей”. Ректор Археологического института А.И.Успенский, член Французской академии изящных искусств и богословия: “За агитацию против изъятия церковных ценностей приговорен Смоленским ревтрибуналом к 10 годам заключения”. Профессор этого же института Н.М.Коробков: “Освобожден как тяжело больной постановлением комиссии от 31/8-22 г. Последняя стадия туберкулеза”. Известный теоретик кооперативного движения Н.Д.Кондратьев, не вписавшийся в ленинский “строй цивилизованных кооперативов” и уничтоженный впоследствии сталинскими подручными, в 1922 году не был подвергнут высылке, ибо против него “возбуждено дело по обвинению в содействии эсерам”. Против фамилий медиков — пометки, что они высылаются в Вологду, Туркестан или Киргизский край сроком на 2 года для работы по специальности.

Петроградский список кандидатов на высылку содержит 51 фамилию и состоит из трех частей: “Список антисоветской интеллигенции г.Петрограда” (24 человека); “Список членов Объединенного Совета профессоров г.Петрограда” (23) и “Список питерских литераторов” (4 человека).

Открывает список Питирим Сорокин (“Арестован, высылается”). 22 фамилии сопровождаются пометками “арестован, высылается, на свободе для ликвидации дел”, 17 — “не разыскан”. Среди неразысканных оказался известный философ С.Н.Булгаков, который отбудет в изгнание в 1923 году пароходом из Севастополя в Константинополь. В своем

дневнике он запишет: “От родины я не должен, не могу и не хочу никогда отказаться и, значит, умираю всю оставшуюся жизнь”. Дела пяти участников Объединенного Совета профессоров оказались переданы военному суду по обвинению в причастности к антисоветской организации. Против четырех фамилий имеются развернутые обоснования со ссылкой на постановление Комиссии под председательством Дзержинского от 31 августа 1922 г. Для Е.С.Канцель “высылка приостановлена впредь до получения от тов.Циперевича ручательства и обеспечения такового”. А по отношению к писателю Евгению Замятину определена иная мера: “Арестован. Высылка отсрочена впредь до особого распоряжения”. На счастье, Замятину удалось вырваться из Советского Союза в 1931 году, и его не постигла трагическая судьба Бориса Пильняка или Павла Васильева, Исаака Бабеля или Николая Клюева.

В Петроградском списке специально для Ленина сделано примечание: “Согласно решения Политбюро ЦК РКП Комиссия под председательством т.Дзержинского рассматривала ходатайства об отмене высылки лиц, считающихся незаменимыми в своей отрасли, и о которых соответствующими учреждениями делались заявления об оставлении на месте. Зам.председателя ГПУ Г.Ягода”.

Как свидетельствуют документы, не все лица из списков, с которыми разбирался Ленин, оказались высланными. Так же, как не все были высланы из числа упомянутых в ленинских письмах от 19 мая и 17 июля 1922 года. Вождь намеревался выслать близких ему людей. Например, во втором письме фигурировали “Любовь Николаевна Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма)”. Любовь Николаевна Радченко — вдова Степана Ивановича Радченко, избранного на первом съезде РСДРП в 1898 году одним из трех членов ЦК и умершего в 1911 году. Несмотря на то, что Л.Н.Радченко с 1918 года совершенно отошла от политики и работала статистиком, Ильич “понаслышке” причислил ее с дочерью к злейшим врагам большевизма. А ведь Любовь Николаевна еще в середине 90-х годов прошлого века вела революционную деятельность вместе с Лениным и Крупской, которая вспоминала, что в 1903 году в Женеву “приехала Любовь Николаевна Радченко, с которой

мы лично были очень близко связаны, разговорам не было конца”. Крупская свидетельствовала также, что в начале 1900 года “Владимир Ильич поселился в Пскове, где жили потом и Потресов и Л.Н.Радченко с детьми. Как-то Владимир Ильич, смеясь, рассказывал, как малышки-девочки Радченко, Женюрка и Люда, передразнивали его и Потресова. Заложив руки за спину, ходили по комнате рядом, одна говорила “Бернштейн”, другая отвечала “Каутский”. На подростковую “Женюрку” и обрушил Ильич свой гнев.

Высылка за рубеж не была единовременной акцией, и подвергнуты ей были ученые и литераторы не только Москвы и Петрограда, но и Казани, Нижнего Новгорода, Минска.

Созданная политбюро ЦК РКП(б) комиссия по рассмотрению вопросов о депортации враждебно настроенной интеллигенции 9 августа 1922 г. по представлению Манцева утвердила список представителей интеллигенции Украины, подлежащих высылке. В нем были указаны фамилии 77 человек из харьковских медицинского и технологического институтов, одесской и киевской медицинских академий, группы инженеров, врачей, агрономов из Киева, Харькова, Екатеринослава. На каждого перечисленного в списке была подготовлена согласованная с Наркомпросом Украины развернутая характеристика.

Секретарь ЦК КП(б)У Д.Лебедь 7 сентября 1922 г. докладывал “по начальству” И.Сталину, В.Куйбышеву и В.Молотову, что на Украине “изъято” 70 человек, чтобы часть направить за границу, часть — на север. Правда, ЦК КП(б)У вообще считал “высылать украинских профессоров за границу” нецелесообразным, полагая, что там и так сложилась достаточно сильная эмигрантская группировка, и обратился в ЦК РКП(б) с просьбой заменить эту меру высылкой в отдаленные районы страны.

Арестованных подвергали допросам, предъявляли обвинения в контрреволюционной “деятельности”. Им давалась на подпись соответствующая бумага, согласно которой они подлежали расстрелу в случае возвращения в Советскую Россию. И все это без суда, в административном порядке, волевым решением ГПУ. И хотя в декрете об административной высылке от 10 августа 1922 г. ее сроки ограничивались трех-

летними рамками — устно все предупреждались, что изгонятся пожизненно. Унизительны были материальные условия высылки: каждому высылаемому разрешалось взять с собой одно летнее и одно зимнее пальто, один костюм, две рубашки, две пары кальсон, две пары чулок. Запрещалось брать с собой даже нательный крестик. По свидетельству Михаила Осоргина, “не было разрешено вывезти ни одной писаной бумажки и ни одной книги”. В воспоминаниях Осоргин выразил настроения большинства представителей интеллигенции, подлежащих высылке: “От революции пострадав, революции не проклинали и о ней не жалели; мало было людей, которые мечтали бы о возврате прежнего. Вызывали ненависть новые властители, но не дело, которому они взялись служить и которое оказалось им не по плечу — дело обновления России. В них видели перерядившихся старых деспотов, врагов свободы, способных только исказить и тормозить огромную работу, которая могла бы быть — так нам казалось — дружной, плодотворной и радостной. Смотря вперед, верили или хотели верить, что все это выправится, и потому так мечтали о прекращении гражданской войны, мешавшей успокоению и питавшей террор”.

По высылке писателей и литературных критиков, в отличие от философов и экономистов, Ленин конкретных указаний, по-видимому, не давал. И отбор в целом носил произвольный, случайный характер. Н. Волковыский свидетельствовал: “Дело было, вероятно, в июле. Однажды прибегает ко мне в Дом литераторов талантливая поэтесса, шальная женщина, хаотичная — и с религиозным, и с коммунистическим уклоном разом. Запирает двери и таинственно-взволнованно говорит: “Подумайте, ловит меня только что идиот (называет имя совершенно невежественного человека, редактировавшего советский театральный журналчик) и спрашивает меня на ходу, не могу ли я ему в двух словах сказать, какие имеются направления в современной русской литературе? Спрашиваю, зачем это ему нужно, а он мне совершенно беспомощным тоном отвечает, что ему “из Смольного” велели подготовить “справку” с направлениями и именами... Побегу к Луначарскому, нельзя же, чтоб неграмотные идиоты готовили для Чеки “справки” по литературным вопросам, да еще с именами!” И ушла так же стремительно, как пришла”.

Подобные же сумятица и произвол существовали и на других “фронтах”.

Высланный редактор закрытых “Летописи Дома литераторов” и “Литературных записок” Б.О.Харитон в изданных в 1923 году воспоминаниях “К истории нашей высылки” утверждал, что списки кандидатов на изгнание составлялись на основе предшествовавшей рассылки “ряду коммунистов, работающих в разных областях интеллектуального труда, детально разработанных анкет по вопросу об общественно-политической деятельности различных интеллигентских групп с требованием назвать фамилии”. Еще одно доказательство, что доноительство уже тогда стало обязательной нормой в рядах коммунистической партии. Впрочем, на XIV съезде партии в 1925 году секретарь Центральной контрольной комиссии С. Гусев имел все основания заявить: “...Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. смотреть и доносить... Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше — идти на доноительство”.

Первый немецкий пароход “Обербургомистр Хакен” доставил в Штеттин несколько десятков изгнанников 30 сентября, второй — “Пруссия” — 18 ноября 1922 г. Дальнейшая высылка проводилась из Одессы и портов Крыма. Всего было выслано приблизительно две сотни деятелей науки и литературы, а вместе с членами семей эта цифра составила более трехсот человек, не считая 62 грузинских социал-демократов, изгнанных из страны в 1923 году.

Иногда пароходы с выслаемыми учеными и литераторами называют “философскими пароходами”, хотя философы составляли меньшинство изгоняемых. Объясняется это особой ролью высланных выдающихся русских философов, которые внесли неопределимый вклад в развитие философских идей XX века. Это Николай Бердяев и Семен Франк, Федор Степун и Николай Лосский, Лев Шестов и Василий Зенковский, Лев Карсавин и Иван Ильин, Иван Лапшин и Борис Вышеславцев. Судьба Льва Платоновича Карсавина сложилась особенно трагично — в 1950 году он был арестован в Вильнюсе, где преподавал в течение многих лет в универси-

тете, и сослан “на исправление” в трудовой лагерь в Коми АССР, где через два года умер.

А сын Н.О.Лосского — В.Н.Лосский, высланный вместе с отцом, стал на Западе выдающимся православным богословом, его наследие сегодня является классикой.

Напомним, что все немарксистские философы, как и экономисты, были для Ленина на одно лицо. Еще до октябрьского переворота он безапелляционно заявлял: “В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов” (18; 364).

За пределами России оказался ректор Московского университета биолог М.Новиков. Тяжелый урон понесла отечественная историческая наука, от которой отлучили А.Кизеветтера и А.Флоровского, В.Мякотина и С.Мельгунова.

Получив от наркома здравоохранения Н.Семашко записку о “важных и опасных течениях” среди медиков, что выразилось в “восхвалении медицины земской и страховой”, в стремлении создать медицинский печатный орган, Ленин направляет 22 мая 1922 г. очередную записку Сталину: “Я думаю, надо **строго секретно** (не размножая) показать это и Дзержинскому и **всем членам Политбюро** и вынести директиву: “поручается Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить в Политбюро в... (2 недели?) срок” (54; 270). Можно отметить, что в своей записке Семашко назвал конкретные фамилии врачей — Вигдорчик, Макула — которые Ленин затем привел в своем письме Сталину от 17 июля 1922 г. на предмет высылки из страны — “Вигдорчик (Мигула или как-то в этом роде)”. Хотя сам Семашко был более осторожен: “Что касается верхушки врачей.., то надо согласовать с ГПУ. Не создадим ли арестом им популярности?” Уже после тяжелого заболевания Ленина политбюро дважды рассмотрело “дело врачей”, в результате было принято постановление “Об антисоветских группировках среди интеллигенции”, предписано любые съезды профессиональных и творческих обществ проводить лишь с разрешения ГПУ, которое должно также контролировать все печатные органы; при приеме в вузы отдавать предпочтение рабочим. Уншлихт незамедлительно представил список видных врачей с данными об их неблагона-

дежности. Результатом была высылка не только в провинцию, но и за рубеж ряда высококвалифицированных врачей.

К “идеологическим врангелевцам и колчаковцам” была отнесена значительная группа математиков во главе с деканом математического факультета Московского университета проф. Стратоновым. Как свидетельствовал Н. Лосский, высланный “математик проф. Селиванов был арестован за “буржуазный метод преподавания математики инженерам”. А Волковичский вспоминал: “Почтеннейший и скромнейший учитель математики С. И. Полнер, с которым я неделю сидел в одной камере ГПУ... не мог понять, за что его арестовали и за что высылают. Не разобрался он в этом, тишайший в мире человек, страстный шахматист... и за те немногие годы, на которые судьба сохранила ему жизнь в изгнании”.

У большевистских руководителей, причастных к высылке интеллигенции, существовал свой неофициальный “табель о рангах”. Так, пользовавшийся уже в тот период известностью философ Н. Бердяев, заручившись письменной рекомендацией наркома просвещения Луначарского, ходил, вплоть до собственного ареста и высылки, ходатайствовать за арестованного М. Осоргина перед председателем ВЦИК Калининым. Но “всероссийский староста” огорошил философа, возлагавшего большие надежды на помощь официально первого лица в государстве: “Рекомендация Луначарского не имеет никакого значения, все равно как если бы я дал рекомендацию за своей подписью — тоже не имело бы никакого значения; другое дело, если бы товарищ Сталин рекомендовал”.

Часть подлежащих высылке просто “не потрафили” какому-нибудь влиятельному большевистскому лидеру. Так, 31 января 1923 г. Дзержинский пишет записку начальнику Секретно-оперативного управления ГПУ В. Менжинскому: “При сем “Дни” от 23/1. Прочтите передовицу. Более гнусного трудно придумать. Необходимо за этими “Днями” установить неусыпное наблюдение, выяснить авторов этих статей и всех сотрудников, составить их списки с их биографиями, выяснить, с кем они связаны в России, их родственников и друзей, кто выписывает эти “Дни”, и начать против них беспощадные гонения — выгоняя их за границу. “Дни”

должны почувствовать, что ГПУ еще живо. Я думаю, что необходимо было бы и в прессе нашей охарактеризовать эти “Дни” для того, чтобы поставить их последователей вне закона”.

Почему же так расвирепел “железный Феликс”, что приказал начать “беспощадные гонения”, “выгоняя за границу” родственников и друзей сотрудников зарубежной эмигрантской газеты “Дни”, ее рядовых подписчиков? Дело в том, что в указанной им передовице от 23 января 1923 г. была раскритикована работа наркомата путей сообщения, которым руководил сам Дзержинский.

И все-таки широких масштабов изгнание интеллигенции за рубеж не приняло. К высылаемым невозможно было выдвинуть какие-либо обвинения, которые восприняла бы западная общественность. Коммунистические руководители впоследствии посчитали, что дешевле и спокойнее “мозг нации” гноить у себя в стране, на Соловках или на Колыме.

Но главная цель, которую еще в 1919 году ставил Ленин — запугать основную массу советской интеллигенции — была достигнута. М. Осоргин, один из основателей Всероссийского союза писателей, вспоминал, как незадолго до своей высылки пришел на заседание союза, где произнес небольшую прощальную речь. Но все, даже близкие друзья, подавленно молчали, и только на улице по одному начали подходить со словами прощания. “И внезапно я догадался, — продолжает Осоргин, — что Союз уже достаточно напуган, что он уже не тот, и будущее его предрешено”.

На следующий год после высылки, в 1923 году в Берлине вышла в свет повесть Осоргина “Татьянин день”, в которой автор утверждал с горькой иронией, что в Германию доставлен “единственный товар, который нынешнее русское правительство поставляет Европе обильно и бесплатно: хранителей культурных заветов России”. А Александр Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ” писал, что “...в конце 1922 года около трехсот виднейших русских гуманитариев были посажены на... баржу?.. на пароход и отправлены на европейскую свалку”.

Глава 13

ДАЖЕ ВЧК БЫЛА ГУМАННЕЙ, ЧЕМ ЛЕНИН

“Родится нечто удивительно хорошее и жизнеспособное”. Этот утопический прогноз Ленина относительно строительства нового общества в России был высказан в его письме начала 1919 г. видному российскому социал-демократу, историку Н.А. Рожкову. До первой публикации письма автором этой книги (“Родится нечто удивительно хорошее и жизнеспособное”, “Демократическая газета”, №№ 1,2, январь 1992 г.) оно числилось в списке разысканных произведений вождя.

Оригинал письма не сохранился — он таинственным образом исчез в середине 20-х годов из личного архива Рожкова. Но еще в 1940 году копия этого документа была передана в Центральный партийный архив ленинградским историком Екатериной Замысловой, близким другом семьи Рожковых. Подлинность письма подтверждена в Биографической хронике жизни и деятельности Ленина, где датой 29 января 1919 г. отмечается следующий факт: “Ленин пишет письмо известному историку меньшевику Н.А.Рожкову, в котором сообщает о получении его письма, характеризует положение Советской власти в области продовольствия и транспорта, о задачах российской интеллигенции в деле строительства нового, социалистического общества”.

А вот полный текст письма:

“29/1 1919.

Николай Александрович! Очень рад был Вашему письму — не по его содержанию, а потому, что надеюсь на

сближение благодаря общей фактической почве советской работы.

Положение не отчаянное, а только трудное. Но теперь есть серьезнейшая надежда улучшить продовольствие благодаря победам над контрреволюционерами на юге и на востоке. Не о свободе торговли надо думать — именно экономисту должно быть ясно, что свобода торговли при абсолютном недостатке необходимого продукта равняется бешеной, озверелой спекуляции и победе имущих над неимущими. Не назад через свободу торговли, а дальше вперед через улучшение госуд[арственной] монополии к социализму. Трудный переход, но отчаиваться непозволительно и неразумно. Если бы беспартийная околопартийная интеллигенция, вместо насчет свободной торговли, составила экстренно группы, группки и союзы для всесторонней помощи продовольствию, она бы помогла делом серьезно, она бы уменьшила голод.

Насчет “единоличной диктатуры”, извините за выражение, совсем пустяк. Аппарат стал уже гигантским — кое-где **чрезмерным** — а при таких условиях “единоличная диктатура” вообще неосуществима и попытки осуществить ее были бы только вредны.

Перелом в интеллигенции наступил. Гражд[анская] война в Германии и борьба именно по линии: советская власть против “всеобщего, прямого, равного и тайного” т[о]-е[сть] против контрреволюционной учредилки — эта борьба в Германии даже самые упрямые интеллигентские головы прошибает и прошибет.

Со стороны виднее. *Nul n'est prophete en son pays* (“Нет пророка в своем отечестве” (франц.) — А.Л.). У себя в России считали это “только” “дикостью” большевизма. А теперь история показала, что это всемирный крах буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, что без гражд[анской] войны нигде не обойтись (*volentem discunt fata, nolentem trahunt*) (“Желающего судьба ведет, нежелающего — тащит” (лат.) — А.Л.), придется интеллигенции придти к позиции помощи рабочим именно на советской платформе.

Тогда, думаю я, пойдут как грибы расти кружки, организации, комитеты, свободные союзы, группы, группки, группочки интеллигентов, предлагающих свою самоотверженную работу на **труднейших** постах продовольственной и транспорт-

ной работы. И тогда мы на месяцы сократим и облегчим муки родов. А родится нечто удивительно хорошее и жизнеспособное, как эти муки ни тяжелы.

Привет! Н. Ленин". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.8492).

Дата письма — 29 января 1919 г. — объясняет, почему Ленин столь оптимистично оценивает в нем перспективы социалистической революции и установления советской власти в Германии. За четыре дня до этого в Берлине состоялась грандиозная демонстрация — хоронили Карла Либкнехта и других погибших участников январских боев в германской столице. “Без гражданской войны нигде не обойтись”, — убеждал вождь Рожкова, и гражданская война в Германии казалась в эти дни из Москвы очень вероятной. Мною впервые опубликована (“Российское время”, № 4-5, ноябрь 1992 г.) телеграмма от 18 марта 1919 г., копия которой, написанная рукой Э. Склянского, хранится в ленинском фонде:

“Шифром по прямому проводу Сталину!

Только что прочел телеграмму Главкома, которая была послана Вам вчера ночью тотчас же по получении Ваших соображений и в ответ на эти соображения нахожу, что Главком вполне прав, что операцию на Крым нельзя затягивать и что польская 52 необходима на Запфронте. Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы завладели частью города. Кто победит неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтоб иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам. Ленин". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.8924).

Как видим, более чем за год до “похода на Варшаву” вождь готовил “поход на Берлин” через территорию суверенной Польши.

Ленин и его ближайшее окружение, словно в горячечном бреду, делали ставку на мировую революцию — отсюда отнергались все советы Рожкова по переходу к нормально функционирующей экономической системе.

В наши дни дискуссия между Лениным и Рожковым звучит столь актуально, что имеет смысл привести письма Рожкова целиком. Всего Рожков отправил Ленину три письма, черновики которых после его смерти хранились

в личном архиве его жены М.К.Рожковой и в 70-е годы были переданы ею в отдел рукописей Государственной библиотеки имени В.И.Ленина. Черновик первого письма Рожкова от 11 января 1919 г. (с купюрами был впервые опубликован в журнале “Советские архивы” в 1990 году, а полностью — в журнале “Родина” в 1991 году) был написан на гранках его собственной книги “Русская история в сравнительно-историческом освещении”. Не было чистой бумаги? Вот текст:

”Петроград, нижегородс[кая], 12, кв. 73, 11 янв[аря] 1919.

Владимир Ильич, я пишу Вам это письмо не потому, что надеюсь быть Вами услышанным и понятым, а по той причине, что не могу молчать, наблюдая положение, которое мне кажется отчаянным, и должен сделать все зависящее, чтобы предотвратить угрожающие несчастья. Должен предпринять даже безнадежную попытку.

Хозяйственное, в частности продовольственное положение Советской России совершенно невозможно и с каждым днем ухудшается. Близится конечная страшная катастрофа. Не буду сейчас говорить о причинах ее в общехозяйственном смысле, — об этом, если Вы того паче чаяния пожелаете, можно написать особо, — пока же буду вести речь только о продовольственном вопросе. Положение здесь таково, что, напр[имер], половина населения Петрограда обречена на голодную смерть. При таких условиях вы не удержитесь у власти, хотя бы никакие интервенты и белогвардейцы Вам непосредственно не угрожали.

Не помогут и все Ваши угрозы заградительными отрядами, в стране господствует анархия, и Вас не испугаются и не послушают. Да если бы и послушали, то ведь дело не в этом, — дело в том, что вся Ваша продовольственная политика построена на ложном основании. Кто мог бы возражать против государственной монополии торговли важнейшими предметами первой необходимости, если бы правительство могло ими снабдить население в достаточном количестве? Но ведь это невозможно. Вы этого не можете и не сможете. Нельзя же, не рискуя собственным существованием, брать на себя ответственность за дело заведомо безнадежное.

Сохраните Ваш аппарат снабжения и продолжайте его использовать, но не монополизировать торговли ни одним пред-

метом питания, даже хлебом. Снабжайте, чем можете, но разрешите вполне свободную торговлю, диктаторски предложите всем местным советам снять все запрещения ввоза и вывоза, уничтожьте все заградительные отряды, если нужно, даже силой. Без содействия частной торговой инициативы Вам, да и никому, не справиться с неминуемой бедой. Если Вы этого не сделаете — сделают Ваши враги. Нельзя в XX веке превратить страну в конгломерат замкнутых местных рынков: в наше средневековье, когда населения в пределах нынешней Советской России было в 20 раз меньше, это было естественно. Теперь это вопиющая нелепость.

Мы с Вами разошлись слишком далеко. Может быть, и даже всего вероятнее, мы не пойдем друг друга. Но положение, по-моему, таково, что только Ваша единоличная диктатура может пересечь дорогу и перехватить власть у контрреволюционного диктатора, который не будет так глуп, как царские генералы и кадеты, по-прежнему нелепо отнимающие у крестьян землю. Такого умного диктатора пока еще нет. Но он будет: “были бы болота — черти найдутся”. Надо перехватить у него диктатуру. Это сейчас можете сделать только Вы, с Вашим авторитетом и энергией. И надо сделать это неотложно и в первую голову в наиболее остром продовольственном деле. Иначе гибель неизбежна. Но, конечно, этим ограничиться нельзя. Надо всю экономическую политику перестроить, имея в виду социалистическую цель. И опять-таки нужна будет для этого диктатура. Пусть съезд Советов облечет Вас чрезвычайными полномочиями для этого. Для чего именно “этого” в смысле экономической в первую голову, а затем в связи с этим и всякой другой политики — об этом я, если хотите, напишу Вам в другой раз. Ваше дело судить и решить, нужно ли это. Мне и это мое письмо показалось смешным с моей стороны донкихотством. Привет. Ну, пусть в таком случае оно будет первым и последним. Н. Рожков.”

Беру на себя смелость утверждать — вряд ли бы вождь ответил Н. Рожкову, если бы письмо это не было передано Ленину Максимом Горьким с сопроводительной запиской, текст которой впервые был опубликован в “Труде” в феврале 1993 года:

“Дорогой Владимир Ильич!

Н.А.Рожков вручил мне для передачи Вам прилагаемое письмо; позвольте и мне присоединить к этому письму некоторые соображения.

Считаю, это разрешение свободной торговли не допустимо принципиально и не осуществимо практически в условиях отчаянной разрухи транспорта и той анархии, кою плодит окаянная власть на местах.

Но — всемерно присоединяюсь к идее Вашей личной диктатуры, понимая под этим самую строгую централизацию власти в Ваших руках или в руках вами намеченного и выбранного коллектива работников, подобных Л.Б.Красину. Уверен, что только это может спасти русскую да и германскую революцию, — потому что если мы не накормим немцев — они проиграют игру. Я видел Фукса, и хотя в Москве его здорово накачали коммунизмом по-русски, однако парень не настолько обалдел, чтобы не понимать простейшей истины: без продовольственной помощи со стороны России спартаковцы не справятся со своей задачей и что только эта помощь даст им силу и власть. Для того, чтоб кормить немцев, необходимо насытиться самим, ну, да! А мы насытимся лишь при условии, если Вы возьмете дело в свои руки, изъяв его из рук тех болванов, которые не чувствуют разницы между экономическим материализмом и политическим идиотизмом. Вы, прирожденный политик и государственный человек, не можете не понимать, что иной раз необходимо пожертвовать чистотой принципа, дабы этот же принцип глубже внедрить в сознание масс. Сейчас пуд муки имеет гораздо более серьезное политически-агитационное значение, чем митинг на 3 тысячи человек, даже и с участием самого т. Зиновьева. Вам, конечно, не известны резолюции, которые выносят здешние рабочие, а в этих резолюциях ясно звучит потеря веры в силу и разум власти.

Дорогой В.И.! Надо что-то делать и как можно скорей. Я вовсе не панический человек, но — положение становится угрожающим.

Будьте здоровы! А. Пешков”.

Итак, М. Горький в этот период был настроен на “мировую революцию” и оправдывал политику “военного коммунизма”.

Приведенное письмо Н. Рожкова с запиской М. Горького оказалось не последним.

Получив, по свидетельству самого Рожкова, ответ Ленина в первых числах февраля 1919 г., он пишет 4 февраля второе письмо вождю:

“Владимир Ильич! Прочитав Ваш ответ, я решил было, что нам с Вами не о чем больше разговаривать, — до такой степени мы расходимся. Но, пораздумав, все же решил написать Вам еще одно письмо. Мне неприятно играть печальную роль Кассандры и вечно оставаться в одиночестве: ведь я и Временному правительству давал советы, которых не слушали, и предсказывал катастрофу, чему не верили; поэтому я и ушел отсюда в начале августа 1917 г.; и теперь то же положение. Но ничего не поделаешь; перед самим собой я должен сделать все возможное, чтобы предотвратить катастрофу, а там — будь, что будет. Ваши “группы, группки, группочки” напоминают мне Ваши же блаженной памяти “пятки” и “десятки”. Полноте, бросьте это. Это ведь игра в бирюльки, Вас недостойная. Посмотрите поглубже на состояние русского, особенно советского народного хозяйства, и Вы увидите, что реквизиции хлеба, производимые деревенскими комитетами бедноты, и отобрали земель под сельские коммунальные и советские хозяйства заставили крестьян засеять **лишь** столько земли, чтобы урожая едва хватило для прокормления их собственных семей, что, следовательно, хлеба для городов, в частности для рабочих, уже **объективно** нельзя будет достать из русской деревни в будущем году, что поэтому те 8-10% обычной, нормальной выработки на фабриках, которые сейчас имеются налицо, скорее всего грозят еще уменьшиться. Совершенно ясно, что хозяйственную разруху можно избыть только с иностранной, именно с американской, помощью. Надо достать отсюда фабрики, снабдить ими крестьян, взять у них в обмен хлеба, сколько можно его получить добровольно, привезти хлеб и из-за границы, накормить рабочих и ввести железную дисциплину на фабриках, железных дорогах, на почте и телеграфе, уничтожить выборное начальство, назначить сверху комиссаров с правом беспощадно увольнять неисправных. **Это — диктатура.** Она неизбежна тем более, что ни одна революция не исчерпывается одной бурей, а за бурей следует то, что называется реакцией.

В реакции две стороны: во-первых, это неистовство контрреволюционеров, во-вторых, приспособление к новым,

созданным революцией условиям тех, кто жизнеспособен из старых господ положения. И все же реакция — неизбежное движение вперед. Если революционер, как Вы, будет диктатором, он предотвратит контрреволюционное неистовство, а дело органического творчества выполнит лучше всякого другого диктатора. Вот историческая задача, на Вашу долю выпадающая. Вы можете ее понять и взять на себя ее выполнение. Вы можете при этом сохранить всю Вашу революционную фразеологию: от слова не станется.

Я знаю из Вашего письма: Вы этого не хотите. Тем хуже. И тем безнадежнее смотрю я на это свое письмо. Но я должен был договорить до конца: иначе я не мог. Привет.

Н.Рожков”.

“Не могу молчать!” — Рожков придерживался девиза великого русского писателя. На второе письмо Николая Александровича Ленин не отреагировал. Но взгляды вождя в 1919 году явно свидетельствовали, что на него не действовали в тот период никакие разумные доводы и он готов был ради того, чтобы в будущем “родилось нечто удивительно хорошее и жизнеспособное”, пролить море человеческой крови.

В духе своего ответа Рожкову Ленин возражал оппонентам еще в речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов 17 января 1919 г. Важнейшим шагом в проведении продовольственной политики он называет постановление об образовании на селе комитетов бедноты. Но сами по себе, по мнению вождя, они ситуацию не переломят. Поэтому все надежды Ленин возлагает на рабочие продовольственные отряды. Именно им предстоит, действуя “по наводке” деревенских люмпенов, отнимать у крестьян последнее зерно. Возможность введения свободы торговли глава большевистского правительства отвергает начисто и, как представлялось тогда, бесповоротно. Продолжение коммунистического эксперимента фатально предопределило, как своевременно и предупреждал Н.Рожков, страшный голод и мучительную гибель миллионов россиян в 1921-1922 годы.

Еще накануне выступления кронштадтских моряков, в конце февраля — первых числах марта 1921 года по стране прокатилась волна арестов. Это была реакция на рост рабочих волнений. В Москве чекисты ворвались в помещение и

арестовали 160 меньшевиков, собравшихся для обсуждения сложившегося положения. В Петрограде за решеткой оказалось 120 эсеров и меньшевиков, которых, среди прочего, голословно обвинили в причастности к событиям в Кронштадте.

Над Рожковым, как и над другими арестованными Петроградским ЧК меньшевистскими активистами, нависла смертельная опасность, о чем впоследствии свидетельствовал один из его сокамерников: “Рожков вместе с нами в ночь на 2 марта был привезен в Петропавловскую крепость для расстрела в качестве одного из “заложников” за кронштадтское восстание... и вместе с нами несколько дней провел в ожидании смерти. На берлинском объединенном совещании трех Интернационалов в апреле 1922 г. Радек подтвердил, что предполагался именно расстрел заложников, и сообщил, что предотвращена была эта расправа лишь специальным постановлением ЦК большевиков, решившим “вождей меньшевиков не расстреливать”. Но Ленин сделал все возможное, чтобы недавно еще близкий ему товарищ по партии не был выпущен из тюрьмы. В брошюре “О продовольственном налоге” он высказал свое резко негативное отношение к “сидящим в питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану и Рожкову”, причем в плане брошюры прямо указал, что по их роли “место им в тюрьме, а не на беспартийной конференции” (43; 387). Сегодня уже сомнений нет — Рожков не имел абсолютно никакого отношения к событиям в Кронштадте.

Третье и последнее письмо Рожкова вождю написано в петроградском Доме предварительного заключения 11 мая 1921 г. простым карандашом на четвертинке серой бумаги. В некоторых местах письма почерк неразборчив, что позволяет сделать вывод, что оно представляет собой черновик, который автор не успел переписать набело. В препроводительной записке указано, что письмо было изъято у Рожкова во время обыска:

“Владимир Ильич, я пишу Вам это письмо, следуя непреодолимой потребности сделать все от меня зависящее для предотвращения печальных, с моей точки зрения, возможностей. Я, конечно, и на этот раз почти никакой надежды на успех не имею, убедить Вас не рассчитываю, но все же не писать не могу.

Вы встали на верный путь в последнее время в Вашей экономической политике. Все, кому дороги интересы революции и социализма, могут это только приветствовать. В хозяйственной области надо сделать главное — восстановить индустрию и, как Вы сами понимаете, “государственным капитализмом”, т.е. при участии частной инициативы. Но, насколько я понимаю, Вы не имеете в виду делиться властью ни с одной группой или организацией, Вы намерены сохранить во что бы то ни стало Коммунистическую диктатуру. Компартия принимает, таким образом, на себя одну эту ответственность за проводимую Вами через ее посредство политику. Правду сказать, эта ответственность очень тяжка, и я не думаю, чтобы у кого-нибудь явилось желание ее разделить: взять на себя это тяжкое бремя еще можно по необходимости, но по доброй воле — никогда. Поэтому пускай бы себе продолжалась диктатура, если бы при ее сохранении важнейшая объективная задача времени — восстановление индустрии при участии частной инициативы, в форме “государственного капитализма”, была разрешена. Но ведь совершенно ясно, что без юридических гарантий, без правового порядка частная инициатива невозможна: рабов ленивых и лукавых, пиявок, которые без пользы дела будут сейчас все тот же казенный тощий кошелек высасывать, Вы может быть и найдете, но настоящие предприниматели не пойдут без юридических гарантий. Значит, нужен какой-то правовой порядок, исключающий нынешнюю, по крайней мере, диктатуру, хотя бы частично ее ограничивающий. И это тем более, что Коммунистическая партия, именно потому, что она коммунистическая, не может препятствовать свободной защите классовых интересов пролетариата рабочими профессиональными союзами, и будет естественно наравить и госаппарат на защиту интересов рабочего класса. При таких условиях предприниматели должны были бы стать просто овцами, добровольно отдающимися стрижке. На это они, конечно, не пойдут, и объективная задача времени останется не решенной.

Таким образом, как бы ни целесообразна была экономическая политика, — она нуждается в юридических дополнениях. Минимально необходимые из них — это **постепенное** введение выборов в советы тайным голосованием.

(...)Переизбранные таким образом советы, при условии свободной агитации социалистических партий, приобретут большой авторитет и санкционируют тот минимум правовых гарантий, которые одни только способны вызвать к жизни частную предпринимательскую инициативу под контролем государства (...) Без этой меры (...) катастрофа — самая ужасная, глубоко печальная и безусловно вредная — неизбежна. Это убеждение и заставило меня написать Вам эти строки. За них ответственен, конечно, только один я. Н.Рожков”.

Последняя фраза свидетельствует — Николай Александрович стремился обезопасить своих единомышленников от преследований большевиков и лично Ленина. А вождь был не только неумолим, но и мелочно придирчив, не прощал Рожкову его позиции, хотя вряд ли не мог в конце концов не догадываться о правоте историка. Вот отдельные выдержки из 10 тома Биографической хроники жизни и деятельности Ленина: 12 апреля 1921 г. “Ленин пишет письмо Ф.Э. Дзержинскому о меньшевике Н.А.Рожкове (письмо не разыскано)”. 23 апреля 1921 г. глава правительства участвует в заседании политбюро ЦК РКП(б), на котором рассматривался вопрос “об участии меньшевиков в кронштадтском мятеже”. На этом заседании обсуждался также протест меньшевиков по поводу отказа в их освобождении на время выборов в Московский Совет. Было решено рекомендовать Президиуму ВЦИК отклонить ходатайство меньшевиков, так как их лидеры Ф. Дан и Н. Рожков “виновны в соучастии в кронштадтском мятеже”.

Несмотря на принятые большевиками меры, более десяти меньшевиков одержали победу в своих округах и прошли в Моссовет. И это в условиях, когда почти все депутаты предыдущего состава и наиболее видные деятели московской организации социал-демократов продолжали находиться в заключении. Для Ленина это выглядело очередным проявлением буржуазного влияния на население. Впрочем, Ленин предусматривал коварный план дискредитации меньшевистских лидеров, избранных еще в конце февраля — начале марта 1920 года депутатами Моссовета, обратившись к его председателю Л. Каменеву с предложением: “По-моему, Вы должны “загонять” их **практическими** поручениями: Дан — санучастки, Мар-

тов — контроль за столовыми” (51; 150). Вождь дает указание ВЧК “доликвидировать” партию меньшевиков (как, впрочем, и эсеров). Свою ярость он вымещает на оказавшемся в его власти Рожкове, несмотря даже на то, что за того ходатайствовал Максим Горький.

Согласно Биохронике, “Ленин знакомится с протоколами допросов меньшевиков Петроградской губернской ЧК; делает надпись на конверте: “Показания Дана, Рожкова и К””. На допросе Рожков заявил, что, хотя и разделяет убеждения меньшевиков о неизбежной гибели Советской власти, но не желает, однако, принимать участия в политической борьбе и намерен выйти из меньшевистской партии. В связи с этим Петроградская губернская ЧК возбудила вопрос о его освобождении. Однако политбюро ЦК РКП(б) 31 мая 1921 г. под нажимом Ленина постановило не освобождать Рожкова. Вождь придерживался своего правила по отношению к тем, кто с ним хоть в чем-то не соглашался: “Таких людей надо прижимать к стене и, если не подчиняются, втаптывать в грязь” (48; 27-28).

К Ленину обращался профессор Петроградского педагогического института В.А.Десницкий с ходатайством об освобождении Рожкова из-под стражи. Письмо датировано 8 мая 1921 г. Всемогуший адресат оставил его без внимания. И только 24 июня, то есть по прошествии полутора месяцев, он пишет на конверте от письма записку: “Тов.Молотову с просьбой поставить в Политбюро 25/VI. 24/VI. Ленин”.

Именно по предложению Ленина в ноябре 1921 года специальное постановление политбюро ЦК РКП(б), посвященное борьбе с инакомыслящими, было дополнено тезисом: “Меньшевиков не освобождать; поручить ЧК усилить аресты среди меньшевиков...”

И вдруг выяснилось, что по постановлению президиума ВЧК Н.Рожков уже освобожден! Ибо ему ничего нельзя было инкриминировать — можно было лишь расстрелять как заложника. Ильич негодовал — несколько месяцев спустя он напомнил петроградскому лидеру Зиновьеву, что тот виноват “насчет меньшевиков” в “неосновательных поблажках”: “Например, решено было Рожкова не выпускать на свободу. Между тем он выпущен без всякого решения Политбюро. Думаю, что кроме вреда от такой политики ничего

не будет”. В этот же день, 31 января 1922 г., вождь пишет заместителю председателя ВЧК И. Уншлихту: “Дело теперь только в чисто **технических** мерах, ведущих к тому, чтобы наши суды **усилили** (и сделали более быстрой) репрессию против меньшевиков” (54; 149).

К этому времени вопрос действительно перешел для лидера большевиков в “чисто техническую” плоскость. Состоявшийся в конце 1921 года пленум ЦК решил судьбу лидеров эсеров и меньшевиков, которые длительное время без предъявления обвинений сидели в тюрьме. Правых эсеров, обвиненных в участии в вооруженной борьбе против большевиков, стали готовить к судебному процессу, что же касается меньшевиков, то значительную их часть без “излишних” юридических формальностей отправили в отдаленные районы страны, а наиболее авторитетных лидеров — за границу.

Преследуемый большевиками Рожков безуспешно пытался выехать за рубеж. Еще 22 ноября 1921 г. Уншлихт и начальник Секретного отдела ВЧК Самсонов докладывали Ленину: “Рожков освобожден, но Секретный отдел ВЧК около трех недель тому назад высказался против его выезда за границу, о чем Рожков подавал соответствующее заявление. Параллельно с этим лиц, имеющих за собой научные труды, профессорский или преподавательский опыт, как гр. Рожков, и желающих отдать этот опыт республике, по мнению Секретного отдела ВЧК, можно и следует допустить к педагогической деятельности с условием, что Наркомпрос при назначении таких лиц в определенную местность будет принимать во внимание соображения СОВЧК”. Секретный отдел ВЧК в те годы был более гуманен (если, конечно, это понятие можно применить к этой организации), чем глава правительства.

17 июля 1922 г. в письме из “секретного фонда” к Сталину (полный текст этого письма приведен выше) Ленин наставляет: “Н.А.Рожков (надо его выслать; неисправим)”. В контексте письма это означало — выслать за границу.

Сохранилась и недатированная записка Ленина к Зиновьеву:

“В Питере есть ЦК меньшевиков (видно из Соц[алистического] Ве[стника]”)... Рожков в Питере? Надо его выселить”.

18 сентября 1922 г., в дни массовой высылки видных представителей российской интеллигенции за границу, начальник Секретно-оперативного управления ГПУ Генрих Ягода докладывал Ленину, что Рожков “не разыскан”. Это напомнило тяжело болевшему вождю о давнем оппоненте. Ленин пишет записку библиотекарю: “22/IX-1922. Прошу достать мне книгу (была у меня) Н.Рожков “О революции X.1917” или “О характере и т.д.” (толстая книга 1918 года). Ленин”. Книга под названием “Октябрьский переворот” под редакцией и со вступительной статьей “Ход революции” Рожкова, которую Ленин ранее внимательно изучал, была ему доставлена. И Рожков вновь арестовывается чекистами — видимо, вследствие внутренней убежденности главы правительства, что историк “неисправим” и в большевики “не перековался”.

В середине октября 1922 года Ленин переписывается с Зиновьевым относительно находившегося в чекистских стенах Рожкова. Сохранилось препроводительное письмо из секретариата ЦК РКП(б) от 23 октября 1922 г. и материалы о Н.А.Рожкове для заседания политбюро 26 октября 1922 г. с пометкой Ленина “В архив”. На этом заседании под председательством Ленина принимается решение: “Рожкова выслать”.

Вопрос о Рожкове вновь рассматривался на заседании политбюро 16 ноября (Ленин присутствовал на нем и проследил лично, чтобы решение по Рожкову осталось в силе). Но 7 декабря на заседании политбюро принимается новое решение — высылку Рожкова отложить, напечатав в газете “Известия ВЦИК” его статью о деятельности меньшевиков и заявление о выходе из социал-демократической партии с комментариями редактора газеты Ю. Стеклова. Ленин негодовал, ибо он ушел с заседания политбюро в первой половине дня, и решение о Рожкове было принято в его отсутствие. На следующий день он направляет оправдывавшемуся Зиновьеву письмо: “**Ни капельки** не подозреваю Вас в пристрастии к Рожкову. **Ни капельки!** Но по сути дела очень боюсь: он соврет сколько угодно, **хотя бы и в печати**. Соврет, и мы будем обойдены. Вот чего я боюсь. У них лозунг: ври, уходи из партии, оставайся в России. Вот о чем надо подумать и поговорить” (54; 319-320).

В этот же день вождь диктует по телефону гневный протест генеральному секретарю ЦК партии: “Тов.Сталин! Я оспариваю законность принятого вчера решения о Рожкове, ибо, во-первых, это решение, вопреки обычаю и уставу, не было занесено в повестку до 12 часов дня; во-вторых, документы не были предварительно сообщены членам ЦК; в-третьих, никаких оснований в спешности после двукратного обсуждения этого вопроса не было, тем более я присутствовал на первой части заседания, и вопрос как раз пошел после того, когда мне пришлось удалиться. Поэтому я настаиваю на передаче вопроса в пленум, тем более что до пленума осталась только одна неделя” (54; 320).

По свидетельству секретаря Совнаркома Л.Фотиевой, именно крайнее недовольство решением политбюро, смягчившем участь Рожкова, объясняет, почему Ленин, “чтобы застраховать работу Политбюро от произвольных действий отдельных его членов”, то есть от проявлений “мягкотелости” и “либерализма”, в этот же день продиктовал из подмосковной усадьбы Горки предложение пленуму ЦК РКП(б), касающееся ужесточения регламента заседаний.

И вот последнее письмо Ленина по поводу Рожкова из “секретного” фонда, числившееся неразысканным и впервые опубликованное автором этой книги в январе 1992 года (“Н.А.Рожков. (Надо его выслать; неисправим)”, “Демократическая газета, №№ 3,4, январь 1992 г.).

“Тов. Сталину.

Письмо для пленума ЦК.

Для правильной оценки нашего разногласия в вопросе о Рожкове надо иметь в виду, что мы уже несколько раз ставили этот вопрос в Политбюро. Первый раз Троцкий высказался за отсрочку высылки Рожкова. Второй раз, когда под влиянием давления Мессинга Рожков дал новую формулировку своих взглядов, Троцкий высказался за высылку его, найдя, что эта формулировка не только никуда не годится, но явно доказывает неискренность взглядов Рожкова. Я вполне согласен с Зиновьевым, что Рожков человек твердых и прямых убеждений, но уступает нам в торге с Мессингом и дает какие угодно заявления против меньшевиков исключительно по тем же мотивам, по которым мы в свое время подписывали клятвенные

обещания верности царю при вступлении в государственную думу. Поэтому, если поручить Стеклову или кому другому использовать заявление Рожкова (напр., для “вызова” меньшевикам), то это, во-первых, не достигнет цели, во-вторых, осрамит нас, ибо меньшевики так прямо и ответят, что они всегда высказывались, подобно нам, за подпись любого клятвенного обещания под влиянием принуждения. От такой дуэли с ме[ньшеви]ками всецело потеряем мы.

Предлагаю:

первое — выслать Рожкова за границу;

второе — если это не пройдет (напр., по мотивам, что Рожков по старости заслуживает снисхождения), то тогда не следует никакому публичному обсуждению предавать заявлений Рожкова, полученных под принуждением. Тогда надо дождаться, когда Рожков, хотя бы через несколько лет, сделает искреннее заявление в нашу пользу. А до тех пор я предложил бы послать его, напр., в Псков, создав для него сносные условия жизни и обеспечив его материально и работой. Но держать его надо под строгим надзором, ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца.

13.XII.22 г. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2с, д.1344).

Письмо это было продиктовано вождем (после тяжелейших приступов в своей кремлевской квартире) Фотиевой, которая свидетельствовала: “Никто не думал, что 12 декабря 1922 года станет последним днем работы В.И.Ленина в его кабинете в Кремле.

13 декабря у Владимира Ильича было два приступа болезни... после ухода врачей, около 12 часов дня, Владимир Ильич вызвал меня на квартиру и продиктовал три письма, первое — “Сталину — “Для пленума ЦК”... В первом письме Владимир Ильич просил Пленум ЦК партии отменить решение Политбюро от 7 декабря относительно Рожкова. В связи с этим письмом вопрос о Рожкове вновь обсуждался на заседании Политбюро 14 декабря как часть общего вопроса о меньшевиках. На основании имеющихся материалов об активизации контрреволюционной деятельности меньшевиков Политбюро приняло решение об усилении борьбы с ними. Подтверждена была, в частности, необходимость высылки Рожкова из Москвы в Псков. Поэтому поставленный в письме во-

прос на рассмотрение пленума не выносился”. На пленум не выносился, но зато 4 раза рассматривался в политбюро по настоятельному требованию Ленина только в последние два месяца его работы в Кремле! По всей видимости, в условиях массового голода в стране этот вопрос побивал все остальные своей злободневностью.

Фотиева записала, что сразу после диктовки Лениным писем “в 12 ч. 30 м. пришел Сталин, ушел в 2 ч. 35 мин.” За два с лишним часа Ленин, конечно, наряду с другими вопросами имел возможность обсудить и детали высылки Н.Рожкова, виновного лишь в одном — инакомыслии. В дневнике дежурных секретарей Ленина зафиксировано, что вечером 14-го декабря он заявил, что будет диктовать “письмо к Зиновьеву по поводу Рожкова в Пскове”. Но до конкретных указаний по организации высылки из Петрограда опального ученого и по определению условий его содержания дело так и не дошло. Силы покидали “кремлевского мечтателя”, как его назвал Герберт Уэллс. Нет, он не был только мечтателем, подобно большинству своих предшественников-утопистов. В самых дерзких фантазиях о грядущем строе, когда пульсирующая мысль раздвигала горизонты, он, тем не менее, оставался практиком, способным поговорить и о колесном масле, и о продуктовой пайке. И сейчас, когда уходили последние силы, он цеплялся за жизнь. Казалось, этой жизнью был ненавистный социал-демократ Рожков, с которым ему надо было во что бы то ни стало расквитаться. Успеть расквитаться... Письмо Зиновьеву продиктовано так и не было — и, видимо, в эпистолярном наследии Ленина последних месяцев жизни места Рожкову больше не нашлось. А ведь с утра 14 декабря Ильич так радовался, что политбюро ЦК РКП(б) уступило его давлению, и больной старик будет изгнан из Петрограда в провинцию! Приходят на ум параллели с высылкой академика А.Д. Сахарова. “Настроение Владимира Ильича в этот день по внешности было хорошее, шутил, смеялся, — свидетельствовала Фотиева. — Остался очень доволен, узнав, что Политбюро изменило свое решение о Рожкове в соответствии с его предложением. Сказал, что это очень хорошая новость”.

В январе 1923 года Рожков был привезен в Псков, где ссылка его продолжалась более года.

Как известно, март 1923 года — конец политической деятельности вождя. И в этом же месяце политбюро ЦК РКП(б) принимает программу ликвидации меньшевизма в стране. В частности, все меньшевики изгонялись из государственных предприятий и учреждений, студенты-меньшевики изгонялись из высших учебных заведений. Не принимался в расчет выход меньшевиков из РСДРП, если он происходил после октября 1917 года. Были определены основные места ссылки: для взрослых меньшевиков — Нарымский край, для молодежи — Печорский край.

Только смерть Ленина позволила Рожкову переехать в Москву. Возвратиться из ссылки помог ученому, скорее всего, Зиновьев, к которому Николай Александрович обратился из Пскова с двумя письмами — в январе и 4 мая 1924 года. (Черновики этих писем из личного архива жены Рожкова хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки).

Начало первого письма имеет личностный характер: “Григорий Овсеевич, я пишу это письмо с единственной целью успокоить свою собственную совесть, вселить в нее сознание, что я сделал в меру своего разумения все для спасения дела революции и социализма в России. Имейте терпение ради этого дела и ради нашей прежней дружбы прочитать его до конца”. Далее Николай Александрович обосновывает пути выхода из хозяйственного кризиса, который он видит в покупке новейшего американского и западноевропейского оборудования, развитии машиностроения, причем необходимо сузить, по его мнению, поле государственной промышленности до тех пределов, в каких это техническое обновление для государства возможно. Остальные фабрики надо отдать в частные руки и гарантировать вкладчикам капитала, что “в случае экспроприации государством их предприятий, им и их наследникам будет обеспечена... рента”. Конечно, Зиновьев с его “леевой” позицией наступления на “нэпманов” и кулаков не мог воспринять подобных советов, ответа Рожков не получил. Во втором и последнем письме к влиятельному руководителю партии (в которой короткое время после смерти Ленина Зиновьев неформально считался первым лицом — вел заседания политбюро, выступал с основными докладами на пленумах и съез-

дах) Николай Александрович воздерживается от советов и просит лишь облегчить его участь. Тень покойного Ленина продолжает еще витать над ним. Приходится старому историку оправдываться: “Я не знаю, чем вызвана моя ссылка. Вероятнее всего, таким же недоразумением, какое явилось причиной Вашего мнения, что я’предпринял какое-то “выступление” в связи со смертью Ленина. Факт, послуживший основанием этому, был таков: редактор местной газеты “Псковский набат”, узнав о смерти Ленина, предложил мне дать 150 строк воспоминаний о нем. Я дал. Политики тут не было ни грана, а просто личные, очень доброжелательные воспоминания. Но местная партийная организация почему-то сочла неудобным мои с моей подписью воспоминания, предлагала подписать “Вячеслав”; ни я, ни редактор на это не пошли, и воспоминания не появились в газете; подлинную рукопись я отослал в ленинградское ГПУ по просьбе оттуда. Какая же это попытка выступления? Думаю, что и ссылка моя вызвана неверным осведомлением о моих действиях, (подобных же) этому недоразумению с моим мнимым “выступлением”. Наверное знаю, что они вызвали насмешки по моему и Вашему адресу со стороны наших общих врагов”.

Можно предположить, что под “общими врагами” подразумевались здесь те лица из ленинского окружения, которые потакали вождю в безжалостном преследовании Рожкова. Тяжело читать заключительные строки письма морально надломленного ученого: “Скоро будет 1 1/2 года, как я нахожусь в коммунистической ссылке. Я кончаю свой большой труд по русской истории, пишу XI том и в этом году напишу последний, XII-й. Сделать это я мог только потому, что, живя в Петербурге, собрал в библиотеках огромный материал. Без этого в Пскове я ничего не мог бы сделать. Но этот труд кончается. Я жажду продолжения научной работы, которая теперь является единственным моим занятием, дающим возможность жить и материально, и духовно. Я прошу дать мне возможность работать в архивах и библиотеках Ленинграда и Москвы по истории русского капитализма и революционного движения. Я, конечно, желал бы не одной кабинетной работы, хотел бы читать лекции по предметам своих специальных занятий. Но если это считается опасным, я готов от

этого отказаться. Нелегко меня подозревать в чем-либо: жизнь моя проходит под стеклянным колпаком, и в ней нет и не может быть ничего подозрительного”.

Николай Александрович прожил всего три года после смерти своего гонителя. Вернувшись из псковской ссылки в Москву, он преподавал в МГУ и в институте Красной профессуры, весной 1926 года был назначен директором Исторического музея. В эти годы старый профессор пишет учебники, журнальные статьи, завершает монументальную “Историю России в сравнительно-историческом освещении” в 12 томах. После скоропостижной кончины Рожкова в феврале 1927 года в некрологах, появившихся в официальных газетах “Правда” и “Известия”, была дана высокая оценка его служения Отечеству. Какому? Видимо, все-таки социалистическому, хотя эти два понятия трудно сочетаются в данном контексте. Прошли посвященные его деятельности научные конференции, увидели свет посвященные ему монументальные “Ученые записки”...

Как известно, Уильям Черчилль еще в 20-е годы написал очерк о Ленине, который вошел в четвертый том его мемуаров, объединенных общим заглавием “Мировой кризис”. В этом очерке отдавалось должное уму Ленина, его интеллекту. В то же время Черчилль считал, что для Ленина было «“величественной абстракцией” перечеркнуть жизнь целого миллиона людей, объявить вне закона целые классы, разжечь пламя гражданской войны», “разрушить благополучие целых наций”. Но при этом, считал Черчилль, “мстительность Ленина не носила личного характера. Стоя перед необходимостью казнить кого-либо в отдельности, он испытывал сожаление и даже отчаяние”. Последнее утверждение Черчилля не соответствовало действительности. Отношение Ленина к своему многолетнему оппоненту в теоретических дискуссиях Н.Рожкову — характерный тому пример.

Вспомним, что в рассказе “Враги” известный советский писатель Эммануил Казакевич заинтересовал читателей историей, как Ленин, обманув “железного Феликса”, помог другу юности, а впоследствии признанному лидеру меньшевизма Ю.Мартову эмигрировать в начале 20-х годов за границу. Но эта легенда опровергается протоколом заседания пленума ЦК РКП(б) от 16 июля

1920 г. Пункт 10 повестки дня гласит: “удовлетворить ходатайство ЦК РСДРП и разрешить выехать за границу Мартову и Абрамовичу”.

Примером такой черты характера Ленина, как мелочная мстительность по отношению к своему оппоненту, может служить преследование всемогущим главой правительства историка Рожкова. Возникает естественный вопрос: почему даже “твердокаменные” большевики оказывали сопротивление гонениям вождя на Рожкова, проявляли к последнему чуть ли не симпатии? Вся жизнь Рожкова, человека высокой морали, его достойная научная и политическая деятельность вызывали уважение. Окончив в 1890 году историко-филологический факультет Московского университета, он десять лет спустя защитил магистерскую диссертацию “Сельское хозяйство Московской Руси в 16 веке”. Через всю жизнь пронес Рожков интерес к аграрным проблемам, написал по ним много работ — и недаром Ленин специально посвятил их критике в 1911-1913 годы три отдельных статьи: “Манифест либеральной рабочей партии”, “Из лагеря столыпинской “рабочей” партии” и “Аграрный вопрос и современное положение России”.

В первой из них Ленин признавал, что “тяжело марксистам терять в лице” Н.Рожкова “человека, послужившего рабочей партии в годы подъема с преданностью и энергией”.

В большевистскую партию, будучи известным историком, тот вступил весной 1905 года, и его роль в революционных событиях была столь значительна, что 2 года спустя на V партийном съезде в Лондоне его избирают членом ЦК.

Позиция Н.Рожкова по аграрному вопросу была близка к кадетской, он был сторонником ликвидации помещичьего землевладения и развития сельского хозяйства в российских условиях по капиталистическому пути. Еще на IV (Объединительном) съезде РСДРП весной 1906 года его сторонники в рядах большевиков были определены Лениным как “рожковисты”. К этому времени Н.Рожков подготовил ставшую вскоре широко известной книгу “Происхождение самодержавия в России”. Интересны его исследования по проблеме “соотношения истории, морали и политики”.

В конце 1907 года революция шла на спад — и Ленин писал из Финляндии сестре: “Здесь мы живем с компанией

хороших друзей. Есть книги, работа. Гуляем по берегу моря”. В числе этих “хороших друзей” находились его будущие оппоненты — Н.А.Рожков и А.А.Богданов. Судя по воспоминаниям старых большевиков, Николай Рожков уже тогда неизменно оппонировал лидеру партии. “Его первые споры с Лениным относятся еще к 1907 году, — вспоминал известный историк М. Покровский. — Они при мне происходили, и я их хорошо помню. Уже тогда Николай Александрович начал разочаровываться в лозунгах вооруженного восстания и в других, как потом говорили, “неурезанных лозунгах”.

В свою очередь, лишь сегодня стали известны написанные в 1914 году воспоминания одного из самых самобытных русских философов-мыслителей А.А.Богданова, которого Ленин яростно “отлучал” от марксизма и большевизма. Вот оценка Богдановым философских позиций Ленина, который в воспоминаниях фигурирует как В. Ильин (один из распространенных до революции псевдонимов вождя): “По своим знаниям, В. Ильин почти всецело специалист: они сосредоточены в сфере политической экономики капитализма и его политики. Такой кругозор узок и недостаточен не только для решения широких задач теории, но и для решения тех практических вопросов, которые особенно трудны по своей новизне и по сложности условий. В обоих случаях Ильин оказывается не самостоятельным, исследующим мыслителем, а человеком грубых шаблонов.

Мы уже видели немало тому примеров в теоретических попытках В. Ильина. Одни и те же этикетки он наклеивает на самые различные вещи: Беркли, Юм, Мах для него одно и то же; Маркс и Плеханов столь же неразличимы; коллективная организация опыта сливается с буржуазным индивидуализмом и т.д. Если бы он был аптекарем, то перетравил бы массу народу: самого поверхностного сходства ему было бы достаточно, чтобы считать за одно разные медикаменты: сладкий белый сахар и сладкий белый мышьяк — стоит ли обращать внимание на какую-то разницу в составе?”

“Я не могу согласиться с Лениным в одном, — утверждал Рожков. — Ленин думает, что в Западной Европе уже созрели условия для социалистической революции на Западе. Я с этим согласиться решительно не могу”. В эти же месяцы

Рожков, по свидетельству Я. Берзина, “отрицал необходимость особой марксистской философии и теории познания, а Владимир Ильич горячо возражал ему, с возмущением говорил ему о “махизме” Богданова, не жалея при этом крепких слов, вроде “брехня”, “галиматья” и т.п.”

Важно отметить, что после поражения первой русской революции Ленин стремился поддерживать контакты с Рожковым. В конце 1909 года он с сожалением писал И. Скворцову-Степанову из Парижа в Петербург, что не удастся связаться с ним и Рожковым: “Годы действительно адски-трудные, и возможность сношений со старыми друзьями вдесятеро ценнее поэтому” (47; 223). Но Н. Рожков, который арестовывался и в годы революции, а затем находился на нелегальном положении, весной 1908 года был вновь арестован и после 25-месячного заключения приговорен к вечной ссылке в Сибирь на поселение. В Сибири он пробыл до февральских событий 1917 года, руководил там рядом газет и журналов, не прекращал и научной деятельности.

Из Сибири Рожков переписывается с М. Горьким, в письме к которому выражает убежденность, что “старые способы и приемы отошли в прошлое” и “наступило время борьбы за легальную открытую деятельность по европейскому образцу”. Позиция и М. Горького, и Н. Рожкова в предвоенный период вызывала крайнее недовольство Ленина.

По воспоминаниям В. Валентинова, Горький рассказал ему о письме, которое направил вождю в декабре 1913 года: “Что я написал Ленину? Написал, что он очень интересный человек, ума-палата, воля железная, но те, которые не желают жить в обстановке вечной склоки, должны отойти от него подальше. Создателем постоянной склоки везде является сам Ленин. Это же происходит оттого, что он изуверски нетерпим и убежден, что все на ложном пути, кроме него самого. Все, что не по Ленину, — подлежит проклятию. Я написал: Владимир Ильич, Ваш духовный отец — протопоп XVII века Аввакум, веривший, что Дух Святой глаголет его устами, и ставивший свой авторитет выше постановлений Вселенских Соборов”.

Еще в начале 1911 года Ленин планировал ввести Рожкова во все центральные большевистские органы руководства, но тот выдвинул девиз: “Новая буржуазная Россия, несо-

мненно, крепнет и идет вперед” и “возможность бурь и потрясений, разумеется, не исключена, но она не переходит в необходимость, неизбежность, как то было до революции”. Отойдя от большевизма, уверовав в полезность столыпинских реформ, Рожков, несмотря на преследование администрации, тем не менее по отношению к войне занял резко отрицательную позицию.

К концу марта 1917 года Рожков переехал в Москву, где участвовал в создании организации “социал-демократических объединенцев”, с согласия которой в середине мая принял назначение на пост товарища министра почт и телеграфов Временного правительства. После июльских дней он ушел из министерства. Летом 1917 года Рожков вступил в меньшевистскую партию, желая, по его словам, дать перевес в ней левому, мартовскому крылу. На так называемом “Объединительном” съезде (август 1917 года) он был избран в ЦК партии. Октябрьский переворот Рожков встретил отрицательно — и его многочисленные статьи в “Новой жизни” в 1917-1918 годы перекликаются по своим позициям с печатавшимися там же “несвоевременными мыслями” Максима Горького: “большевизм — та же аристократия, то же самодержавие по существу своему: при нем рабство, как и прежде, не существует контроля общества”. Советская власть — “диктатура, отрицание самостоятельности и демократизма, переход к цезаризму”, “подготовка к бонапартизму”. Комбеды — “босяцкий пролетариат”, и “неужели не ясно, что крови прольются реки, а дело “коммунизма” не подвинется вперед ни на йоту, потому что беднейшие, победив зажиточных, сами станут зажиточными, а зажиточные превратятся в беднейших... нельзя же в самом деле верить в наивную иллюзию “всеобщего поравнения”.

В политической жизни в советский период Рожков активного участия не принимал. Единственный раз выступил от меньшевиков осенью 1920 года на выборах в Петроградский совет. И главное его несчастье заключалось в том, что стал он объектом ненависти вождя мирового пролетариата, хотя Ленин в былые годы и причислял его не раз к своим друзьям.

Глава 14

ЛЕНИН: “ТО ЖЕ — БАБЫ? С КЕМ ЕЩЕ ПИЛИ И ГУЛЯЛИ?”

В вышедшей в свет в 1993 году книжке А.М.Иванова “Логика кошмара” указывалось: “Г.К.Орджоникидзе среди коммунистических правителей нашей страны был отнюдь не из худших, так что непонятно, зачем вдруг вздумала задним числом опубликовать набор сплетен о нем “Российская газета” (3 июля 1992 г., статья А.Латышева “Позднее прозрение”).” Мой оппонент, труд которого отличается одной особенностью — уточнением “пятого пункта” почти по каждому упоминаемому им лицу (еврей тот или не еврей) — видимо, плохо представляет себе, что в архивах имеются документы, касающиеся и “отнюдь не худших” коммунистических вождей. А статья моя целиком и полностью базировалась на архивных документах из ленинских фондов, в том числе “секретного”.

Думаю, что подобные документы, которыми приоткрывается завеса, скрывавшая до наших дней сложные, неоднозначные отношения Ленина со своими соратниками, товарищами по партии, представляют немалый интерес. Проанализируем несколько документов из этого фонда за 1920 год, относящихся к человеку, которому вождь в течение полутора десятилетий доверял больше, чем кому бы то ни было из своего окружения. Речь идет о Григории Константиновиче Орджоникидзе — “товарище Серго”. Согласен, что он был далеко не худшим представителем так называемой “ленинской гвардии”. В отличие от Сталина, чьи злопамят-

ность, мстительность, иезуитское коварство и неутоляемое властолюбие составляли основу его темной души, Серго отличали известная простота и непосредственность в общении с людьми. Он был горяч, несдержан, постоянно срывался на крик, в горячке полемики мог подкрепить свои доводы пощечиной.

Троцкий дал ему такую характеристику: “Агентом Сталина на Кавказе был Орджоникидзе — горячий и нетерпеливый победитель Грузии, воспринимавший каждое сопротивление, как личное оскорбление”. В то же время выходец из дворянской семьи Орджоникидзе выделялся проявлениями кавказского рыцарства, широтой натуры, прямоотой, личным мужеством. Учился в фельдшерской школе, знаниями не блистал, но отличался неиссякаемой энергией и упорством в достижении поставленной цели.

Получив первый революционный опыт в Закавказье и Иране, Орджоникидзе был единственным учеником ленинской школы партийных руководителей в Лонжюмо под Парижем, который после октябрьского переворота оказался в высших эшелонах власти. Именно ему, Орджоникидзе, был обязан Ленин успешным созывом VI (Пражской) конференции в 1912 году, оформившей окончательный “развод” большевиков с реформистским крылом партии. Накануне конференции по поручению Ленина Орджоникидзе ездил в Россию, где лично подбирал делегатов. На самой конференции была воссоздана большевистская партия (до этого РСДРП являлась объединенной партией большевиков и меньшевиков), а Орджоникидзе был избран в состав ее Центрального Комитета из семи человек. Более того, он возглавил Русское бюро ЦК. Неудивительно, что когда Ленин летом 1917 года ушел в последнее подполье, то именно Орджоникидзе наладил его связь с Петроградом. И именно Орджоникидзе выступал на VI съезде РСДРП(б) с докладом относительно явки Ленина на суд. Активно участвовал он и в октябрьском перевороте. А в декабре 1917 года решением Совнаркома Российской Федерации Серго назначается временным чрезвычайным комиссаром района Украины. В связи с оккупацией немецко-австрийскими войсками украинских земель Орджоникидзе возглавляет Временный чрезвычайный комиссариат Южного района, которому представляется право

контроля над деятельностью всех советских учреждений Донской, Кубанской, Терской, Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, Крыма, а также Черноморского флота. Участвовал он и в обороне Царицына под руководством Сталина, с которым сблизился еще в годы первой русской революции.

Весь 1919 год Орджоникидзе провел на фронтах — Южном, Западном, затем опять Южном. 5 октября 1919 г. он назначается членом Реввоенсовета 14-й армии.

Впервые опубликованный мной документ из “секретного” фонда — рукописное письмо Ленина на бланке Совета рабочей и крестьянской обороны:

“5.1.20 г. Секретно. Тов. Орджоникидзе.

Т. Серго. Получил сообщение, что Вы + командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю. Формальная бумага. Скандал и позор! А я то Вас направо-налево всем нахваливал!! И Троцкому доложено...

Ответьте тотчас!

1) Кто Вам дал вино?

2) Давно ли в РВС 14 у Вас пьянство?

3) То же — бабы? С кем еще пили и гуляли?

4) Можете по совести обещать прекратить или (если не можете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем.

5) Командарм 14 — пьяница? Неисправим?

Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет! Ваш Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.231с.)

Командармом 14-й армии в тот период был И.П.Уборевич. В своих воспоминаниях об Орджоникидзе он писал: “Я с большой сердечной теплотой вспоминаю о совместной работе с товарищем Серго в 14-й армии... В редкие часы отдыха, когда можно было хоть немного отвлечься от сводок, телеграмм и событий на фронте, мы слушали рассказы Серго о Владимире Ильиче Ленине, которого он очень любил, о Пражской конференции и о революционной борьбе кавказских народов. В этих беседах, которые я никогда не забуду, он учил нас, молодых тогда членов партии, основам большевизма, закалял нас для борьбы с врагами”. О вине и бабах “в редкие часы отдыха” командарм, естественно, не писал.

Письмо интересно не только необычным для вождя лексиконом, но и подоплекой стоявших за ним событий. Факты свидетельствуют, что в тот период борьба между двумя группировками в руководстве Красной Армии достигла крайней остроты. С одной стороны — Троцкий, Сокольников, с другой — Сталин, Орджоникидзе.

К Ленину поступали в те годы сигналы о пьянках не только Орджоникидзе, но и Сталина. В своих мемуарах Н.С.Хрущев свидетельствовал: “Сталин рассказывал, что Ленин вызвал его в Москву (из Царицына — *А.Л.*), он приехал и докладывал о положении вещей. Потом Ленин ему говорит: “Батенька, я получил сведения, что Вы там пьянствуете: сами пьете и других спаиваете. Нельзя это делать!” Сталин и не отрицал, что он там пил. В чем же дело? “Вот видите, кто-то ему наговорил. Это спецы наговорили, а он мне нотацию читал”, — высказывался Сталин с явным неудовольствием”.

Всех “спецов”, то есть военных специалистов из состава царского офицерского корпуса, Сталин рассматривал как сторонников Троцкого. Причину снисходительности Ленина к пьянкам Сталина (а, следовательно, и Орджоникидзе) объяснял сам Троцкий. В 1919 году Лев Давидович пожаловался вождю, что Сталин пьет вино из царских подвалов в Кремле. Сталин был вызван по поводу этого обвинения на очную ставку с Троцким, который утверждал: “Если на фронт дойдет слух, что в Кремле идет пьянство, это произведет дурное впечатление”. Несмотря на то, что продажа алкогольных напитков в то время в России была запрещена, Сталин запротестовал, утверждая, что кавказцы не могут обойтись без вина. “Вот видите, — сказал Ленин, — грузины не могут жить без вина”. На этом дискуссия окончилась. “Я капитулировал без борьбы”, — вспоминал Троцкий.

А Орджоникидзе 15 октября 1919 г. (ровно через 10 дней после своего вступления в должность члена РВС 14-й армии) сообщил Ленину о беспорядках в армиях Южного фронта, обвиняя Троцкого и Сокольникова:

“Я теперь назначен в Реввоенсовет XIV армии. Тем не менее решил поделиться с Вами теми в высшей степени важными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомыслен-

ное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта — это балаган. Сталин только приступает к наведению порядка. Среди частей создали настроение, что дело советской власти проиграно, все равно ничего не сделаешь. В XIV армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает на фронт под своим надзором для восстановления положения. В VIII армии дела не лучше. Вообще то, что здесь слышишь и видишь — нечто анекдотическое... Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия т.Троцкого?! Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо. И наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию, и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо дать поиграть с целой армией”.

Отметим, что Г.Сокольников командовал 8 армией с октября 1919 года до ее расформирования в марте 1920 года.

На этом письме С.Орджоникидзе имеется надпись Ленина: “По отзывам и Уншлихта и Сталина, Серго надежнейший военный работник. Что он вернейший и дельнейший революционер, я знаю его сам больше 10 лет” (51; 59).

А датой 11 ноября 1919 г. (когда не прошло еще и месяца пребывания Орджоникидзе на новом посту) Биохраника жизни и деятельности Ленина зафиксировала следующий факт: “Ленин читает телеграмму члена Реввоенсовета 14 армии Южного фронта Г.К.Орджоникидзе с сообщением о разгроме дмитриевской группировки войск Деникина, взятии г.Дмитриева-Льговского и слободы Михайловки (Курская губ.) и о захвате пленных и трофеев...” Именно 14-я армия вынудила войска Деникина отойти от Орла, и Ленин видел в этом немалую заслугу Орджоникидзе.

Тем не менее Серго 26 января 1920 г. был смещен со своего поста. Одновременно освободили от должности и Уборевича, который в конце февраля 1920 года отправился на Северный Кавказ, где командовал 9-й армией. Нет свидетельств, какими соображениями руководствовались власти страны, совершая эту рокировку, но по прошест-

вии двух месяцев Уборевич возвратился на прежнее место службы.

Орджоникидзе, тем временем, быстро пошел в гору. С февраля 1920 по май 1921 года он входит в состав Реввоенсовета Кавказского фронта. В этот же период становится председателем Северо-Кавказского ревкома и Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе, или, выражаясь более доступным языком, полновластным диктатором этого богатого региона. Под его руководством большевистская диктатура распространяется на все Закавказье.

Но и дальнейший путь Серго к вершинам власти не был усыпан розами. Горячий Серго нередко закусывал удила — и вождю из опасения новых политических обострений приходилось вновь и вновь сдерживать его. Так, 3 мая 1920 г. Лениным была получена телеграмма из Баку от Г. Орджоникидзе с сообщением о том, что не позднее 15 мая Красная Армия надеется войти в Тифлис — столицу самоопределившейся Грузии с меньшевистским правительством. 4 мая Ленин получил вторую телеграмму Серго о возможном занятии Тифлиса не позже 12 мая. В тот же день состоялось заседание политбюро ЦК РКП(б), которое, обсудив телеграммы Орджоникидзе, постановило немедленно послать ему телеграмму с запрещением “самоопределять Грузию. Продолжать переговоры с грузинским правительством” (51; 424). В направленной на имя Орджоникидзе телеграмме за подписью Ленина и Сталина указывалось: “ЦК обязывает Вас отвести части из пределов Грузии к границе и воздержаться от наступления на Грузию” (51; 191).

В Москве считали, что вводить части Красной Армии на грузинскую территорию еще преждевременно. Д. Волкогонов впервые опубликовал ответ вождя 18 ноября 1920 года на телеграмму Сталина о “необходимости оккупации Грузии”: “... надо очень осторожно обдумать, стоит ли воевать с Грузией, потом ее кормить...” В мае 1920 года Советская Россия заключила с Грузией мирный договор. Проходит почти год — и, наконец, 14 февраля 1921 г. Ленин дал довольно циничную установку на “советизацию” Грузии: “Цека склонно разрешить 11-й армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11 после

Это — единственный известный на сегодняшний день снимок, на котором Ленин и Арманд сфотографированы вместе (в Стокгольме, по пути из Швеции в Россию).

Вождь идет впереди группы с зонтиком, рядом с ним шведский социал-демократ Туре Нерман. Во втором ряду в широкополой шляпке Крупская, которая беседует с бургомистром Стокгольма Карлом Линдхагеном.

В следующем ряду на переднем плане — Инесса Арманд. Сзади с сыном за руку — Григорий Зиновьев. После октябрьского переворота, эту группу, ее политические оппоненты назовут «чумными бациллами большевизма», заброшенными на российскую землю.

Редкая фотография — Ленин и Сталин в Горках в августе или сентябре 1922 г. Именно в эти дни вожди решали — кого конкретно из выдающихся представителей российской интеллигенции сослать в провинцию, кого выслать за границу, а кого и расстрелять.

Обычная фотография. Ленин в кругу своих соратников в президиуме IX съезда РКП(б) в Свердловском зале кремля в конце марта или начале апреля 1920г.

Сидят (слева направо): А. Енукидзе (расстрелян в 1937 г.), М. Калинин (бутафорская фигура, подписывал указы о расстрелах 12-летних детей, малодушно снес заточение в лагерь жены; Н. Бухарин (расстрелян в 1938 г.), М. Томский (застрелился в 1938 г.), М. Лашевич (застрелился в 1928 г.), Л. Каменев (расстрелян в 1936 г.), Е. Преображенский (расстрелян в 1937 г.), Л. Серебряков (расстрелян в 1937 г.), В. Ленин. На переднем плане — А. Рыков (расстрелян в 1938 г.).

Стоят (справо налево — И. Смилга (расстрелян в 1938 г.), В. Милютин (расстрелян в 1938 г.), Н. Крестинский (расстрелян в 1938 г.). Четвертому — В. Мещерякову — КПК ВКП(б) в мае 1936 года объявила строгий выговор за антипартийное выступление.

Ленин беседует с Н. Бухариным и Г. Зиновьевым в перерыве между заседаниями II конгресса Коминтерна в Кремле летом 1920 года. «Левый» Зиновьев спустя 15 лет будет валяться в ногах у Сталина, умоляя сохрoанить ему жизнь — но и он сам, и все его родственники были безжалостно уничтожены в 30-годы. «Правый» Бухарин слал из тюрьмы покаянные письма «вождю всех народов». И хотя сам был расстрелян, некоторым его родственникам удалось выжить в тюрьмах и ссылке.

22 марта 1921 года. Участники подавления восстания в Кронштадте. Рядом с Лениным — Л. Троцкий, на голову которого летом 1940 года сталинский агент обрушит ледоруб. За спиной вождя — К. Ворошилов, один из самых бесталанных военачальников, на совести которого тысячи расстрелянных красных командиров в 30-е годы.

Л. Каменев, посетивший Ленина в Горках в сентябре 1922 г., был, на мой взгляд, наименее свирепым членом политбюро ЦК РКП(б). После ареста оговаривал соратников перед сталинскими палачами в надежде спасти своих детей, но пощады ни себе, ни своим близким не дождался и был расстрелян в 1936 году.

Рядом с Лениным — Г. Пятаков. Снимок сделан в Горках 24 сентября 1922 г. Пятаков — один из шести высших большевистских руководителей, которым вождь дал характеристику в своем «Завещании». Пятаков, по мнению Ленина, «человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей», совместно с Бухариным они представляли «самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)».

А вот что сообщал «железный нарком» Н. Ежов Сталину 11 августа 1936 г. относительно Пятакова незадолго до ареста потерявшего остатки человеческого достоинства: «Пятакова вызывал... Просит предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации. В частности, от себя вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати. Несмотря на то, что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом ЦК».

Фрагмент снимка, сделанного после заседания Совнаркома РСФСР 3 октября 1922 г. А. Рыков был непосредственным преемником Ленина на посту главы советского правительства в 1924—1929 гг. И хотя его руки, как и у всех остальных представителей “ленинской гвардии”, в крови невинных жертв — с его именем связано определенное смягчение большевистского террора в 20-е годы. Расстрелян в 1938 г.

серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех” (52; 71). С “международными нормами” большевики не считались, главное — “успех”, который и был достигнут вводом Красной Армии в Грузию. И на следующий день вождь по тому же адресу дал более конкретное указание — под видом защиты повстанцев в нейтральной зоне (не входившей в состав Грузии): “...мы ожидаем от РВС 11 энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед взятием Тифлиса...” (52; 71). К этому времени удалось блокировать грузинскую территорию. Так осуществились намерения горячего Серго.

Еще 15 апреля 1920 г. Ленин телеграфировал Орджоникидзе: “Уполномочиваю Вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь. Выдайте им в счет этого до 200 миллионов... По вопросу о земельных отношениях можете действовать самостоятельно, сообщая, однако, о предпринимаемых Вами мероприятиях в этой области” (51; 178). А в конце июня 1920 года Ленин направляет во Владикавказ тревожную телеграмму, текст которой до моей статьи “Позднее прозрение” не публиковался: *“Немедленно приостановите впредь до получения указаний Центра приведение в исполнение Ваших постановлений о принудительном расселении казаков станиц Тарской, Сунженской, Воронцово-Дашковской, также принудительном отчуждении пахотных земель у казаков для надления ею горских племен тчк Телеграфируйте Наркомзему мотивав побудивших Вас принять указанные постановления тчк Исполнение телеграфируйте”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д. 14490). Вождь, видимо, опасался новых антисоветских выступлений казачества.

Впрочем, ориентация Орджоникидзе на форсированное “расказачивание” осталась неизменной — о чем свидетельствуют его выступления в последующие месяцы. Например, в речи на заседании Съезда народов Терской области 17 ноября 1920 г. Серго подчеркивал: “Советская власть знала, что наша партия не выполнит здесь своей миссии, если она не даст горцам самоуправления и не возвратит им их земли. Здесь, на Северном Кавказе, придется это сделать при самых трудных условиях. Самодержавие еще 60 лет назад, чтобы закрепить свою власть, применяло всевозможные прие-

мы, выселяя горцев и заселяя их земли казаками. Мы знали, что придется ломать устои, предубеждения, сохранившиеся здесь многие десятки лет”.

А беседу с сотрудником Грузкавроста в Тифлисе 9 марта 1921 г. Орджоникидзе заканчивает такой “идиллической” картиной: “Казачество также сохраняет спокойствие. Одни убедились в бесполезности и вредности для самих себя сопротивления Советской власти, среди других идет сильнейшее классовое расслоение. Выселение пяти станиц Сунженской линии произвело на казаков ошеломляющее впечатление. Выселение было произведено в полном порядке под охраной Красной Армии. Это убедило казаков в непоколебимой силе советской власти, а с другой стороны, разрешило земельный вопрос для горцев”. Думаю, что эти документы, как и нижеследующие, неожиданно становятся актуальными в связи с событиями на Северном Кавказе в наше время.

Темпераментный Орджоникидзе постоянно обижался, если его работу контролировали. Например, 3 июня 1920 г. Ленин телеграфировал Серго: “Получил Ваше обиженное письмо. Вы рассматриваете напрасно обязательный для меня запрос как недоверие. Надеюсь, что Вы еще и до личного свидания бросите неуместный тон обиды” (51; 206). 29 июня 1920 г. Ленин пишет Орджоникидзе по поводу разделения власти в Баку: “Еще раз прошу не нервничать, а потерпеть немного” (51; 226). Просто ли совпадение — но ровно через год, день в день 29 июня 1921 г. Ленин направит Орджоникидзе очередную телеграмму: “Пока скажу: не нервничайте, потерпите, оставайтесь. Ведите архиосторожную политику” (53; 5). Подобных примеров немало.

И еще блок впервые мною опубликованных документов (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1320). Ленинская записка: “Думаю, что Серго (Орджоникидзе) врать не способен и что Серафимовичу придется назвать себя и идти на суд”. А также надпись вождя на конверте с грифом “Председатель Совета Народных Комиссаров”: “Письмо Серафимовича вернуть М.И. (выписки выбрать для Сталина)”. Эти записки вождя на имя его младшей сестры Марии Ильиничны Ульяновой сделаны не ранее 29 июля 1920 г. Рукописное письмо известного писателя А.С.Серафимовича, впоследствии автора романа “Же-

лезный поток”, из Ростова-на-Дону М.И.Ульяновой от 29 июля 1920 г. мною опубликовано не полностью.

Первую треть своего объемистого письма Серафимович посвятил трагической гибели сына — политкомиссара бригады, который умер от тифа вследствие полного отсутствия в армии лекарств и какого-либо ухода за больными (отметим, что еще 21 мая 1920 г. Ленин выразил Серафимовичу соболезнование по поводу гибели сына и свою глубокую симпатию). Основная же часть письма Серафимовича относится непосредственно к Орджоникидзе.

Вождь незамедлительно отослал Орджоникидзе машинописный текст касающейся его части письма Серафимовича, утаив, однако, фамилию автора. В сопроводительной записке говорилось: “т.Серго! Посылаю Вам доставленные мне сообщения. Верните их, пожалуйста, с Вашими пометками насчет фактов: что правда, что неправда. Горячитесь Вы, верно, здорово при случае? Надо бы Вам взять помощников, пожалуй, и направлять работу посистематичнее. Надеюсь, не обидитесь на мои замечания и ответите откровенно, что и как выправить и исправить думаете. Привет! Ваш Ленин” (51; 269).

На хранящихся в архиве вырезках из письма Серафимовича — пометки Орджоникидзе:

“Впечатлений масса. Часть Вам посылаю в “Правду”, а что нельзя, так расскажу. Кавказ — это осиное гнездо, и полон всяческих неожиданностей. Национализм самый дикий, необузданный. И национализм не только внизу среди масс, но и вверху среди советских и партийных работников. И вот это очень опасно.

Во главе советской власти на Кавказе стоит Орджоникидзе. Большевик, марксист, человек до мозга костей преданный революции, кипучей энергии. (На полях пометка рукой Орджоникидзе: “Дикости вообще сколько угодно на Кавказе. Серго”.)

Есть люди беззаветной храбрости, которые во главе роты чудеса делают. Во главе полка великолепны, бросаясь в штыковой атаке впереди всех. Во главе дивизии — так себе, ибо начальнику дивизии не столько надо бешено нестись впереди всех, сколько сидеть в штабе, держать все нити боя в своей руке и распорядиться. Во главе корпуса такие люди вредные.

Во главе армии они хуже самого злейшего врага. Таков Орд-жоникидзе.

Здесь, в этом кипучем котле, именуемом Кавказом, нужна железная рука, горячее сердце, холодная, как лед, голова и большой такт. (На полях — “Попросите у автора кандидата. Серго”.) У Орджоникидзе — железная рука, пылкое сердце и такая же буйная, не умеющая собрать концы голова и полное отсутствие такта. Весь он буйно разменялся на мелочи, а клокочущая река жизни народов Кавказа идет мимо него, мимо советской власти. Он гоняется за торговками, самолично их арестовывает, сажает в автомобиль и отвозит в тюрьму. Он избивает в Пятигорске за какую-то провинность красноармейца, сажает в автомобиль, отвозит под арест. При мне во Владикавказе едет он по Военно-Грузинской дороге. Там наши заставы, которые решительно у всех должны спрашивать документы. Спросили у Ордж[оникидзе]. Он пришел в бешенство: “Как! Меня не знаете!” Вырвал у красноармейца винтовку и в кровь избил красноармейца.

Комиссар части, где служит избитый, с дрожью говорил:

— Как же я теперь буду смотреть в глаза красноармейцам? Как же я теперь буду проповедовать им насчет новой власти, если каждый из них бросит мне: бьют-то нам зубы по старому режиму. Хотели подать рапорт, но все боятся, расстреляют.

Был я на Ингушском народном съезде. Ждали там Орд-жон[икидзе]. Приехал, наконец, вышел и сказал:

— Много у меня на душе, о многом хотел поговорить с вами, но среди вас оказался выбранным один мерзавец, поэтому снимаю вам шапочку — прощайте!

Повернулся, сел в автомобиль, сделал знак. Милиция схватила одного из выбранных, Шах-Мурзиева, посадила в автомобиль к Орджон[икидзе], и автомобиль покатило. Родственник арестованного карьером понесся за автомобилем, за ним полетела милиция (ингуши же), нагнали, отпороли плетью и поволокли тоже в тюрьму. Тогда родственники избитого арестованного объявили начальнику милиции и всему его роду кровную месть. А вы не можете себе представить, какой это ужас — кровная месть. Теперь начинается кровавый ужас.

Я остался и толкался между ингушами (часть из них говорила по-русски), прислушиваясь. Свободные ингуши говорили:

“Это хорошо, что арестовали Шах-Мурзиева. Только ежели Шах-Мурзиев виноват, надо было арестовать до съезда или после съезда: нехорошо, что арестовали на съезде выборного. Пусть же теперь будет суд, и пусть наши делегаты присутствуют на суде.”

Но у Орджон[икидзе] видимо не хватило материала для предания суду Шах-Мурз[иева], и он заточил его в лагерь.

Шах-Мурзиев был в свое время приставом в Кисловодске. Это отлично знал Орджон[икидзе] и позволял Шах-Мурз[иеву] жить в своей деревне, и озлился, когда того выбрали делегатом. На это необходимо было реагировать, но совсем иначе.

Самый крупный дефект Орджоник[идзе] — это его национализм. Но национализм не в идейном, а в вульгарном значении (Орджоник[идзе] закаленный большевик, марксист), какое-то ослепление к грузинам при выборе работников. Как только встречаю грузина-работника, сейчас же спрашиваю: давно большевик? И мне почти неизменно отвечают: [до] 18 года меньшевик. Я не говорю, что они неискренне перешли в большевизм, но поскреби большевика-грузина — и очень часто обнаружится кожа меньшевика — в фактах, в настроениях, в поступках.

Организовал Ордж[оникидзе] конный отряд, поставил во главе конечно грузина. Тот набрал форменных хулиганов, так что особый отдел X-й армии разоружил этот отряд. Орджон[икидзе] пришел в бешенство. А его ставленник, начальник отряда, не кладя охулки на руку, сдул несколько миллионов и удрал.

Конечно, все это в конце концов мелочи, един бог без греха. Всем этим можно было бы пренебречь, если бы оно покрывалось чем-то общим, большим и сильным. Но вот этого-то нет. Жизнь огромного края идет помимо Советской власти, а это грозно.

Многое хотел Вам написать, да что-то голова плохо работает. Был в Пятигорске и стал плевать кровью, видно простудился. Теперь сижу в Ростове и лучше стало. Через неделю поеду через Харьков и Киев на Зап[адный] фронт. С фронта заеду в Москву. А потом надо поехать отдохнуть и полечиться, а то как бы по нечаянности не сдохнуть! Если Вы напишете сейчас мне в Киев (до востребования, А. Серафимовичу), очень буду благодарен.

Что-то у Вас в Москве делается? Передайте мой искренний привет Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и Николаю Ивановичу (Бухарину — А.Л.).

На Кавказ необходимо, во что бы то ни стало, послать на верхушку русского товарища. Об этом мне буквально со всех сторон говорили.

Знаю, что неимоверно трудно, но нужно оторвать одного из лучших товарищей с холодной головой и послать. Есть пред-рассудок: край надо знать. Вздор! Голова на плечах есть, быстро разберется. Не боги горшки.

Всего лучшего. Ваш А. Серафимович.

На Дону очень плохо”.

Ниже следует еще один впервые опубликованный мной блок документов из “секретного” фонда (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2с, д.1319).

Письмо Орджоникидзе Ленину на бланке “РСФСР. Революционный Военный Совет Кавказского фронта. 1920 г. Действующая армия”:

“Владимир Ильич! Иначе я поступить не мог. Факт присылки этих гаденьких инсинуаций говорит за то, что и Вы кое-чему поверили или по крайней мере решили проверить. В данном случае лучшее средство Ревтрибунал. Не обижайтесь, Владимир Ильич, но иное решение вопроса я считаю для себя неприемлемым. М[ожет] б[ыть], надо было сделать больше, надо было временно, до разбора дела в Ревтрибунале, отойти от работы, но острое положение на Кубани и вообще на Кавказе заставляет меня подавить в себе субъективные чувства и настроения, тем более, что такое разрешение вопроса было бы на руку только барону Врангелю, а быть может и вашему информатору.

С. Орджоникидзе.

28/VIII-20г.”

На обороте письма — надпись рукой Ленина: “*От Серго (ответ на клеветы)*”.

И, наконец, написанное рукой Орджоникидзе заявление:

“Председателю Ревтрибунала Реввоенсовета республики.

Копия — ЦеКа РКП.

Копия — Предсовнаркома т. Ленину

[от] Члена Реввоенсовета кавказского фронта [Орджоникидзе] Сергея Константиновича (так в тексте — А.Л.)

Заявление.

27 августа 1920 года в городе Ростове я получил письмо от Председателя Совнаркома тов. Вл. Ил. Ленина с приложенны-

ми выписками из сообщений неизвестного мне автора о моей политической работе на Кавказе.

Прилагая при сем копии названных сообщений, в которых приведенные г. анонимом факты являются извращенными и лживыми, явно проникнутыми тенденцией опорочить мою революционную работу на Кавказе, прошу Вас расследовать возбуждаемое мною дело в Ревтрибунале Республики.

Все дополнительные данные, а также документы и материалы, кот[орые] понадобятся для опровержения клеветнических инсинуаций анонима перед тов. Лениным, направляемые против меня, я по первому Вашему требованию представлю Ревтрибуналу.

Прошу означенное дело рассмотреть в строгом порядке.

К "фактам" анонима прилагаю свои объяснения.

1. Обвинение: "Он гоняется за торговками, самолично их арестовывает, сажает в автомобиль и отвозит в тюрьму..."

Объяснение: Никогда ничего подобного не имело места в моей работе и жизни.

2. Обвинение: "Он избивает за какую-то провинность красноармейца, сажает в автомобиль и отвозит под арест".

Объяснение: Гнусная ложь.

3. Обвинение: "Заставы, которые решительно у всех должны спрашивать документы, спросили у Орджоникидзе. Он пришел в бешенство: "Как, меня не знаете", вырвал у красноармейца винтовку и в кровь избил красноармейца..."

Объяснение: Случай с заставой происходил так: я, председатель Терского Исполкома т. Квиркелия, тов. Элердов и секретарь мой т. Мирзабекянц ехали на автомобиле по Воен[ной] Груз[инской] Дор[оге] к пограничному с Грузией пункту Ларсу для осмотра пограничной линии. За городом Владикавказом находилась продовольственная застава из осетин и ингушей. На подъезде к заставам, в красноармейской форме с винтовкой в руке, босой [красноармеец] остановил нас и, узнав, кто мы и куда едем, без всяких разговоров пропустил. Прежде чем машина двинулась, Член Реввоенсовета 10 армии тов. Квиркелия спросил у красноармейца, почему он на часах стоит босой. На что получил ответ: "жарко". Тогда я вмешался и приказал красноармейцу вызвать караульного начальника. Я намерен был сделать ему указание на недопустимость выставления босых часовых вообще, и в частности при наличии обуви, на проезжих дорогах, где они про-

своими сотрудниками в распоряжение Комфронт Юг-Запад Харьков. Беленкович”.

Весь этот отряд был разоружен, арестован и разогнан не по инициативе начособотдела 10 армии, а по моему категорическому приказанию Нач[альнику] Особ[ого] Отдела Медведеву. Когда после этого скрылся нач[альник] дивизии (неразб. слово — А.Л.) отряда Маркозашвили, лично под моим руководством был он разыскан и арестован. Подтвердить все это могут Е.Д. Стасова, уполномоченный ВЧК Ландер и бывший нач[альник] Особ[ого] Отдела тов. Медведев, бывшие в это время [во] Владикавказе.

б обвинение. Что касается насчет скобления грузинских большевиков, из которых получается меньшевик, то это в огромном своем большинстве является для меня сомнительным, но вне всякого сомнения, что если и не потрудиться скоблить анонимного информатора, то из его литературной информации все же предательски выглядят [выглядывают] длинные уши низкопробного ябедника в лучшем случае, а в худшем — жалкого клеветника.

Член Реввоенсовета Кавфронта

С. Орджоникидзе.

Ростов Н/Д

28/VIII.20 г.”

Через несколько дней Ленин шлет Серго телеграмму: “2/IX.1920. Ревсовет Кавказфронта Орджоникидзе. Получил Вашу телеграмму. Не стоит Вам возмущаться. Если сообщения Икса ложны, напишите спокойно десять строк опровержения и пришлите мне письмом...” (51; 273).

Таким образом, Орджоникидзе нисколько не потерял в доверии вождя, который считал необходимым ограничиться вместо ревтрибунала “десятью строками опровержения”.

Можно посочувствовать Серго — состав руководимых им воинских частей был, мягко говоря, “сложен”. Еще 19 ноября 1919 г. Орджоникидзе сообщал Ленину: “Далее мы вступаем в район повстанцев — партизан. Здесь нам необходимо держаться в высшей степени гибкой политики: надо массы партизан влить, растворить в армии, во что бы то ни стало переварить их, всевозможных “бацько” выдергивать и одних отправлять на тот свет, других взять и подчинить себе”.

Кого “отправлять на тот свет”, а кого “взять и подчинить себе” — решал, само собой разумеется, Серго единолично!

Есть много воспоминаний о находчивости и смелости Орджоникидзе на Кавказе в начале 20-х годов. Например, его близкий соратник А.М.Назаретян пишет:

“Мужество и отвага, простота и человечность, прямота и честность Серго создали неопишное обаяние его личности среди народов Северного Кавказа.

Серго проверяет посты. Подходит к мосту. У моста горец с винтовкой:

— Стой, кто идет?

— Это я.

Горец наклоняется к уху Серго и спрашивает:

— Пропуск “мушка” знаешь?

— Знаю, “мушка”.

— Патрон, — подает ответный пароль горец и пропускает.

Приходится Серго поучать его тут же, что с такой охраной город может быть занят без выстрела. Горец понял допущенную глупость и был огорчен, что Серго его не наказал. Такое снисходительное отношение к себе он считал большим наказанием”.

В этом эпизоде есть что-то от героев Ярослава Гашека. Но сам Серафимович в журнале “Октябрь” в 1936 году (пик влияния и славы Орджоникидзе), в противовес своему письму Марии Ильиничне 1920 года, тепло вспоминал о героическом поведении Серго на ингушском съезде. По его словам, Орджоникидзе смело прошел в середину толпы, она замкнулась за ним, и зазвучал над головами громкий голос Серго:

“Нет, вы не честные советские граждане, вы — укрыватели бандитов!.. Среди вас — бывшие офицеры. Среди вас — богачи, смертельные враги Советской власти, стало быть, и ваши враги, враги бедноты, всех трудящихся. Среди вас — отъявленные контрреволюционеры”.

Переводили фразу за фразой, и толпа сомкнуто сдвинулась — круг около Орджоникидзе тесный.

“Вы... если только вы не враги Советской власти, сейчас же сию минуту должны выдать врагов Советской власти.

Все недвижимо замерло. Тяжело нарастало ожидание непоправимого.

Вдруг волны пошли по толпе от краев к середине — заколыхались мохнатые шапки. “Ага... все?!” Я взглянул на Орджоникидзе: он был спокоен и нахмуренно ждал.

Волна человеческая добежала до середины и поставила, шатая, перед Орджоникидзе несколько человек, и глаза их пылали неугасимой ненавистью. Особенно врезался мне старик: борода седым клинышком, в черкеске с газырями, наискось кинжал. Нет, я никогда не видел такой нечеловеческой ненависти.

Орджоникидзе молча повернулся, пошел, не оглядываясь.

Толпа за ним донесла до автомобиля этих задыхающихся ненавистью людей.

Далеко за автомобилем покрутилась пыль и растаяла. Слева стояли лесистые горы.

Когда мы ехали назад, товарищ сказал мне:

— “А вы знаете, дело на ниточке висело, — могли искрошить шашками”.

И вот очередная жалоба на Орджоникидзе — теперь уже осенью 1920 года, источник её — ВЧК. Особоуполномоченный Особого отдела ВЧК В.Л.Лукашев (Вадим) 12 сентября 1920 г. направил Ленину и в ЦК РКП(б) доклад о положении на Северном Кавказе. Доклад этот содержал ряд критических замечаний в адрес Орджоникидзе и некоторых других руководителей Кавказского бюро ЦК РКП(б). Эти руководители, и прежде всего Орджоникидзе, по мнению Лукашева, нередко личные взаимоотношения с работниками ставили выше интересов дела, использовали недозволенные приемы борьбы с товарищами, допускавшими инакомыслие. О том, что Ленин внимательно ознакомился с этим докладом, свидетельствуют его подчеркивания, пометки: “Вадима (Лукашева)”, “в архив”.

Документы тех лет свидетельствуют: никто так не прославлял Сталина в тот период, как Серго. Например, еще 9 июля 1920 г. Орджоникидзе в качестве члена Реввоенсовета Кавфронта сообщает о вручении золотых кинжалов Буденному и Ворошилову “через нашего друга, вождя товарища Сталина”. А в ноябре 1920 года бакинский “Коммунист”, контролируемый Орджоникидзе, с восторгом писал: “С визитом в Баку приехал тов. Сталин — рабочий руководитель исключитель-

ной самоотверженности, энергии и твердости, единственный признанный авторитет по вопросам революционной тактики и вождь пролетарской революции на Востоке и Кавказе”.

Преданность Сталину Серго проявлял еще в период подпольной борьбы. В “Правде” накануне 50-летнего юбилея Сталина, 20 декабря 1929 г. под характерным названием “С подлинным верно” была опубликована статья Демьяна Бедного, в которой дана положительная оценка воспоминаниям Семена Верещака. Сокамерник Кобы-Сталина в Баилловской тюрьме в Баку в 1908 году, Верещак затем эмигрировал из России и напечатал свои воспоминания в газете Керенского. В них был зафиксирован такой эпизод в камере: “Никогда не забуду одной “аграрной дискуссии” Кобы, когда его сотоварищ Серго Орджоникидзе, защищая положение Кобы, в заключение схватил за физиономию содокладчика эсера Илью Карцевадзе, за что был жестоко эсерами избит”.

И не удивительно, что двенадцать лет спустя в защиту Орджоникидзе рьяно выступил сам Сталин. Он направил председателю Совнаркома в Москву следующую телеграмму (лишь недавно опубликованную):

“Тов. Ленину. Владикавказ. 29/X-20 г. Так называемый доклад Вадима из Особотдела о работе Орджоникидзе на Кавказе вызвал бурю негодования среди наиболее ценных и незаменимых работников Кавказа. Данные, мною проверенные на месте, вскрыли недопустимую клевету со стороны Вадима и его информаторов. Кавбюро посылает Вам свой протест и требование суда над Вадимом. Я не считал тактичным вмешиваться в это дело здесь, на Кавказе, но должен заявить, что мнение Кавбюро по этому вопросу разделяю целиком. Несомненно, что Вадим не может оставаться в Особотделе и должен быть предан партийному суду.

Сталин”.

На телеграмме ленинская пометка: “В ЦЕКА Бричкиной для Крестинского”.

Для проверки и разрешения конфликта оргбюро ЦК РКП(б) создало специальную комиссию, которая приняла сторону особоуполномоченного Особого отдела ВЧК и пришла к выводу, что Кавбюро, оценивая доклад Вадима, “действовало поспешно, без всякого ознакомления и проверки документов”, лежавших в его основе.

В заключении комиссии указывалось, что хотя Лукашев и допустил в докладе ряд неосмотрительных выражений, однако он “не проявил недобросовестного отношения к фактам”.

Каких-либо наказаний Орджоникидзе избежал и на этот раз.

В 1921 году Орджоникидзе награждается за боевые отличия “на ответственных постах Красной Армии с начала гражданской войны” орденом Красного Знамени, а также орденом Красного Знамени Азербайджанской ССР.

На X съезде партии его впервые после октябрьского переворота избирают членом ЦК РКП(б). Причем и Ленину, и Сталину пришлось уговаривать делегатов съезда проголосовать за Серго, ибо ряд представителей Кавказа выступали против, напоминая грубые выходки Орджоникидзе. По воспоминаниям А.И. Микояна, на делегатов произвели впечатление, вызвали улыбки и даже добродушный смех такие аргументы Ленина: “Серго кричит на всех, потому что глуховат на левое ухо и беспокоится, что его не услышат”.

В 1922 году Орджоникидзе приглашал Ленина и Крупскую отдохнуть на Кавказе и вождь слал ему записки с уточнением этого плана — просил “подробной карты и сведений о пригодном месте (или пригодных местах) — высота над уровнем моря, изолированность и пр. и т.д.; также описания этих мест и тех уездов и губерний, где они находятся”; сообщал, что для здоровья Надежды Константиновны “Боржом очень годится” (54; 231, 241-242).

В невошедшем в “полное” собрание сочинений письме к Орджоникидзе 9 апреля 1922 г. вождь запрашивал: “... мне надо поселиться **отдельно**. Образ жизни больного. Разговора даже втроем я почти не выношу (однажды были Каменев и Сталин у меня: **ухудшение!**). Либо отдельные домики, либо только такой большой дом, в коем возможно абсолютное разделение. Это надо принять во внимание. Посещений быть не должно.” (Лен. сб. XXXVII, стр. 359). Обратим внимание — за несколько недель до первого приступа Ленин не выносил присутствия своих соратников — но ему и в голову не приходила мысль о поисках преемника на посту главы правительства.

Эта поездка вождя и его супруги на юг не состоялась. А у Серго назрели новые неприятности. Известно, какую беспо-

щадную репрессивную политику проводил Орджоникидзе против национально мыслящих азербайджанцев и армян (которых клеймил как “муссаватистов” и “дашнаков” порою вне зависимости от их партийной принадлежности). Опытавшийся бакинскими успехами, Орджоникидзе пытался проводить подобную же политику в Грузии, где Ленин пробовал порою сдерживать его пыл. Особенностью обстановки здесь было противостояние Серго не с антикоммунистически настроенными “националистами”, а с самими грузинскими коммунистами, причем такими влиятельными, как Буду Мдивани и Филипп Махарадзе, которых Сталин вскоре заклеил как “национал-уклонистов”. Орджоникидзе, пользуясь могучей поддержкой Ленина и Сталина, распоясался до предела.

Коммунисты Окуджава и Какабадзе направили в ЦК РКП(б) заявление, в котором просили “защитить их от постоянных угроз и невыносимых оскорблений со стороны потерявшего совесть Орджоникидзе”. Серго ответил на запрос ЦК: “Плод гнусной склоки. Все эти нелепые слухи рождены в атмосфере фракционной драки... Надеюсь, в самом непродолжительном времени здоровье Владимира Ильича даст мне возможность подробно и всесторонне выяснить все эти и другие вопросы в личной беседе с ним”.

В ночь с 20 на 21 октября 1922 г. по прямому проводу с запиской, критикующей Орджоникидзе, обратились в ЦК РКП(б) коммунисты Коте Цицнадзе, Сергей Кавтарадзе и другие. Информирова о намерении грузинского ЦК всем составом выйти в отставку, они просили через Бухарина или Каменева передать Ленину, что “все это создано Орджоникидзе, для которого травля и интриги — главное орудие против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало уже невозможно жить и работать при его держимордовском режиме. Неужели мы не заслужили лучшего руководителя в смысле марксистском и товарищеском и обречены быть объектом самодурства”.

В ответной телеграмме (копия — Орджоникидзе) Ленин резко осадил жалобщиков: “Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цицнадзе и других, переданной мне почему-то Бухариным, а не одним из секретарей **Цека**. Я был убежден, что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума **Цека** при моем косвенном

участии и при прямом участии **Мдивани**. Поэтому я решительно осуждаю брань против **Орджоникидзе** и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передано ваше сообщение по прямому проводу. Ленин” (54; 299-300).

Но Орджоникидзе заносило все больше — и в своей квартире он бьет по лицу “уклониста” Кабахидзе, назвавшего его “сталинским ишаком”. Сталин демонстративно поддерживает Серго, но так как отношение тяжело больного Ленина к Сталину к этому времени резко ухудшилось — то вождь “прозревает” и по отношению к Орджоникидзе. Так называемое “грузинское дело” хорошо известно. В работе “К вопросу о национальностях или об “автономизации” Ленин возмущается, что “дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия”. “Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе, — гневался Ильич. — Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин... нужно примерно наказать тов.Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции)...” (45; 356, 358, 361).

И последние в своей жизни слова, которые продиктовал Ленин:

“Строго секретно

т.т.Мдивани, Махарадзе и др.

Копия — т.т.Троцкому и Каменеву

Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

6-го марта 23 г. С уважением, Ленин” (54; 330).

Лев Троцкий свидетельствовал, что союзника Сталина — Орджоникидзе “Ленин считал необходимым за бюрократическое самоуправство на Кавказе исключить из партии. Я возражал, Ленин отвечал через секретаря: “По крайней мере на два года”. Как далек был Ленин в тот момент от мысли,

что Орджоникидзе станет во главе Контрольной Комиссии, которую Ленин намечал для борьбы против сталинского бюрократизма и которая должна была воплощать совесть партии”.

Неверен был бы вывод, что Ленин возмущался этической стороной рукоприкладства, этой “биомеханикой”, по его словам, со стороны Орджоникидзе. Все вопросы, в том числе и мордобой, он рассматривал с точки зрения интересов мировой революции. Например, когда сторонник Пилсудского Игнаци Дашинский организовал избиение крестьянского лидера Томаша Домбаля, то Ленин 19 октября 1921 года размышлял в “Письме польским коммунистам”: “Стоит ли отвечать на избиение Домбаля Дашинским и К°? Если отвечать, то избиением Дашинского без выстрелов, без ранения, только так. Это, может быть, стоит, раз получится успешная выгучка наглеца рабочими, подъем их духа, жертва (тюрьмой или расстрелом) 5-10 рабочих. Но, может быть, и этого не стоит: **полезнее для агитации среди крестьян, что нашего Домбаля зверски избили? Может быть, это лучше повернет симпатии отсталых крестьян к нам, чем мордобой Дашинскому? Надо взвесить потщательнее**”.

В центре размышлений вождя — не живые люди, а цифры. В указанном случае, например, выгодно пожертвовать десятком рабочих. В этом же письме Ленин дает расчеты в масштабах всей Польши: “Если 100-300 человек убьет буржуазия, это не загубит дела. Но если она сможет, спровоцировав бойню, убить 10-30 тысяч рабочих, это **может** задержать революцию **даже и на несколько лет**” (44; 181).

И вывод, который напрашивается — вождь многие годы выдвигал недоучившегося фельдшера Орджоникидзе, раздававшего направо и налево пощечины. И одновременно травил и преследовал Рожкова — интеллектуала, сторонника социалистического переустройства России, надоедавшего, впрочем, вождю своими советами.

Глава 15

ЛЕНИН: “ВЫ МОЖЕТЕ НАЗНАЧИТЬ КОМАНДУЮЩИМ КОГО УГОДНО, ТОЛЬКО НЕ ВОРОШИЛОВА...”

Шесть десятилетий “первый маршал” Клим Ворошилов являлся образцом для подражания в нашей стране. В 30-е годы распевали:

*“Мы знаем — крепка наша сила.
И если война впереди,
Нас в бой поведет Ворошилов —
Товарищ, боец, командир”.*

Вспоминаю, как в 40-е — мои пионерские — годы в классе у нас висел плакат:

*“Как Сталин, будьте мудрыми,
Как Ворошилов, меткими,
Отличными отметками
Порадуйте страну!”*

Уже в 1988 году был массовым тиражом выпущен плакат с заголовком: “Юноше, обдумывающему житье” и портретом “первого маршала”. Под портретом — дидактическая цитата: “Прежде всего надо быть честным, умелым, добросовестным работником, на какой бы ты работе ни находился. К.Ворошилов”. И хотя в последующие годы немало написано правды о деяниях народного комиссара обороны — ближайшего сподвижника Сталина, допуск ко многим документам остается пока закрытым.

Работая с фондом Ленина, я получил возможность ознакомиться с папкой, в которой хранились четыре телеграм-

мы на бланках — переговоры вождя с председателем Совнаркома Донецко-Криворожской Советской республики Артемом (А.Ф.Сергеевым). Указана дата этих переговоров — 6 января 1919 г., здесь же запись рукой Ленина: “в архив”. (Моя первая публикация документов — “Ленин: “Только не Ворошилова”, “Куранты”, 12 января 1994 г.):

“Харьков Артему.

Сию минуту узнал, что окончательно решение нашего ЦЕКА следующее: Вы можете назначить командующим кого угодно, только не Ворошилова с тем непременно условием, чтобы фактическим Главнокомандующим был Глаголев. Прошу обратить серьезнейшее внимание на Харьковский паровозостроительный завод. Нам во что бы то ни стало надо пустить его в ход тремя сменами ибо иначе нельзя спасти нашего транспорта.

Ленин”.

“Тов. Ленину

Не натягивайте чересчур струны. Попытка Льва Борисовича (По-моему, Артем оговорился, речь должна была бы пойти о Льве Давидовиче Троцком — А.Л.) навязать нам Антонова во что бы то ни стало вызовет конфликт, какого еще не бывало. Против Антонова Украинский ЦЕКА, правительство, партия, массы, командный состав, а также Вы и Главком. Но Лев Борисович уперся, выход один — Антонова убрать, если Вы не уберете, он будет убран без Вас, тогда предавайте нас партийному суду. Вчерашнее совместное заседание ЦЕКА и правительства решило требовать еще раз ясно последний раз его удаления. От Цека Украины временного правительства по поручению Артем. Ждем у аппарата ответа. 15/31”.

“Харьков Артему

Я сейчас осведомлюсь еще раз, но мне кажется, что смещение Антонова решено. Дайте адрес, по которому я пошлю через час телеграмму Вам, если окажется, что дело не вполне решено.

Ленин”.

“Тов. Ленину.

Наш адрес: Харьков, вокзал, Южный Телеграф, Артему.

Ваши указания принимаем срочному исполнению. Артем 16.10". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.8179)

Что касается упоминаемого в переговорах В. Антонова-Овсеенко, возглавлявшего в дни октябрьского переворота штурм Зимнего дворца, то именно в январе 1919 года он был назначен командующим Украинским фронтом, и на этом посту пребывал в течение полугода. Следует напомнить, что еще в марте 1918 года Ленин направил Антонова-Овсеенко командовать советскими войсками Юга России. При этом писал: "Решительная и безоговорочная перелицовка имеющихся на Украине наших частей на украинский лад — такая теперь задача. Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсеенко — он должен называться просто Овсеенко" (50; 50). Невольно напрашивается мысль: если бы вождь поставил задачу "перелицовки на украинский лад" театра, ему следовало бы запретить В.И.Немировичу-Данченко именовать себя собственной фамилией, а называться просто Данченко.

Тот факт, что глава Советского правительства соглашался на любую кандидатуру на пост командующего Украинской армией, лишь бы им не стал Ворошилов, имеет свою предысторию и свои последствия. Вообще, неразработанная тема "Ленин и Ворошилов", по-моему, заслуживает специального исследования. Познакомились они в апреле 1906 года на IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме. На следующий год Ворошилов был делегирован и на V съезд партии в Лондоне. Он имел бесспорное преимущество перед большинством делегатов — пролетарское происхождение. После Февральской революции Ворошилов — председатель Луганского совета рабочих и солдатских депутатов. А в декабре 1917 года — председатель комиссии по охране порядка в Петрограде и член ВЧК. Известный автор книги "Красные маршалы" Роман Гуль утверждает, что "глава ВЧК Дзержинский, отпрыск старого польского дворянского рода, с первого взгляда на Ворошилова понял, что для "его тонкого дела" этот металлист негоден... И партия убрала его от Дзержинского".

Как бы то ни было, но уже в начале 1918 года Ворошилов возвращается в родной Луганск, где возглавляет отряды Красной гвардии, которым приходилось бороться как с вос-

ставшими казаками, так и с немецкими войсками. С боями пробиваются возглавляемые Ворошиловым красногвардейские отряды, объединенные в 5-ю армию, к Царицыну, где Ворошилов возглавил оборону этого “Красного Вердена”. Стал командующим 10-й армией и Царицынским фронтом. Отныне судьба Ворошилова тесно связана с судьбой Сталина, с которым он познакомился еще на IV съезде партии.

Ленин внимательно следил за боями под Царицыном, о чем свидетельствуют его телеграммы. Вот, например, телеграмма от 24 октября 1918 г. на имя председателя Реввоенсовета Троцкого и командующего Южным фронтом П.П.Сытина: “Получаем отчаянные телеграммы Ворошилова о неполучении снарядов и патронов вопреки его многократным требованиям и настояниям. Предлагаем немедленно проверить это, принять самые экстренные меры для удовлетворения и известить нас, что сделано. Указать ответственных в исполнении лиц” (50; 199).

На рубеже 1918-1919 годов в Москву идут и телеграммы Троцкого, подобные следующей:

“Москва. Председателю ЦИК. Копия Предсовнаркома Ленину.

Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат. Тем не менее я оставляю его командующим десятой Царицынской армией на условии подчинения командарму южной Сытину. До сего дня царицынцы не посылают в Козлов (местонахождение поезда Троцкого — А.Л.) даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии... Царицын (т.е. командование армией — А.Л.) должен либо подчиниться, либо убраться. У нас успехи во всех армиях, кроме южной, в особенности Царицынской, где у нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя. Троцкий”.

Ворошилов — малограмотный слесарь, по его собственному признанию, учившийся в школе только “две зимы”, вполне оправдывал данную ему Троцким характеристику. Не имея ни малейшего понятия о принципах организации и комплектования современных вооруженных сил, Климент Ефремович распространял в Красной армии партизанщину и, боясь потерять пост, люто преследовал “военспецов” — бывших офицеров и генералов царской армии. Неудивительно, что в результате конфликта с Троцким Сталина отозвали в Москву, а Ворошилова — на Украину.

При негласной поддержке Сталина начала формироваться “военная оппозиция”, к лидерам которой принадлежал и Ворошилов и которая ярко проявила себя на VIII съезде партии в марте 1919 года. Через пять дней после того, как в начале января 1919 года состоялись переговоры Ленина с Артемом, Троцкий обратился к главе правительства по прямому проводу:

“Что такое Царицын — об этом прочитайте доклад Окулова (члена Реввоенсовета 10-й армии и фронта — *А.Л.*), состоящий сплошь из фактического материала и отчетов комиссаров. Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов... Рухимович — это псевдоним Ворошилова (имелось в виду их одинаково негативное отношение к военспецам — *А.Л.*); через месяц придется расхлебывать царицынскую кашу... Рухимович не один, они цепко держатся друг за друга, возводя невежество в принцип... Пусть назначают Артема, но не Ворошилова и не Рухимовича... Еще раз прошу внимательно прочитать доклад Окулова о Царицынской армии и о том, как Ворошилов деморализовал ее при содействии Сталина”.

А еще через пять дней, 16 января 1919 г., ЦК РКП(б) на своем заседании первым рассматривает “Вопрос об Украине” и постановляет: “Поручить тов. Раковскому (главе украинского правительства — *А.Л.*) провести в жизнь полное отстранение Ворошилова и Рухимовича от военной работы. Одновременно поручить т. Раковскому не настаивать на оставлении Антонова, если украинцы потребуют его отстранения, а сговориться с ними о другой кандидатуре”.

Оставалось ровно два месяца до партийного съезда, на закрытом пленарном заседании которого 21 марта Ленин выступил с речью по военному вопросу. Речь эта не вошла в ленинские собрания сочинений, и представляется целесообразным привести из нее ряд высказываний, непосредственно относившихся к Ворошилову. Вначале глава правительства делает реверанс в сторону Сталина и Ворошилова: “У нас бывали разногласия, ошибки, — никто этого не отрицает. Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно, и те документы, которые цитировал тов. Ворошилов, — они показывают, какая масса героизма в X армии и, в частности, в поведении тов. Ворошилова, — нашу ошибку раскрыли. Моя ошибка раскрылась, а я ведь телеграфировал: будьте осторожны. Я делал ошибку. На то мы все люди. Конечно, было бы лучше, если бы расстреляли Краснова, когда Дыбенко подписывал мирный договор в Смольном. Это была, конечно, ошибка”.

Ворошилов на самом деле обладал незаурядной личной храбростью — известно, что с шашкой наголо он шел в атаку не только под Царицыном в гражданскую войну, но и в 1941 году на Ленинградском фронте против немецких танков. А безграничная жестокость Сталина импонировала Ильичу.

Далее в своей речи Ленин раскрывает вред деятельности Ворошилова на командных постах:

“Подкладка в том, что старая партизанщина живет в нас, и это звучит во всех речах Ворошилова и Голощекина. Когда Ворошилов говорил о громадных заслугах царицынской армии при обороне Царицына, конечно, тов. Ворошилов абсолютно прав, такой героизм трудно найти в истории. Это была действительно громаднейшая выдающаяся работа. Но сам же сейчас, рассказывая, Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60 000 потерь. Это ужасно. В истории революционного движения России героизм царицынской армии займет величайшее место, но 60 000 потерь, — и обходились без военных специалистов. С одной стороны, 10-й §, который говорит: военные специалисты при коллек-

тивном командовании, т.е. значит их долой, с другой стороны — речь тов. Ворошилова, который говорит: мы обходились без военных специалистов, и у нас было 60 000 потерь. Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, мы обходились без военных специалистов, разве это есть защита партийной линии. ЦК виноват в том, что партийная линия не проводится. Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить. Что она связана с исторически необходимым периодом — это верно. Он говорит: на Украине мы обходились без спецов. В том-то и ошибка Пятакова и Бубнова, что Пятаков и Бубнов одобряют партизанщину. Об этом мы говорили. Надо понять то, что, когда идет восстание за Советскую власть, партизанство необходимо. Но можно ли эти условия страны, в которой только идет восстание за Советскую власть, переносить на наши условия. Совершенно естественно, что нет. А тов. Ворошилов это забывает и полностью этим побивает свои собственные тезисы. Пора уже изжить эти остатки партизанщины, которые были необходимы в определенный период. Такие же заявления указывают, что эти товарищи из партизанщины еще не вылезли и вся ошибка оппозиции в том и состоит, что вы, будучи связаны с этой партизанщиной своим опытом, будучи связаны с этой партизанщиной теми традициями героизма, которые будут памятны, вы не хотите понять, что теперь период другой. Теперь на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами”.

Повторяясь, Ленин посвятил Ворошилову и заключительные фразы своей речи:

“Тов. Ворошилов договорился до таких чудовищных вещей, что разрушил армию Окулов. Это чудовищно. Окулов проводил линию ЦК, Окулов нам докладывал о том, что там сохранилась партизанщина. Окулов доказал это объективными фактами. Можно 60 000 уложить, но с точки зрения нашей общей линии можем ли мы давать по 60 000 (**Ворошилов**: “А сколько мы убили?”). Я вполне знаю, что вы много убили, но тов. Ворошилов, в том-то и беда, что все ваше внимание устремлено в этот Царицын. В смысле героизма это громаднейший факт, но в смысле партийной линии, в смысле сознания задач, которые нами поставлены, ясно, что по 60 000 мы отдавать не можем и что, может быть, нам не

пришлось бы отдавать эти 60 000, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия, с которой придется считаться. Этот исторический переход от партизанщины к регулярной армии в ЦК десятки раз обсуждался, а здесь говорят, что нужно все это бросить и вернуться назад. Никогда и ни в коем случае. Мы пережили период партизанщины”. (Лен. сб. XXXVII, с.136, 138-139).

С декабря 1918 по июнь 1919 года Ворошилов — нарком внутренних дел Украины. В мае 1919 года, лично руководя группой войск на Кременчугском направлении против восставшего атамана Григорьева, терпел неудачу за неудачей. А после разгрома “григорьевщины” войсками Украинского фронта под командованием Антонова-Овсеевского Ворошилов начал клеветать на своих товарищей, требовать расправы с ними, постыдно преувеличивая, по словам Антонова-Овсеевского, свои заслуги. Назначенный 7 июня 1919 г. командующим 14-й армией, Ворошилов через две с небольшим недели не сумел выполнить директив командующего фронтом о мерах по обороне Харькова и сдал город Деникину. Ворошилова судил военный трибунал. Выражая общее мнение судей, Рухимович заявил, что Ворошилов — хороший парень, опытный подпольщик, но командовать он может ротой, батальоном, в крайнем случае — полком. Не вина его, а беда, что он был назначен командовать армией, чего просто не умел.

Не справился Ворошилов и с формированием 61-й стрелковой дивизии, и тогда ЦК решил использовать его на комиссарской работе. С ноября 1919 года и до конца гражданской войны он являлся членом Реввоенсовета Первой конной армии, после чего командовал войсками Северо-Кавказского военного округа.

Ленин вспомнил о нем еще раз — в дни подавления Кронштадтского восстания. 10 марта 1921 г. вождем писал Сталину и Каменеву: “Сейчас говорил с Зиновьевым. Говорит: посылать стоит либо **рядовых боевиков**, кои вольются в части, либо единицы вроде **Ворошилова** (если его можно дать), который будет очень полезен” (52; 94).

С винтовкой в руках шел Ворошилов в рядах делегатов X съезда партии по хрупкому льду в атаку на Кронштадт, за что был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Климент Ефремович не надеялся на дальнейшую военную карьеру, о чем свидетельствует его недавно опубликованное письмо:

“2.XI.21 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В Москве я тебе уже говорил о моем намерении переменить свое “амплуа”, а сейчас я это решил твердо. Работа в Военведе мне уже опостылила, да и не в ней теперь центр тяжести. Полагаю, что буду полезней на гражданском поприще. От тебя ожидаю одобрения и дружеской поддержки перед ЦК о моем откомандировании. Хочется поработать в Донбассе, куда я прошу ЦК меня направить. Работу возьму какую угодно и надеюсь снова встряхнуться, а то я здесь начал хиреть (духовно).

Крепко обнимаю. Твой Ворошилов”.

Оставаясь до мая 1924 года командующим Северо-Кавказским военным округом, Ворошилов неоднократно “ступал” на своих боевых соратников набиравшему силу Сталину. Так, 1 февраля 1923 г. он сообщал, что “Буденный ... слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер ... наши милые товарищи (в центре), не отдавая себе отчета, чересчур уж много кричат о Буденном, “буденновской” армии, “буденновцах” и пр[очем], что ни в какой мере не отвечает ни партийным, ни общереволюционным задачам... Думаешь, я зря придаю такое значение? Нет, не зря. Если бы я вовремя не убрал Думенко, он наделал бы нам больших неприятностей”. Красноречивое признание Ворошилова — ведь герой Гражданской войны Б.М. Думенко был расстрелян в 1920 году вследствие ложного доноса!

Беру на себя смелость утверждать: если бы Ворошилов не был в 1925 году назначен наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР, то в историю он бы вошел в лучшем случае как один из самых неудачливых и незадачливых красных командиров времен гражданской войны. Но Сталину и нужен был такой нарком с подмоченной репутацией, который был бы предан ему до мозга костей. В 1929 году статьей Ворошилова “Сталин и Красная армия” было положено начало формированию легенды о военном гении “отца всех народов”. А “великий вождь” начал создавать все условия для внедрения в сознание советского

народа образа национального героя — “красного маршала” Ворошилова.

Известна преступная роль Ворошилова в уничтожении военных кадров во второй половине 30-х — начале 40-х годов. Вспомним, что с 1935 года в Красной Армии действовал порядок, согласно которому санкционировать арест военнослужащего, начиная с командира взвода и выше, мог только лично нарком обороны. Находясь на этом посту, Ворошилов накладывал бесчисленные резолюции на представлениях Особого отдела Главного управления госбезопасности: “Берите всех “подлецов”, “Арестовать”, “Не возражаю”, “Согласен”, “Согл. К.В.”.

В 1995 году впервые опубликован полный текст “строго секретного” документа — постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 г. “О работе тов. Ворошилова”. Документ этот, с одной стороны, является еще одним свидетельством сталинской тактики — неудачи и поражения “непобедимой и легендарной” сваливать на своих соратников. Но, с другой стороны, нельзя не признать и справедливость оценок военной деятельности Ворошилова, признавшего еще в конце марта 1940 года на пленуме ЦК ВКП(б) “несостоятельность своего руководства Народным комиссариатом обороны”.

Маршалу инкриминировались неспособность в первые месяцы Великой Отечественной войны организовать оборону Ленинграда, отказ от должности командующего Волховским фронтом. Политбюро постановило:

“1. Признать, что т.Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

2. Направить т.Ворошилова на тыловую военную работу”.

Неверно было бы считать, что на этом завершилась военная деятельность Ворошилова. Если другой соратник Сталина по обороне Царицына маршал Г.И. Кулик, например, был в марте 1942 года разжалован в генерал-майоры, а в 1950 году по указанию Сталина расстрелян, то Ворошилов был оставлен членом Государственного Комитета Обороны. В сентябре 1942 года он назначается Главнокомандующим партизанским движением, участвует в 1943 году в работе Тегеранской конференции, в 1944 году награждается орденом Суворова первой степени. Через 11 лет после окончания войны получает первую звезду Героя Советского Союза. Умер он трижды Героем.

Глава 16

ЛЕНИН: “О, МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОЦЕЛОВАТЬ ТЕБЯ ТЫСЯЧУ РАЗ...”

В марте 1992 года в журнале “Свободная мысль” было опубликовано трогательное письмо большевички Инессы Арманд из Парижа в Краков Ленину, в котором, в частности, содержались следующие строки: “Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты “провел” расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя...”

О взаимоотношениях Ленина и Инессы Арманд рассказывалось в моих статьях “Совсем-совсем другая вещь...” (“Демократическая газета”, № 16, апрель 1992 г.), “Возлюбленная Ленина”, “ЛГ — Досье”, № 8, 1992 г.) и др.

В вышедшей в свет в 1993 году книжке директора существовавшего тогда Центрального музея В.И.Ленина В.Мельниченко “Феномен и фантом Ленина” моей статье посвящены следующие строки: “...даже публикации, содержащие архивные материалы и претендующие на научность, окра-

шены модным нынче стремлением умалить, уязвить Ленина. Прочитав, скажем, в “Досье” интересную газетную статью “Возлюбленная Ленина”, понимаешь, что написана она во имя надуманного и наивного вывода о том, что-де “только ради революции (?) оставил (?) Ленин любимую женщину”. Да неужели Ленин был равен нынешним своим хулителям — по примитивности и убогости чувств?! Нет, конечно... Быстрее бы опубликовали неизвестные пока письма Ильича к Инессе, только в них — правда отношений”.

Сам же Мельниченко здесь же утверждал: “Социал-демократ, экономист, впоследствии академик АН СССР П.П. Маслов, знавший Ленина с 90-х годов XIX века, написал о вожде вскоре после его смерти: “Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что на все основные вопросы, которые можно поставить, его цельность дала бы такой ответ: “Что есть “истина”? — “То, что ведет к революции”. — “Кто друг?” — “Тот, кто ведет к революции”. — “Кто враг?” — “Тот, кто ей мешает”. — “Что является целью жизни”? — “Революция”. — “Что выгодно?” — “То, что ведет к революции”. И т.д. и т.д. Думаю, что Маслов в конечном счете не ошибался”.

Впрочем, вся книжка директора полна грубыми эпитетами в адрес публикаторов неизвестных ранее ленинских работ. Вопреки утверждениям Мельниченко — в своих статьях, затрагивающих личную жизнь Ленина, я никоим образом не стремился его “умалить, уязвить”. Наоборот, подчеркивал — тот факт, что вождь мирового пролетариата пережил настоящую любовь, делает его образ в глазах потомков более человечным (например, в моей статье “Шел поезд через Европу. Новые штрихи к портрету В.И.Ленина”. “Российская газета”, 9 декабря 1993 г.).

Ж.Трофимов в книжке “Волкогонский Ленин” утверждает, будто именно единственное обнародованное письмо Арманд к Владимиру Ильичу “латышевым и волкогоновым” помогло громогласно и со злорадством объявить Инессу Федоровну “возлюбленной Ленина”. Перечислив полдюжину публикаций Латышева, “оперативно сочинившего статьи” на эту тему, Ж.Трофимов утверждает, будто мне, “несмотря на все ухищрения... так и не удалось доказать, что И.Армаанд была любимой женщиной Владимира Ильича”, и, “сознавая это”, я, мол, “уныло констатировал: “Не найдены пись-

ма Ленина к Арманд периода их близких отношений, которые, по-видимому, имели место короткое время осенью 1913 года. Очевидно, эти письма безвозвратно потеряны”.

Оставляю на совести Трофимова определение, что я “оперативно сочинил” свои статьи (хотя в них я впервые ввел в научный оборот полтора десятка не публиковавшихся ранее писем Ленина к Арманд и купюр из уже опубликованных писем). Но почему он, как и некоторые другие оппоненты, ссылаясь на ряд впервые опубликованных мною купюр из ленинских писем, обходит одну из них, раскрывающую причину безвозвратной утраты писем Ленина к Арманд периода до проведенного вождем “расставания”? Вот этот ленинский текст, свидетельствующий, что еще в начале июля 1914 года между адресатами шли объяснения в связи с проведенным “расставанием”: *“Никогда, никогда я не писал, что я ценю только трех женщин. Никогда!!! Я писал, что самая моя безграничная дружба, абсолютное уважение и доверие посвящены только 2-3 женщинам. Это совсем другая, совсем-совсем другая вещь.*

Надеюсь, мы увидимся здесь после съезда и поговорим об этом. Пожалуйста, привези, когда приедешь (т.е. привези с собой) все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. — И так далее...) Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама и мы поговорим об этом”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.24299).

Сомнений нет — Ленин просил вернуть свои письма не для последующей их публикации, а для уничтожения. Кстати, и сама Инесса беспокоилась о судьбе своих писем — о чем свидетельствует концовка ее цитируемого выше письма к Владимиру Ильичу:

“Ну, дорогой, на сегодня довольно — хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н.К. (Крупской — А.Л.), брату, Зине (жене Г. Зиновьева — А.Л.). Неужели никто ничего не получил! Крепко тебя целую. Твоя Инесса”. Комментарий Ж.Трофимова бескомпромиссен: “Что же касается “письменных” по-

целуев, то они шли только с ее стороны и, по всей видимости, и оставались только “письменными”. В письмах же Владимира Ильича не было ни одного поцелуя”...

Жорес Александрович делает даже текстуальный анализ письма Арманд, комментируя фразу: “Я бы **и сейчас** (подчеркнуто Трофимовым — *А.Л.*) обошлась без поцелуев” как доказательство того, что “**и раньше** их не было”. В конце концов не я первый опубликовал это письмо, а работники архива, и неужели Трофимову не ясно, что создаваемый им образ годами не находящей взаимности настырной Инессы Федоровны опошляет облик этой незаурядной женщины, а заодно — и самого вождя.

Тем более, что Волкогонов опубликовал следующую купюру из письма Ленина к Арманд (на французском языке): “О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячи раз, приветствовать тебя и пожелать успехов: я вполне уверен, что ты одержишь победу. Искренне твой В.Л.” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3327). Дмитрий Антонович отметил, что изъятие этих “тысяч поцелуев” произведено из большого ленинского письма, отправленного адресату в июле 1914 года, в котором “много тем: о предстоящем докладе Инессы, о Вандервельде, Розе Люксембург, Ягелло, Каутском, других социал-демократах”. Следует эта купюра “сразу же после рассуждений о ликвидаторах, профессиональных союзах и страховых кассах”. А непосредственно после “тысяч поцелуев” — текст: “Я забыл о денежном вопросе. Мы оплатим письма, телеграммы (пожалуйста, телеграфируй почаще) и железнодорожные расходы, расходы на гостиницу и т.д. Помни об этом”. Можно сделать вывод — советские цензоры изъяли “крамольное” предложение с ленинскими поцелуями из текста письма, опубликованного в 48 томе пятого собрания сочинений как раз между страницами 311 и 312. А тот факт, что я не выявил эту купюру в подготовительных материалах шестого издания собрания сочинений вождя, свидетельствует, что она должна была “секретиться” и от будущих поколений.

Свидетельством переживаний самого Ленина может служить его откровенное письмо Инессе Федоровне в первой половине мая 1914 года: “...как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан!!

Это еще лишний признак того, что я обленился, устал и в дурном расположении духа. Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу” (48; 285).

Личная жизнь властителей судеб миллионов людей, будь то Наполеон или Ленин, Сталин или Гитлер, всегда вызывала повышенный интерес. Как пишет Н. Валентинов в книге “Встречи с Лениным”, еще в 30-е годы в издательстве “Bandiniere” увидела свет книга “Тайные любовные увлечения Ленина”, написанная двумя авторами — французом и русским (первый, скорее всего, был только переводчиком). Впервые в виде статей она появилась в 1933 году в газете “Intransigeant” (“Непримиримая” — ежедневная газета, выходившая в Париже в 1880-1948 гг.). Книга рассказывала об интимных отношениях Ленина с некоей Елизаветой К. — дамой “аристократического происхождения”. В ней приводились письма Ленина к этой К., которые даже на глаз неспециалиста выглядели явной фальшивкой.

А Д. Волкогонов приводит документ из Архива Президента, согласно которому С. Тихомирнов, которому было поручено участвовать в собирании и хранении ленинского наследия, в ходе своей поездки в Париж в середине 30-х годов вел переговоры с бывшим большевиком Г. А. Алексинским, одним из первых летом 1917 года обвинившем Ленина в получении “немецких денег”. В записке с грифом “сов. секретно” Тихомирнов докладывал: “При первой встрече он показал мне очень осторожно письма, судя по всему, написанные Лениным. Почерк, насколько я мог убедиться (вчитываться в них Алексинский не давал), абсолютно схож с ленинским. Эти письма, как говорит Алексинский, писались Лениным одной писательнице, которая была в близких отношениях с ним, но не была членом партии. Лицо это не хочет передавать эти письма нам, пока жива Надежда Константиновна. Эта женщина вполне обеспечена, т.к. получила средства от нас из Москвы и они проходили или через Менжинского или через Дзержинского, а сейчас получает регулярно соответствующую сумму из вклада в банке”.

Н. Валентинов же считал, что Ленин “был глубоко увлечен, скажем, влюблен в Инессу Арманд — его компаньонку по большевистской партии. Влюблен, разумеется, по-своему, т.е., вероятно, поцелуй между разговором о предатель-

стве меньшевиков и резолюцией, клеймящей капиталистических акул и империализм”.

Знакомство вождя с Арманд произошло в 1909 году в Париже, и внимание, которым Ленин окружал Инессу, росло в 1910-1912 годы. Они часто подолгу разговаривали в кафе на avenue d'Orleans. “Ленин не спускал своих монгольских глаз с этой маленькой француженки”, — свидетельствовал французский социалист и большевик Шарль Раппопорт. Сама же Арманд в единственном опубликованном письме к Ленину так описывала свои чувства на заре их знакомства: “Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умереть бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н.К. (где в этот момент находилась Инесса — *А.Л.*), я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только в Лонжюмо и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал”.

В августе 1910 года Ленин достал лишь два приглашенных билета на Копенгагенский конгресс II Интернационала — и он пишет большевику М.Кобецкому: “Прилагаю две карты — все, что я добыл. Впишите имя Инессы”. (Лен. сб. XII, с.184).

Известны все апологетические описания внешности Инессы Арманд. А вот “объективистское”, непредвзятое агентурное донесение в Московское охранное отделение, пришедшее из ленинской школы в Лонжюмо: “История социалистического движения в Бельгии — 3 лекции; читала их эмигрантка Инесса, оказавшаяся очень слабой лекторшей и ничего не давшая своим слушателям. Инесса (партийный псевдоним, специально присвоенный на время преподавания в школе) — интеллигентка с высшим образованием, полученным за границей; хотя и говорит хорошо по-русски, но, должно думать, по национальности еврейка; свободно владеет европейскими языками; ее приметы: около 26-28 лет от роду, среднего роста, худощавая, продолговатое, чистое и белое лицо; темно-русая с рыжеватым оттен-

ком; очень пышная растительность на голове, хотя коса и производит впечатление привязанной; замужняя, имеет сына 7 лет, жила в Лонжюмо в том же доме, где помещалась и школа; обладает весьма интересной наружностью”.

Агент кое в чем оказался неправ: Инесса — это подлинное имя Арманд, по национальности она не еврейка, а француженка по отцу (мать была шотландкой, а по некоторым данным — потомком обрусевших выходцев из Англии). И было ей тогда уже 37 лет.

Приведем несколько отрывков из воспоминаний Крупской об Арманд. Они создают хороший фон для показа взаимоотношений Ленина и Инессы.

О знакомстве с Арманд: “В 1910 году в Париж приехала из Брюсселя Инесса Арманд и сразу же стала одним из активных членов нашей Парижской группы. Вместе с Семашко и Бритманом (Казиковым) она вошла в президиум группы и повела обширную переписку с другими заграничными группами. Она жила с семьей, двумя девочками и сынишкой. Была горячей большевичкой и очень быстро около нее стала группироваться наша парижская публика”.

Крупская рассказала, как Инесса Арманд снимала дом, в котором жили ученики ленинской школы в Лонжюмо, организовала там столовую для учеников, в которой питались и Ленин с Крупской. После переезда Ленина в Краков Инесса Арманд по его поручению выехала в Россию. И вскоре была там арестована, но, стараниями бывшего мужа, спустя полгода была выпущена под залог, что дало ей возможность до суда скрыться за границу и приехать к Ленину в Поронино. Крупская пишет:

“Арестованная в сентябре 1912 г., Инесса сидела по чужому паспорту в очень трудных условиях, порядком подорвавших ее здоровье, — у нее были признаки туберкулеза, — но энергии у ней не убавилось, с еще большей страстностью относилась она ко всем вопросам партийной жизни. Ужасно рады были мы, все краковцы, ее приезду... Осенью мы все, вся наша краковская группа, очень сблизилась с Инессой. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. Мы знали Инессу по Парижу, но там была большая колония, в Кракове жили небольшим товарищеским замкнутым кружком. Инесса наняла комнату у той же хозяйки,

где жил Каменев. К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса.

Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами, больше походила на студенческую, чем на семейную жизнь, и мы были рады Инессе. Она много рассказывала мне в этот период о своей жизни, о своих детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять. Зиновьев и Каменев прозвали нас “партией прогулистов”. Ходили на край города, на луг (луг по-польски — “блонь”). Инесса даже псевдоним себе с этих пор взяла — Блонина. Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил “Sonate Pathetique”, просил ее постоянно играть”.

Можно предположить, что именно виртуозная игра Арманд на рояле повлияла на “грехопадение” вождя. “Десять, двадцать, сорок раз могу слушать Sonate Pathetique, и каждый раз она меня захватывает и восхищает все более и более”, — говорил Ленин.

Но главным для вождя было, конечно, то, что влюбленная в него красивая женщина оказалась и единомышленницей. Справедливо писала Надежда Константиновна о своем муже, что “никогда не мог бы он полюбить женщину, с которой бы он расходился во взглядах, которая не была бы товарищем по работе”. Причем Ленин не мог не ценить в Инессе самостоятельность суждений, твердый характер, неистощимую энергию. “Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развертываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту”, — писал Ленин Арманд в середине июля 1914 года (48; 307). Не мог не восхищаться вождь ее блестящим знанием пяти языков, благодаря чему Инесса являлась его незаменимой помощницей на международных конференциях и конгрессах.

В 1952 году умерла Александра Коллонтай, и в том же году на страницах парижского журнала “Preuves” была опубликована беседа с ней француза Марселя Боди, который сотрудничал с Коллонтай в России в революционные годы, а

затем под ее руководством работал в советском посольстве в Осло. Коллонтай хорошо знала Арманд, переписывалась с ней, хотя отношения между ними не были безоблачными (что естественно для двух “примадонн” большевистской элиты). Со слов Коллонтай Боди сообщил, что Крупская, узнав о любви мужа к Инессе, причем от него самого, хотела “отстраниться”, уйти, но Ленин не желал идти на разрыв с женой. “Оставайся”, — просил он Надежду Константиновну.

“Расставание”, которое произошло по инициативе Ленина, безусловно, подтолкнуло Арманд уехать из Кракова. Крупская дает такую интерпретацию ее отъезда: “Сначала предполагалось, что Инесса останется жить в Кракове, выпишет к себе детей из России; я ходила с ней искать квартиру даже, но краковская жизнь была очень замкнутая, напоминала немного ссылку. Не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у нее в этот период было особенно много. Решила она объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций”.

Арманд в письме к Ленину также тепло вспоминала об общении с Крупской: “Много было хорошего в Париже и в отношениях с Н.К. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и надежность. В Париже я очень любила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сядешь около ее стола — сначала говоришь о делах, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее”.

В том же письме Инесса сообщала Ленину о своей работе с заграничными большевистскими группами: “Завтра будет заседание КЗО. Я думаю здесь прочитать перед группой доклад о совещании и хочу у тебя попросить совет о конспирации, что можно говорить, чего нельзя. Например, можно ли говорить об организациях и, указывая разнообразие организационных форм, прямо указать — в Москве так-то, а в Питере иначе, и можно ли, например, сказать, что организация держится на таких-то и таких-то легальных организациях

(проф.союзы, певческие общества, кооперативы и пр.), или это неконспиративно и пр. Буду благодарна за всякие советы и указания, которые ты мне пришлешь по поводу доклада. Только ответь поскорее”. И далее: “Еще вот что прошу тебя. Когда будешь писать мне о делах, то как-нибудь отмечай, о чем можно говорить КЗО и чего говорить нельзя. А то иногда хочется сказать что-нибудь и не знаешь, как ты на это смотришь”.

Уехав из Кракова, Арманд продолжала выполнять важные поручения Лёнина.

Опубликованы несколько писем Инессы к Крупской. Деловые, но очень теплые, с обращением на “ты”.

“Инесса на лето выписала детей из России и жила в Триесте у моря, — свидетельствовала Крупская. — Она готовила доклад к Международному женскому конгрессу, который должен был состояться в Вене одновременно с конгрессом Интернационала. Пришлось ей еще работать по другой линии. В половине июня Международное социалистическое бюро наметило созвать в Брюсселе совещание представителей 11 организаций РСДРП всех направлений и организовать там обмен мнений между этими организациями в целях установления единства”. Подобная позиция МСБ “приводила Ильича в бешенство. Сам он решил на брюссельскую объединительную конференцию не ехать. Поехать должна была Инесса. Она владела французским языком (французский язык был ее родным), не терялась, у нее был твердый характер. Можно было на нее положиться, что она не сдаст. Инесса жила в Триесте, и Ильич послал туда доклад ЦК, составленный им, послал целый ряд указаний, как держаться в том или другом случае, обдумывал все детали. В делегацию ЦК, кроме Инессы, входили еще М.Ф.Владимирский и И.Ф.Попов. Доклад ЦК огласила Инесса на французском языке. Как и следовало ожидать, дело не ограничилось обменом мнений”.

Возможно, что после начала мировой войны Инесса Арманд стремилась выйти из-под политического влияния вождя. Писательницей Ларисой Васильевой опубликована беседа с близко знавшим Ленина и Арманд указанным выше Иваном Поповым. Беседа эта состоялась в 1953 году. Попов поведал: “Моя жизнь была связана с Инессой очень сильно,

я бы сказал, кровно, насмерть. В определенный период нашей жизни, в 1916 году, мы вместе с ней пришли к выводу, что наши взгляды на революцию требуют пересмотра.

Мы ни с кем не говорили, только друг с другом, но оба пришли к тому, что Ленин слишком категоричен в суждениях, слишком далеко идет. Оба считали, что Отечество нужно защищать. Тогда Инесса напомнила мне про ленинскую месть Романовым за брата и предположила, что в его отношении к самодержавию много личного.

Мы долго говорили с ней. Она решила, что напишет Ленину о своих сомнениях.

Написала, получила ответ, после которого сказала мне: “Уходи, Жан, уходи и не оглядывайся. Ты молод, слабоват характером, поэтичен. Вся эта жизнь не для тебя. Пиши книги и люби жизнь, если сможешь. А мне отступать некуда. Я под его гипнозом навсегда. Мне нельзя иначе. Если отступлюсь, значит все мои жертвы были напрасны и жизнь прошла зря”. Впрочем, уже к моменту начала первой мировой войны И. Попов начал отходить от революционной деятельности. А Инесса осталась верным помощником Ленина, хотя и проявляла порою своеволие.

После начала войны, как вспоминала Крупская, осенью 1914 года в эмиграции в Берне она и Владимир Ильич “жили на Дистельвег — маленькой, чистенькой, тихой улочке, примыкавшей к бернскому лесу, тянувшемуся на несколько километров. Наискосок от нас жила Инесса, в пяти минутах ходьбы — Зиновьевы, в десяти минутах — Шкловские. Мы часами бродили по лесным дорогам, усеянным осыпавшимися желтыми листьями. Большею частью ходили втроем — Владимир Ильич и мы с Инессой. Владимир Ильич развивал свои планы борьбы по международной линии. Инесса все это горячо принимала к сердцу. В этой развертывавшейся борьбе она стала принимать самое непосредственное участие: вела переписку, переводила на французский и английский языки разные наши документы, подбирала материалы, говорила с людьми и пр. Иногда мы часами сидели на солнечном откосе горы, покрытой кустарниками. Ильич набрасывал конспекты своих речей и статей, оттачивал формулировки, я изучала по Туссену итальянский язык. Инесса шила какую-то юбку и грелась с наслаждением на

осеннем солнышке — она еще не до конца оправилась после тюрьмы”.

Далее Крупская свидетельствовала: “Тем временем шла подготовка международной женской конференции. Важно было, конечно, не только то, чтобы такая конференция состоялась, но и то, чтобы она не носила пацифистского характера, а заняла определенно революционную позицию. Нужна была поэтому очень большая предварительная работа. Она легла главным образом на Инессу. Помогая редакции ЦО в переводе всяких документов, будучи участницей разворачивающейся борьбы с оборончеством с первых же шагов ее, Инесса была как нельзя лучше подготовлена к этой работе. Кроме того она знала языки. Инесса переписывается с Кларой Цеткин, Балабановой, Коллонтай, англичанками, крепит первые нити международной связи. Нити до невероятности слабы, постоянно рвутся, но вновь и вновь начинает Инесса работу... Остался в памяти такой момент: сидим мы с Инессой в больнице у Абрама Сковно, которому делали какую-то операцию. Приходит Ильич и начинает убеждать Инессу немедленно пойти к Цеткин, убедить ее в правильности нашей позиции, она ведь должна понять, не может не понять, что в данный момент нельзя скатываться к пацифизму, надо заострить все вопросы. И Ильич приводит все новые и новые аргументы, которые должны убедить Цеткин. Инессе не хотелось идти, она считала, что из разговора ничего не выйдет. Ильич настаивал, и такая горячая просьба звучала в его словах...”

И летом 1915 года — снова вместе на швейцарском курорте в Зеренберге. Крупская вспоминает: “В Зеренберге заниматься было очень хорошо. Через некоторое время к нам туда приехала Инесса. Вставали рано и до обеда, который давался, как во всей Швейцарии, в 12 часов, занимался каждый из нас в своем углу в саду. Инесса часто играла в эти часы на рояле, и особенно хорошо занималось под звуки доносившейся музыки. После обеда уходили иногда на весь день в горы”.

После смерти Ленина политбюро ЦК большевистской партии приняло постановление, требовавшее от партийцев, которые хранили письма, записки, обращения к ним вождя, передать их в архив Центрального Комитета, т.е. с 1929 года практически в полное распоряжение Сталина.

Только в мае 1939 года, сразу же после смерти Крупской, старшая дочь Инессы Инна Арманд передала письма вождя к ее матери (многие с оторванными началом и концом) директору института Маркса-Энгельса-Ленина. Думаю, что сделать эту акцию ранее, при жизни вдовы вождя, любившая ее Инна Арманд считала неэтичным.

Характерно, что впервые три тщательно отобранных письма Ленина к Арманд были опубликованы в 1939 году. Лишь через 10 лет, в 1949 году журнал “Большевик” напечатал другие письма. И только в 1951 году — в 35-м томе четвертого издания сочинений — публикуются некоторые письма вождя, которые свидетельствуют, что Ленин и Инесса были столь близки, что до мировой войны обращались друг к другу на “ты”. Можно отметить, что Ленин не любил амикшонства и на “ты” обращался только к членам своей семьи, не считая нескольких ранних писем к друзьям юности Л.Мартову и Г.Кржижановскому.

Эпистолярное наследие вождя, в том числе и письма к Инессе Федоровне, представляют большой исторический интерес.

Хронологически два первых письма Ленина к Инессе Арманд, опубликованных в “полном” собрании сочинений, определены второй половиной декабря 1913 года (но без точной даты), спустя несколько недель после “проведенного” им “расставания”. Многие опубликованные письма начинаются с отточий, со ссылками: “начало письма не разыскано”, “рукопись имеется только с 3-й страницы”. Отсутствуют также заключительные фразы ряда писем.

В годы мировой войны Ленин не написал никому так много писем, как Инессе Арманд. Но составители 48-го и 49-го томов “полного” собрания сочинений сделали многочисленные купюры, порою с отточиями, порою без них, так что часть опубликованных ленинских писем к Арманд следует считать фальсификацией.

Письма Ленина к Арманд, прежде всего официально не опубликованные, а также купюры в опубликованных, представляют особый интерес. Вождь здесь очень откровенен, порою несдержан к соратникам по партии. В этих письмах и изъятых из публикаций абзацах порою просматривается интимная близость Владимира Ильича и Инессы, хотя ни-

чего принципиально нового в отношениях между ними, на что надеялся директор Центрального музея В.И. Ленина Мельниченко, не открылось.

Имеет смысл проанализировать письма Ленина в хронологическом порядке — вначале довоенного периода, затем — военного, и, наконец, послеоктябрьского. Так, в начале одного из первых сохранившихся писем — от 28 января 1914 г. — изъято окончание предложения: “...если ты думала, что я тебя “утешал” мыслью о Париже, то это неверно”. Судя по контексту письма, Ленин уговаривал Инессу обосноваться во французской столице, мотивируя важностью ее пребывания там для налаживания издательской деятельности большевиков.

27 февраля 1914 года Ленин направил Арманд в Париж телеграмму: “Прошу известий, крайне встревожен”. В письме, отправленном во второй половине марта в Париж, купировано начало опубликованной части письма, относящееся, скорее всего, к украинским эмигрантам, “*которые теперь проповедуют — дурачье и сволочь!* — **федерацию национальных с[оциал] д[емократических] партий в России. Алек[синск]ий и Луна[чарск]ий влияют на них**”. Обратим внимание на исключительно теплый тон обращений Ленина к Инессе начала 1914 года: “Дорогой друг! Ужасно рад твоему дружескому, милому, хорошему, теплому письму. Благодарен тебе за него несказанно”, — начинает Ленин свое письмо к Арманд 26 января 1914 г. И заканчивает: “Крепко, крепко, крепко жму руку, мой дорогой друг” (48; 254, 255). А письмо от 11 апреля этого же года заканчивается: “Ужасно рад, что к тебе едут дети и что ты с ними скоро двинешь на лето. Крепко, крепко жму руку. Твой В.У.” (48; 281).

Среди множества прочих заданий — Ленин просит Инессу в начале июля 1914 года съездить в Брюссель и выступить там от имени большевиков с докладом на организованном Международным социалистическим бюро II Интернационала совещании левых российских партий и организаций: “Надо **очень** спешить!! Согласись, право! Хорошо встряхнешься и делу принесешь пользу!!” (48; 298). “Конечно, кроме прекрасного французского нужно **понимание сути дела и такт**. Кроме тебя **никого нет**, посему прошу, изо всех сил прошу согласиться хотя бы на день”.

Настаивая на поездке Инессы в Брюссель, Ленин писал ей: “Надя думает, что твои старшие дети уже приехали и ты легко сможешь на 3 дня оставить их (или взять Андриюшу с собой). На случай, что старшие не приехали и что оставить детей на 3 дня **абсолютно** невозможно, — я предлагаю: поехать тебе **на один день** (16-ое, **даже на полдня**, для прочтения доклада), либо оставив детей на день, либо даже выписав на этот день К-вич, ежели крайность требует. (Расходы оплатим)” (48; 300, 301).

6 июля 1914 г. Ленин делает приписку к письму Крупской к Арманд: “Жду ответа и согласия с нетерпением...” Через день он получит ответную телеграмму Инессы о согласии войти в состав делегации ЦК РСДРП на Брюссельском совещании. Задача перед Инессой Федоровной была поставлена нелегкая — доказать зарубежным социал-демократам, что большевики — единственная рабочая партия в России. Это было особенно важно вождю для получения спорных “держательских” денег.

Ленин наказывал Инессе Федоровне: “Гвоздь, по-моему, — доказать, что только мы партия (там блок-фикция или группки), только мы рабочая (там буржуазия, дающая деньги и одобряющая), “только мы **большинство**, 4/5)”. Арманд сомневалась в своих возможностях — и в этом же письме вождь ее успокаивал: “...упорно не верю пессимистам, т.е. говорящим, что ты... едва ли... Вздор и вздор! Не верю! Превосходно ты сладишь! Прекрасным языком твердо их всех расшибешь, а Вандервельде не позволишь обрывать и кричать” (48; 307, 308). За 4 дня — между 13 и 16 июля — Ленин получил от Арманд еще три телеграммы — о получении доклада большевиков Брюссельскому совещанию, о выезде ее в Брюссель.

Ленин подробно ее инструктирует — характерно начало письма, посланного через несколько дней: “Дорогой друг! Я чрезвычайно тебе благодарен за твое согласие. Я просто уверен, что ты превосходно выполнишь твою важную роль и дашь достойный ответ Плеханову, Розе Люксембург и Каутскому и Рубановичу (наглец!), которые едут в Брюссель в надежде устроить демонстрацию против нас вообще и против меня в частности.

Ты с делом достаточно хорошо знакома, говоришь хорошо, и я уверен, что теперь сможешь быть достаточно “на-

хальна”. Пожалуйста, не истолкуй “в плохую сторону”, если и даю тебе кое-какие частные советы для облегчения твоей тяжелой задачи. Плеханов любит “смущать” товарища говоря им “вдруг” галантности (по-французски и т.п.) Надо быть готовым к этому для быстрого ответа — и по возможности, товарищ Плеханов, вы поистине старый волокита (или талантливый кавалер) — или что-либо в этом роде, чтобы нежелательно **отбрить** его. Ты должна знать, что все будет очень неприятно (я очень рад), увидев, что я отсутствую, и, вероятно, захотят отомстить тебе. Но я уверен, что ты покажешь свои “ноготки” наилучшим образом. Заранее восторгаюсь при мысли, как они нарвутся публично, встретив холодный, спокойный и немного презрительный отпор”.

Далее Ильич учит Инессу, как “обрезать сразу” Плеханова, который любит “задавать вопросы”, издеваясь над вопрошаемым. “Все время занимать наступательную позицию, — считал Ленин, — это самый лучший прием с нахалами. Они труссы и сразу оседают, осекутся” (48; 314-315).

Не все дела шли гладко несколькими месяцами раньше при подготовке Брюссельского совещания, для которого Ленин написал доклад, отдав его Попову для перевода на французский язык и передачи руководителю МСБ К. Гюисмансу, после чего уехал из Брюсселя. Проходили недели, а Попов все никак не мог выискать времени, чтобы приступить к переводу. 2 марта 1914 г. Ильич писал Арманд: “Не знаешь ли, что с Поповым в Брюсселе? Он не отвечает мне 2-3 недели(!) на **спешные** и **важные** письма. А он мне нужен! Не заболел ли? Или его “история”, love-story (любовная история — А.Л.), что-либо с ним сделала, выгнала его из Брюсселя и т.п.? Если ничего не знаешь, то, пожалуйста, сделай так: подожди два дня; если за это время не будет от меня иной вести, напиши в Брюссель **через других знакомых** ему и об нем, чтобы я **навверное** узнал, в чем дело. Нечто невероятное и невозможное! Если знаешь что-либо о нем, черкни мне тотчас” (48; 267).

Но Попов не подавал признаков жизни, о чем свидетельствует следующее впервые опубликованное мною письмо Ленина к Арманд:

“Воскресенье. 8/III-1914.

Дорогой друг! Ты отвечаешь на мое грустное письмо, а я совершенно забыл, как, что, когда я писал — вот неудобство переписки чересчур издалека.

Ну, буду продолжать беседу вообще, несмотря на этот перерыв.

Вчера взбесило меня нахальнейшее письмо Гюисманса, которому Попов до сих пор не доставил доклада!! А обещал сделать это 4/II (2/II я уезжал из Брюсселя и из кафе — помнишь? Не знаешь ли названия кафе? Около Care du Nord) — писал об этом Гюисмансу. (Кафе “Космополит” близ Северного вокзала. — А.Л.).

Послал бешеное заказное с обратной распиской письмо этому мерзавцу Попову: занимайся, дьявол тебя бери, какими хочешь любовью и болезнями, но, если взял партийное обязательство, то выполняй или вовремя передай другому. Написал также Карлсону. А Гюисмансу ответил, что его выражения оскорбительны, что он не имеет никакого права их употреблять и если он не откажется формально от них, то это будет последнее письмо, которое я ему пишу!

Сволочь Попов — выставил меня обманщиком перед Гюисмансом...

Из Москвы почти нет вестей. Московского Комитета, кажись, нет. Областники работают недурно, но темп медленный. Теперь еще плехановцы +1 “наш” литератор ставят нам профессиональный орган. Боимся (entre nous) (между нами (фр.) — А.Л.), чтобы нашего не обошли.

Выйдет ли “Работница” после ареста, не знаем”.

Сверху на английском языке — конспиративная приписка: “Никаких новостей от “Брата”! Если Вы ему напишите, спросите о письмах и новостях и информируйте меня. Спросите его, имел ли он конфликт “с прекрасной, но глупой женщиной” перед ее смертью”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3221).

Впрочем, Попов и Арманд в конце концов справились с поручением Ленина — о чем довольный Ильич писал последней: “Вы с Поповым отлично отбрили Гюисманса. Так ему и надо” (48; 324).

Ленин в середине июля 1914 года многократно благодарил Инессу за успех в Брюсселе: “Дорогой друг!.. Я в высшей степени рад за тебя и благодарен, что ты меня освободила от моих обязанностей в Брюсселе (Мартов в Брюсселе.

Твоя задача очень трудная, но крайне важная). Я тебе очень и очень благодарен за твою работу, столь неприятную и столь искусную” (48; 318). В письме от 19 июля 1914 г.: “Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка, я бы взорвался, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами. А им только того и надо было — на это они и провоцировали. У вас же и у тебя вышло спокойно и твердо. Чрезвычайно благодарен и приветствую тебя” (48; 323). В тот же день в другом письме: “Я послал твоему сыну 150 фр. Вероятно, это слишком мало? Пожалуйста, дай мне знать немедленно, насколько больше ты израсходовала. Я тотчас вышлю” (48; 324).

Обратимся к письмам Ленина к Арманд довоенного периода, впервые мною опубликованным (“Я так любила... смотреть на тебя”, “Российская газета”, 18 и 19 января 1994 г.). Вот три никогда не публиковавшиеся письма Ленина к Арманд из Поронино, затрагивающие запутанное и на сегодняшний день “дело Малиновского” — от 7 июня, 25 июня и 25 июля 1914 г.:

Первое — в основном на английском языке:

“Дорогой друг! Я в настоящее время всецело занят и измучился с этой самой историей с Малиновским. Он здесь и его очень тяжело видеть — в таком он плохом настроении и беспомощен теперь. А ликвидаторы экспромтом продолжают их позорную кампанию шантажа. Посылают телеграммы, полные мелких несуразниц и непрекращающихся сплетен.

По обыкновению, он очень добр, в высшей степени любезен, но, как исключение, у него бывает время от времени перелом в настроении в течение всей недели. Ликвидаторы опубликовали (если мы правильно поняли известную телеграмму), что мы знаем о слухах насчет политической нечестности Малиновского!!

Действ[итель]но, мы их слышали от венцев (ликв[идато]ров), кои болтали — но мы, конечно, отбросили их, внося в колл[егию] из 3-х чл[енов] ЦК. А ликв[идато]ры! Кому внесли??

Ну, рабочие уже задали и зададут грязным клеветникам!

Посылаем тебе нов[ую] газету.

Если возможно, не злись на меня. Я возложил на вас большую работу, я это знаю...

Ваш преданный В.Л[енин]

После вашего отъезда из Парижа — ничего не добьешься там! Ну и люди!!” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3281).

Второе письмо — на английском и русском языках:

“Дорогой друг!

Мы прибыли сюда — два члена — на так называемый парламент. Если ты в чем-нибудь нуждаешься, пожалуйста, напиши сейчас же. До чего довели подлецы ликв[идато]ры М[алинов]с[к]ого: сегодня он получил письмо от жены. Младший сын, — пишет она про 5-6 летнего мальчика, — скрывая от меня, сказал старшему, что про отца ходят дурные слухи!!

Да, предела нет мерзости, на которую идет буржуазная интеллигенция из ненависти к рабочему движению!

У нас отчаянная погода: льет и льет неделями без перерыва! Не будь работы, с ума бы сошли.

Как-то у тебя? Есть ли малярия? Ежели хоть малейшая опасность ее, разумнее бы всего было уехать, благо пансион не связывает.

Константин и Абрам тоже хотят. Чудесно! Поддержися в этом плане!

В делегации в Вене будет Донской с женой. Хороший чел[ове]к, тоже зря оклеветанный. Вандервельд поместил в обзрении в “Юманите” ч[то] де наши расхождения “опасны”(!!), но не дал данные о тираже газет!!

Крепко, оч[ень] крепко, оч[ень] и оч[ень] крепко жму руку. Твой В.Ульянов]

Готовишься ли ты систематически к Вен[скому] Конг[рес]су? Оч[ень] прошу делать это исподволь и серьезно! Черкни!” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3290).

И, наконец, третье письмо, на английском языке — неожиданное тем, что Ленин в обращении к Инессе переходит на “вы”.

“Мой дорогой и самый дорогой друг!

Наилучшие приветствия в связи с приближающейся революцией в России!

Мы имеем кой-какие вести. Очень хотелось бы знать больше того, что сообщают телеграммы, о том, что там творится!!

Ныне в большом городе лучше, чем в деревушке в Галиции. На события ответом является — вопрос войны между Австрией и Сербией... Идиотская Брюссельская конференция мо-

жет быть забыта в такое время. (Я понимаю, что ликвидаторы + Плеханов и другие каналы приготовят общий манифест. Польские предатели, оппозиция, не захотят его подписывать!! Начало разложения в новом "третье-июльском блоке"!!).

Завтра я жду здесь товарища, которого вы видели в Брюсселе в Латышской партии.

Это лето в высшей степени несчастливо: во-первых, "дело" Малиновского, затем конференция в Брюсселе. Новое большинство неизвестных на большом митинге нашей партии выразило желание, чтобы почаще повторялись события в СПБ.

Здесь в высшей степени неприятная "история" с глупой солдатской женой. Она здесь с армией и двумя новыми товарищами: 1) молодой человек с седыми волосами, которого Вы видели в первый раз в России, после, в 1912 г., был левым в Кракове — прежний издатель нашего научного журнала. Оба были друзьями солдатской жены. Оба ненавидели Малиновского и повторяли: "жена"... "убеждена", что он — агент-провокаатор!!

Мы, при нашем положении в обществе, как представители комиссии по расследованию, потеряли много лет для выслушивания "данных", служащих "доказательством" по поводу солдатской жены. Глупые сплетни, истерия — ничего серьезного. Она обвиняет нас в пристрастности (по отношению к Малиновскому)!! Очная ставка ее с Малиновским. Она поругана — она смешала личные интересы "интимности" с политикой. Малиновский упоминал здесь об интимных беседах. Теперь пришли "втроем" (солдатская жена и два друга) и почти требовали дуэли с Малиновским и т.д. и т.д.

О, что за убожество! Эти истеричные глупые создания, я не перестаю злиться!! Терять время из-за ничтожных глупых историй!!

Весьма вам преданный, я надеюсь, что вы не злитесь на меня, мой дорогой друг?

Ваш В.Л.

В нашей столице "осадное положение". Много газет закрыто. Многочисленные аресты. Собратья по борьбе, очевидно, уцелели, так как получил сообщение из Финляндии с намеком, что собратья там невредимы. Но это только предположение. Ничего нет определенного". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3341).

Составители 48 тома в ленинском письме от 19 июля 1914 г. заменили обращение “Мой дорогой и самый дорогой друг” на “Мой дорогой друг”. А в конце письма изъяли абзац: “Здесь солдатская жена и ее новый любовник. Это и в “армии” в высшей степени глупо. Как-нибудь потом я хочу тебе рассказать, почему”.

Звучит это как сплетня по отношению к большевичке Елене Размирович (“глупой солдатской жене”), которую Ленин рьяно громил за разоблачение провокаторства Малиновского. Ошибалась Крупская, утверждая, будто Ленин, “ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь. Он считал такое вмешательство недопустимым”. После октябрьского переворота Е.Размирович возглавит следственную комиссию Ревтрибунала при ВЦИК. И вождь сменит гнев в ее адрес на милость, высоко оценивая деятельность “глупой солдатской жены” даже в довоенные годы. 7 апреля 1921 г. он направляет в оргбюро ЦК РКП(б) записку: “Вполне присоединяюсь и усердно ходатайствую о резолюции, **обязывающей** Е.Ф.Размирович отправиться в Германию именно с этой группой. Свидетельствую, по опыту **лично моему** и **ЦК 1912 — 1913** годов, что работник это очень крупный и ценный для партии. Болезнь тяжелая, едва ли излечимая в России.” А накануне Ленин писал со свойственным ему мрачным юмором А. Цюрупе: “Не “захватите” ли в Германию Елену Федоровну Размирович? Николай Васильевич Крыленко очень обеспокоен ее болезнью. Здесь вылечиться трудно. А немцы выправят... По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в Германию в санаторий” (52; 132, 133). Е. Размирович была замужем за председателем Ревтрибунала Н.Крыленко, ее непосредственным начальником, и семейная парочка отправляла на смерть множество ни в чем не повинных людей.

Что касается безоглядной защиты вождем провокатора Р.Малиновского, то я неоднократно обращался к этой теме, впервые опубликовал четыре письма Ленина в “Правду” в защиту провокатора (“Ленин знал, что Малиновский — уголовный преступник”, “Российское время”, №№ 8-9, 1993 г., “Почему Ленин яростно защищал провокатора?”, “Куранты”, 13 августа 1993 г.). Много опубликовано неизвестных

ранее документов по этой теме — но тайна взаимоотношений Ленина и Малиновского все еще полностью не раскрыта.

Еще один пример ленинского стиля из впервые опубликованного мною письма к Арманд от 20 июля 1914 г.: *“Прекрестили сволочь поляки (оппозиция) явно из-за Малецкого (его речь подлая!). Подлые поляки оппозиция перетянула и “слабого” (дурачка) литовца”*; *“дурак я был, что советовал смягчить против этого мерзавца Плеханова!!”* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3335). Впрочем, грубая ругань Ленина по отношению к крупнейшим деятелям международного рабочего движения содержится и в официально опубликованных письмах к Арманд, например, в одном из последних перед началом мировой войны: *“Было бы очень хорошо, если бы ты завязала переписку с Каутским (он личность подлая, совершенно без характера, поддающийся влияниям, постоянно меняющий позицию согласно тайным побуждениям и настроенный против меня из-за “истории с деньгами”*; особенно подло выступать в качестве *“беспристрастного”* или играть роль *“беспристрастного”*, будучи пристрастным и обозленным главным образом против меня после личной ссоры со мной из-за денег. Подло!)”. И далее: *“Если ты хочешь... я помогу тебе приватно приготовить письмо для Каутского. Но теперь очень трудно парализовать подлые интриги и Каутский является жертвой интриг со стороны Розы Люксембург, Плеханова и К°. Плеханов подлейший перебежчик, как всегда. Видела мои удары ему в “Рабочем” № 7 и в “Просвещении” № 6?.. Ваше поведение на конференции было правильное и вы оказали большую услугу партии. Попов пишет мне, что ты была больна. Твой голос был очень слабый. Что у тебя за болезнь? Пожалуйста, пиши подробнее! Иначе я не могу быть спокойным. Сердечно приветствую тебя и шлю наилучшие пожелания. Желаю здоровья и спокойствия. Твой В.И.”* (48; 325, 326).

Началу мировой войны вождь был рад — еще в январе 1913 года он писал М.Горькому: *“Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие”* (48; 155).

Многочисленные письма Ленина к Арманд военного периода собраны в 49-м томе “полного” собрания сочинений. Вскоре после начала войны вождь проявляет беспокойство по поводу здоровья, устройства Инессы, которая, как и он, оказалась в Швейцарии. В письме, написанном во второй половине сентября 1914 года, Ленин беспокоится: “Надеюсь, что мы скоро встретимся. Как Вы думаете?... Гуляете ли Вы? Лучше ли Вы теперь питаетесь? Есть ли у Вас книги? газеты?” (49; 7). Вождь неоднократно запрашивал о зубном враче: “Отчего ни слова не пишете о том, когда назначил Ваш дантист срок излечения? Или хоть приблизительно?” “Почему не пишете, что Вам говорит дантист? Когда приедете?” (49; 78, 80).

Конечно, большую часть текстов писем к Арманд составляли поручения и советы вождя. Н.Валентинов высказал предположение, что отвергнутая Лениным Инесса, подсознательно желая вызвать у него ревность, присылает ему план брошюры о женском вопросе, в котором звучит требование “свободы любви”. В письме от 17 января 1915 г. Ленин советует это требование выкинуть как “не пролетарское, а буржуазное требование”. По его мнению, дело не в том, что понимает Арманд под “свободой любви”: “дело в **объективной логике** классовых отношений в делах любви” (49; 51-52). Инесса, судя по ленинскому письму от 24 января 1915 г., высказывает несогласие, не понимает, “как **можно** (так и написано!) **отождествлять** (!!?) свободу любви” со свободой адюльтера. Тезис Ленина: “буржуазки” понимают под свободой любви свободу “от серьезного в любви”, “от деторождения”, свободу адюльтера. И у Ленина отличный от Арманд взгляд на эту проблему. “...Вы, совершенно забыв объективную и классовую точку зрения, переходите в “атаку” на **меня**”.., — жалуется он. И далее: “Даже мимолетная страсть и связь” “поэтичнее и чище”, чем “поцелуи без любви” (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прекрасно. Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов **грязны**. Согласен. Им надо противопоставить... что?.. Казалось бы: поцелуи с **любовью**? А Вы противопоставляете “мимолетную” (почему мимолетную?) “страсть” (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поцелуи без любви

(мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским... Странно. Для популярной брошюры не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский... пошлый и грязный брак без любви — пролетарскому гражданскому браку с любовью (с добавлением, если уж непременно хотите, что и мимолетная связь — страсть может быть грязная, может быть и чистая)” (49; 55-56).

В самом начале 1916 года Арманд по поручению Ленина на несколько месяцев переезжает в Париж для революционной работы с французскими социалистами и синдикалистами. Глубокое чувство к Арманд у Ленина сохранялось — о чем говорят письма:

В письме от 15 января 1916 г.: “Дивлюсь немного, что нет от Вас вестей. Покаюсь уже заодно: у меня, грешным делом, мелькает мысль — не “обиделись” ли уже Вы, чего доброго, на то, что я не пришел Вас проводить в день отъезда? Каюсь, каюсь и отрекаюсь от этих мыслей, я уже прогнал их прочь” (49; 174).

От 19 января: “Как Вы себя чувствуете? Довольны ли Вы? Не скучаете ли Вы? Заняты ли Вы очень? Вы мне причиняете много огорчений, лишая меня совершенно вестей о себе!.. Где Вы живете? Где кушаете? В “буфете” Национальной библиотеки? Еще раз прошу писем “до востребования”.

Преданный Вам Ваш Базиль.

P.S. Еще раз, ничего! Нет писем от Вас” (49; 175-176).

Обратим внимание — “до востребования”, “Ваш Базиль”.
Конспирация!

Письма Ленина к Арманд весны 1916 года не вошли в “полное” собрание сочинений. Видимо, в это время Инесса проявляла определенное “своеволие”.

Так, письмо к ней Ленина от 19 марта 1916 г. начинается с выяснения отношений: “Дорогой друг! Сегодня получили Вашу сердитейшую открытку и на нее ответили (вернее, не только на нее) длинным письмом. Не следует все же, даже и в сердцах, писать грубые слова вроде “нагорожено” (в письмах): это не располагает к продолжению переписки”. В эти же дни вождь запрашивал Зиновьева: “Не лучше ли попытаться кого-либо послать в Россию? ...Инессу? Тоже хорошо бы, но она не поедет”. (Лен. сб. XXXVII, стр. 38, 39).

А 7 апреля вождь, отдохавший вместе с женою в горном санатории “Чудивизе” недалеко от Цюриха, писал Арманд, собиравшейся вернуться из Парижа в Швейцарию: “Дорогой друг! Удивляемся и беспокоимся по случаю отсутствия вестей от Вас. 25/III посланы Вам деньги, а также и книга. От Вас, вопреки обыкновению, ни звука. Разве под конец чересчур усердно работаете над диссертацией? Желаю от души успеха, но все же не надо зарабатывать до переутомления. Черкните пару слов. Лучшие приветы и пожелания от обоих. Ваш Ленин.” (Лен. сб. XL, стр. 49-50).

Вернувшись в Швейцарию, Инесса лето проводит в Берне, а осень — в санаторном отеле горной деревушки Зеренберг, где они втроем — Ленин, Крупская и Арманд — жили многие месяцы летом и осенью 1915 года.

Переписка Ленина и Инессы очень интенсивна, касается многих проблем рабочего движения России и Франции, Швейцарии и Скандинавии. Арманд как никогда часто выполняет просьбы вождя о переводе на французский язык его речей и статей.

В июне 1916 года Ленин пишет Инессе: “...было бы для дела архиполезно, если бы Вы могли провести несколько месяцев в Швеции или Норвегии” (49; 245).

В последующих письмах, не вошедших в “полное” собрание сочинений, Ленин подробно инструктирует Арманд — как нужно оформить документы. Он советует убедить германских консульских работников в Берне, что ей известны правила разрешения проезда через Германию: “Возможно, что мерзавцы испугаются, что Вы **знаете порядок**, и ответят”. (Лен. сб. XXXVII, стр.53). Непонятно — почему вождь считал консульских чиновников мерзавцами?

Ленин проявляет постоянную заботу о здоровье Арманд. 25 июля 1916 г.: “Жму руку и советую и прошу **лечиться**, чтобы к зиме быть **вполне здоровой**. Поезжайте на юг, на солнце!!” (49; 268). Письмо от 25 октября 1916 г. кончается следующим обращением: “...**Не** сидите в Зеренберге: замёрзните и простудитесь. Всяческие приветы! Ваш Ленин.

P.S. Может, у Вас нет денег на проезд? Пишите непременно: мы легко достанем, сколько надо...” (49; 311). Впрочем, в другом письме вождь называет другую причину жела-

тельности переезда Арманд: "... времени мало, а почтовые сношения с Зеренбергом очень плохи" (49; 315).

Предложение денег "сколько надо" контрастирует с жалобами Ленина в эти же дни Шляпникову: "О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить **силком** деньги от издателя "Летописи", коему посланы две мои брошюры (пусть платит; **тогда** и побольше!)... То же — насчет **переводов**. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне" (49; 302).

В письмах к Арманд Ленин по-прежнему несдержан в оценках. Так, в одном из писем начала февраля 1916 года он бранился: "Если Маша оказалась такой, то я лично очень рад, что эта сука отказалась идти в наш журнал". Или: "На такое говно, как Мергейм, не стоит тратить много времени: ясно, что безнадежно". (Лен. сб. XXXVII, с.35).

Резкий тон своих критических выпадов Ленин объясняет в письме Арманд от 30 ноября 1916 г.: "Извиняюсь за длинное письмо и за обилие резких слов: не могу писать иначе, когда говорю откровенно. Ну, это ведь все *entre nous*, сойдет, чай, и лишняя ругань. Лучшие приветы! Ваш Ленин".

В этом письме Ленин необузданно нападал на Карла Радека, который, по его словам, "держит себя в политике как тышкинский торгаш, наглый, нахальный, глупый". "Кто **прощает** такие вещи в политике, того я считаю дураком или негодяем. **Я их никогда не прощу**". "За это бьют по морде или отворачиваются". "Если Радек **не** понимал, **что** он делает, тогда он дурачок. Если понимал, тогда мерзавец", и т.д. Здесь же Ильич называл Г. Пятакова "поросеночком", у которого "ни капли мозгов". И обещал ему и его сторонникам: "Я вам набью морду и ошельму вас, как дурачков, перед всем светом" (49; 328-334).

Нагляден пример фальсификации советских изданий. В этом же 49-м томе в письме к Зиновьеву в марте 1916 года перед фразой "Радек ведет себя так подло" без всяких отточий изъята ленинская фраза о том, что польская "Газета Роботнича" "так пошла и подла". А в письме к тому же адресату от 20 марта 1916 г. в начале фразы "Радеку дайте" также

без всяких отточий изъято “(если Вы хотите еще иметь с этой сволочью дело)”.

В декабре 1916 года вождь загорается мыслью — поставить не умеющую ходить на лыжах Инессу “на горные лыжи”: “Ходите ли на лыжах? Непременно советую: архиполезно. Гуляйте по горам на лыжах”... “А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно.” (49; 339, 341).

15 января 1917 года Ленин пишет Арманд: “...ужасно мне хотелось бы, чтобы Вы получше встряхнулись, переменяли воздух, побывали среди новых и старых друзей, ужасно бы хотелось сказать Вам побольше дружеских слов, чтобы Вам полегче было, пока не наладитесь на работу, захватывающую целиком. Жму крепко руку. Ваш Ленин” (49; 366).

И свидетельство абсолютного доверия — в письме на следующий день, 16 января: “Дорогой друг! Если Швейцария будет втянута в войну, французы тотчас займут Женеву. Тогда быть в Женеве — значит быть во Франции и оттуда иметь сношения с Россией. Поэтому **партийную** кассу я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее на себе, в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны). Пишу об этом Григорию. Это только планы, пока между нами. Я думаю, что мы останемся в Цюрихе, что война невероятна. Лучшие приветы и рукопожатие! Ваш Ленин” (49; 367).

26 февраля и 31 марта 1916 г. Ленин, ратующий за поражение царского правительства, радуется француженку Арманд успехами Франции, союзницы России, в войне с Германией:

“Дорогой друг! Я знаю, что Вы интересуетесь наукой, а не политикой. Но все же симпатии Ваши, я не сомневаюсь в этом, на стороне Франции. Раскол среди немецких социалистов, как заявил один французский министр, не безразличен для Франции. Поэтому надо помочь информировать об этом и французов и русских... Наука для Вас все, но немножко симпатии к Франции, даже много симпатии, — у Вас, конечно, есть!”

“Дорогой друг! Сейчас получили Вашу открытку; очень спешу ответить: почту закрывают. Вы не очень довольны “ватагой” друзей самоварчика, а “ватага” этих ребят в вос-

торге от Вас: так пишет нам самоварчик с их слов. Поздравляю от души с успехом и желаю такого же и еще большего впредь. Политикой Вы не интересуетесь, но все же сочувствуете Франции: мы имеем **превосходные** сведения о расколе среди немецких социалистов и о ходе дел среди “Интернациональных социалистов Германии”. Эта весть в пользу Франции...” (49; 186, 209).

Но все-таки тот факт, что родившаяся во Франции Арманд жаждала поражения в войне Германии, а не России (а с ней, и Франции), за что боролся Ленин, не радовал вождя, и он в самом конце 1916 года писал Инессе: “Насчет защиты отечества. Мне было бы архинеприятно, если бы мы разошлись. Попробуем еще спеваться” (49; 344). В конце концов Арманд уступала.

Вот два впервые опубликованных мной ленинских письма к Арманд: в Берн от 6 июля и в Зеренберг от 26 ноября 1916 г.

Первое: *“Дорогой друг! Надя рассказала мне о неприятностях, возникших в Берне и падающих также и на Вас. Если позволите дать совет: обращайтесь на них, пожалуйста, как можно меньше внимания. Право же, перемелется — мука будет. Очень рад Вашему плану переменить на лето воздух, на время, — только (еще раз: если позволите дать совет) не выбирайте Sor[en]berg], а новое место с новыми людьми, чтобы встряхнуться.*

Крепко жму руку и желаю от души побольше бодрости и невнимания к бернским неприятностям. Ваш Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4091).

И второе: *“Дорогой друг! Только что отправил Вам, так сказать, деловое письмо в ответ на Ваши замечания и мысли по поводу Вашего письма о женских организациях. Но кроме делового письма захотелось мне сказать Вам несколько дружеских слов и крепко, крепко пожать руку. Вы пишете, что у Вас даже руки и ноги пухнут от холода, это, ей-ей, ужасно. У Вас ведь и без того руки всегда были зябки. Зачем же еще доводить до этого? Вы пишете сами, что скоро уедете (я не говорю об этом, ибо Вы просили, ч[то]бы я не писал Вам своих просьб о том, чтобы Вы лучше уехали, где люди есть). Очень рад, что Вы сами собираетесь уехать, и от всей души желаю, чтобы полегче было в другом месте.*

Еще раз крепко жму руку и шлю лучшие приветы. Ваш Ленин”.

Внизу приписка Н.К.Крупской: *“Крепко тебя обнимаю”.* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4303).

В конце 1916 года Ленин многословно разъясняет Арманд сущность “империалистического экономизма”, соотношение между демократией и социализмом, важность “политического подхода” ко всем этим проблемам.

Очень интенсивной была переписка Ленина с Арманд в первые месяцы 1917 года — более трех десятков ленинских писем. Обращает на себя внимание такой факт: бдительные составители 49-го тома сделали купюры в 8-ми письмах Ленина к Арманд периода с 13 января по конец марта — начало апреля 1917 года. Приведем эти впервые опубликованные мною купюры. Две — в письме от 13 января.

Начало письма: *“Дорогой друг! Последние Ваши письма были так полны грусти и такие печальные думы вызывали во мне и так будили бешеные угрызения совести, ч[то] я никак не могу придти в себя. Хочется сказать хоть что-либо дружеское и усиленно попросить Вас не сидеть почти в одиночестве, в местечке, где нет никакой общественной жизни, а поехать куда-н[и]б[у]д[ь], где можно найти новых и старых друзей, встряхнуться”.*

И конец письма: *“P.S. Насчет Троян[овск]ого. Entre n[ous] я бы желал, чтобы этот дурак набитый вылез наконец в печать или в “письм[енное] заявление”. Надоела мне эта поганая склока, тянущаяся годами! Я бы его проучил и отучил надолго!! “Поверить” негодяю Маркову 2 — подумайте, до чего это глупо!!”* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4365).

Напомним, что в тот период большевик А.Трояновский был мужем Е.Размирович, твердо придерживался убеждения, что Р.Малиновский — провокатор, на чем настаивал правый депутат IV Государственной думы Н.Марков (Марков 2-й).

Во втором письме, от 19 января — сразу за обращением “Дорогой друг”: *“Насчет нем[ецкого] плена” и пр. все Ваши опасения чрезмерны и несостоятельны. Опасности никакой. Мы пока остаемся здесь. Очень прошу Вас при выборе своего места жительства с соображениями о том, не поедули туда-то, не считаться. Это было бы уже нелепо, дико, смешно, если бы*

я стеснял Вас в выборе города соображением о том, не “может” ли в будущем так выйти, ч[то] и я туда **приеду!!!**” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4389).

Абзац свидетельствует, что Арманд продолжала любить Ленина так горячо, что не в силах была находиться с ним в одном городе.

В третьем письме, написанном между 22 и 29 января — купюра: *“По-видимому, Ваш неответ на несколько моих последних писем указывает — в связи с кое-чем еще — на некоторое измененное настроение или решение или положение дела у Вас. Последнее Ваше письмо содержало в конце два раза повторенное слово — я пошел, справился. Ничего. Не знаю уже, что думать, обиделись ли Вы на что-либо или были слишком отвлечены переездом или другое что... Боюсь расспрашивать, ибо пожалуй расспросы Вам неприятны, и потому условлюсь так, что молчание Ваше по этому пункту я принимаю именно в том смысле, что расспросы Вам неприятны, и баста. Я тогда извиняюсь за них и конечно не повторю”.* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4401).

В четвертом письме от 25 февраля — очередное изъятие: *“Получил от Ус[иеви]ча п[ись]мо, просит послать ему протоколы по делу Мал[инов]ского, ссылаясь на Тр[ояновско]го!! Ответил ему архиругательно (не стерпел) и просил его, ч[тобы] он мое п[ись]мо и Вам показал: пожалуйста, обучите этих дурней, Ус[иеви]ча, Володю и пр., как старшая сестра учит молодых мальчишек! Жаль, ч[то] Ус[иеви]ч слушает Тр[ояновско]го и не рвет знакомства с этим мерзавцем!!”* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4433).

Купюра в пятом письме от 27 февраля: *“бесхребетным людям, пока они не поддались совсем влиянию негодяев а la Тр[ояновск]ий, следовало бы именно поставить своевременно ультиматум: рви с нами или рви с Тр[ояновски]ми, стыдись слушать их сплетни, с коими их даже враждебные нам газеты не пускают!”* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4434).

Судя по контексту, вождь защищал в очередной раз провокатора Малиновского.

Изъятие в шестом письме от 13 марта: *“Хочется поделиться впечатлением по поводу статьи Мартынова в № 10 “Известий”! Вот перл-то! Ей-ей, судьба нам этого дурака всегда посылает на помощь. Лучшей помощи против Гримма мы*

не могли бы и желать. Перл, прямо перл. Я предвкушаю удовольствие “кушать” этого болвана. Во всех отношениях он помог нам (“Послал бог дурака”): ибо мне (или нам) говорить про “колебания” Нобса и Платтена было очень неловко, неприятно... Дурак нас выручил, сам сказавши это. Прелесть!!!” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4445).

Текст этот касался швейцарских социал-демократов Р. Гримма, Э.Нобса, Ф.Платтена.

В седьмом письме от 19 марта — в связи с попытками Ленина проехать из Швейцарии в Россию через Германию — изъято: “В такие моменты, как теперь, надо уметь быть находчивым и авантюристом. Надо бежать к немецким консулам, выдумывать личные дела и добиваться пропуска в Копенгаген, платить адвокатам цюрихским: дам 300 frs, если доставишь пропуск 4 немцев... Quant a moi je n’y comprends rien, mais absolument rien...” (“Что касается меня, то я ничего не понимаю, абсолютно ничего” (фр.) — А.Л.). (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4462).

И, наконец, купюра в восьмом письме (конец марта — начало апреля): “Надеюсь, этот старый дурень Кон (извините, стерпеть нельзя!) не собьет с толку Усиевича меньшевистскими опасениями на счет того, что скажет социал-патриотическая “княгиня Мария Алексеевна...” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4498).

Конечно, в письмах Ленина к Арманд в первые 3 месяца 1917 года — а их известно более тридцати — представляют интерес не только цензорские “купюры”.

В основном эти письма посвящены рабочему движению Швейцарии, пропаганде революционных идей в изданиях на французском языке.

Но Ленин упорно продолжает уговаривать Арманд переменить местожительство: “Мой друг! Я знаю, как Вам ужасно тяжело и чрезвычайно хотел бы помочь всячески, чем можно. Не попробовать ли Вам пожить там, где есть друзья и где можно хронически беседовать о партийных делах, хронически участвовать в них?” “...ужасно мне хотелось бы, чтобы Вы получше встряхнулись, переменили воздух, побывали среди новых и старых друзей, ужасно бы хотелось сказать Вам побольше дружеских слов, чтобы Вам полегче было, пока не наладитесь на работу, захватывающую целиком” (49; 364, 366).

В очередной раз вождь выражает беспокойство: “Дорогой друг! Что-то давно нет от Вас ни строчки? Обещали “завтра” написать — чуть не неделю тому назад — и ни звука. Разве что-либо особое помешало? Черкните хоть пару слов, если не хочется писать, а то беспокойно что-то”. “Дорогой друг! Вы, видимо, нервничаете чересчур — этим объясняю ряд “теоретических” странностей в Ваших письмах” (49; 383, 414).

Из теоретических дискуссий можно отметить крайнее возмущение Ленина, ратовавшего за гражданскую войну в Швейцарии, “идиотским пацифизмом молодых швейцарцев. Вождь уговаривал Арманд “дать ряд публичных сражений”, в ходе которых “раскрыть весь позор пацифизма, всю пошлость его” (49; 384).

И еще — “франкофилка” Арманд не соглашалась с “германофильством” Ф. Энгельса. Ленин возражал: “Ваши нападки на Энгельса, по моему убеждению, верх неосновательности. Извините за откровенность: надо много посерьезнее подготовиться, прежде чем так писать! Иначе осрамиться легко — предупреждаю *entre nous*, по-дружески, с глазу на глаз, на случай, что Вы когда-либо в печати или на собрании так заговорите”. “Насчет цензуры, которой Вы подвергли мою французскую статью, удивлен, ей-ей. Так как Вы не прислали оригинала, да я и вообще едва ли взялся бы переводить сам на французский, то послал, конечно, по-Вашему, с пропуском места об Энгельсе. “При одной мысли, что я защищаю точку зрения Энгельса на войну и на позицию тогдашних немцев, у Вас кипит кровь и Вы не можете этого переводить...” Дда! Не ожидал!” (49; 368-369, 374-375).

Обратим внимание на игривый тон некоторых писем вождя к Инессе — ни к кому другому он так не обращался. Например, объясняя Арманд соотношение между “тектаром” и “акром” земли, он писал: “И посмеялся же я над Вашей открыткой, за животики брался, как говорится... Умора, да и только!... Ну, Вы не обижайтесь, что я хохотал. Я не со зла” (49; 323-324). Или при подготовке переезда из Швейцарии через Германию в Россию: “Вы скажете может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут! Конечно, если узнают, что сия мысль от меня или от Вас

исходит, то дело будет испорчено... Нет ли в Женеве дураков для этой цели?..” (49; 406).

Арманд жила в небольшом швейцарском городке Клоране — и вождь настаивал, чтобы она вместе с ним ехала в Россию. Цитата из письма от 19 марта 1917 г.: “Вчера писал Вам открытку с дороги, думая, что Вы несомненно уже думаете и решили ехать в Берн к консулу. А Вы отвечаете: колеблюсь, подумаю. Конечно, нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь... Вероятно, у Вас есть причины особые, здоровье может быть нехорошо и т. д.” (49; 405).

Арманд наконец решила ехать вместе с Лениным, от которого приходит очередное сообщение: “Деньги (100 frs), надеюсь, получили в экспрессе, посланном утром. Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10-12 хватит, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме” (49; 424).

Последняя фраза, впрочем, важна для раздела о “немецком золоте”.

Как известно, Ленин, Крупская и Арманд возвращались из Швейцарии в Россию в одном купе знаменитого “поезда в революцию”.

Об этом итальянские кинематографисты создали фильм “Ленин... Поезд”, чем вызвали буквально панику в высшем эшелоне власти Советского Союза, о чем свидетельствовала засекреченная докладная записка второму лицу в руководстве партии Е.К.Лигачеву, написанная руководителями идеологического и международного отделов ЦК КПСС, а также КГБ СССР за два месяца до 70-летия октябрьского переворота. Они очень боялись, что в фильме “особое внимание будет уделено личной жизни В.И.Ленина”.

По приезде в Россию Ленин жил в Петрограде, а Инесса Арманд обосновалась в Москве. Сохранилось несколько коротких писем Ленина к Арманд весны 1917 года. В этих письмах наряду с другим (например, разбором общего багажа: “Сейчас получил два пакета для Вас — из тех, что были вынуты из Вашей корзины”) Ленин сообщал: “Желаю всего лучшего и в смысле работы, и в смысле устройства с заработком, и в смысле жизни с детьми”. “У нас все то же, что Вы сами здесь видали, и “конца краю” переутомлению... Начинаю “сдавать”, спать втрое больше других и пр. Как

Вы? довольны ли Москвой? С удовольствием большим вижу иногда из московского “Социал-Демократа”, как Вы берете разную работу в разных районах, но, конечно, из газеты мало видно”. (Лен. сб. XXXVII, стр. 57, 58).

Арманд являлась делегатом 7-й (Апрельской) партийной конференции 1917 года, где встречалась с Лениным, и делегатом VI съезда партии в июле 1917 года, на котором Ленин отсутствовал, ибо находился в последнем подполье. Была членом Исполнительной комиссии Московского комитета партии, гласной Московской городской думы. После октябрьского переворота Инесса работает буквально на износ. Она член Московского окружкома партии, Московского губисполкома, председатель Московского губсовнархоза. С 1918 года — заведующая отделом по работе среди женщин ЦК РКП(б).

Об этом периоде взаимоотношений Ленина и Арманд свидетельств мало, нет возможности проверить их достоверность. Не берусь судить, насколько правдивы ставшие известными из вторых рук воспоминания М.В. Фофановой, на петроградской квартире которой Ленин скрывался накануне октябрьского переворота. В эти дни Маргарита Васильевна якобы передавала письма Ленина по многим адресам, в том числе и Инессе Арманд.

“...В Октябрьской революции Арманд не участвовала, — свидетельствовала Фофанова. — Письма Ленина к Инессе Федоровне носили личный характер. Я не могла отказать Владимиру Ильичу. О его теплых связях с Инессой Надежда Константиновна знала. На этой почве между Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной были серьезные конфликты еще до октября. Но особо остро возник конфликт между ними после революции, когда Ильич стал главой Советского правительства. Владимир Ильич назначил Инессу Федоровну председателем совнархоза Московской губернии и поселил ее у кремлевских стен, напротив Александровского сада, рядом с квартирой своей сестры, Анны Ильиничны. Он часто пешком навещал Инессу Федоровну.

Надежда Константиновна заявила Владимиру Ильичу, что если он не прекратит связь с Арманд, то она уйдет от него. К сожалению, семейный конфликт стал достоянием членов ЦК партии и правительства, которые все знали и замечали.

Вскоре после назначения Арманд на должность председателя совнархоза Московской губернии обнаружилось, что она не справляется с этой совершенно необычной для нее работой. Тогда по инициативе Ленина она была назначена на вновь созданную должность заведующей женским отделом при ЦК РКП(б).

В известном дневнике Ф.Чуева “Сто сорок бесед с Молотовым” — запись от 16 февраля 1985 г.: “Говорят, Крупская настаивала, чтобы Инессу Арманд перевести из Москвы...” “Могло быть. Конечно, это необычная ситуация. У Ленина, попросту говоря, любовница. А Крупская — больной человек”.

16 декабря 1918 г. Ленин после беседы с комендантом Кремля переговорил с Арманд и направил ее к коменданту с запиской:

“Коменданту Кремля, товарищу Малькову.

Т.Мальков! Подательница — тов. Инесса Арманд, член ЦИК. Ей нужна квартира на 4-х человек. Как мы с Вами говорили сегодня, Вы ей покажите, что имеется, т.е. покажите те квартиры, которые Вы имели в виду. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.7785).

В начале 1919 года Арманд по поручению Ленина в составе Советской миссии Красного Креста ездила во Францию для работы с личным составом Российского экспедиционного корпуса, интернированного на территории бывшей союзной державы. Дипломатических отношений у Советской России с Францией не было, миссию даже арестовали на короткий срок, но в конце концов Арманд добилась незамедлительного возвращения на родину нескольких сотен солдат. Большинство из них вернулось в Россию в конце того же года. По дороге во Францию Арманд направила письмо старшей дочери Инне, в котором, в частности, говорилось: “Вот я и в Питере. Ехали мы чрезвычайно долго. Прибыли сюда только к 10 часам вечера, но едем пока очень удобно и тепло. Сегодня переночевали в Питере и сегодня утром едем дальше. И через несколько часов уже не будем больше на нашей дорогой социалистической родине. При отъезде какое-то смешанное чувство. И хочется ехать, а когда подумаю о вас, то не хочется, и вообще много думаю о вас, моих дорогих и милых. В твое письмо вкладываю: пер-

вое письмо для Саши, второе письмо для Феди (сыновья Инессы Федоровны — А.Л.) и третье письмо для Ильича. О последнем пусть знаешь **только ты**. Письма первое и второе передай немедленно, а письмо 3-е **пока оставь у себя**. Когда мы вернемся, я его разорву. Если же со мной что случится (не говорю этого потому, что считаю, что в моем путешествии есть какая-то особая опасность, но в дороге, конечно, всякое может быть, одним словом, на всякий случай), **тогда передай это письмо Вл.Ил. Лично ему**. Передать это можно таким образом: зайди в “Правду”, там сидит Мария Ильична, и передашь это письмо и скажешь, что это письмо от меня **и лично** для В.И. А пока держи письмо у себя... Письмо В.И. запечатано в конверте”. Ясно, что после благополучного возвращения Арманд уничтожила свое письмо.

Тесные личные контакты с Лениным и Крупской восстановились у Арманд два года спустя после октябрьского переворота. Крупская свидетельствовала: “В конце 1919 года к нам часто стала приходить Инесса Арманд, с которой Ильич особенно любил говорить о перспективах движения. У Инессы старшая дочь уже побывала на фронте, чуть не погибла во время взрыва 25 сентября в Леонтьевском переулке. Помню, как Инесса пришла к нам однажды с младшей дочерью Варей, совсем молодой тогда девушкой, потом ставшей преданнейшим членом партии. И Ильич при них, как я по старинке выражалась, “полки разводил”; помню я, как поблескивали глаза у Варюшки”.

Ленин проявлял заботу об Арманд и ее близких, о чем свидетельствуют четыре записки от февраля 1920 года, не вошедшие в “полное” собрание сочинений вождя. Приведем их полностью:

“Дорогой друг! Хотел позвонить к Вам, услышав, что Вы больны, но телефон не работает. Дайте №, я велю починить. Что с Вами? Черкните 2 слова о здоровье и о прочем. Привет! Ленин”.

“Дорогой друг! Черкните, пожалуйста, что с Вами. Времена скверные: сыпняк, инфлуэнца, испанка, холера. Я только что встал и не выхожу. У Нади 39° и она просила Вас повидать. Сколько градусов у Вас? **Не надо ли чего** для лечения? Очень прошу написать откровенно. Выздоровливайте! Ваш Ленин”.

“Дорогой друг! Напишите, был ли доктор и **что сказал**. Надо выполнить **точно**. Телефон опять испорчен. Я велел починить и прошу Ваших дочерей мне звонить о Вашем здоровье. Надо точно выполнить все, сказанное доктором. (У Нади утром 37,3. Теперь 38). Ваш Ленин”.

“16-17 февраля 1920. Выходить с t° 38 (и до 39°) это прямое сумасшествие! Настоятельно прошу Вас не выходить и дочерям сказать **от меня**, что я прошу их следить и **не выпускать** Вас 1) до **полного** восстановления нормальной температуры и 2) до разрешения доктора. Ответьте мне на это непременно точно. (У Надежды Константиновны было сегодня, 16 февраля, утром 39,7, теперь вечером 38,2. Доктора были: жаба. Будут лечить. Я **совсем** здоров). Ваш Ленин. Сегодня, 17-го, у Надежды Константиновны уже 37,3”. (Лен. сб., XXXV, стр.108-109).

Еще три ленинские записки Инессе в период с 17 февраля по 28 марта 1920 года, которые не вошли не только в “полное” собрание сочинений, но и в Ленинские сборники:

“Дорогой друг! Посылаю кое-что для чтения. Газеты (английские) верните (позвоните, мы пришлем за ними к Вам). Сегодня после 4-х будет у Вас хороший доктор. Есть ли у Вас дрова? Можно ли готовить дома? Кормят ли Вас?

А t° теперь? Черкните. Ваш Ленин”.

“Товарищ Инесса! Звонил к Вам, чтобы узнать номер калош для Вас. Надеюсь достать. Пишите, как здоровье. Что с Вами? Был ли доктор? Привет! Ленин”.

“Дорогой друг! После понижения t° **необходимо** выждать несколько дней.

Иначе — воспаление легких. Уверяю Вас. Испанка теперь **свирепая**. Только испанка у Вас была? А **бронхит**? Не надо ли еще книжечек?

Пишите, присылают ли продуктов для Константинович? (Сестра мужа Инессы Федоровны, работала в это время в МК РКП(б) — *А.Л.*) Напишите поподробнее.

Не выходите раньше времени! Ваш Ленин. (Н.К. поправляется)”. (“Известия ЦК КПСС”, 1989 г., № 1, стр.215-216).

В жаркие летние дни 1920 года Арманд работала с утра и до поздней ночи, являясь делегатом II конгресса Коммунистического Интернационала. По старой памяти ей пришлось переводить многочисленные речи. По сути дела, на ее пле-

чах оказались организация и проведение Международной конференции коммунистов. Не удивительно, что к концу конференции Арманд, по воспоминаниям Крупской, “еле держалась на ногах. Даже ее энергии не хватило на ту колоссальную работу, которую ей пришлось провести”. В середине августа Ленин пишет письмо Арманд, которое оказалось последним:

“Дорогой друг! Грустно очень было узнать, что Вы переутомились и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). (Имелись в виду разногласия с Коллонтай — А.Л.). Не могу ли я помочь Вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески. Если едете во Францию, готов, конечно, тоже помочь: побаиваюсь и даже боюсь только, очень боюсь, что Вы там влетите... Арестуют и не выпустят долго... Надо бы поосторожнее. Не лучше ли в Норвегию (там по-английски многие знают) или в Голландию? Или в Германию в качестве француженки, русской (или канадской?) подданной? Лучше бы не во Францию, а то Вас там надолго засадят и даже едва ли обменяют на кого-либо. Лучше не во Францию.

Отдыхал я чудесно, загорел, ни строчки не видел, ни одного звонка. Охота раньше была хороша, теперь все разорили. Везде слышал Вашу фамилию: “Вот при них был порядок” и т.д. (Ильич охотился в местах, где ранее находилось имение семьи Арманд. Вокруг шли аресты и расстрелы крупных собственников и их семей — но Ленин отдал распоряжение, чтобы многочисленную семью “Армандов”, т.е. родственников мужа Инессы не трогали. Никто из этой семьи не пострадал даже в 30—40-е годы. — А.Л.).

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? к Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу, наверное, устроит. Он там **власть**. Подумайте об этом.

Крепко, крепко жму руку.

Ваш Ленин”. (Лен. сб. XXXVII, стр.233).

Инесса решила отдыхать на Кавказе с сыном, и Ленин проявляет много заботы об организации их отдыха. 18 августа 1920 г. он обращается к Серго Орджоникидзе (к “власти”!), напоминая ему о необходимости организации отдыха Инессы: “т.Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протеле-

графировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследить исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают. Ответьте мне, пожалуйста, письмом, а, если можно, то и телеграммой: “письмо получил, все сделаю, проверку поставлю правильно”. Очень прошу Вас, в виду опасного положения на Кубани, установить связь с Инессой Арманд, чтобы ее и ее сына эвакуировали в случае необходимости вовремя на Петровск и Астрахань или устроить (сын болен) в горах около Каспийского побережья и вообще принять все меры” (51; 262). Через два дня он в телеграмме вновь напоминает Орджоникидзе: “Еще просьба: не забыть обещание мне устроить на лечение выехавших 18 августа Инессу Арманд и ее больного сына, они, верно, уже в Ростове” (51; 265).

Еще накануне отъезда Арманд Ленин снабдил ее следующим документом, предназначенным для Управления курортами и санаториями Кавказа:

“17.VIII.1920 г.

Прошу всячески помочь наилучшему устройству и лечению подательницы, тов.Инессы Федоровны Арманд, с больным сыном.

Прошу оказать этим, лично мне известным партийным товарищам полное доверие и всяческое содействие.

Пред. СНК **В.Ульянов (Ленин)**” (51; 261).

После отъезда Арманд Ленин продолжал рассчитывать на ее деятельность в ЦК РКП(б). Клара Цеткин свидетельствует, что в ходе ее рассказа о коммунистической работе среди женщин Ленин заметил: “Жаль, очень жаль, что т.Инессы здесь нет. Она больна и уехала на Кавказ”.

Арманд благополучно прибыла в Кисловодск, но время было тревожное, и 2 сентября Ленин телеграфировал Орджоникидзе просьбу сообщить о борьбе с бандитизмом и об устройстве Арманд с сыном. Опасения Ленина оказались не напрасными, все чаще возникала стрельба вокруг санатория, и было принято решение начать эвакуацию отдыхающих. По дороге домой Инесса заразилась холерой и умерла в городе Нальчике. К вождю пришла телеграмма: “Вне всякой очереди. Москва. ЦЕКа РКП, Совнарком, Ленину. Заболевшую холерной товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим Москву Назаров”.

Именно там, на Кавказе, Инесса Федоровна начала писать дневник. Вот выписка из ее дневниковой записи от 1 сентября 1920 г., за три недели до смерти: “Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В.И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, которыми оно раньше было так богато. У меня больше нет, за исключением В.И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые. И люди чувствуют эту мертвенность во мне и они оплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили). А сейчас — иссякает и горячее отношение к делу. Я человек, сердце которого постепенно умирает...”

Над дневником Арманд поработали цензоры, некоторые страницы из него вырваны и не дошли до нас. Как и начальные страницы многих писем вождя к Инессе Федоровне.

3 сентября Арманд запишет: “Да, мы еще далеки от того времени, когда интересы личности, интересы общества будут вполне совпадать. Сейчас жизнь наша — сплошная жертва. Нет личной жизни потому, что все время и силы отдаются общему делу. Или, может быть, это я не умею, другие, может быть, и выкраивают себе все-таки хоть небольшой уголок счастья?”

И, наконец, приведем последнюю запись Инессы Федоровны от 11 сентября 1920 г., за две недели до скоропостижной смерти: “...поражает меня, как мы далеко ушли благодаря революции от прежних романтических представлений о значении любви в человеческой жизни. Для романтиков любовь занимает первое место в жизни человека, она выше всего. И еще недавно я была гораздо ближе к такому представлению, чем сейчас. Правда, для меня любовь никогда не была единственным. Наряду с любовью было общественное дело. И в моей жизни, и в прошлом было немало случаев, когда ради дела я жертвовала своим счастьем и своей любовью. Но все же раньше казалось, что по своему значению любовь имеет такое же место, как и общественное дело, сейчас это уже не так. Значение любви по сравнению с

общественной жизнью становится совсем маленьким, не выдерживая никакого сравнения с общественным делом. Правда, в моей жизни любовь занимает и сейчас большое место, заставляет меня тяжело страдать, занимает значительно мои мысли. Но все же я ни минуты не перестаю сознавать, что как бы мне ни было больно, любовь, личные привязанности — ничто по сравнению с нуждами борьбы. Вот почему воззрения романтиков, которые раньше казались вполне приемлемыми, теперь уже кажутся...”

На полуслове дневник обрывается.

Инесса Федоровна умерла 24 сентября 1920 г.; в условиях гражданской войны на месте не могли найти ни свинцового гроба, ни отдельного вагона. Пришлось вмешиваться лично вождю — и только 11 октября тело Арманд смогли доставить в Москву.

В книге воспоминаний “Зимний перевал” Елизавета Драбкина свидетельствовала:

”Вечером десятого октября патрульная группа, в которую входила я, вышла на дежурство. Ночь была по-осеннему сырой и темной. Мы сильно продрогли и с нетерпением ждали утра. Уже почти рассвело, когда, дойдя до Почтамта, мы увидели двигавшуюся нам навстречу похоронную процессию. Черные худые лошади, запряженные цугом, с трудом тащили черный катафалк, на котором стоял очень большой и поэтому особенно страшный длинный свинцовый ящик, отсвечивающий тусклым блеском.

Стоя у обочины, мы пропустили мимо себя этих еле переставляющих ноги костлявых лошадей, этот катафалк, покрытый облезшей черной краской, и увидели шедшего за ним Владимира Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку. (!) Было что-то невыразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове. Мы поняли, что в этом страшном свинцовом ящике находится гроб с телом Инессы.

Ее хоронили на следующий день на Красной площади. Среди венков, возложенных на ее могилу, был венок из живых белых гиацинтов с надписью на траурной ленте: “Тов. Инессе Арманд от В.И.Ленина”.

По словам Марселя Боди, Коллонтай также свидетельствовала, что Ленин на похоронах Инессы “был неузнаваем”,

шатался, “мы думали, что он упадет”. Романтичная по натуре Коллонтай считала: “Он не мог больше жить после смерти Арманд. Смерть Инессы ускорила развитие болезни, которая свела его в могилу”.

А вот свидетельство третьей очевидицы, известной деятельницы международного рабочего движения Анжелики Балабановой, которая, кстати, достаточно неприязненно относилась к Арманд, считая ее “догматичной большевичкой”: “Я искоса поглядывала на Ленина. Он казался впавшим в отчаяние, его кепка была надвинута на глаза. Всегда небольшого роста, он, казалось, сморщивался и становился еще меньше. Он выглядел жалким и павшим духом. Я никогда ранее не видела его таким. Это было больше, чем потеря “хорошего большевика” или хорошего друга. Было впечатление, что он потерял что-то очень дорогое и очень близкое ему и не делал попыток маскировать этого”. Она же писала в другом месте — у Ленина “глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах. Всякий раз, как движение толпы напирало на нашу группу, он не оказывал никакого сопротивления толчкам, как будто был благодарен за то, что мог вплотную приблизиться к гробу”.

Так три женщины-свидетельницы описали тяжелейшие переживания вождя у гроба своей возлюбленной.

Конечно, не выдерживает критики предположение Балабановой, что одна из дочерей Инессы Арманд была дочерью Ленина. Они родились задолго до знакомства Ленина с Арманд. Вождь очень тепло относился ко всем детям Арманд, о чем свидетельствуют его многочисленные письма, записки, свидетельства очевидцев.

Весной 1921 г. Ленин обращался к председателю Моссовета:

“24.IV. т.Каменев! Дети Инессы Арманд обращаются ко мне с просьбой, которую я усердно поддерживаю:

1) Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд?

2) То же — о небольшой плитке или камне?

Если можете, черкните мне, пожалуйста, через кого (через какие учреждения или заведения) это Вы сделали, чтобы дети могли туда дополнительно обратиться, проверить, дать надписи и т.п.

Если не можете, черкните тоже, пожалуйста: может быть, можно приватно заказать? или, может быть, мне следует написать куда-либо, и не знаете ли, куда?

Ваш Ленин” (52; 166).

А в мае 1921 года Ленин писал младшей сестре записку, мной впервые опубликованную:

“М.И.Ульяновой

Привези, пожалуйста,

1) Надину обувь

а) большие башмаки ее;

б) новые туфли легкие, черные,

2. Армандов.

Привет! Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.19074).

В условиях массового голода в стране Ленин нередко направлял близких ему людей в советские посольства за рубеж. Вот выдержки из его писем послу в Персии Ф.А. Ротштейну. 11 июля 1921 г.: “Рекомендую Вам подателя Александра Александровича Арманд, и его сестру Варвару Александровну. Я этих молодых людей знаю и сугубо о них забочусь. Чрезвычайно был бы Вам обязан, если бы Вы на них обратили внимание и помогли им всячески” (53;21). 7 декабря 1921 г.: “Прошу Вас позаботиться о Варе Арманд и, если нужно, отправить ее сюда не одну и снабдив теплым платьем” (54;67).

Крупская оставила теплые, если не восторженные воспоминания о своей “сопернице”. В 1926 году она являлась редактором сборника “Памяти Инессы Арманд”. Самозабвенно посвятив всю себя мужу, Надежда Константиновна после его смерти стремилась уберечь его личную жизнь от всяких кривотолков. Детей же Инессы Арманд Крупская в своей одинокой старости любила горячо и искренне.

Лишь лицемерным пуританством власть предержавших можно было объяснить тот факт, что о единственной любви в жизни Ленина — к Инессе Арманд — упоминать было строжайше запрещено. Ведь это яркое чувство не умалило неизменно добрых отношений вождя со своей женой, верной помощницей и спутницей жизни. Накануне полной потери речи Ленин продиктовал свое предпоследнее письмо, защищавшее достоинство жены от грубости Сталина: “Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, и

нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня” (54; 330).

Хотя есть и другое объяснение сокрытия правды — если ленинизм был религией, верой, то обожествленный вождь не должен был иметь такой человеческой слабости, как любовь вне брака. Хотя сам он в полемике с Арманд такую любовь признавал.

Хотел бы высказать одну версию — не трагическая ли смерть Арманд на далеком Кавказе явилась причиной, почему Ленин начал создавать для близких ему людей шикарные санатории и даже персональные дачи в Подмоскovie? Вот одна из его записок, хранящаяся в Архиве Президента РФ и впервые опубликованная Д.Волкогоновым:

“Т. Сталин!.. Кстати. Не пора ли основать 1-2 образцовых санатория не ближе 600 верст от Москвы. Потратить на это золото, тратим же и **будем долго** тратить на неизбежные поездки в Германию. Но образцовыми признать лишь те, где доказана возможность иметь врачей и администрацию пунктуально строгие, а не обычных советских растяп и разгильдяев. 19/V. Ленин”.

Ниже следует приписка: “В Зубалово, где устроили Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом устроят мне дачу к осени, надо добиться починки жел. ветки к осени и полной регулярности движения автодрезин. Тогда возможно быстрое и **конспиративное** сношение круглый год...” (АПРФ, ф.45, оп.1, д.694).

Записка эта датирована 1922 годом, а ровно за год до нее вождь, узнав о создании еще одного Дома отдыха Совнаркома, обращался к Молотову: “Я боюсь, что это вызовет нареkania. Прошу Оргбюро рассмотреть этот вопрос внимательно. Может быть, рациональнее было бы назвать этот дом отдыха просто по номеру “Дом отдыха номер девять...” Иначе боюсь нареkаний”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.18552).

Преемники Ленина в течение семи десятилетий строго придерживались указаний вождя — льготы и привилегии партийной и государственной номенклатуры хранились в строгой тайне.

Мало что изменилось в этом отношении и в настоящее время. Номенклатурные льготы продолжают оставаться государственным секретом.

ЭПИЛОГ

САГА О СУДЬБЕ САРКОФАГА

Статья с одноименным названием опубликована мной в “Российской газете”, 5 ноября 1993 г.

Думаю, что вновь и вновь в ближайшем будущем будет подниматься вопрос о судьбе Мавзолея В.И. Ленина и связанных с ним захоронений как у Кремлевской стены, так и в самой стене. Вопрос о Кремлевском погосте имеет несколько сторон. Во-первых, противоестественно, что на Красной площади размещено кладбище, что на превращенном в трибуну Мавзолее периодически происходит праздничное топтание, что рядом с захоронениями люди порою пляшут и весело поют. Во-вторых, при любых поворотах грядущих событий большевистская идеология будет религией меньшинства населения России, и ясно, что Мавзолеем Ленина, являющийся, безусловно, коммунистической, но никак не национальной святыней, не может являться в обозримом будущем центром главной площади страны. И, в-третьих, любое обсуждение возможности удаления захоронений с Красной площади вызовет бурное сопротивление не только наиболее фанатичных коммунистов.

А ведь перенос захоронений был запланирован еще более 40 лет тому назад. 6 марта 1953 г., сразу после смерти И.В. Сталина, было опубликовано совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, в котором говорилось: “В целях увековечения памяти великих вождей Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина, а также выдающихся деятелей Коммунистической партии и Со-

ветского государства, захороненных на Красной площади у Кремлевской стены, соорудить в Москве монументальное здание — Пантеон — памятник вечной славы великих людей Советской страны.

По окончании сооружения Пантеона перенести в него саркофаг с телом В.И. Ленина и саркофаг с телом И.В. Сталина, а также останки выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, захороненных у Кремлевской стены, и открыть доступ в Пантеон для широких масс трудящихся”.

Осенью 1995 года ежемесячник “Совершенно секретно” опубликовал документы, в которых в середине 50-х годов обсуждался перенос всех захоронений с Красной площади на Ленинские горы.

Так что перенос ленинского Мавзолея и других захоронений на Красной площади в другое место не следует обязательно рассматривать как гонения на коммунистов, к которым демократические силы должны относиться “по-европейски”. История знает немало случаев конфликтов государственных структур с коммунистическими партиями, разрешение которых можно условно разделить на два вида — “по-европейски” и “по-азиатски”. Яркий пример первого — запрет на деятельность Коммунистической партии Германии, вынесенный Федеральным конституционным судом 17 августа 1956 г. Партия была объявлена антиконституционной. Напомню, что правительство ФРГ вошло с ходатайством в Федеральный конституционный суд об объявлении КПГ партией, деятельность которой противоречит конституции страны, еще в ноябре 1952 года. Судебное разбирательство началось в ноябре 1954 года и продлилось почти два года. Нам, привыкшим к суду неправому, но зато скорому, подобные многомесечные разбирательства кажутся недопустимыми. Конкретные обвинения в адрес западногерманских коммунистов касались антиконституционных формулировок в их программных документах. В ходе слушаний руководство КПГ отказалось от ряда наиболее одиозных положений своей программы. Например, от курса на “свержение правительства Аденауэра”, зафиксированного в “Программе национального воссоединения”. Но в условиях, когда стратегию и тактику мирового коммунистического дви-

жения определял руководимый Москвой Коминформ, германские коммунисты не могли избавиться от всех формулировок, в которых содержался призыв к насилию, — иначе они бы реформировали свою партию в социал-демократическую. И заплатились за это переходом на фактически полулегальное положение.

Примером же “азиатского” вида запрещения компартий могут служить события в Индонезии, начало которым положила попытка коммунистов произвести вооруженный переворот в сентябре 1965 года. В Индонезии была запрещена “коммунистическая идеология”, смертная казнь угрожала за чтение трудов Карла Маркса и В.И. Ленина. Число жертв развернувшегося в стране террора исчислялось многими сотнями тысяч.

Могут возразить — но ведь в Западной Германии была же признана преступной идеология национал-социализма. Здесь необходимо, на мой взгляд, обратиться как к общим чертам, так и к отдельным особенностям коммунистической и нацистской идеологий.

И германские национал-социалисты, и итальянские фашисты — первые в более кровавой, вторые в более мягкой форме — придя к власти, обрушили репрессии на всех инакомыслящих. Причем необязательно в первую очередь на коммунистов — не в меньшей мере на социал-демократов, на левобуржуазные, католические партии и т.д. Так же, как и коммунисты, придя к власти, во всех без исключения случаях уничтожали в своей стране всех оппонентов, в том числе и бывших союзников. Это не мешало бы помнить тем, кто собирается заключать с российскими коммунистами предвыборные союзы. Тем не менее, неверно было бы думать, что братание коммунистов с русскими фашистами у стен Белого дома явилось чем-то противоестественным. История знает много примеров объединения этих сил тоталитаризма в борьбе против демократии. Еще в начале 30-х годов, до прихода Гитлера к власти, германские коммунисты и нацисты объединили в Пруссии свои усилия, чтобы уменьшить влияние социал-демократов в ландтаге.

Автор данной статьи впервые опубликовал секретный документ из Центрального архива КГБ СССР от 29 мая 1990 года. В обращении к ЦК КПСС председатель КГБ В. Крюч-

ков указывал на имеющиеся в архиве документы, содержащие сведения о передаче нацистам группы немецких антифашистов. (“Гестапо плюс НКВД”, “Российские вести”, 1993 г., № 2). На основе же германских архивов эта позорная акция достаточно широко освещена в книге австрийского историка Ханса Шафраника “Между НКВД и гестапо”, изданной во Франкфурт-на-Майне в 1990 году. Здесь Сталин оказался подлее Гитлера — ведь нет данных, чтобы, наоборот, гестапо передавало НКВД антикоммунистов.

И все-таки мне кажется, что подход к нацистской и коммунистической идеологиям должен быть различным. Идеология национал-социализма несет в себе расовое превосходство, разжигание национальной вражды, что антиконституционно для любого цивилизованного государства. В то же время коммунистическая идеология не сводится к ленинизму, к развернутому большевистской партией геноциду против собственного народа. Вполне конституционными могут быть организации или общины, исповедующие коммунистическое равенство и отказывающиеся от применения насилия. Таковыми сегодня являются коммунистические партии в большинстве цивилизованных стран. И, по-моему, отношение к коммунистам в нашей стране должно уподобляться отношению к влиятельному религиозному меньшинству в современном светском государстве. Близко к тому, как государственные структуры в Индии относятся к мусульманам. Где как бы ни обвиняли кашмирских сепаратистов — но никогда не пойдут, например, на изъятие из мечети волоса пророка Магомета. А ведь для верующих в коммунизм набальзамированное тело вождя является не меньшей святыней.

Вообще мне непонятно, почему столько забот проявляется о захоронении Ленина “по-христиански”. В этой дискуссии принимают участие даже церковные иерархи. На меня это производит такое же впечатление, как возникшая бы вдруг дискуссия о необходимости “по-христиански” захоронить библейского царя Ирода или гонителя христиан римского императора Диоклетиана. Ведь трудно найти в мировой истории государственного деятеля, который бы так ненавидел религию и так преследовал церковь, как Ленин.

Впрочем, в православной России тело не только Ленина подверглось бальзамированию. В Виннице находится усы-

пальница, в которой покоится набальзамированное тело великого русского хирурга и общественного деятеля Н.И. Пирогова. Недалеко от озера Иссык-Куль захоронено в саркофаге набальзамированное тело русского путешественника Н.М. Пржевальского. Аналогично в Прибалтике захоронен герой Отечественной войны 1812 года М.Б. Барклай-де-Толли. Вообще все заботы о захоронении Ленина “по-христиански” попахивают фарисейством.

Другое дело, необходимо вернуть главной площади страны тот вид, который она имела до октябрьского переворота — уже восстановлены Казанский собор, часовня Иверской Божьей матери, Воскресенские ворота, осталось переместить памятник Минину и Пожарскому. И я не сомневаюсь, что рано или поздно это будет сделано.

При строительстве Мавзолея Ленина, на счастье, не было снесено никаких старинных зданий (в то время как при расчистке места для сооружения усыпальницы Мао в Пекине сносу подверглось множество старинных строений).

Не считаю святотатством перенесение в Горки Ленинские целиком всего Мавзолея с саркофагом вождя и сопровождающей научно-исследовательской лабораторией биологических структур, занимающейся контролем и уходом за останками Ленина. И необходимо оставить в стороне все кривотолки о последней воле вождя по поводу собственного захоронения. В отсутствие каких-либо документальных свидетельств вполне можно предположить, что если у Ленина и возникала мысль о месте покоя его останков, то это должна была быть могила у Кремлевской стены, рядом с могилой Я.М. Свердлова, захороненного здесь еще в 1919 году.

Трудности перенесения здания Мавзолея не следует преувеличивать. Напомним, что еще в 1962 году богатый торговец недвижимостью перевез один из лондонских мостов к себе в Аризону, а в Японию были благополучно перемещены старинные английские замки.

Туда же, в Горки Ленинские, следует перенести и другие захоронения как у Кремлевской стены, с надгробными памятниками, так и в самой стене, для чего построить там кирпичное сооружение, имитирующее часть Кремлевской стены. Для потомков будет сохранен уникальный Некрополь —

памятник 75 годам существования Советской власти. Вспомним, что наряду с такими мерзкими фигурами, как Вышинский или Мехлис, здесь похоронены Сергей Королев, Юрий Гагарин, другие герои-космонавты, Максим Горький, выдающиеся советские полководцы.

На территории Горок Ленинских возведено современное сооружение — филиал бывшего Центрального музея Ленина. Именно в этом помпезном здании, прекрасно вписывающемся в ансамбль перенесенного с Красной площади Некрополя, можно было бы разместить музей Ленина и ленинизма. В Горки Ленинские постепенно перемещаются имеющие художественную ценность памятники вождю. Не вижу кошунства в том, что будет введена плата за посещение комплекса Горки Ленинские, который, не сомневаюсь, на ближайшие годы вошел бы в маршрут иностранных туристических групп, стал бы местом посещения официальных делегаций.

Конечно, в обозримом будущем тело Ленина не должно рассматриваться только как музейный экспонат, подобный мумии Тутанхамона ("все на продажу"). С другой стороны, ушли в безвозвратное прошлое фанатичные толпы у места захоронения вождя с лозунгами типа: "Могила Ленина — колыбель революции".

Любой россиянин, как и любой иностранец-турист, имеет сегодня возможность за определенную плату посетить усыпальницу московских князей и российских царей в Архангельском соборе Московского Кремля. В Санкт-Петербурге они могут (также, естественно, за плату) посетить усыпальницу всех российских императоров (кроме Петра II и Николая II) в Петропавловской крепости.

Что ж, для посещения третьей усыпальницы — вождей и знатных людей эпохи Советской власти — придется ехать на автобусе в Подмосковье. И люди поедут — в первые годы с разными, зачастую противоположными чувствами. А через десятилетия — возобладает лишь исторический интерес. Не следует опасаться, если отдельные урны по настоянию родственников будут перезахоронены на других кладбищах. Но Боже упаси — пытаться сегодня изъять из этого ансамбля какие-либо наиболее "одиозные" захоронения — например, Сталина или Дзержинского. Напомню, что в начале 30-х

годов были предложения “подчистить” склепы Петропавловского Собора — оставить Александра I (как победителя Наполеона), но выбросить тело Николая I (как палача декабристов). Оставить прах Александра II (все-таки освободитель — и российских крестьян, и балканских славян), и “изъять” прах Александра III (главное обвинение — казнь Александра Ульянова). У наших отцов и дедов хватило ума даже в тогдашних условиях не корезить этот памятник эпохи Империи. Должно хватить “серого вещества” и у нас.

Уверен, что перенос Мавзолея и остальных захоронений в Горки Ленинские быстро окупит себя даже в материальном плане. Подземный цех усыпальницы вождя — современная техническая лаборатория, напичканная автоматикой и электроникой, где новейшие агрегаты обеспечивают соответствующую температуру и влажность в траурном зале — это перспективный научный центр. А лаборатория биологических структур, поддерживающая в соответствующем состоянии тело Ленина (как, впрочем, за валюту и тело Хо Ши Мина во Вьетнаме), получает заказы на бальзамирование из-за рубежа. И за выполнение одного заказа прибыль исчисляется миллионами долларов.

Во время подготовки съемок фильма о Сталине я впервые побывал на его ближней даче в Кунцево, где в неприкосновенности сохранен весь интерьер. Даже диван, на котором вождь испустил свой последний вздох. Поговорили о возможности открытия здесь мемориального музея. Ведь существует же мемориальный музей Адольфа Гитлера в австрийском городе Браунау, где тот родился. Вспомнились указатели на кладбище Донского монастыря. Прямо — могила великого гуманиста Чаадаева, а направо — помещицы Салтычихи, “прославившейся” на всю Россию садистки и мучительницы крепостных крестьян. И та, и другая могила — наша история, которую необходимо знать и помнить.

И пусть поменьше в нашем раздираемом противоречиями обществе будет взаимных обвинений с пеной у рта в святотатстве и кощунстве. Давайте спокойно обсуждать проблему — как сохранить для потомков памятники всех периодов нашей истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ В “СВЯТАЯ СВЯТЫХ” ЛЕНИНИЗМА	3
Глава 1 ЛЕНИН: “ГВОЗДИ (ПРОТИВ КАВАЛЕРИИ)... ОСЫПАЯ ВОЙСКО КАМНЯМИ, ОБЛИВАЯ КИПЯТКОМ И Т. Д... ПОДЫСКАНИЕ... КВАРТИР... ДЛЯ СКЛАДОВ... КИСЛОТЫ ДЛЯ ОБЛИВАНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ И Т. Д., И Т. Д...”	10
Глава 2 ЛЕНИН: “ПЕРЕДАТЬ ТЕРУ, ЧТОБЫ ОН ВСЕ ПРИГОТОВИЛ ДЛЯ СОЖЖЕНИЯ БАКУ ПОЛНОСТЬЮ...”	20
Глава 3 ЛЕНИН: “ПОД ВИДОМ “ЗЕЛЕННЫХ” (МЫ ПОТОМ НА НИХ И СВАЛИМ) ПРОЙДЕМ НА 10-20 ВЕРСТ И ПЕРЕВЕШАЕМ КУЛАКОВ, ПОПОВ, ПОМЕЩИКОВ. ПРЕМИЯ — 100000 РУБ. ЗА ПОВЕШЕННОГО”	30
Глава 4 ЛЕНИН: “МОБИЛИЗОВАТЬ... ТЫСЯЧ 10 БУРЖУЕВ, ПОСТАВИТЬ ПОЗАДИ ИХ ПУЛЕМЕТЫ, РАССТРЕЛЯТЬ НЕСКОЛЬКО СОТ...”	39
Глава 5 ЛЕНИН: “ПОВЕСИТЬ (НЕПРЕМЕННО ПОВЕСИТЬ, ДАБЫ НАРОД ВИДЕЛ) НЕ МЕНЬШЕ 100 ЗАВЕДОМЫХ КУЛАКОВ, БОГАТЕЕВ... НАЙДИТЕ ЛЮДЕЙ ПОТВЕРЖЕ”	57
Глава 6 ЛЕНИН: “МЫ НЕ ОСТАНАВЛИВАЛИСЬ ПЕРЕД ТЕМ, ЧТОБЫ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ПЕРЕСТРЕЛЯТЬ...”	74
Глава 7 “НЕМЕЦКОЕ ЗОЛОТО” ДЛЯ ЛЕНИНА	90
Глава 8 ЛЕНИН НЕ ДАВАЛ САНКЦИИ НА РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ	115
Глава 9 ЛЕНИН: “... НАДО ПОСТАВИТЬ НА НОГИ ВСЕ ЧЕКА, ЧТОБЫ РАССТРЕЛИВАТЬ НЕ ЯВИВШИХСЯ НА РАБОТУ ИЗ-ЗА “НИКОЛЫ”	145

Глава 10 ЛЕНИН: “ЗАТРАВИТЬ, НО В ФОРМАХ АРХИВЕЖЛИВЫХ”	173
Глава 11 ЛЕНИН: “В ТУРКЕСТАНЕ НЕОБХОДИМО СОЗДАТЬ ХОТЯ МАЛЕНЬКУЮ, НО САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ БАЗУ”	186
Глава 12 ЛЕНИН: “ВЫСЛАТЬ ЗА ГРАНИЦУ БЕЗЖАЛОСТНО”	201
Глава 13 ДАЖЕ ВЧК БЫЛА ГУМАННЕЙ, ЧЕМ ЛЕНИН	227
Глава 14 ЛЕНИН: “ТО ЖЕ — БАБЫ? С КЕМ ЕЩЕ ПИЛИ И ГУЛЯЛИ?”	251
Глава 15 ЛЕНИН: “ВЫ МОЖЕТЕ НАЗНАЧИТЬ КОМАНДУЮЩИМ КОГО УГОДНО, ТОЛЬКО НЕ ВОРОШИЛОВА...”	274
Глава 16 ЛЕНИН: “О, МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОЦЕЛОВАТЬ ТЕБЯ ТЫСЯЧУ РАЗ...”	284
ЭПИЛОГ САГА О СУДЬБЕ САРКОФАГА	328

ЛЮДИ И ВЛАСТЬ

Автор книги — историк Анатолий Латышев, в качестве члена временной депутатской комиссии с сентября по ноябрь 1991 года работал с ленинским фондом в Центральном Партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. С того времени он опубликовал в газетах и журналах более 70 статей, в которых впервые обнародовал около ста ленинских работ (включая купюры из изданных ранее произведений).

Представляемый сборник очерков, основанных на архивных документах, проясняет отдельные черты облика вождя, приоткрывает завесу над различными сторонами его жизни и политической деятельности.

А. Латышев завершает работу над второй книгой, в которую войдут впервые обнародованные им документы по таким темам как «Ленин и Сталин», «Ленин и Горький», «Ленин и провокатор Малиновский», «Антисемитизм» и др.

Издательство МАРТ